

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 24 (163) ГРУДЕНЬ

2008

2008 грудень № 24 (163)

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441-3412ПР,
видане Міністерством юстиції України
14.08.2008 р.

Друкований орган
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 3 від 3 жовтня 2008 р.)

Виходить 2 рази на місяць

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор –
проф. Харченко С. Я.

Перший заступник головного
редактора –

проф. Синельникова Л. М.

Заступник головного редактора –

проф. Ужченко В. Д.

Відповідальний секретар –

проф. Галич О. А.

Члени редколегії:

проф. Гриценко П. Ю.,

проф. Зеленько А. С.,

проф. Тараненко О. О.,

доц. Унукович В. В.

Засновник – Луганський
національний університет
імені Тараса Шевченка

Збірник наукових праць,
ліцензований ВАК України
за напрямками: педагогіка,
історія, філологія, біологія
(Бюлетень ВАК України. – 1999. –
№ 4 (12))

Матеріали номера друкуються мовою
оригіналу

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief –

Prof. Kharchenko S. Y.

First Deputy –

Prof. Sinelnikova L. M.

Deputy –

Prof. Uzhchenko V. D.

Executive secretary –

Prof. Galich O. A.

Editor Board Members:

Prof. Gritsenko P. Y.,

Prof. Zelenko A. S.,

Prof. Taranenko O. O.,

Unukovich V. V.

Founder – Luhansk Taras Shevchenko
National University

The collection of studies on
Pedagogic, History, Philology,
Biology licensed by the Higher
Attestation Board of Ukraine (HAB)
(Bulletin HAB of Ukraine. – 1999. –
No. 4 (12))

The materials are published in the
original

Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»:
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: mail@luguniv.edu.ua

ЗМІСТ

1. <i>Алексеева Н. С.</i> «Доктор Живаго» Б. Пастернака: театральность и киноверсии.....	5
2. <i>Бабенко О. А.</i> Концепция театральности и «театр в театре» В. В. Набокова.....	12
3. <i>Баєва І. В.</i> Формування етикетної поведінки та ділового спілкування у вивчаючих іноземні мови.....	22
4. <i>Бахмач В. И.</i> Закаливание родной речи по А. А. Галичу.....	26
5. <i>Блинова І. А.</i> Дослідницький потенціал категорії «мовна особистість» при інтерпретації художнього прозаїчного дискурсу.....	33
6. <i>Блюмина О. В.</i> Параметры ономаσιологического класса одноструктурных единиц.....	45
7. <i>Власік Н. В.</i> Тональна специфіка монологічного дискурсу в гендерному аспекті.....	50
8. <i>Дьячок Н. В.</i> Понятие мотивационной базы для номинатем типа «словосочетание + универб».....	56
9. <i>Зайцева И. П.</i> «Мужская зона» Людмила Петрушевской как явление постмодернистского миноритарного театра.....	61
10. <i>Звёздова Г. В., Петров В. М.</i> Краеведение как феномен русской культуры. Изучение родного слова.....	69
11. <i>Землякова С. Н.</i> Коммуникативно-прагматические и лингвокультурологические составляющие словарей синонимов.....	82
12. <i>Зубенко Т. В.</i> Теорія та практика організації міжкультурної комунікації у вищому навчальному закладі.....	90
13. <i>Исакова А. А.</i> Межъязыковые контакты Тюменского края.....	96
14. <i>Ковалёв В. И.</i> Современный суржик: лингводидактические аспекты исследования.....	100
15. <i>Коломінова О. О.</i> Витоки створення теорії шкільного підручника іноземної мови для початкової школи.....	105
16. <i>Кравчук О. М.</i> Роль мовних стратегій у міжкультурній комунікації.....	115
17. <i>Ланская О. В.</i> Языковое воплощение пространства в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (дом князей Болконских в Лысых Горах).....	120
18. <i>Лоувская Л. В.</i> Испытание речевой компетенции как контекст генезиса малых фольклорных форм.....	127
19. <i>Мартемьянова А. М.</i> Особенности перевода агентивных Существительных.....	133
20. <i>Мухина М. М.</i> О различных интерпретативных подходах к современному публицистическому произведению.....	141
21. <i>Нестерук В. В.</i> Картины современной жизни в интерпретации «иронического реалиста» (Ю. Поляков).....	151
22. <i>Низкодуб Ю. В.</i> Современное сквернословие в зеркале мнений луганских студентов.....	157
23. <i>Павленко А. Е.</i> Построение двуязычной экономики как условие повышения статуса «малых» языков.....	163
24. <i>Панасенко Н. И., Дмитриев Я. Ф.</i> Культурологический подход к классификации американского песенного фольклора.....	168
25. <i>Панищев А. Л.</i> Слово и мышление в мире глобализации.....	183

26. Понікаровська С. В. <i>Развиток навыков межкультурной коммуникации на занятиях с иностранной логви как невід'ємний аспект підготовки сучасного спеціаліста</i>	187
27. Попкова Ю. В. <i>Чехов и Тэффи: общность творческих судеб</i>	191
28. Рудницька Н. М. <i>Синтаксичні ознаки хронологічно віддаленого художнього твору, релевантні для перекладу сучасною мовою</i>	196
29. Семенова О. В. <i>Лінгвометодичні аспекти вивчення літературного тексту</i>	201
30. Слизкова М. В. <i>Экстралингвистическая шкала звука (к построению лингвистической метрологии)</i>	207
31. Спичак Е. Э. <i>У истоков отечественной культурологии (личность и творчество М. А. Максимовича)</i>	213
32. Тарлева А. В. <i>Смыслообразующие компоненты семантики «Сибирских рассказов» В. Г. Короленко</i>	220
33. Теркулов В. И. <i>О сущности «инвариантного (общего) значения»</i>	228
34. Фирсова И. В. <i>Лингвистические способы оформления концепта «пространство» в русском и французском языках (на материале предлогов с пространственным значением)</i>	236
35. Чевычалова С. В. <i>Психолингвистические особенности переводческого процесса и деятельности переводчика</i>	241
36. Червонецкий В. В. <i>Система підвищення професійної кваліфікації шкільних учителів у галузі екологічної освіти в країнах Євроатлантичного регіону</i>	245
37. Черненко Г. А. <i>Сфери мовного конфлікту в Україні (за результатами експертного опитування)</i>	254
38. Черниенко Л. В. <i>Гендерные аспекты проблемы героя в современной русской литературе</i>	261
39. Чубенко К. В. <i>До питання про стан глосографії на сучасному етапі розвитку</i>	270
40. Шаповалова И. В. <i>Особенности языковой личности Максимилиана Волошина как переводчика (на материале переводов с французского произведений А. де Ренье)</i>	278
41. Шевченко К. Н. <i>Актуальные отношения между компонентами групп этимологических дублетов (для этимологических дублетов английского и русского языков)</i>	286
42. Шерстюк О. Г. <i>Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке</i>	291
43. Шлапак И. М. <i>К вопросу о переводимости поэтонимов Джеймса Джойса</i>	297
44. Щепкина Е. А. <i>Анализ языкового своеобразия персонажей художественных произведений (на материале трилогии Д. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»)</i>	303
45. Юган Н. Л. <i>Молдавская тема в творчестве В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана</i>	312
46. Янченко В. Д. <i>Возможности применения компьютерных технологий в обучении студентов-филологов</i>	320
47. Рачинская Т. В., Шевчук О. Д. <i>Рецептивная эстетика как метод интерпретации литературного произведения</i>	324
Відомості про авторів	335

Н. С. Алексеева

**«ДОКТОР ЖИВАГО» Б. ПАСТЕРНАКА:
ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И КИНОВЕРСИИ**

Мотив единства жизни и искусства является доминантой всего творчества Б. Пастернака, в том числе его «закатного» романа «Доктор Живаго». В пределах этой доминанты четко просматривается параллель «жизнь-театр». Именно этот художественный элемент произведения отметил Д. Лихачев в работе, посвященной «Доктору Живаго»: «Единое пространство мироздания в романе – это, в конечном счете, пространство сцены, сценические подмостки, на которых разыгрывается Драма Бытия» [3, с. 368]. Постоянное сравнение Пастернаком жизни с театральной постановкой может быть отнесено к авторской рефлексии, предполагающей взгляд на события «со стороны».

«Театральность» данного произведения, сравнение разворачивающихся в романе событий с театральным действием задается стихотворением «Гамлет». Учитывая тот факт, что прозаический и поэтический тексты романа являются своего рода метатекстами, объясняющими один другого [2, с. 7], «Гамлет» раскрывает театральную сущность «Доктора Живаго» целом, расставляя акценты и распределяя роли в Дrame Бытия. Семантика «я» в этом стихотворении принадлежит нескольким мирам-контекстам, она «колеблется» (С. Золян) в пределах нескольких значений: «я» – Христос, «я» – Гамлет, «я» – актер, «я» – Живаго, «я» – Пастернак. Связующим элементом здесь является параллель «герой-актер», символизирующая идею единства театральной и жизненной роли [1, с. 101]. В прозаической части романа образ главного героя «вбирает» в себя все остальные «я», в том числе и «я» актера, героя-жертвы, «гибнущей всерьез».

Мысль об обреченности актера, о его подлинном умирании заключена в известном стихотворении Пастернака «О. знал бы я...»: «Но старость – это Рим, который / Взамен турусов и колес / Не читки требует с актера / А полной гибели всерьез». С. Золян высказывает предположение, что идея слитности актерской игры и смерти возникла у Пастернака под влиянием двоюродной сестры, мифолога О. Фрайденберг. В своей работе «Поэтика сюжета и жанра» исследовательница пишет о том, что в древней культуре Рима существовала традиция разыгрывания пантомим, участниками которых были рабы или преступники. В конце представления герои реально гибли – актеры сгорали, распинались или разрывались зверями. Протагонистами таких постановок были умирающие и воскресающие боги. «...Недаром протагонистом театра является бог смерти и воскресения Дионис: жертва тождественна актеру; и играть, как учит

Рим, – это значит умереть и воскреснуть» [Цит. по: 1, с. 102]). Мысль о единстве смерти и воскресения, имеющая, как видим, театральные корни, воплощается в прозаической части пастернаковского романа. В тифозном бреде Юрию кажется, что он пишет то, что «всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а теперь оно выходит» [4, с. 283], – о днях, протекших между положением во гроб Христа и его воскресением. Чувства, испытанные Магдалиной в это время, Юрий проецирует на себя, а воскресение Христа представляется ему собственным выздоровлением-воскресением: «Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть. И, однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И – надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть» [4, с. 284]. Эта же мысль о единстве смерти-жизни, смерти-воскресения (пробуждения) реализуется в описании похорон Анны Ивановны. Перед выносом гроба Юрий почувствовал себя плохо и прилег в изнеможении на диван. Здесь, в присутствии смерти, жизнь дает о себе знать короткой фразой, пронесшейся в сознании Юрия – «надо проснуться» [4, с. 146].

Герой романа Пастернака, наблюдая за жизнью, ведет дневник, состоящий «из прозы, стихов и всякой всячины, внушенной сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает» [4, с. 203]. Позднее написанное оформляется в книгу под названием «Игра в людей». Как театральное действие воспринимается Юрием «скандальное и абсолютно не для детей» дело с отравлением матери Лары. Спальный закоулок в квартире Гишар видится Живаго как часть сцены со свисающим краем занавеса: «Ее <портьеры> пола была закинута за верхний край перегородки. Лампа стояла в алькове на скамье. Этот угол был резко озарен снизу, словно светом театральной рампы» [4, с. 113]. Участники этой сцены – Лара и Комаровский – представляются Юрию куклами: «он <был> кукольным, а она послушною движению его руки марионеткою» [4, с. 115].

Театральный мотив возникает также при описании анатомического театра, где Юрий изучает медицину. В присутствии светящихся «как фосфор» трупов идет жизнь: «одни зубрили, обложившись костями и перелистывая трепаные, истлевшие учебники, другие молча анатомировали по углам, третьи балагурили, отпускали шутки и гонялись за крысами...» [4, с. 119]. Живаго чувствует, что здесь он непосредственно соприкасается с тайной жизни и смерти. Здесь топоры театр-жизнь-смерть снова выступают в триединстве, подтверждая идею Живаго-Пастернака о том, что «искусство <...> неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь» [4, с. 149]. Искусство, по Пастернаку, естественно, как сама жизнь.

Театр жизни Живаго противопоставляет «театральщине» – позерству, неестественной игре. Смущенно улыбающийся государь, выступающий перед войсками, вызывает у Юрия чувство жалости к «притеснителю». По сравнению с иностранными правителями он

кажется воплощением чисто русской простоты, поскольку «в России немислима <...> театральщина» [4, с. 185]. Концепция единства театра и жизни, жизни и природы, формирует в роман связь «природа-театр». Вот, например, как описывает Пастернак туманное утро в российской провинции Развилье: «К этому времени туман совершенно рассеялся. Следы его оставались только в левой стороне неба, вдали на востоке. Но вот и они шевельнулись, двинулись и разошлись, как полы театрального занавеса» [4, с. 331].

Герои представляют себя не только зрителями театральных постановок, но и актерами, играющими роли в разных представлениях. Спектаклем, сценой представляется Живаго поле сражения партизан с белой армией. При всем отвращении к происходящему, Юрий не может не участвовать в бою, не сыграть роль в этом спектакле, поскольку таковы правила игры, и «было бы против правил оставаться к этому в безучастии» [4, с. 431]. Участниками кукольной комедии представляет Лара себя и Юрия, вломившихся в чужое жилище в Варыкино, где все «не всерьез, а нарочно, курам на смех» [4, с. 547]. Но основным действующим лицом (и одновременно декорацией) в Дrame Бытия является город – средоточие событий, предмет статей и стихов. Как справедливо отмечает исследователь творчества Пастернака О. Раевская-Хьюз (O. Raevsky-Hughes), Живаго видится современный город, в частности, Москва, как источник вдохновения [7, с. 63–64]. В эпилоге романа Москва предстает читателям не только как место жизни Живаго, но и, по выражению автора романа, как главная героиня длинной повести [4, с. 644]. Улицу Юрий сравнивает с увертюрой, «с полным темноты и тайны, еще спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом», а город видится герою как «необозримо огромное вступление к жизни» [4, с. 611]. Так в «Докторе Живаго» к мотивному единству «театр – жизнь (природа, город и пр.)» присоединяется мотив музыки, неотъемлемой части театра, имеющей, как известно, огромное значение в жизни Пастернака. По признанию писателя, его кругозор с детства был залит музыкой, которую он не мог слышать без слез [5, с. 7]. Описывая репетицию музыкального концерта в консерватории, Пастернак сравнивает концертный зал с цирком во время утренней уборки, а музыку – с рвущимся на арену актером-зверем. Музыка является для писателя вместилищем жизни, а жизнь – гармоничным сочетанием разных произведений искусств. Эта «жизнь в музыке» описана в «Охранной грамоте»: «Это было первое поселение человека в мирах, открытых Вагнером для вымыслов и мастодонтов. На участке возводилось вымышленное лирическое жилище... Над плетнем симфонии загоралось солнце Ван Гога. Ее подоконники покрывались пыльным архивом Шопена. Жильцы в эту пыль своего носа не совали, но всем своим укладом осуществляли лучшие советы предшественников» [5, с. 7].

В «Докторе Живаго» ряд эпизодов представляется своего рода репетицией дальнейших событий. Так, во время событий на Пресне Ларе кажется, что мальчики играют «в самую страшную и взрослую из игр, в войну» [4, с. 103]. Позднее игра становится явью, – мальчики выросли, а стрельба «во сто раз страшней», потому что она настоящая.

Встретившимся после войны друзьям Живаго прошедшее видится как своеобразная репетиция, игра, которая в жизни превратила все переносное в буквальное, и сама жизнь распределила роли, все расставив по местам. В игре «страхи были не страшны, <...> и дети были не дети, а сыны, детища, интеллигенция» [4, с. 644]. В Дrame Бытия все реально – «и дети – дети, и страхи страшны» [4, с. 644]. В конце романа «гибнет всерьез» его главный герой. Окончательный переход от театрального действия к реальности, совмещение планов игры-жизни и смерти, как в ранних римских пантомимах, актуализируется в стихотворении «Гефсиманский сад»:

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно все писанное сбыться,
Пусть же сбудется оно. Аминь.

В этой работе мы показали, как мотив театральности, метафора «жизнь-театр» воплощаются в романе «Доктор Живаго». Теперь посмотрим, в какой мере этот мотив получил развитие в киноверсиях этого произведения. Их всего три – американских кинорежиссеров Д. Линна (1965) и Э. Дэвиса (2002), и российского режиссера А. Прошкина (2004). Обратимся к первой экранизации «Доктора Живаго» (в главных ролях О. Шариф и Дж. Кристи). Уже в начале просмотра обращает на себя внимание тот факт, что речь персонажей напоминает речь актеров на подмостках – громкая, отчетливая, подчеркнута-эмоциональная. Но это, скорее всего, бессознательная дань традициям времени: для многих фильмов 50–60-х годов такая речь была характерна. А вот следующая деталь является безусловной находкой режиссера – имена постановщиков и исполнителей появляются на экране на фоне нарисованной березовой рощи, выполненной в импрессионистской манере и явно напоминающей театральный занавес или задник спектакля. Театрально-схематичными представляются эпические сцены, такие, как картины военных событий и послевоенного разорения, жизни советской Москвы. В экранизации Д. Линна особое внимание уделено музыкальному сопровождению. Непосредственно перед началом фильма играет увертюра (при этом на экране на фоне зарисованного занавеса возникает надпись «overture»), представляющая собой музыкальную композицию, составленную из военных и революционных песен, маршей, вальсов и других мелодий. Это настоящая «жизнь в музыке» – чередование мелодий и музыкальные переходы символически проспектируют последующее развитие экранного сюжета. В перерыве между первой и второй сериями снова

звучит музыка (на экране появляется слово «entr'acte»), состоящая в основном из вальсов и настраивающая зрителя на лирический лад, поскольку именно во второй серии разворачивается роман Юрия и Лары. Нашли в фильме отражение и пастернаковские слезы. Они появляются на глазах Живаго в критические моменты его жизни, связанные с эмоциональным напряжением, – при виде жестокого разгона демонстрации, прощании с Ларой.

Хотелось бы также остановиться на некоторых художественных особенностях фильма и сравнить экранизацию с самим романом. В фильме прослеживается достаточно четкая характеристика персонажей, в то время как в книге персонажи «размыты» (effaced – E. Clowes). Так, о внешности Юрия известно, что у него курносый нос, о Ларе сказано, что она светловолосая и сероглазая. Комаровский характеризуется как сытое животное. Герои раскрываются читателю через описание их движений, мыслей и впечатления, производимого на окружающих. «Размыт» в романе и сюжет, который многие критики считали и считают слабым аспектом произведения. В фильме же сюжет выстроен традиционно последовательно, что весьма удобно для зрителя, хотя это и упрощает художественный замысел Пастернака. Заслугой Д. Линна является то, что ему удалось воплотить такие моменты, присущие художественному миру «Доктора Живаго», как идею борьбы Юрия за свободу личности от идеологического давления, мотив предопределенности и жертвы, эпичность изображаемого в сочетании с глубоким лиризмом. В экранизации воссозданы пастернаковские лейтмотивные образы – замерзшее стекло и горящая свеча. Есть в фильме художественные детали, отсутствующие в книге, но удачно введенные режиссером для усиления антиутопической направленности произведения. Первые кадры изображают следующее: строительство электростанции, вечер, люди в серых одеждах возвращаются с работы, уже темно, а над людским потоком где-то в вышине горит неестественно-красная пятиконечная звезда. От моста, где движутся люди, вниз отходят лестницы, по которым спускаются серые фигурки, как будто в преисподнюю. Собственно, это не люди, а серо-черные тени, и возникает явная ассоциация с тысячами, погибшими в лагерях и на «стройках коммунизма». Следующая антиутопическая деталь – памятник строителю коммунизма, выполненный в духе советского фундаментализма, возле которого падает и умирает от сердечного приступа Юрий Живаго. В целом, некоторая схематичность фильма, что в принципе можно рассматривать как его слабую сторону, имеет свой позитивный момент, придавая киноверсии Д. Линна символическую направленность, характерную для романа Пастернака.

В более поздней экранизации Э. Дэвиса (в главных ролях известные современные актеры Х. Мэтисон и К. Найтли) театральная окраска, к сожалению, практически отсутствует. Однако вряд ли можно сказать, что он значительно уступает предыдущему. Как и в предыдущей

версии, персонажи достаточно четко очерчены (palpable – E. Clowes), сохранена наличествующая в книге символика горящей свечи. При этом отсутствует схематичность, свойственная экранизации Д. Линна, и в целом фильм более натуралистичен, чем его предшественник. Это объяснимо – картину можно было снимать на территории России, и съемочной группе не пришлось возводить картонную Москву или снимать эпизоды в Испании и Финляндии, как это было при съемках первой киноверсии. Удачной находкой Э. Дэвиса является введение в фильм исторических документальных кадров. Так, например, за сценой самоубийства Стрельникова следует документальный эпизод низвержения купола при разрушении храма Христа Спасителя, символизирующий торжество революционной диктатуры и бездуховности. Символом наступления реакции является также infernalная семантика – черные кони с тяжелыми копытами, запряженные в экипаж, на котором Комаровский приезжает за Ларой в Варыкино (замедленная съемка). Подобный голливудский штамп является распространенным, он встречается, например, в фильме «Гладиатор», где римляне на infernalных конях разоряют имение Максимуса и убивают его семью. Однако в «Докторе Живаго» этот штамп становится знаковым для осмысления фильма.

Российская экранизация (режиссер А. Прошкин) состоит из десяти серий. Здесь пастернаковские диалоги практически полностью заменены вымышленными, что, на наш взгляд, привело к потере высокой духовности, присущей самому произведению, и к его вульгаризации. Для «экранной» Лары (Ч. Хаматова) характерна истероидность, абсолютно отсутствующая у Лары «книжной». Гражданская жена Юрия Марина представлена как женщина примитивного склада, не понимающая своего мужа и пренебрежительно к нему относящаяся, что также противоречит образу Марины, которая, согласно роману, была простой, но чуткой, любящей и преданной Живаго женщиной. Образ Юрия Живаго, созданный О. Меньшиковым, близок к произведению, однако в конце жизни Юрий предстает перед зрителем деградировавшим, практически низведенным до животного уровня. В книге же, хотя и упоминается, что Живаго опустил, он, тем не менее, остается культурным и сдержанным человеком.

В целом относясь негативно к этой экранизации, отметим несколько удачных моментов, связанных с символическими художественными деталями. Юрий умирает от сердечного приступа в трамвае, что полностью соответствует негативной коннотации образа локомотива, разновидностью которого здесь является трамвай. Глубоко символичен конец фильма, – зритель видит две трамвайные линии, ведущие в депо. Едущий по одной из них трамвай заезжает в здание, и серо-черные двери закрываются, подобно створкам крематория, за которыми исчезает гроб. И, наконец, выигрышным в фильме представляется чтение за кадром стихотворений Юрия Живаго,

отсутствующее в американских экранизациях. Театральность же, о которой шла речь в первой части статьи, в российской киноверсии отражения не нашла.

Таким образом, наше исследование свидетельствует о том, что мотив театральности действительно является художественной доминантой «Доктора Живаго», «цементируя» знаковую для романа связь топосов «искусство–жизнь–смерть». К сожалению, театральная окраска произведения реализовалась только в одной из трех рассматриваемых киноверсий. Однако думается, что ее наличие в «Докторе Живаго» в определенной степени способствовало творческому переходу от текста к его экранизациям и воссозданию художественного мира романа на экране.

Литература

1. **Золян С.** «Вот я весь...» К анализу «Гамлета» Пастернака / С. Золян // Даугава. – 1988. – №11. – С. 363–375. 2. **Ким Юн Ран.** «Доктор Живаго» Б. Пастернака как «текст в тексте» / Ю. Р. Ким // Филол. науки. – 2000. – №2. – С. 3–12. 3. **Лихачев Д. С.** Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» / Д. С. Лихачев // Взгляд: критика, проблематика, публикации. – М. : Сов. писатель, 1988. – С. 636–375. 4. **Пастернак Б.** Доктор Живаго / Б. Пастернак. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 704 с. 5. **Пастернак Б.** Охранная грамота / Б. Пастернак // Охранная грамота. Шопен. – М. : Современник, 1989. – С. 3–90. 6. **Clowes E.** *Doctor Zhivago in the Post-Soviet Era: A Re-Introduction* / E. Clowes // *Doctor Zhivago. A Critical Companion*. – Evanston, Ill. : NUP, 1995. – P. 3–46. 7. **Raevsky-Hughes O.** *The Poetics World of Boris Pasternak* / O. Raevsky-Hughes. – Princeton : PUP, 1974. – 183 p.

Статья посвящена изучению театральных мотивов в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», а также анализу трех киноверсий этого произведения. Показано, что театральность является его художественной доминантой, формируя мотивное единство «искусство–жизнь–смерть». Отмечается, что театральная семантика романа нашла выражение только в одной экранизации, осуществленной американским режиссером Д. Линном (1965).

Ключевые слова: театральность, экранизация, художественная доминанта, искусство, рефлексия, игра.

Статтю присвячено вивченню театральных мотивів у романі Б. Пастернака «Доктор Живаго», а також аналізу трьох кіноверсій цього твору. Доведено, що театральність є тут художньою домінантою, яка формує мотивну єдність «мистецтво–життя–смерть». Відзначається, що театральна семантика роману відбилася тільки в екранізації, яку здійснив американський режисер Д. Лінн (1965).

Ключові слова: театральність, екранізація, художня домінанта, мистецтво, рефлексія, гра.

The paper is devoted to analyzing the theatrical motifs in the novel *Doctor Zhivago* by B. Pasternak and its three screen adaptations as well. The article proves that theatricality is the artistic dominant of the novel, which shapes the motif unity «art–life–death». It is also argued that theatrical semantics is marked only in the American producer D. Lynn's picture (1965).

Keywords: theatricality, screen adaptation, artistic dominant, art, reflection, play element.

О. А. Бабенко

КОНЦЕПЦИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И «ТЕАТР В ТЕАТРЕ» В. В. НАБОКОВА

У В. В. Набокова было особенное понятие о живой природе, которой, по мнению писателя, присущи искусственность, артистичность и художественность. Яркое проявление этой художественности Набоков видел в загадке мимикрии, всегда его пленявшей и очаровывавшей. В «Память, говори» проблеме мимикрии как театрализации жизни посвящено литературное мини-исследование. Детальными, подмеченными в «живой жизни», Набоков разбивает один из главных дарвиновских постулатов: «К „борьбе за существование” апеллировать невозможно, когда защитная уловка доводится до такой точки миметической изощренности, изобильности и роскоши, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг врага» [1, с. 421]. Артистичность живой природы Набоков рассматривал на примере бабочки: ей «случается походить на лист, она не только превосходно передает детали его строения, но еще добавляет, расщедрясь, воспроизведение дырочек, проеденных жучьими личинками» [1, с. 420].

Наша статья посвящена проблеме концепции театральности и «театра в театре» В. В. Набокова. Являясь одним из важнейших звеньев эстетико-философских оснований творчества Набокова, концепция театральности до сих пор остается неизученной в полной мере. В монографиях и статьях, посвященных прозаическим произведениям автора, присутствуют упоминания о набоковском «театре в театре», но в целостное исследование эти наблюдения не перерастают. Так, о концепции театральности в романном творчестве Набокова говорили В. Е. Александров [2], Д. Бабич [3], С. Я. Сендерович и Е. М. Шварц [4], Л. Токер [5] и др. На материале драматургии Набокова проблема театрализации действительности ранее детально не рассматривалась.

Целью данной работы является описание теоретических положений концепции театральности Набокова и изучение реализации этой концепции и ее значения в драматургических произведениях автора.

Особенное отношение Набокова к действительности стало предметом изучения В. Е. Александрова, который утверждает, что набоковская концепция «естественного» и «искусственного» предполагает восприятие природы, действительности как творения «высшего сознания», что уже делает ее продуктом творца, произведением искусства [2]. Причем творения эти доведены до такого совершенства, что опровергают принципы простой необходимости выживания в окружающей среде. Александров точно подметил, что Набоков по-своему «переосмысливает понятия „естественного” и

„искусственного”, делая их по существу синонимами» [2, с. 26]. Поэтому понятие искусственности у Набокова отличается от общепринятого, так как в самой природе он видел искусство. Набоков говорил: «Я нашел в природе те „бесполезные” упоения, которых искал в искусстве. И та, и другое суть формы магии, и та, и другое – игры, полные замысловатого волхвования и лукавства» [1, с. 421].

Видение театральности в живой природе Набоков, по мнению Александрова, мог позаимствовать у Н. Н. Евреинова [2, с. 274], который подмечал в природе элементы театральности, также наблюдая за бабочками, притворяющимися пятном на дереве, и проводил аналогию между Богом и человеком, способным стать творцом именно в театре (Набоков расширил эту способность до художественного творчества). Н. Н. Евреинов отвергал реалистический театр, утверждая предельную искусственность на сцене, что было близко и Набокову. Есть сведения, что в 1925 г. в Берлине Набоков исполнял роль Евреинова в суде над его пьесой «Самое главное» и отстаивал идею своего героя о том, что счастья можно достичь, лишь превратив жизнь в театр [6, с. 22].

Наблюдения Александрова о набоковской концепции театральности, искусственности жизни нуждаются в дополнении. Исследователь утверждает, что в художественных произведениях Набокова акт театрализации жизни (по Евреинову) никакого отклика не нашел, однако пьесы «Человек из СССР», «Событие» и «Изобретение Вальса» с использованными в них приемами «театра в театре» и кукольными персонажами – пример реализации концепции театрализации жизни в драме. Проблеме театрализации действительности в романном творчестве Набокова посвящена работа Д. Бабича [3]. Мы склонны согласиться с мнением исследователя, который считает, что театральность присуща всему творчеству Набокова, и высказывается о «Приглашении на казнь» и других произведениях Набокова так: «Мы здесь имеем дело с перенесенным на страницы книги „театром в театре”, или „метатеатром”, сущность которого состоит в том, что часть актеров на сцене играет роль зрителей другого, „внутреннего” спектакля» [3, с. 143].

Термин «метатеатр» был введен Л. Абелем в 1963 г. в значении «театр, проблематика которого обращена к самому театру и который, следовательно, „говорит” сам о себе, „представляет самого себя”» [7, с. 176]. В словаре П. Пави отмечается, что «нет необходимости в том, чтобы театральные элементы <...> образовывали внутреннюю пьесу, входящую в состав первой. Достаточно того, чтобы описываемая реальность представляла заранее театрализованной» [Там же]. Форма метатеатра или «театра в театре», как она ранее называлась, появилась в XVI в. и связана с барочным мировосприятием, в котором, по Шекспиру, «мир – сцена, а все мужчины и женщины – всего лишь актеры», а жизнь, по Кальдерону, «есть сон». Театрализация противоположна натурализму, который стремится стереть следы условности. Театрализация, наоборот,

обнажает условности и приемы, которые в метатеатре удваиваются за счет «внутренней» пьесы, и, «благодаря этой удвоенной театральности, внешний уровень приобретает положение усиленной реальности: иллюзия иллюзии становится реальностью» [7, с. 349].

Набоков со своей концепцией театрализации жизни и намеренным обнажением приемов и условностей театра вступает в противоречие с самим собой. Известны высказывания Набокова о том, что он считал неприемлемыми для театрального искусства смешение актеров со зрителями и нарушение закона «четвертой стены» [8, с. 495]. Но вместе с тем автор сам постоянно разоблачает свое творение, как фокусник после удавшихся трюков. И здесь уместно говорить об извечной борьбе двух концепций театральности: «Зритель должен забыть, что он в театре, – зритель должен постоянно чувствовать, что он в театре» [9, с. 605]. На что же ориентируется сам Набоков? Исходя из высказываний писателя в лекциях о театре и содержания его пьес, можно говорить о том, что Набоков преследует трудную художественную цель: погрузить зрителя в неповторимый мир искусства, вымысла, заставить его разгадывать задачи психологических, символических, аллюзивных и игровых планов, а также, насмехаясь над всей серьезностью развития действия, показать своему зрителю, с помощью каких мастерских приемов построена пьеса.

В. Ф. Ходасевич одним из первых заметил в текстах Набокова стремление к обнажению своих приемов и говорил о том, что писатель, как фокусник, «порадив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес» [10, с. 222]. Приемы Набокова, по мнению Ходасевича, «снуг между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, малюют, на глазах у зрителя ставя и разбирая те декорации, в которых разыгрывается пьеса» [10, с. 222]. Тем же самым стремлением к разоблачению Набоков наделял и своих персонажей, которые будто бы осознают свою искусственность и в то же время претендуют на авторство в романе или пьесе, пытаясь режиссировать и подсказывать план действий другим персонажам. Они могут указывать самому себе или другому персонажу на некачественность сыгранного эпизода, поправлять реплики, распределять роли, комментировать ход пьесы.

С. Я. Сендерович и Е. М. Шварц говорят о театральности художественного мира Набокова, в котором «происходят такие странные события, как превращение одного персонажа в другой, принуждение к исполнению роли, цирковые акты, распадение декораций и вмешательство автора и т. п.» [4, с. 30]. При всем том, по Сендеровичу и Шварцу, в набоковском художественном мире нет деформации, потому что реальность, в которой все эти события считаются нормой, называется театром. Исследователи имеют в виду не реалистический театр, а мистерию, цирк, комедию дель арте, театр марионеток, петрушечный театр и ярмарочный балаган, соединяющиеся в «единую культуру театральности без берегов» [4, с. 31].

Существует мнение, что, благодаря введению в пьесу «внутренней» пьесы или ее элементов, усиливается ощущение реалистичности основного действия, что в нашей работе отмечалось выше. Но еще до П. Пави по этой проблеме высказывался Ю. М. Лотман, исследуя построение модели «текст в тексте»: «Двойная закодированность определенных участков текста, отождествляемая с художественной условностью, приводит к тому, что основное пространство текста воспринимается как „реальное”» [9, с. 432].

Вряд ли Набоков стремился добавить «реалистический привкус» в свои творения. Тем не менее, такой подход оправдывается, но с чисто набоковскими оговорками. Создавая в своих произведениях двоимирие или многамирие, Набоков строил слои реальности по вертикали, где на самом высоком уровне находится автор и отгадывающий, познающий читатель, а на втором, низшем, – персонаж в роли автора, оценивающий, режиссирующий «работу» других героев. На самом низком уровне герои не могут оценивать свои действия как исполнителей пьесы, потому что она оказывается для них реальностью. При таком построении текста подчеркивается мотив игры, пародийный, театрализованный смысл произведения.

В ранних пьесах Набокова метатеатральные приемы отсутствуют. Исключение составляет разве что содержательный элемент в пьесе «Дедушка», где в рассказе Прохожего эшафот уподобляется сцене, а само повествование о несостоявшейся казни – отдельной пьесе. Впоследствии прерванная сцена этой «побочной» пьесы доигрывается с деформациями (обмен ролей между палачом и жертвой) в пьесе «настоящей».

В «Трагедии господина Морна» нет развитой «пьесы в пьесе». Метатеатр реализуется лишь в элементах изображаемой на сцене жизни. Так, Ганус, каторжанин-беглец, перед приемом у своей жены Мидии гримируется под шекспировского Отелло, чтобы не быть узанному и схваченному. А загримироваться ему предлагает дочь бунтаря Тременса Элла: «Я, видите ли, в школе театральной / учусь: тут краски у меня, помады / семи цветов... Лицо вам так размажу, / что сам Господь в день Страшного Суда / вас не узнает!» [11, с. 148]. Элла выдает Гануса за знакомого актера, который не стер грим. Она же находит для Гануса еще один атрибут театрализации жизни на сцене – парик [11, с. 150].

Отец Эллы Тременс, угрюмый вещатель смерти, пророчески предрекает одну из кульминационных сцен пьесы (покушение Гануса на сбежавшего от дуэльного долга соперника Морна): «Приснилось мне, что душит короля / громадный негр...» [11, с. 149]. Позднее Тременс называет короля актером. А Ганус именуется Эллу, загримировавшую его, Дездемоной. Вообще, шекспировский «Отелло» и трагично, и комедийно, обыгрывается в пьесе не раз. Мидия после разоблачения своих отношений с Морном и драки мужа и любовника на кулаках кричит Ганусу: «На, бери подушку эту, / души меня!..» [11, с. 185].

Создается впечатление, что герои осведомлены о том, что они персонажи, но, не удовлетворяясь развитием действия собственной пьесы, созданной Набоковым, постоянно перескакивают на классика, в данном случае – Шекспира.

Что побудило Набокова включить в пьесу элементы «театра в театре»? С одной стороны, это стремление к ироничности, как в сцене ухода Мидии. Набоков, вместе со своим героем иронизируя по поводу мелодраматических традиций, вкладывает в уста сдержанного Морна слова: «По правилам разрывов – / через плечо еще должна ты кинуть: / „Я проклинаю день...”» [11, с. 238]. С другой стороны, Набоков показывает искусственность созданной королем-Морном действительности и в ней – государства и его жителей. Шекспировские мотивы («Отелло», «Король Лир») усиливают призрачность государства. Набоковское определение «Короля Лира», «Гамлета» и других пьес как трагедий-сновидений можно отнести и к его собственной «Трагедии господина Морна».

По поводу «Человека из СССР» Б. Бойд сказал, что «пьеса внутри пьесы» заменена на киносъемки [12, с. 312]. Действительно, набоковская концепция театральности и равнодушное отношение автора к кино нашли отражение в этой драме. Впервые «пьеса в пьесе» заявляет о себе в кабачке-подвале Ошивенского. Кабачок напоминает ни что иное как сценические декорации. Прочувствовав искусственную природу ресторанчика, Кузнецов говорит хозяину заведения: «Вся эта бутафория ни к чему» [11, с. 318]. При встрече с Таубендорфом Кузнецов предполагает, что сам недотягивает до роли красного, загримированного под белогвардейца: «Ты бы, вероятно, хотел меня видеть с опереточной саблей, с золотыми бранденбургскими?» [11, с. 319]. Сам Кузнецов играет две роли: притворного «триэсэра» и «настоящего» белого. Политическая игра переносится и на личную жизнь героя, который намеренно грубо исполняет роль любовника актрисы Марианны с целью не подвергать опасности, ввиду рода его занятий, настоящую любовь – жену Ольгу. Перед собственной женой Кузнецов разыгрывает роль разлюбившего мужа, холодного и равнодушного. Эту роль Кузнецов исполняет с большим актерским мастерством, нежели роль заезжего сердцеда. Такое неравновесие объясняется его чрезвычайно трепетными чувствами по отношению к Ольге Павловне и боязнью за ее участь. По мнению А. Бабикова, «начиная с „Трагедии господина Морна” <...> театр в театре становится у Набокова одним из способов создания эффекта театральной двойственности» [13, с. 35–36]. И этот эффект в полной мере используется автором в «Человеке из СССР», где каждый персонаж исполняет по две и более ролей.

Таубендорф – один из таких героев: «По вечерам я здесь лакей, – а днем я статист на съемках» [11, с. 320]. В личном плане без двойственности тоже не обошлось. Он друг Кузнецова а, с другой стороны, безнадежно влюблен в его жену. По ходу пьесы Таубендорф,

как и персонажи других пьес Набокова, возится с гримом: то не смыл, но нужно снова накладывать. На съемках Таубендорф встречается с Кузнецовым и говорит: «Я заодно загримируюсь», – что может быть понято двояко. Таубендорф загримируется, чтобы ехать с Кузнецовым в Россию, и вместе с тем, чтобы сниматься статистом в фильме о коммунистах [11, с. 343]. Потом он появляется «с приклеенной бородой, в русской рубахе и картузе» [Там же].

Героиня Марианна Сергеевна Таль воплотила в себе пошлость притворства, человеческой подделки, примитивной актерской игры. С точки зрения реализации «театра в театре», она являет собой наиболее прописанный образ, не лишенный пародии, авторского смеха. Марианна исполняет сразу несколько ролей. Первая ее роль – преуспевающая талантливая кинодива. На самом деле, по пьесе, Марианна – дешевая бездарная актрисочка легкого поведения. Вторая ее роль появляется в фильме «из русской революции», в котором она снимается: «Моя роль – самая ответственная во всем фильме. Роль коммунистки. Адски трудная роль» [11, с. 324]. Третья – роль роковой любовницы Кузнецова. Но игра ее настолько плоха, что актриса с головой выдает себя и читателю, и другим героям пьесы.

На отвратительную игру Марианны, которая преподносит себя сердцеедкой («Когда мне надоедает любовник, я бросаю его, как увядший цветок»), и спрашивает, почему Кузнецов молчит, он остроумно реагирует: «Забыл реплику» [11, с. 332]. В этой фразе соединены ирония и по поводу игры Марианны и смех Кузнецова над самим собой, выступающим в роли ее любовника. Роли Марианны смешиваются несколько раз. Так, например, играя одновременно талантливую актрису с большим будущим и роковую влюбленную красавицу, Марианна говорит Кузнецову: «Я брошу сцену. Я забуду свой талант. Я уеду с тобой» [11, с. 345]. Потом, когда Кузнецов порывает с ней и отказывается от «лестного предложения», актрисочка, осознавая свой проигрыш, саморазоблачается: «С моей стороны это все было комедией. Я только играла роль». Но тут же, в силу привычки, бросает мелодраматический штамп: «Но я буду рвать твои письма!» [11, с. 345]. Разоблачение «таланта» актрисы происходит сразу же после первого просмотра фильма, который снимался с участием Марианны по ходу пьесы: «Я увидела себя на экране. Это было чудовищно» [Там же].

В пьесе для достижения эффекта правдоподобия съемочной площадки появляется схематичный персонаж – помощник режиссера. Он же используется для представления авторского смеха. Набоковская ирония по поводу революции в России (несмотря на отрицание Набоковым политизированности своих произведений) сочетается в образе помощника режиссера с авторской ненавистью к «народному театру», против которого он выступал в лекции «Ремесло драматурга» [8, с. 495–496]: «Господа, вы в России! На площади! Идет восстание! Группа первая машет флагами! Группа вторая бежит от баррикады

налево! Группа третья двигается вперед!» [11, с. 344]. В этом отрывке наблюдается неприятие массового производства произведения искусства, которое, по Набокову, может создаваться только индивидуально – отдельной личностью, а не группами.

С помощью приема театрализации в «Человеке из СССР» реализуется пародия на пошлость в искусстве, в данном случае – в театре и кинематографе. Примитивность, «деланность» кинофильмов, вульгарное восприятие и изображение действительности (революция в России), злободневность тем, наивная актерская игра (роль коммунистки) и массовость противоречили эстетическому мировоззрению Набокова. «Внутренняя» пьеса, или съёмочная площадка, вписанная в основное действие «Человека из СССР», концептуально соответствует модели спектакля, охарактеризованной в лекции Набокова «Ремесло драматурга» и названной жутким фарсом [8, с. 496].

В «Событии» концепция метатеатра была воплощена в полной мере. Н. А. Анастасьев отметил, что «Событие» – это «театр в театре, если угодно – саморазоблачение театра, а еще больше – жизни и людей» [14, с. 116]. Элементы «пьесы в пьесе» начинают проявляться во втором действии. Любовь, выходя за рамки роли жены Трощейкина, оценивает игру своей прислуги Марфы: «Глупая бытовая старуха» [11, с. 380]. Тут же ее мать, Антонина Павловна Опаяшина, замечает, что «из всего этого могла бы выйти преизрядная пьеса», а потом пытается придумать сценарий к этой пьесе: «Можно было бы перенести на сцену, почти не меняя, только сгущая немножко. Первый акт: вот такое утро, как нынче было... Правда, вместо Ревшина я бы взяла другого вестника, менее трафаретного. Явился, скажем, забавный полицейский чиновник с красным носом или адвокат с еврейским акцентом. Или, наконец, какая-нибудь роковая красавица, которую Барбашин когда-то бросил. Все это можно без труда подвзбить. А дальше, значит, развивается» [Там же].

Любовь, увлекшись сценарием матери, по-гоголевски заключает: «Одним словом: „Господа, к нам в город приехал ревизор”» [11, с. 381]. Она спрашивает о дальнейшем развитии действия, интересуется, «будет стрельба» или нет. Опаяшина не унимается и придумывает концовку своей пьесы: «Может быть, он <Барбашин. – О. Б.> сам покончит с собой у твоих ног» [Там же]. А в третьем действии Любовь говорит матери о Барбашине пушкинское: «Я ему с няней пошлю французскую записку, я к нему побегу, я брошу мужа, я...» [11, с. 410]. А потом заключает, что это был «набросок третьего действия». Таким образом, Любовь и Опаяшина, переставая быть просто персонажами драматической комедии о смертельном страхе Трощейкина, выходят на более высокий уровень – авторский – и претендуют на роли творцов по отношению к другим героям пьесы. С помощью одного из своих маленьких «соавторов» Набоков намекает на финал произведения, заставляя Любовь пророчески процитировать слова Барбашина (перефразированный постулат Чехова):

«Если в первом действии висит на стене ружье, то в последнем оно должно дать осечку» [11, с. 381].

В третьем действии Любовь основательно принимается за режиссуру. Когда служанка Марфа заявляет Любви, что хочет уволиться, потому что ей в доме Трощейкиных страшно оставаться, Любовь укоряет Марфу в плохой игре: «Ну, это вы недостаточно сочно сыграли, – оценивает она, а затем учит служанку хорошей игре: – Я вам покажу, как надо. „Уж простите меня... Я старуха слабая, квоялая... Боязно мне... Дурные тут ходют...” Вот так. Это, в общем, очень обыкновенная роль...» [11, с. 400]. Когда же Марфа называет отношения хозяйки дома с Ревшиным свинством, Любовь снова поправляет ее игру: «Совсем не так, совсем не так. Больше дрожи и негодования. Что-нибудь с „греховодницей”»; «*Дохтура, дохтура*, – а не „доктора”. Нет, я вами решительно недовольна. Хотела вам дать рекомендацию: годится для роли сварливой служанки, – а теперь вижу, не могу дать» [11, с. 401]. Так, Набоков с помощью образа Любви, режиссирующей постановку плохой пьесы, подчеркивает весь комизм ситуации страха и разлада в доме художника. Прием театрализации высвечивает необоснованность переживаний семьи по поводу «события».

Трощейкин, участвуя в придуманном женой и тещей «театре в театре» и развитой в его больном от испуга мозгу комедии, думает загримироваться перед предполагаемым отъездом-побегом, у него, видите ли, «как раз остались от нашего театра борода и парик» [11, с. 385]. Грим, борода и парик не раз используются Набоковым в целях театрализации изображаемых в различных пьесах событий. С гримом непосредственно имеет дело не только Трощейкин, но также Ганус и Клиян (у него вместо грима поддельную бороду сопровождают очки) из «Трагедии господина Морна» и Таубендорф из «Человека из СССР». А Сальватор Вальс из «Изобретения Вальса» предпочитает надеть маску.

У последней надежды Трощейкина, сыщика Барбошина, являющегося схематическим двойником непооявившегося Барбашина и названного в авторской ремарке сыщиком с надрывом, «голова трагического актера и длинные седовато-рыжие волосы». Войдя в дом Трощейкиных, Барбошин приступает к исполнению своей трагической роли, непрестанно размышляя и обращаясь к членам семейства в духе героев Достоевского – с патетикой и надрывом. Затем он начинает, было, рассказ в стиле повествовательной традиции XIX в.: «Я родился в бедной семье, и мое первое сознательное воспоминание...», – но его грубо останавливают [11, с. 418].

В «Событии» появляется довольно много героев, претендующих на роль режиссера. Это, например, «маститый» писатель, приглашенный на именины Опаяшиной. Он пытается руководить пьесой, в которой сам является второстепенным персонажем: «Стоп. Вы лишаетесь слова. Следующий», «Слово предоставляется художнику Куприкову» [11, с. 395]. Писатель оценивает не только литературные качества

Опаяшиной, но и выступления дяди Поля и художника Куприкова: «Хорошо... браво...». Он же примеряет на себя роль председателя заседания, то давая слово другим героям, то прерывая их, то спрашивая, есть ли еще желающие высказаться [11, с. 396]. Впоследствии Набоков употребил форму фарсового заседания в пьесе «Изобретение Вальса».

Таким образом, «Событие» представляет собой пьесу, в которой несколько героев выходят на авторский уровень, пробуют себя в режиссуре. Не потому ли, что все они так или иначе связаны с искусством? Любовь – жена художника, Опаяшина – «литературная мать», «литераторша». «Маститый» писатель не может не творить, потому что он писатель, да еще и известный. Каждый художник, вне зависимости от уровня творческих достижений, стремится что-то создавать, переделывать действительность, соревноваться с автором пьесы, как тот соревнуется с Творцом мира. Многие слова героев-авторов звучат пророчески. Получается, что основное развитие действия выглядит более правдоподобным. В то же время за счет обнажения сценических приемов Набоков добивается комедийности пьесы, скользящей по драматизму жизни семьи Трошейкиных. Хотя здесь необходима оговорка: автор определяет жанр пьесы как драматическую комедию, но трагического в «Событии» все-таки больше.

К набоковской концепции театральности, воплощенной в «Изобретении Вальса», применимы слова Д. Бабича, высказанные о «Приглашении на казнь»: «У „пьесы в пьесе” очень небрежный режиссер, и это подчеркивает ее ирреальность и в глазах „наблюдающих” актеров, и в глазах нас, сидящих в зале (или в кресле) зрителей. В безукоризненно вроде бы действующей машине зла всегда что-то ломается: то не успеют убрать старые декорации, то несинхронно сработают актеры, то реквизит подведет» [3, с. 146]. В своей статье Бабич говорит о театрализации зла в произведениях Набокова, подробно останавливаясь на романе «Приглашение на казнь», в котором обнаруживаются те же самые приемы, что и в пьесе «Изобретение Вальса». Эти произведения схожи не только способом создания ирреальной, злой, постоянно ломающейся, а иногда даже абсурдной действительности, но и глубоким содержательным планом, направленным на разоблачение страшной бюрократическо-политической машины, уничтожающей сознание и свободное мышление человека.

При рассмотрении «Изобретения Вальса» создается впечатление, что режиссеру не хватило актеров, и он раздал одному человеку несколько ролей. Схематичные персонажи, коллекция генералов с похожими именами и соответственно мало отличающимися друг от друга характерами, исполняют по две и более ролей. Путаница имен, кукольность героев, доведенная до максимума, усложняет анализ пьесы. Здесь можно говорить о «театре в театре», но еще более о «театре абсурда».

Почти все поступки героев-военных комичны, движения их угловаты, будто они плохо владеют сценической игрой да к тому же не выучили роль. Однако некоторые из этих «абсурдных» героев пытаются вести пьесу. Вальс до самого финала думает, что это он режиссер. На деле же от начала до конца всевластвует Сон, главный принцип которого: «Каждый пускай придерживается своего мнения, и будем играть» [11, с. 437]. Он повторяет это беспрестанно. Но играют-то все в его игру. Сон указывает план действий и военным генералам, министру, полковнику, и Вальсу. В итоге все происходит так, как задумал Сон. Как и в «Приглашении на казнь», театрализация действия способствует видению происходящих событий как ирреальных. Это один из приемов реализации набоковской сновидческой реальности. В сущности, все происходящее в пьесе – сон безумного Вальса, ожидавшего своей очереди в приемной министра. И, как во сне, действительность в пьесе искажается, одни и те же лица могут выступать в качестве разных людей, перетасовываться, уходить из-под контроля того, кто видит этот самый сон.

Таким образом, концепция театрализации действительности, присущая всему творчеству Набокова, проявилась и в его драматургии. В «Трагедии господина Морна» наблюдаются некоторые элементы метатеатра, в то время как в «Человеке из СССР», «Событии» и «Изобретении Вальса» четко представлены компоненты «театра в театре»: время от времени появляющиеся сцены «внутренней» пьесы, двойственность персонажей и исполнение одним героем нескольких ролей, попытки героев прогнозировать развитие действия, руководить им и режиссировать «игру» других действующих лиц, использование героями театральной атрибутики – бороды, парика, грима и маски. В «Изобретении Вальса» театрализованная действительность доведена до такого гротескного выражения, что «пьеса в пьесе» переходит в «театр абсурда», что может быть рассмотрено в последующих работах, посвященных драматургии Набокова.

Литература

1. **Набоков В. В.** Память, говори // Набоков В. В. Американский период : собр. соч. : в 5 т. : пер. с англ. / В. В. Набоков / сост. С. Ильина, А. Кононова. – СПб. : Симпозиум, 2004. – Т. 5. – 700 с.
2. **Александров В. Е.** Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика: пер. с англ. Н. А. Анастасьева / В. Е. Александров / под ред. Б. В. Аверина и Т. Ю. Смирновой. – СПб. : Алетей, 1999. – 320 с.
3. **Бабич Д.** Каждый может выйти из зала: Театрализация зла в произведениях Набокова / Д. Бабич // Вопр. л-ры. – 1999. – №5. – С. 142–157.
4. **Сендерович С. Я.** Поэтика и этология Владимира Набокова (Предварительные тезисы) / С. Я. Сендерович, Е. М. Шварц // Набоковский вестн. – Вып. 5 : Юбилейный. – СПб. : Дорн, 2000. – С. 19–36.
5. **Токер Л.** Набоков и этика камуфляжа / Л. Токер // В. В. Набоков: pro et contra : Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова : Антология : в 2 т. / сост. Б. В. Аверина. – СПб. : РХГИ. – 2001. – Т. 2. – С.

377–386. 6. **Толстой Ив.** Набоков и его театральное наследие / Ив. Толстой // В. Набоков. Пьесы. – М. : Искусство, 1990. – С. 5–42. 7. **Пави П.** Словарь театра : пер. с фр. / П. Пави. – М. : Прогресс, 1991. – 504 с. 8. **Набоков В. В.** Ремесло драматурга : пер. с англ. А. Бабилова и С. Ильина / В. В. Набоков // Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – С. 494–500. 9. **Лотман Ю. М.** Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2005. – 704 с. 10. **Ходасевич В.** О Сирине / В. Ходасевич // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве В. Набокова : критические отзывы, эссе, пародии / общ. ред. и сост. Н. Г. Мельникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – С. 219–224. 11. **Набоков В. В.** Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / В. В. Набоков. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 640 с. 12. **Бойд Б.** Владимир Набоков: русские годы: Биография: пер. с англ. / Б. Бойд. – М. : Изд-во «Независимая газета»; СПб. : Изд-во «Симпозиум», 2001. – 695 с. 13. **Бабилов А.** Изобретение театра / А. Бабилов // Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – С. 5–42. 14. **Анастасьев Н. А.** Владимир Набоков. Одинокий король / Н. А. Анастасьев. – М. : ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2002. – 525 с.

Статья посвящена исследованию концепции театральности действительности и изучению особенностей реализации этой концепции в драматургии В. В. Набокова. На материале пьес «Человек из СССР», «Событие» и «Изобретение Вальса» рассматривается форма «театра в театре», которая использовалась Набоковым как прием акцентирования содержательного плана произведений и выражения авторской иронии по поводу эстетических и этических явлений.

Ключевые слова: мимикрия, метатеатр, искусственность, игра, прием, двойственность.

Стаття присвячена дослідженню концепції театральності дійсності та вивченню особливостей реалізації цієї концепції в драматургії В. В. Набокова. На матеріалі п'єс «Людина з СРСР», «Подія» та «Винахід Вальса» розглядається форма «театра в театрі», що використовувалася Набоковим як прийом акцентування змістового плану творів і вираження авторської іронії з приводу естетичних та етичних явищ.

Ключові слова: мимікрія, метатеатр, штучність, гра, прийом, подвійність.

The article is devoted to the research of the conception of theatricality and the analysis of peculiarities of its realization in V. V. Nabokov's drama works. On the material of plays «The Man from the USSR», «The Event» and «Waltz Invention» the form of «theatre in theatre», that had been used by Nabokov as a method of emphasizing of the content scheme and expression of the author's irony towards aesthetic and ethic phenomena, is being studied.

Keywords: mimicry, metatheatre, artificiality, game, method, duality.

УДК 378.03

І. В. Баєва

ФОРМУВАННЯ ЕТИКЕТНОЇ ПОВЕДІНКИ ТА ДІЛОВОГО СПІЛКУВАННЯ У ВИВЧАЮЧИХ ІНОЗЕМНІ МОВИ

Лінгвокраїнознавче направлення у методиці викладання іноземних мов базується на необхідності навчання не тільки як формі вміння висловлювати думку і засіб комунікації, але й, одночасно, опанування мовою як шляхом пізнання культури країни, завдяки засвоєнню нормативної поведінки, яка характерна для носія мови, яка

вивчається, у певних комунікативних ситуаціях. І саме засвоєння елементів іноземної культури починається вже з першими іноземними словами.

Частіше помилки робляться у комунікативній поведінці. Досвід довів, що носії мови, яка вивчається вибачають граматичні, фонетичні або лексичні помилки співрозмовника-іноземця, але вони дуже негативно реагують на порушення мовленнєвого етикету і етикету у поведінці, прийнятого даним мовленнєвим суспільством. Отже, навчання нормативному спілкуванню на будь-якій нерідній мові передбачає оволодіння етикетом спілкування і поведінки взагалі.

Саме слово «етикет» (франц. *etiquette*) означає встановлений порядок поведінки будь-де (наприклад, придворний етикет). Однак, визначення слова «етикет» мало що означає у методиці викладання, тому що ніяк не пов'язує поведінку щодо етикету, його норм згідно з конкретною ситуацією спілкування. Поведінка і мова згідно з нормами етикету можна назвати етикетною мовною і немовною поведінкою. Слід підкреслювати, що будь-яка нормована мова і нормована поведінка розроблені виключно для стандартних ситуацій, тобто для ситуацій, які часто зустрічаються у житті людини і саме тому піддаються нормуванню і соціо-культурному регулюванню. Етикетні норми не передбачаються та вони нікого і не турбують під час нестандартних ситуацій (землетрус, війна, аварія). Ситуації, які повторюються у повсякденні, тобто стандартні називаються типовими, тому що мають місце тільки у типових ситуаціях повсякденного життя. Кожен студент може зробити порівняльні висновки сам, прочитавши, наприклад, книги В. Овчиникова «Коріння дубу» (традиції Великої Британії), «Гілка сакури» (про Японію).

Так, представники різних лінгвістичних соціумів неадекватно можуть реагувати на важливу деталь ділових переговорів у момент переходу від ділового обіду до обговорення бізнес-проекту із укладення угоди. Справа в тому, що у момент завершення ділові партнери знімають піджаки, вішають їх на спинки стільців і закатують рукава. Для американця – це знак до продуктивної роботи, для німця натяк, що угоду не можна укласти з будь-яких обставин. Як бачимо, що етикетна поведінка має місце у всіх сферах життя і діяльності людини. На цій підставі ми можемо говорити про етикетну поведінку для стандартних ситуацій, яка базується на соціальній, культурній і історично сформованій моделях суспільства. Отже, вивчаючи тему «Їжа», наприклад, ми повинні відслідити матеріал за усіма трьома вище названих моделей, включаючи ще важливу тему екологія. Слід підкреслити, що етикетні моделі реалізуються носіями мови, яка вивчається частіш за все на підсвідомому рівні, хоча можуть різнитись через соціальний статус людей (наприклад, неоднакова етикетна поведінка студентів факультету іноземних мов і військовослужбових будь-якого роду військ. Коли ми говоримо про етикетну поведінку, то ми

маємо на увазі вербальний або мовний компонент (лексика, граматичні структури, інтонація, характеристика вимову) і невербальний компонент (поведінки) тобто паралінгвістичний (міміка, жести, пози, дистанція між співрозмовниками).

Таким чином, навчання нормам, які характерні для носіїв мови при спілкуванні у типових ситуаціях і є формування у студентів комплексу етикетних комунікативних моделей поведінки. Для того, щоб сформувати у студентів їх вербальний компонент (як людина говорить, слухає, пише, які слова і структури вживає і т.п.) і невербальний компонент (як людина себе поводить при цьому), зовсім недостатньо просто описати, як в певних ситуаціях говорять або поведуть себе мешканці Англії, США, Німеччини або Франції. Обов'язково треба спиратися на теорію мовної свідомості, яку розробляли П. Я. Гальперін і його школа. Згідно з цією теорією оволодіння мовою як засобом спілкування насамперед пов'язано з присвоюванням студентам внутрішнього відношення, сприйяття, погляду та фактів мовної та немовної дійсності носіїв певної мовної групи.

Саме формування такого відношення й таких поглядів сприяє іншомовній свідомості у україномовних і російськомовних студентів, які вивчають англійську, німецьку, французьку.

Студент, у якого така свідомість уже вироблена при спілкуванні мовою, яка вивчається, сприймають її та позамовну дійсність як сам носій цієї мови, а тому й говорить як він.

Отже, ми можемо говорити про етикетно-мовну свідомість, яка базується на наборі етикету, засвоєному до рівня підсвідомого володіння й оперування мовно-поведінковими моделями. Для формування такої свідомості треба розраховувати на вербальний та невербальний компоненти етикетних моделей, перш за все, на культуро-історико-традиційний чинник, тому що він модулюється, виникає у навчальному процесі.

Важливу роль у навчальному процесі відіграє й мотиваційний фактор. Про інтереси й мету майбутньої професії можна говорити, виконуючи ситуаційно-комунікативні завдання з будь-якої теми під час вивчення іноземної мови. У сучасній економічній ситуації України не тільки мова ділового спілкування є важливим чинником в оволодінні двома-трьома іноземними мовами, а потребує цього й соціально-побутова сфера життєдіяльності кожного українця, який повинен бути успішним у своїй діяльності (професії). Сфера ділового спілкування зацікавлює вивчаючих іноземну мову своїм потенціалом на 70%.

Звичайно, що оволодіння етикетною поведінкою у діловій сфері комунікації дуже важливо для майбутніх викладачів іноземної мови, які повинні будуть далі самі навчати такої етикетної поведінки своїх учнів. Така етикетна поведінка необхідна для майбутніх перекладачів, тому що у сучасних умовах саме сфера ділової активності стане основним полем використання їх професійних навичок і умінь. Ще треба пам'ятати, що

викладач іноземної мови є головним, а частіше й єдиним представником іншомовної культури для своїх студентів, учнів. Для того, щоб створити атмосферу іноземної мови, культури та спілкування (що є одною з головних умов комунікативного підходу), треба, щоб викладач поводив себе так само, як би поводив себе викладач-француз / німець / англієць / іспанець.

Вивчати іноземну мову – це значить не тільки вивчати граматику та лексику, необхідно добре знатись і на лінгвокультурології країни, мова якої вивчається. Коли ми говоримо про специфічні традиції, звички, реакція носіїв мови на певні ситуації, то це не те й саме, що мистецтво, література або кіно, не народні свята. Ми маємо на увазі ті розходження, з якими можна зустрітися у повсякденному житті при спілкуванні з носіями мови.

Факт, що у Англії звертаються тільки на «Ви»: «You» доводить, що англійці були й залишаються прибічниками формальностей. Валійці дуже приязно налаштовані стосовно іноземців, і ця позитивна налаштованість підсилюється, якщо іноземці намагаються ближче з ними познайомитися. І не варто думати про те, гарні або погані ті чи інші традиції, – вони просто *інші*.

Зараз усе більше вчених приділяють багато уваги до теорії та практики міжкультурної комунікації. У сучасній філології широке розповсюдження мають наукові напрями, які вивчають взаємовідносини мови й культури, де концепт являє собою об'ємне джерело знань про носіїв мови, їх світогляд. Мета вчених полягає в тому, щоб допомогти тим, хто вивчає іноземні мови, розвинути духовно, набутти такі цінні якості, як висока соціальна активність, цілеспрямованість, відповідальність, заповзятливість, прагнення до пошуків нового, здібність знаходити рішення й вихід у нестандартних ситуаціях. Вирішення цього завдання можна знайти під час проведення міжнародних семінарів, конференцій, форумів.

Актуальність у проведенні таких міжнародних проектів полягає в тому, що вони сприяють формуванню міжкультурної компетенції, яка є покликом часу в сучасних умовах глобалізації світу. Участь студентів у міжнародних конференціях, форумах, семінарах, обмінах органічно вписуються у діяльність, роботу й життя як навчально-виховні будь-якого вищого навчального закладу, забезпечує високу комунікативну активність студентів, самостійну навчально-пізнавальну діяльність, сприяє вивченню іноземних мов. Міжнародна співпраця сприяє мовній практиці студентів, мотивує навчання.

Література

1. **Верещагин Е. М.** Язык и культура / Е. М. Верещагин. – 4-е изд. – М., 1990. – 246 с.
2. **Гальперин П. Я.** Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке / П. Я. Гальперин. – М.: Моск. гос. ун-т, 1972. – С. 109–133.
3. **Скалкин В. Л.** Основы теории

обучения устно-речевой коммуникации : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра пед. наук / В. Л. Скалкин. – 2002. – 36 с.
4. **Widdowson H. G.** Teaching language communication / H. G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1978. – 168 с.

Статья посвящена вопросам и проблемам преподавания иностранных языков, обучению умению выражать свои мысли и овладевать иностранными языками путем познания культуры стран, через усвоение нормативного этикетного поведения. Решение этих проблем можно найти при проведении международных семинаров, конференций, форумов при участии на них студентов с докладами на иностранных языках, которые они изучают.

Ключевые слова: этикетное поведение, деловое общение, культура, традиции, история, речевой этикет, иностранные языки.

Стаття присвячена питанням і проблемам викладання іноземних мов, навчання вміння висловлювати думки і опанувати іноземні мови шляхом пізнання культури країн, завдяки засвоєнню нормативної етикетної поведінки. Рішення цих проблем можна знайти при проведенні міжнародних семінарів, конференцій, форумів за участю на них студентів, які б виступали з доповідями іноземними мовами, що вивчаються.

Ключові слова: етикетна поведінка, ділове спілкування, культура, традиції, історія, мовленнєвий етикет, іноземні мови.

The article is dealing with the issues and problems of foreign languages teaching, training of students' abilities to express the ideas and thoughts in speech and to study culture, etiquette behavior of the countries the languages are studied. The solution of these issues can be arranged at the international seminars, conferences and forums level; the students could participate with their reports in foreign languages they learn.

Keywords: etiquette behavior, business communication, culture traditions, history, speech etiquette.

УДК 821.161.1 – 1.09 + 929 Галич

В. И. Бахмач

ЗАКАЛИВАНИЕ РОДНОЙ РЕЧИ ПО А. А. ГАЛИЧУ

*Но докричись хоть до чего-нибудь,
Хоть что-нибудь оставь на память людям!
А. Галич*

Имя Александра Галича (1918 – 1977) навсегда вошло в русскую литературу как имя поэта-борца за права человека, бережно хранившего и защищавшего русские духовные ценности, противостоявшего своим словом любой социальной несправедливости. В одном из своих последних интервью в год нелепой гибели он сказал: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие и смерть [1, с. 309]. А ведь одним из главных достояний человека этот художник считал право на родной язык. И действительно, испокон веков люди владели языком как данностью, как воздухом и землей, огнем и водой, не осознавая массово, что он не принадлежит отдельной личности, а является атрибутом нации и расы. Еще в 1882 году писатель Иван Сергеевич Тургенев, немало

проживший вдали от родины в Европе, исповедально повинился: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» [2, с. 45]. Таким язык и был для сотен миллионов людей, но после распада «нерушимого» СССР что-то стало происходить со свободой существования русской речи, особенно в отдельно взятых образовавшихся державах. Стало модой бичевать «русскоязычных» соотечественников и призывать отказываться от «великого и могучего» наследия предков. Проворные конъюнктурщики объявили русский язык речью компактно проживающего меньшинства и попытались втиснуть в узкие рамки регионального разговорного, огласили его иностранным и даже окрестили «блатняком», видимо, совершенно не увязывая с именитыми носителями и хранителями – выходцами из Украины – Владимиром Далем, Николаем Гоголем, Владимиром Короленко, Всеволодом Гаршиным, Михаилом Булгаковым и многими другими. Пожалуй, в пору вслед за Сергеем Есениным констатировать грустные речевые метаморфозы:

*Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец* [3, с. 90].

В связи с этим наметилась научная проблема: может ли быть уничтожен гонителями, запрещен чиновниками, забыт носителями язык, который связан с мышлением и психологией человека, его жизнью и общественным сознанием, историей народов и их обычаями, различными отраслями знаний? Ответ на нее найдем, обратившись к суждениям и стихотворениям А. А. Галича (Гинзбурга), – большого поэта, который оставил нам в назидание свое решение языкового вопроса. Пусть это послужит ярким примером, как следует оставаться гражданином «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах <...> родины» [2, с. 45], если идентифицируешь себя с культурой и речью своих предков. К слову говоря, Александр Галич тоже прошел путь духовного становления, прежде чем стать Человеком.

Он прожил как бы две жизни: в одной был «законопослушным гражданином», а в другой – личностью с собственной точкой зрения. В «первой жизни» (до 1961-го года) Александр Аркадьевич сочинял вполне приемлемые тексты песен, пьес и киносценариев. А во «второй» – с уличной и непосредственной интонацией непримиримо судил в стихах и стихопеснях (стихах, исполняемых нараспев под гитару) царящее повсеместно попираемое государством человеческих прав, за что и вынужден был под давлением покинуть в июне 1974 года Союз Советских Социалистических Республик. Но прежде он обратился с «Открытым письмом московским писателям и кинематографистам» (1972), в котором, в частности, сказал о своем выборе: «Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать белое за черное, не из стремления угодить кому-то на Западе. Я говорил о том, что болит у всех и у каждого, здесь, в нашей стране, говорил открыто и резко. Что же

мне теперь делать? В романе «Иметь и не иметь» умирающий Гарри Морган говорит: «Человек один ни черта не может». И все-таки я думаю, что человек, даже один, кое-что может, пока он жив. Хотя бы продолжать делать свое дело. Я жив. У меня отняты литературные права, но остались обязанности – сочинять свои песни и петь их» [4, с. 504]. Так «второй» Галич окончательно одержал победу над «первым».

Становлению его духовной зрелости способствовало и то, что, будучи евреем, Александр Аркадьевич Гинзбург к концу 60-х заинтересовался литературой философского и религиозного плана, что привело его в начале 70-х годов к христианской вере (его крестил отец Александр Мень). И уже как христианин поэт-бард пытался противостоять своим искусством миру лжи и злобы. Об этих внутренних преобразованиях художника автор, исполнитель и исследователь авторских песен Д. Н. Курилов заметил: «Ведомый идеалами высшего, истинного мира, он вступает в беспощадную борьбу с миром земным, грешным – с Системой, которая есть синоним Зла, Империя Зла» [5, с. 413]. Конечно, Система в лице власть предержащих этого бунтарю не смогла простить: она лишила его возможности свободно творить, исключив из Союза писателей (1971) и Союза кинематографистов (1972), и вынудила эмигрировать в Норвегию (1974), чтоб другим неповадно было. Но и после этого Александр Галич не сдался. Он заверял: «Я по-прежнему продолжаю считать себя русским поэтом, русским поэтом, который временно живет не в России и – я не уехал, меня заставили уехать на какое-то время, потому что я вернусь, я всегда буду возвращаться, и мое отношение к этому факту, к исходу, оно остается прежним, неизменным...» [6, с. 32]. Художник верил в то, что никакая сила не может заставить его расстаться с родиной, поскольку она для него никогда не являлась географическим понятием. По определению Александра Галича, его отчизна – «это и старая казачья колыбельная песня, которой убаюкивала <...> еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин – молодых и старых» [6, с. 42], это и А. Пушкин, и М. Лермонтов, и В. Ходасевич, и А. Ахматова, и Б. Пастернак, и «тысячи кровей, тысячи страстей» [6, с. 43], которые «веками – терзали ее душу» [Там же]. Поэтому он всегда вопреки землякам-отлучателям чувствовал себя причастным ко всему, что происходило в «отчем доме», даже находясь за его пределами. Ведь Галич увез с собой частичку родины – родной Язык и Веру.

Слава неординарного и самостоятельного творца влекла к Александру Аркадьевичу многих. Он не затерялся на Западе и был приглашен вести на радиостанции «Свобода» передачу «У микрофона Галич». Более 150-ти раз с 1974-го по 1977-й годы голос поэта и гражданина звучал в эфире, и никакие «глушилки» не могли отвадить оставшихся в СССР соотечественников от приемников во время его выступлений. Александр Аркадьевич откровенно рассказывал слушателям о проблемах духовного бытия, о памятных событиях и

людях, об авторской песне, прилагая зачастую свои стихопесни (звучащую поэзию) с комментариями. Так через эфир он возвращался на родину. Кроме того, поэт многократно выступал с концертами перед западной аудиторией (Норвегия, Израиль, Италия, Франция).

На одном из концертов в Париже в зале Плейель в 1974 году Александр Галич прочитал, на наш взгляд, свое программное стихотворение, ставшее доступным его соотечественникам лишь после смерти поэта. Приводим его полностью:

*А было недавно, а было давно,
А даже могло и не быть...
Как много, на счастье, нам помнить дано,
Как много, на счастье, забыть!..*

*В тот год окаянный, в той черной пыли,
Омытые морем кровей,
Они уходили не с горстью земли,
А с мудрою речью своей.*

*И в старый-престарый прабабкин ларец
Был каждый запрягать готов
Не ветошь давно отзвевших колец,
А строчки любимых стихов.*

*А их увозили – пока – корабли,
А их волокли поезда...
И даже подумать они не могли,
Что это «пока» – навсегда.*

*И даже представить они не могли,
Что в майскую ночь, наугад,
Они, прогулявшись по рю Риволи,
Потом не свернут на Арбат.*

*И в дым [перекрестков], навстречу судьбе,
И в склон переулков речных,
Где нежно лицо обжигают тебе
Лохмотья черемух ночных.*

*Ну, ладно, и пусть ни кола, ни двора
И это – Париж, не Москва.
Ты в окна гляди, как глядят в зеркала,
И слушай шаги, как слова.*

*Я кланяюсь низко сумевшим сберечь,
Ронявшим легко, невзначай
Простые слова расставаний и встреч:
«О, здравствуй, мой друг!» «О, прощай!»*

*Вы их сохранили, вы их сберегли,
Вы их пронесли сквозь года!..
И снова уходят в туман корабли
И плачут во тьме поезда...*

*И в наших вещах не звенит серебро,
И путь наш все так же суров.
Мы помним слова «Благодать» и «Добро»
И строчки все тех же стихов.*

*Поклонимся ж низко парижской родне,
Нью-йоркской, немецкой, английской родне,
И скажем: «Спасибо, друзья!
Вы русскую речь закалили в огне,
Что жарче придумать нельзя!»*

*И нам ее вместе хранить и беречь,
Лелеять родные слова.
А там, где жива наша русская речь,
Там – вечно – Россия жива [7, с. 283–285].*

В произведении ярко проявляется автобиографическое начало и долгое, предваряющее личную трагедию, осмысление автором темы исхода и жизненных изворотов в судьбах соотечественников. Как заметил в своей книге об Александре Галиче «С чем рифмуется слово истина...» известный историк литературы Л. Г. Фризман: «Главное и самое ценное в Галиче, то, что привлекало и привлекает к нему наших современников, – гражданственность его творчества, мужество той жизненной позиции, которую он себе избрал» [8, с. 8]. Безусловно, приведенное выше произведение подтверждает это меткое наблюдение.

Ранее, находясь в «отчем доме», поэт уже размышлял в «Песне исхода» (1971) и «Песенке-молитве» (1972) о «праве каждого человека жить в стране, которую тот себе выбрал» [8, с. 84], но лично он, подобно Анне Ахматовой, не собирался покидать землю, с которой был кровно и духовно спаян. Об этом он писал в стихопеснях, посвященных отъезжающим:

*Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой! [4, с. 239].*

*Да будет так!
И открой глаза:
Моя – на ладони твоей – слеза,
Но нет меня рядом, нет! [4, с. 240].*

Эта земля была дорога Галичу кровными и духовными связями с теми, о ком он поведал в своих произведениях, например, в цикле «Литераторские мостки». Чей покой и честь защищал своим словом.

На чужбине в художественных раздумьях рождаются новые ощущения, навеянные вынужденной эмиграцией и неизменившимися жизненными позициями. Уже с первых строк стихотворения «А было недавно, а было давно...» поэт погружает нас в атмосферу вневременной сопричастности («было недавно», «было давно») участи всех, кто покидал в «год окаянный» (для каждого свой) родные края «не с горстью земли», а лишь «с мудрою речью своей». Под речью, несомненно, подразумевается русский язык, являющийся своеобразной духовной «горстью земли» для эмигрировавших предшественников.

В своем произведении Александр Галич не говорит впрямую о причинах исхода, ему важно показать не *почему*, а *с чем* предшественники-соотечественники, покидали дорогие сердцу места. У поэта своя трактовка темы родины. Он давно знает, что страницы ее истории, впрочем, как и люди, – «Омытые морем кровей». Но и в невиданном прежде мире зарубежья каждому важно научиться слушать «шаги, как слова». Ибо слово всегда остается непреходящей ценностью. Не случайно же «они» (покидавшие отчизну на кораблях и в поездах) готовы были «запрятать» в доставшийся от прабабки ларец «Не ветошь давно отзвеневших колец, А строчки любимых стихов». Неизменно высоко ценивший истинное поэтическое слово художник верил в его насущность для всех поколений земляков. Уезжая, «они» еще не знали, что этот исход навсегда («даже подумать они не могли», «даже представить они не могли»), как и не представлял себе позже Александр Галич. Однако он четко и провидчески обозначил то, что ждало отбывающих и его самого, – «это «пока» навсегда». Ностальгические картины надежд и мечтаний об Арбате и ветках «черемух ночных» воспринимаются как несбыточные грезы, которым поэт противопоставляет единственную сохраненную явь – родной язык. «Простые слова расставаний и встреч», пронесенные «сквозь года» соотечественниками прежних эмиграций, вызывают у Галича-гражданина желание «им» поклониться. Такой поклон многого стоит. Это высокое признание служителем слова и гражданином истинных заслуг и мужества всех, кто не отступился, не приспособился, не поддался, не растворился в чужой речи. Художник не только скорбно констатирует, что история повторяется («снова уходят в туман корабли / И плачут во тьме поезда...»), но и осознает, что настал его черед продолжить традицию, принять эстафету – помнить «строчки все тех же стихов».

Если первые девять строф произведения повествуют о горьком прошлом многих соотечественников («их»), то десятая строфа повествует об исходе следующих эмигрантов тем же путем, что и Галич («нас»). Игра местоимениями позволяет осознать трагедию в рамках

страны, народа и подчеркнуть, что вопреки ожиданиям, представители разных поколений всех этапов эмиграции бережно хранят родной язык. Они не отреклись от него, поэтому и заслужили благодарность поэта:

...«Спасибо, друзья!

*Вы русскую речь закалили в огне,
Что жарче придумать нельзя!»* [1, с. 285].

Начав первой строфой стихотворения тему,
*Как много, на счастье, нам помнить дано,
Как много, на счастье, забыть!..* [1, с. 283].

А. Галич привел слушателей к тому, что можно забыть все, кроме милой речи. Ведь задача любого человека – «Лелеять родные слова».

Не случайно в одной из своих передач на радио от 16 октября 1976 года (почти за год до своей гибели в парижской квартире) он вновь будет говорить: «...О русской речи, о той великой, могучей, необыкновенной в своих средствах выразительности; русском языке, которым просто не устаешь восхищаться. Ведь он пришел к нам в детстве. Помните, когда мы впервые прочли сказку „О царе Салтане“, не знаю, как вас, а меня, еще мальчика маленького, вдруг ударило в самое сердце, когда я услышал такие слова: „Ты волна моя, волна, ты гульлива и вольна“. Черт возьми!.. Лев Толстой сказал когда-то: „Нравственность человека определяется его отношением к слову“. Да и вы подумайте, какой же нравственностью мог обладать человек, написавший слова постановления Центрального Комитета партии „О мерах по дальнейшему улучшению руководства развитием советского кинематографа“!..

...Я поэт, я не могу не любить язык, который является не только моим орудием, но и оружием, язык – это удивительное средство выразительности» [6, с. 134]. Пожалуй, это духовное завещание Александра Галича является для наших современников примером того, как относиться к языку предков. Ибо закалывание родной речи продолжается, только уже не в далеком зарубежье, а на земле, где она служила столетиями.

Литература

1. **Галич А.** Возвращение: Стихи, песни, воспоминания / А. Галич. – Л. : Музыка, 1990. – 320 с. 2. **Тургенев И. С.** Собр. соч. : в 10 т. / И. С. Тургенев. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1962. – Т. 10 : Стихотворения в прозе. Литературные и житейские воспоминания. Избранные статьи и речи. – 344 с. 3. **Есенин С. А.** Собр. соч. : в 3 т. / С. А. Есенин. – М. : Б-ка «Огонек». Изд-во «Правда», 1970. – Т. II. – 448 с. 4. **Галич А. А.** Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи / А. А. Галич. – Екатеринбург : Изд-во «У-Фактория», 1998. – 655 с. 5. **Курилов Д. Н.** Христианские мотивы в авторской песне / Д. Н. Курилов // Мир Высоцкого : исследования и материалы. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. – Вып. II. – С. 398–416. 6. **Галич А.** Я выбираю свободу / сост. А. Шаталов / А. Галич // Глагол. – 1991. – №3. – 256 с. 7. **Галич**

А. А. Городской романс. Стихотворения, песни / А. А. Галич. – М : Эксмо, 2007. – 320 с. 8. **Фризман Л. Г.** «С чем рифмуется слово истина...» : о поэзии А. Галича. – СПб. : Изд-во «Ореол», 1992. – 128 с.

В статье на примере поэзии А. А. Галича рассматривается роль родного языка как великого духовного наследия.

Ключевые слова: предки, духовное наследие, родная речь, выразительность, стихопесня.

У статті на прикладах з віршів О. О. Галича йдеться про роль рідної мови як великої духовної спадщини.

Ключові слова: предки, духовна спадщина, рідна мова, виразовий, стихопесня.

In the article the native language is regarded as the great spiritual heritage with the of A. A. Galich' poetry.

Keywords: ancestors, spiritual inheritance, mother tongue, expressiveness, stihopesnya.

УДК 81'42

І. А. Блинова

ДОСЛІДНИЦЬКИЙ ПОТЕНЦІАЛ КАТЕГОРІЇ «МОВНА ОСОБИСТІТЬ» ПРИ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ХУДОЖНЬОГО ПРОЗАЇЧНОГО ДИСКУРСУ

Мета статті – розкрити дослідницький потенціал категорії «мовна особистість» при інтерпретації художнього прозаїчного дискурсу. Для досягнення поставленої мети передбачено окреслити і вирішити такі **завдання**: 1) охарактеризувати теоретичні підходи до поняття «мовна особистість» у сучасному мовознавстві; 2) відзначити міждисциплінарний характер досліджуваного феномену; 3) розглянути структуру, кожний рівень організації мовної особистості; 4) визначити основні напрямки аналізу вказаної категорії, зокрема при інтерпретації художнього прозаїчного дискурсу.

Кінець ХХ-го – початок ХХІ-го ст. відзначився пильною увагою дослідників до людини в усіх галузях науки, зокрема в лінгвістиці. Характерною тенденцією сучасного етапу розвитку мовознавства є детальна розробка проблеми людського фактора в мовленнєвій діяльності. Звернення лінгвістів до антропоцентризму на межі останніх століть засвідчує важливий методологічний зсув у науці про мову, перехід до вивчення мови в тісному зв'язку з людиною, її мисленням і практичною діяльністю і, як результат, до визнання провідної ролі людини в процесах породження і сприйняття мовлення.

Зростання інтересу до детальної розробки проблеми мовної особистості (далі – МО) зумовлене сукупністю принципів, що характеризують фундаментальні якості мови. МО – це «особистість виражена в мові (текстах) і через мову, тобто особистість, реконструйована в основних своїх рисах на тлі мовних засобів» [24, с. 38].

Не випадково проблема МО, проблема форм її існування і способів вивчення опинилась однією з найбільш теоретично розроблених у російському мовознавстві [6; 16; 18; 23–24; 30; 32–33; 40–41; 53; 55–56; 63]. Підвищений інтерес до МО не можна назвати абсолютно новим для русистики, адже увага до мови окремих письменників є її характерною рисою. У зв'язку з цим достатньо назвати відомі класичні праці академіка В. В. Виноградова про творчість О. С. Пушкіна, М. В. Гоголя, Ф. М. Достоєвського.

Історичні передумови виникнення відповідної теорії, пов'язані з уявленнями про індивідуальний характер будь-якого володіння мовою, можна прослідкувати починаючи ще з XVIII – XIX ст. у працях В. фон Гумбольдта, О. О. Потебні, Г. Штейнталя, Г. Пауля, І. О. Бодуена де Куртене, О. О. Шахматова, Г. Гердера, К. Фосслера, В. Вундта. У перші десятиріччя XIX ст., коли відбулося становлення історичного мовознавства, його представники не зверталися до поняття «МО», однак їх сучасник В. фон Гумбольдт говорив про необхідність вивчення індивідуальної мови. З праць дослідника, який трактував мову як «орган внутрішнього буття людини» і як виразник духу і характеру народу, нації, витікає узагальнене розуміння МО і як представника роду *homo sapiens*, що вміє поєднувати думку зі звуком і використовувати результати цієї діяльності духу для спілкування, і як національної МО, тобто носія мови – сукупного представника свого народу [26, с. 671].

У середині XIX-го ст. до історичної парадигми додається психологічна (О. О. Потебня, Г. Штейншталь). Пов'язаний із нею великий інтерес до семасіології мови, психологічне пояснення еволюції лексичних значень наближали лінгвістику до людини. Так, Г. Пауль говорив, що розвиток лексико-семантичної структури слова перш за все пов'язаний з відхиленнями і коливаннями індивідуальної психіки.

На межі XIX і XX ст. психологічна парадигма укріплюється, що особливо пов'язано з працями І. О. Бодуена де Куртене, який зауважив, що «людська мова, людське мовлення існує лише в мозку людини, лише в «душі» індивіда, а основне життя мови міститься в асоціації уявлень за самими різними напрямками» [26, с. 671], і О. О. Шахматова, який приділяв особливу увагу дослідженню мови окремою людиною. Вже на початку XX ст. вчений стверджував, що «реальне буття має мову кожного індивідууму; мова села, міста, області, народу виявляється відомою науковою фікцією» [26, с. 671].

Ф. де Соссюр ішов шляхом послідовного виокремлення і обмеження предмету лінгвістики, огорожуючи її від усіх зовнішніх зв'язків, у тому числі, і від мовлення окремого індивіда. Великий авторитет цього дослідника, який рекомендував вивчати мову тільки в «собі і для себе», на декілька десятиліть затримав розвиток проблеми «МО». Але Ф. де Соссюр, залишаючись представником системного підходу, висунув тезис: «Мова наскрізь соціальна». Це давало можливість говорити про конвенціональність мови, а також відкривало шлях до

дослідження мови в невідривності від мовця і слухача, пишучого і читаючого.

Звернення до наукових праць В. В. Виноградова в плані опису ним МО значуще тим, що саме цей учений стоїть у витоків дослідження даної проблеми.

Однак потреба в понятті і робочому терміні «МО» (*homo loquens*) постала лише наприкінці ХХ ст. Термін «МО» у сучасній огласовці пропонує Ю. М. Караулов у 1982 р. на одному з конгресів з викладання російської мови і літератури [25]. Подальша розробка проблеми МО відбивається ним у наукових статтях і в роботі 1987 року «Русский язык и языковая личность», що стала першим дослідженням, де питання теорії МО зведені до системи. Ще через два роки в передмові до зазначеної вище книги учений надає структуру МО.

Перша детальна концепція МО належить Г. І. Богіну, який опрацював лінгводидактичні аспекти вивчення цього явища [6].

Теоретичні засади МО та її дослідницька методологія формувалися в останній чверті минулого століття під впливом успіхів психолінгвістики, психології мовлення, лінгвокультурології, лінгводидактики, філософії мови і були спрямовані на отримання (на основі аналізу «мови», а точніше текстів, початкового знання про різноманітні прояви «особистості»: а) як індивідуума й автора цих текстів зі своїм характером, інтересами, психологічними перевагами та установками; б) як типового представника певної мовної спільноти та більш вузького в її складі мовленнєвого колективу, сукупний або усереднений носій певної мови; в) як представника виду *homo sapiens* (людина розумна), невід'ємною властивістю якого є використання знакових систем і, перш за все, природної мови.

Наголосимо, що з моменту введення до повсякденного наукового лексикону даний термін завоював широку популярність серед мовознавців. Нова наукова парадигма до фокусу уваги дослідників поставила людину у всій багатогранності її проявів, завдяки чому представники різних дисциплін виказують все більший інтерес до того, що стоїть за мовою, мовленнєвою діяльністю, комунікативною поведінкою. У коло понять, що охоплює згаданий вище феномен, включаються питання, що складають сферу інтересів соціолінгвістики, прагматики, комунікативної лінгвістики, теорії мовленнєвих актів, лінгвістики художнього тексту, стилістики, культурології тощо. Саме цим, на наш погляд, можна пояснити складність і неоднозначність підходів до визначення, структури, критеріїв, предмету і способів опису МО.

У сфері вивчення мови художньої літератури звернення до феномену МО пов'язано з іменами Г. О. Винокура і В. В. Виноградова. Так, ще Г. О. Винокур постулював зв'язок між біографією письменника і його мовною манерою. Більш широкі обрії відкриваються в дослідженнях В. В. Виноградова, присвячених мові художньої

літератури. Тут в якості «елементарної клітинки», відправного «моменту» в дослідженні «цього неосяжного цілого» виокремлюється індивідуальна мовленнєва структура. Безпосереднім попередником категорії МО є категорія «образ автора», яка була введена в науковий ужиток В. В. Виноградим. Учений підійшов до поняття МО шляхом дослідження мови художньої літератури. Логіка розвитку понять «образ автора» і «художній образ», центральних у науковій творчості В. В. Виноградова, підвели дослідника до питання про співвідношення в творах МО, художнього образу і образу автора. Перші описи конкретних МО, як зазначалося, також належать перу В. В. Виноградова [11]. Описуючи МО персонажа художнього твору, учений аналізував види словесності (типи текстів), якими оперує МО (оповідання, притча, анекдот тощо). Ідеї В. В. Виноградова мали суттєвий вплив на подальше вивчення МО.

У лінгвістику інтерес до категорії особистості прийшов із суміжних наук – літературознавства і лінгводидактики, де трактування поняття МО має свою специфіку (В. В. Виноградов, Г. І. Богін, Ю. М. Караулов). Галузь саме лінгвістичних досліджень, сконцентрованих навколо поняття МО, В. П. Нерознак пропонує назвати «лінгвістичною персонологією» або «лінгвоперсонологією» [46, с. 113]. Інша менш розповсюджена назва вчення про МО – «антропологічна лінгвістика».

Важливо відзначити той факт, що на даний момент у лінгвістичній науці існує багато визначень МО, так само як і немає єдиного погляду на виокремлення компонентів МО або виділення рівнів її структури, що пов'язано зі складністю і багаторівневістю самої проблеми і говорить, по-перше, про актуалізацію різних підходів до МО як об'єкту дослідження, по-друге, про незгасаючий інтерес до нього вчених і його особливе місце в сучасному мовознавстві.

Хоча термін «МО» виник достатньо давно, а в наші дні активно вживається, донині він знайшов відбиток лише в окремих лінгвістичних довідниках [26; 29; 54; 66]. Своїм сучасним розумінням, що являє собою класичне визначення, цей термін зобов'язаний саме Ю. М. Караулову, який наповнив цю категорію особливим теоретичним змістом. Дослідник трактує МО як «багатшаровий, багатокомпонентний, структурно впорядкований набір мовних здібностей, умінь, готовностей до здійснення мовних вчинків різного ступеня складності, вчинків, які класифікуються з одного боку, за видами мовленнєвої діяльності (говоріння, аудіювання, письмо і читання), а з іншого боку – за рівнями мови (фонетикою, граматиною і лексикою)» [24, с. 29].

Сам термін «МО» і його значення уявляються лише в значній мірі усталеними в лінгвістиці. На дане визначення в тій чи більшій мірі спираються сучасні лінгвісти (пор.: МО – це «сукупність відмінних якостей людини, що виявляються в її комунікативній поведінці і забезпечують особистості комунікативну індивідуальність» [5, с. 10]; МО

розуміється «з одного боку, як сукупність комунікативних здатностей і характеристик людини, що дозволяють їй здійснювати дискурсивну діяльність, з іншого – як сукупність відмінних рис, що виявляються в комунікативній поведінці конкретного носія мови і забезпечують йому комунікативну індивідуальність» [21, с. 5–6]; під МО розуміється «особистість у сукупності соціальних та індивідуальних рис, що відбиваються в текстах, створених нею» [19, с. 7; 20, с. 7]). Подані визначення, з одного боку, пов'язують поняття МО з мовленнєвою діяльністю або її результатом – текстами, з іншого боку, акцентують у МО або соціальні, або індивідуальні риси, або їх сукупність.

Міждисциплінарність і багатоаспектність терміну «особистість», що сфокусовує у своєму значенні «філософські, соціологічні і психологічні погляди, на суспільно значущу сукупність фізичних і духовних якостей людини» [14, с. 65], зумовили багатозначність трактувань терміну «МО». Комплексне, узагальнююче, підсумовуюче визначення поняття «МО» намагається дати в своїй статті С. Г. Воркачов: «Перш за все під „МО” розуміється людина як носій мови, узятий з боку її здатності до мовленнєвої діяльності ... тобто особистість мовленнєва, ідіолектна. Під „МО” розуміється також сукупність особливостей вербальної поведінки людини, яка використовує мову як засіб спілкування – особистість комунікативна. І, нарешті, під „МО” може розумітися... свого роду „семантичний фоторобот”, що складається на основі світоглядних настанов, ціннісних пріоритетів і поведінкових реакцій, відбитих у словнику, – особистість словникова, етносемантична» [14, с. 65–66].

Отже, на думку переважної більшості дослідників (Г. І. Богін, Ю. М. Караулов, В. І. Карасик, С. О. Сухих, В. В. Зеленська, В. В. Красних, С. Г. Воркачов), під МО розуміється: 1) людина-мовець, 2) власне мовна особистість, 3) мовленнєва особистість, 4) комунікативна особистість, 5) словникова, етносемантична особистість.

Ми розглядаємо МО в якості багатозначного терміну, спираючись на погляди Ю. М. Караулова, представлені в енциклопедії «Русский язык», як: 1) будь-якого носія тієї чи іншої мови, охарактеризованого на основі аналізу породжених ним текстів з погляду використання в цих текстах системних засобів мови для його бачення навколишньої дійсності (картини світу) і для досягнення певної мети в цьому світі; 2) найменування комплексного способу опису мовної здатності індивіда, що поєднує системне уявлення мови з функціональним аналізом текстів [26, с. 671–672]. У першому випадку досліджуються створені МО тексти і на їх основі реконструюються уявлення МО про світ. При другому підході акцент ставиться на мовній здатності індивіда, яка виявляється на основі зіставлення системного уявлення про мову з функціональним аналізом тексту. Найбільш точним і близьким до специфіки нашої роботи виявляється синтез представлених дефініцій.

Теоретична концепція, розроблена вченим, зорієнтована здебільшого на дослідження МО персонажів творів художньої літератури. Не випадково, з традиційних понять цього визначенню близькі у сфері власне філології такі терміни, як «мова письменника» («словник мови письменника»), «мовленнєвий портрет» персонажа художнього твору, автор тексту, образ автора. Синонімічними і квазісинонімічними термінами по відношенню до МО є : суб'єкт (який осмислив світ і відтворив його у своїй мові); індивід; носій мови, інформант, мовець, слухач, ідіолект.

У сучасному мовознавстві накопичений значний досвід практичних досліджень різних типів МО: як сукупної / колективної / багатолюдської – народу, так й ідіолектної / приватнолюдської – конкретного носія мови (стандартних особистостей і нестандартних / творчих особистостей).

Поняття МО припускає дослідження кожного носія мови в якості унікального об'єкту вивчення. Вказане поняття може вивчатися в двох напрямках: МО визначеного типу мовленнєвої культури і МО окремо взятої людини (ученого А, лікаря Б, учителя В, юриста Г тощо). Особливий інтерес у дослідників викликає, по-перше, опис конкретних реальних індивідуальних МО, серед яких, враховуючи тип мовленнєвої культури, професійну ознаку тощо, як рядові носії мови [13; 19; 20; 38], так і представники елітарної мовленнєвої культури [4; 27; 32]; творчі особистості (включаючи дослідників, тексти, віддалені в часі від сучасного читача): учені, письменники (зокрема, дослідженню нестандартних, творчих МО присвячені лексикографічні роботи – словники письменників: «Словник мови Пушкіна», «Словник поетичної мови Марини Цветаєвої» тощо), телевізійні ведучі, історичні особистості, сучасні російські інтелігенти [1; 5; 10; 21; 33; 39; 48; 51; 58; 59; 65].

По-друге, увагу дослідників привертає опис узагальнених характеристик, що об'єднують якісь групи людей (з позицій соціальних, гендерних відмінностей, вікового критерію, професійної, національної, територіальної приналежності, рис характеру, етносоціальних характеристик тощо): носіїв елітарної мовленнєвої культури; представників сучасної молоді; міських мешканців; мешканців села; жінок і / або чоловіків; дітей; людей, які виступають у ролі покупців; людей, які користуються суспільним транспортом; акторів; бізнесменів; вуличних торговців; тележурналістів; емігрантів, включаючи дослідження на матеріалі творів художньої літератури; національної колективної МО (російської, англійської, бурятської, в'єтнамської тощо), включаючи дослідження на основі художніх творів; снобів; службовців; викладача іноземної мови; автора оголошень [8; 9; 15; 17; 28; 32; 35; 36; 37; 42; 44; 45; 47; 49; 52; 60; 61].

По-третє, у сфері власне художнього тексту інтерес учених зорієнтовано на дослідженні МО персонажа літературного твору, МО

автора художнього тексту, МО перекладача художнього твору [2; 3; 7; 22; 34; 43; 57; 62; 64].

Аналізу піддаються індивідуальні і соціальні прояви МО, її ціннісні переваги. Джерелами дослідження при цьому постають створені індивідом усні і писемні тексти. Нині визначені основні аспекти вивчення МО (полідіалектної або типової та ідіолектної або творчої).

У питанні про структуру МО практично всі дослідники так чи інакше посилаються на модель МО, запропоновану Ю. М. Карауловим. Модель складається з трьох рівнів: вербально-семантичного (вербально-граматичного) або лексикону, лінгвокогнітивного або тезаурусу і мотиваційного або прагматикону.

«Кожний із рівнів характеризується своїм набором одиниць, які в сукупності охоплюють всі одиниці, що використовуються при вивченні мови, своєрідно перерозподіляючи їх відповідно до специфіки названих рівнів» [26, с. 672].

Лексикон включає фонд лексичних і граматичних засобів, використовуваних особистістю при породженні нею достатньо значущого масиву текстів. При вивченні МО дослідник висуває на перший план інтелектуальні якості людини. Таким чином, нижчий рівень, вербально-семантичний, який припускає нормальне володіння мовою носієм, визначається нульовим, хоча і складає необхідну умову становлення і функціонування МО.

Вербально-семантичний рівень передбачає для носія нормальне володіння природною мовою, а для дослідника – традиційний опис формальних засобів вираження означених лексичних і граматичних значень.

Когнітивний рівень характеризує відповідну до неї картину світу і уособлений в її тезаурусі. Припускається існування деякої домінанти, визначеної національною культурою, традиціями і прийнятою в суспільстві ідеологією. Таким чином, перший рівень вивчення МО припускає виокремлення в її картині світу варіативної частини на основі знання її ядерної складової.

Когнітивний рівень устрою МО (одиницями якого є поняття, ідеї, концепти, що складаються для кожної мовної індивідуальності в більш чи менш упорядковану, більш чи менш систематизовану «картину світу», яка відбиває ієрархію цінностей) і її аналізу припускає вихід за межі традиційно зрозумілої семантики і перехід до знань, а значить, охоплює інтелектуальну сферу особистості, даючи досліднику вихід через мову, через процеси говоріння і розуміння – до знання, свідомості, процесів пізнання людини.

Мотиваційний рівень охоплює комунікативно-діяльнісні потреби особистості, співвідносячи мотиви, настанови, цілі, інтенціональності, що рухають нею, з мовленнєвою поведінкою і її змістом. Це другий значимий з інтелектуальної (когнітивної) точки зору рівень. Прагматичний рівень, що вміщує мотиви, цілі, інтереси, настанови,

забезпечує в аналізі МО закономірний і зумовлений перехід від оцінок її мовленнєвої діяльності до осмислення реальної діяльності в світі.

Повний опис МО в цілях її аналізу або синтезу, на думку Ю. М. Караулова, припускає: а) характеристику семантичного рівня її організації (тобто або вичерпний його опис, або диференціальний – фіксує лише індивідуальні відмінності та відмінності, що існують на фоні усередненого уявлення / зображення даної мовної будови); б) реконструкцію мовної моделі світу, або тезауруса даної особистості (на основі породжених нею текстів або спеціального тестування); в) виявлення її життєвих або ситуативних домінант, установок, мотивів, що знаходять відбиття в процесах породження текстів та їхньому змісті, а також в особливостях сприйняття чужих текстів. Завдяки цьому МО – багаторівневе поняття, яке характеризується суперечністю співвідношення стабільних і мінливих елементів, стійкістю мотиваційних нахилів і здатністю піддаватися зовнішнім діям і самовпливу – суперечністю, що виявляється на її кожному рівні: вербально-семантичному (нульовому); лінгвокогнітивному, тезаурусному (першому); мотиваційному, прагматичному (другому / вищому).

Вивчення мови художньої літератури надає широкі можливості для аналізу МО. На думку Ю. М. Караулова, благодатним матеріалом для дослідження МО є художній текст як продукт літературної комунікації, кожний із суб'єктів якої (автор, читач, персонаж) може вивчатися як модель реальної МО. У художньому прозаїчному дискурсі автор виступає МО, що творить, дійові особи (персонажі) – МО-носіями певної художньої інтенції автора, тоді як читач твору – сприймаюча мовна особистість. Ю. М. Караулов першим доводить можливість і продуктивність дослідження в якості моделі МО персонажа художнього тексту [24].

Лінгвістичним еквівалентом поняття «особистість» у досліджуваних нами текстах є авторська МО і художні моделі реальних МО – персонажі творів Дж. К. Оутс, до яких можна застосувати методологію аналізу різних рівнів МО, що дозволяє найбільш повно визначити і дослідити різні аспекти характеристики мовця. Крім того, трьохрівнева структура МО (асоціативно-вербальна мережа, тезаурус і прагматикон), звернена на художній текст, надає можливість через вивчення його лексико-семантичної структури вийти на особливості поетики і художнього світогляду письменника.

Нас цікавитиме МО персонажа прозаїчного твору як особистість мовленнєва, індивідуальний дискурс якої охоплює різнотипні висловлювання (вголос і про себе) персонажа у всій їх сукупності. Персонаж художнього тексту являє собою «художню модель людини» і виступає ідеальним об'єктом для дослідження МО, так як існує тільки в межах певного можливого світу, а вся інформація, яка характеризує його, фіксована. На основі аналізу персонажного індивідуального дискурсу

можна реконструювати рівні смодельованої в тексті МО, що відбивають особливості психологічного устрою, внутрішнього світу особистості.

Література

1. **Аникин Д. В.** Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Д. В. Аникин. – Барнаул, 2004. – 19 с.
2. **Арсланбекова З. Ш.** Художественно-речевое своеобразие военных повестей 1941–1945 годов как проявление языковой личности авторов : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Арсланбекова З. Ш. – Махачкала, 2006. – 28 с.
3. **Ахиджакова М. П.** Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте (на материале творчества Аскера Евтыха) : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / М. П. Ахиджакова. – Краснодар, 2007. – 50 с.
4. **Баишева З. В.** Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : 10.02.01 / З. В. Баишева. – Уфа, 2007. – 46 с.
5. **Беспамятнова Г. Н.** Языковая личность телевизионного ведущего : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Беспаятнова Г. Н. – Воронеж, 1994. – 217 с.
6. **Богин Г. И.** Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра. филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 31 с.
7. **Богомолов А. Ю.** Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Богомолов А. Ю. – Череповец, 2005. – 207 с.
8. **Божко Г. П.** Мовленнєві тактики в репертуарі російської мовної особистості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 / Г. П. Божко. – К., 2003. – 16 с.
9. **Бондаренко Я. О.** Дискурс акцентуованих мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект (на матеріалі персонажного мовлення в сучасній американській прозі) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Я. О. Бондаренко. – К., 2002. – 19 с.
10. **Бурмакина Н. А.** Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А. П. Степанова : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н. А. Бурмакина. – Тюмень, 2007. – 21 с.
11. **Виноградов В. В.** О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
12. **Винокур Г. О.** О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 447 с.
13. **Волкова Т. Ф.** Сравнения в речи диалектной языковой личности : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Т. Ф. Волкова. – Томск, 2004. – 29 с.
14. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – №1. – С. 64–71.
15. **Головенкина Л. Х.** Ребенок севера. Языковая личность / Л. Х. Головенкина // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Материалы Респ. науч.-практ. конф.; Регион. науч. конф. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1998. – С. 11–15.
16. **Гольдин В. Е.** Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопр. стилистики. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 9–19.
17. **Елизарова М. М.** Языковая личность эмигранта в рассказах Тэффи 1920 – 40-х годов : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / М. М. Елизарова. – СПб., 1999. – 16 с.
18. **Зеленская В. В.**

Репрезентативная сущность языковой личности в коммуникативном аспекте реализаций : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / В. В. Зеленская. – Краснодар, 2000. – 32 с. 19. **Иванцова Е. В.** Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. В. Иванцова. – Томск, 2002. – 395 с. 20. **Казакова О. А.** Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Казакова О. А. – Томск, 2004. – 241 с. 21. **Канчер М. А.** Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Канчер М. А. – Екатеринбург, 2002. – 174 с. 22. **Каракуц-Бородина Л. А.** Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста : учеб. пособие / Л. А. Каракуц-Бородина. – Уфа : Башкир. гос. ун-т. – 2003. – 191 с. 23. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с. 24. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с. 25. **Караулов Ю. Н.** Что же такое «языковая личность»? / Ю. Н. Караулов // Этническое и языковое самосознание: Материалы конф. (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). – М. : Изд-во ТОО «ФИАНФонд», 1995. – С. 63–65. 26. **Караулов Ю. Н.** Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Рус. яз. : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Науч. изд-во «Большая рос. энциклопедия», 2003. – С. 671–672. 27. **Картер Е. В.** Социальная стратификация языка в речевой репрезентации элитарной языковой личности: на материале современной русской прозы : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. В. Картет. – Череповец, 2007. – 22 с. 28. **Кесельман И. С.** Языковая личность и некоторые вопросы лексикографии / И. С. Кесельман // Языковая личность : проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. – Волгоград : Перемена, 1997. – С. 73–74. 29. **Котюрова М. П.** Языковая личность / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь рус. языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта, 2003. – С. 660–661. 30. **Кочеткова Т. В.** Языковая личность в лекционном тексте / Т. В. Кочеткова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 211 с. 31. **Кочеткова Т. В.** Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / Т. В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 53 с. 32. **Красных В. В.** Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : монография / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с. 33. **Крысин Л. П.** Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90–107. 34. **Кузневич З. А.** Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хэмингуэя: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / З. А. Кузневич. – Иркутск, 1999. – 22 с. 35. **Куликова Г. С.** Несценическая речь актеров / Г. С. Куликова // Вопр. стилистики. – Вып. 26 : Язык и человек. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – С. 25–30. 36. **Куликова Г. С.** Как говорят бизнесмены / Г. С. Куликова, Т. А. Милехина // Вопр. стилистики. – Вып. 25 : Язык и человек. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 127–135. 37. **Курченкова Е. А.** Языковая личность и физическое лицо автора объявления / Е. А. Курченкова // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : Тез. докл. науч. конф. – Волгоград : Перемена, 1997. – С. 85–86. 38. **Левоненко О. А.** Языковая личность в

электронном гипертексте (на материале экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О. А. Левоненко. – Таганрог, 2004. – 26 с.

39. **Ломакина О. В.** Проблемы изучения языковой личности Л. Н. Толстого в когнитивном аспекте / О. В. Ломакина // Текст и языковая личность : Материалы V Всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С. 206–209.

40. **Лютикова В. Д.** Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 187 с.

41. **Ляпон М. В.** Языковая личность: поиск доминанты / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. – М. : Ин-т рус. яз., 1995. – С. 260–276.

42. **Мартыненко Н. Г.** Невербальные средства оценочности в речи тележурналиста / Н. Г. Мартыненко // Вопр. стилистики. – Вып. 26. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж». – С. 41–45.

43. **Менькова Н. Н.** Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (по материалам Б. Акунина) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Менькова Н. Н. – М., 2004. – 175 с.

44. **Милехина Т. А.** Речевые портреты бизнесменов / Т. А. Милехина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 64–80.

45. **Морякіна І. А.** Мовна особистість у художній прозі Дж. Голсуорсі : лінгвокогнітивний та прагматичний аспекти (на матеріалі романів форсайтівського циклу) : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Морякіна І. А. – К., 2005. – 233 с.

46. **Нерознак В. П.** Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – Вып. №426 : Язык. Поэтика. Перевод. – М. : Изд-во Москов. гос. лингв. ун-та, 1996. – С. 112–116.

47. **Панова М. Н.** Языковая личность служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 / М. Н. Панова. – М., 2005. – 32 с.

48. **Парсамова В. Я.** Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Парсамова В. Я. – Саратов, 2004. – 223 с.

49. **Пауфوشي́ма Р. Ф.** Житель современной деревни как языковая личность / Р. Ф. Пауфوشي́ма // Язык и личность. – М. : Наука, 1989.

50. **Пищулина А. Ю.** Языковая личность Сноба и ее речевые особенности / А. Ю. Пищулина // Языковая личность : проблемы обозначения и понимания : Тез. докл. науч. конф. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 106–107.

51. **Попова О. В.** Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О. В. Попова. – Омск, 2004. – 19 с.

52. **Свешникова Н. В.** Жаргонная лексика мелких торговцев Саратова / Н. В. Свешникова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 98–103.

53. **Седов К. Ф.** Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01; 10.02.19 / К. Ф. Седов. – Саратов, 1999. – 48 с.

54. **Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика : Термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

55. **Сиротинина О. Б.** Социолингвистический фактор в становлении языковой личности / О. Б. Сиротинина // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов : Перемена, 1998. – С. 3–9.

56. **Сухих С. А.** Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. –

Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1997. – 72 с. 57. **Трещалина И. В.** Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов (лексико-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Трещалина И. В. – Тверь, 1998. – 167 с. 58. **Федорченко И. А.** Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / И. А. Федорченко. – Барнаул, 2002. – 23 с. 59. **Федотова О. В.** Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А. А. Вознесенского : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О. В. Федотова. – Тюмень, 2007. – 25 с. 60. **Фомин А. Г.** Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / А. Г. Фомин. – Барнаул, 2005. – 45 с. 61. **Чабаненко М. Г.** Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / М. Г. Чабаненко. – Кемерово, 2007. – 21 с. 62. **Чурилина Л. Н.** «Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 240 с. 63. **Шахнарович А. М.** Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 213–223. 64. **Шевченко О. Н.** Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. И. Заходера) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Шевченко О. Н. – Волгоград, 2005. – 255 с. 65. **Шмелев Д. Н.** Опыт описания языковой личности. А. А. Реформатский / Д. Н. Шмелев и др. // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 149–212. 66. **Шмелева Е. Я.** Языковая личность // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / Е. Я. Шмелева / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяевой. – М. : Флинта: Наука, 2003. – С. 804–805.

Данная статья посвящена рассмотрению исследовательского потенциала категории «языковая личность» при интерпретации художественного прозаического дискурса.

Ключевые слова: языковая личность, структура языковой личности, художественный прозаический дискурс, персонаж, автор.

Дана стаття присвячена розкриттю дослідницького потенціалу категорії «мовна особистість» при інтерпретації художнього прозаїчного дискурсу.

Ключові слова: мовна особистість, структура мовної особистості, художній прозаїчний дискурс, персонаж, автор.

The article under analysis is dedicated to the exploration of the investigated potential of the category named language personality for the interpretation of the literary prosaic discourse.

Keywords: language personality, the structure of language personality, literary prosaic discourse, author, character.

УДК 811.161.1.

О. В. Блюмина

ПАРАМЕТРЫ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА ОДНОСТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ

Целью предлагаемой работы является определение параметров существования и описания ономаσιологического класса одноструктурных единиц на примере ономаσιологического класса субстантивных композитов – обозначений действия (в дальнейшем – СКОД) в русском языке, таких, например, как *винокурение* (<курение вина), *аэротерапия* (*аэро* + *терапия*), *бракодельство* (<делать брак + *-ство*).

Как писал Э. Бенвенист, «при анализе сложных имен следует различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Только логическое отношение дает критерии для функциональной (= формальной. – О. Б.) классификации сложных слов» [1, с. 242]. Иными словами, описание ономаσιологической структуры сложных слов представляет собой основу для их дальнейшего, уже формального, исследования. Именно поэтому очень важным является установление принципов ономаσιологического анализа композитов. В подавляющем большинстве работ, имеющих целью установить, каким образом формируется сложная однословная номинация, принята трехступенчатая структура описания формирования композитного наименования. Она на первых двух ступенях включает последовательное определение грамматического класса, лексико-грамматической группы, к которым относится композит. Третий же уровень рассмотрения варьируется в зависимости от целей изучения сложных слов. Например, Н. Ф. Клименко [2] рассматривает композиты украинского языка сначала с точки зрения их частеречной принадлежности, а затем как компоненты тех или иных лексико-грамматических групп (ЛСГ). На третьем уровне ученый классифицирует рассматриваемые ею слова уже вне ономаσιологических параметров: она определяет в пределах каждой ЛСГ типы синтаксических конструкций, которые были источником для композитопостроения (синтаксический анализ), словообразовательные разряды конститuentов ЛСГ (словообразовательный семасиологический анализ), базовые семантические множители главных слов исходных конструкций (семантический компонентный анализ) и т. д.

Наиболее рациональный путь полноценного ономаσιологического описания единиц языка был предложен Х. Х. Кузьминой, которая, абсолютно справедливо определив первый уровень классификации номинативных единиц как частеречный, указала, что «части речи делятся на лексико-семантические группы, которые, в

свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы» [3, с. 136]. По такому принципу была создана ономаσιологическая классификация, предложенная В. И. Теркуловым, который считает, что на третьем этапе анализа сложных слов «основным принципом описания должен быть способ реализации в номинативном комплексе модели именованья, то есть принцип распределения единиц по модели их внутренней формы (ономаσιологической модели)» [4, с. 188]. Именно такая схема описания кажется нам наиболее приемлемой. Единственное, что требует уточнения в данном случае, – это определение распространения термина «одноструктурные единицы» при описании ономаσιологических классов композитов. В. И. Теркулов использует данный дефиниционный комплекс только в приложении ко второму уровню классификации – уровню ЛСГ. Он пишет: «В нашей работе рассматриваются только слова одного структурного типа – универбализационные композиты, поэтому здесь наиболее уместным будет определение не просто ЛСГ, а ЛСГ одноструктурных единиц» [4, с. 187]. Мы же предполагаем, что понятие «одноструктурные единицы» должно быть реализовано не на уровне классификационного вида (ЛСГ), а на родовом уровне, то есть в пределах родового термина «ономаσιологический класс одноструктурных единиц» (в дальнейшем – ОКОС). Следует отметить, что понятие «одноструктурность» имеет здесь значение «морфематической одноструктурности». Иначе говоря, для объединения различных единиц в ОКОС необходимым условием в нашем случае является факт наличия у них нескольких корней. На уровне сбора материала условно игнорируется то, что способ соединения этих корней может иметь различную ономаσιологическую природу. Это различие становится значимым только на третьем уровне описания ОКОС (см. ниже).

Покажем особенности формирования и описания ономаσιологического класса одноструктурных единиц на примере ОКОС «субстантивированное действие».

Как уже было сказано, верхним уровнем классификации в пределах ОКОС является установление тождества лексико-грамматического разряда составляющих их единиц. Е. С. Кубрякова указывает на предельный уровень ономаσιологического членения языка, предлагая соотносить ономаσιологические категории с частями речи, ориентированными на разное обозначение по-разному воспринимаемых объектов действительности [5, с. 25]. Имя существительное при этом соотносится с ономаσιологической категорией «предметность», имя прилагательное – «признаковость» или «атрибутивность», глагол – «процессуальность» [5, с. 45–48] и т. д. В рассматриваемом нами ОКОС отмечается контаминация общекатегориальных значений. Существительное в этом случае становится носителем процессуальной характеристики, например, *мифотворчество* (<творить мифы), *ресоочиститель* (=очиститель

риса), *аэротерапия* (*аэро* + *терапия*). При этом в отличие от чистых отглагольных существительных, отглагольные существительные-композиции интересны тем, что включают в свою общекатегориальную семантику не только процессуальное значение, но и значения, характеризующие предикативную ситуацию в целом, например, значение объекта действия: *очистка воды* (=водоочистка), *дерносим* (<*снимать дерн*), субъекта действия *сердцебиение* (= *биение сердца*), *снеготаяние* (=таяние снега) и т. д.

На втором уровне анализа СКОД определяются параметры ЛСГ, в состав которого они входят. Как известно, «объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема — категориально-лексическая (архисема, классема)» [6, с. 31]. ЛСГ указанного ОКОС формируется на базе архисемы «процедура». Следует указать на одну очень важную особенность когнитивной семантики СКОД. Конечно же, эта семантика является гештальтной. Однако гештальты, являющиеся, как известно, это «комплексными, целостными функциональными структурами» [7, с. 24–25], по типу выражения функциональности подразделяются на фреймы, трактуемые как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [8, с. 7] и репрезентирующие статическое представление о ней, и скрипты (сценарии), представляющие обозначенную ситуацию в виде «списка событий, задающих стереотипный эпизод» (см. [9]), и репрезентирующие динамическое представление о ней. СКОД имеют, разумеется, скриптовую семантику, поскольку обозначение действия, процедуры всегда настроено на динамичность этой процедуры. Приведенное утверждение очень важно уже потому, что различие фреймов и скриптов является единственным основанием для разведения семантически схожих композитов по разным ЛСГ. Например, *автогонка* и *автомарафон*, в сущности, обозначают одно и то же – мероприятие, состязание в скорости езды на автомобилях. Однако в первом случае явно реализуется динамическая прототипная модель ситуации с акцентом на процессуальную ономаσιологическую базу, что позволяет отнести концепт, связанный с композитом *автогонка* к скриптовому, то есть определить последний как СКОД, а во втором – статическая прототипная модель, своего рода «знание» о событии и его атрибутах, что позволяет отнести концепт, связанный с композитом *автомарафон*, к фреймовым и не рассматривать его в пределах ОКОС «субстантивированное действие».

На третьем уровне анализа рассматриваемого ОКОС осуществляется определение формирующих его ономаσιологических моделей, которые указывают на способ реализации в номинативной единице – композите модели именования, включающей главный (ономаσιологический базис) и уточняющий (ономаσιологический признак) компоненты [10, с. 146].

Ономасиологические модели композитов различаются в зависимости от модели их образования. Мы исходим в своем исследовании из предложенной В. И. Теркуловым трехкомпонентной классификации номинативных типов композитов, выделяющей деривационные, универбализационные сложные слова и квазикомпозиты.

Деривационные композиты – это сложные слова, возникшие в результате формантной деривации на базе словосочетания, например *взяткодательство*, образованное на базе словосочетания *давать взятку* при помощи форманта [*ство*]. Такие композиты являются самостоятельными номинативными единицами. В ОКОС «субстантивированное действие» они всегда образованы от глагольных словосочетаний. Их ономасиологическая модель описана более всего. Вслед за Е. А. Селивановой, у которой ономасиологическая модель «определяется на основании 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [11, с. 20]. Например, для композита *скоропостижный* Е. А. Селиванова предлагает такую модель внутренней формы: «Некий признак (1), связанный (4) с временной ограниченностью (3) „скоро” процесса „постигнуть” (2), лексическое значение – про смерть: „Внезапный”» [11, с. 20]. Единственным уточнением является то, что в нашем метаязыке пункты 3 и 4 объединяются в единый полупредикатный комплекс (в терминологии Е. С. Кубряковой – предикат). Поэтому ономасиологическая модель, например, деривата *виноделие*, образованного от словосочетания *делать вино*, имеет следующий вид: [действие + продукт (ономасиологический признак – исходное словосочетание)] + [выступающие как (полупредикативный комплекс – предикат)] + [процедура (ономасиологический базис – формант)].

Универбализационные композиты – это сложные слова, являющиеся словесной интерпретацией исходного словосочетания, абсолютно тождественной по значению с последним, и поэтому являющейся не самостоятельной номинативной единицей, а только речевой реализацией исходного словосочетания в пределах его языкового тождества (см. об этом [12]), например, *кровохарканье*, являющееся лишь вербальным дублетом словосочетания *харканье кровью*, может свободно взаимозаменяться с последним в текстах. Ср., например, *Печально знаменитое кровохарканье свидетельствует уже о далеко зашедшем процессе* [13] – *Основными симптомами заболевания являются резкое похудение, длительный кашель, харканье кровью* [14]. Ономасиологическая модель слова здесь абсолютно повторяет ономасиологическую модель словосочетания. Как писал В. И. Теркулов, «использование понятия „предикат” в этом случае будет излишним.

Формирование семантики исходного словосочетания и, как следствие, возникшего на его базе композита – не явление предикации, а явление актуализации. Поэтому структура ономаσιологической модели здесь двучленна – она включает ономаσιологический базис, эквивалентный архисеме главного компонента исходной конструкции, и ономаσιологический признак (признаки), эквивалентный семантическому множителю главного компонента исходной конструкции, актуализированному в ее зависимом компоненте» [4, с. 189]. Например, ономаσιологическая модель композита *работорговля* повторяет ономаσιологическую модель исходного словосочетания *торговля рабами* и имеет следующий вид: [процедура (ономаσιологический базис)] + [объект (ономаσιологический признак)].

Квазикомпозиты – это сложные слова, возникшие не на базе словосочетания, а как имитация конечной, морфемной модели синтаксических, то есть образованных от словосочетаний, композитов, например, композит *авиастроительство* образован не от словосочетания *строительство авиации*, абсолютно невозможного в русском языке, а путем сочленения конструкторов *авиа-* и *-строительство* по модели конечной структуры универбализационных композитов *домостроительство* (= *строительство домов*), *метростроительство* (*строительство метро*) и под. Ономаσιологическая модель квазикомпозитов также двучленна. Например, для композита *авиастроительство* она имеет вид [процедура] + [объект].

Задача последующих наших исследований и будет состоять в описании по установленным в предлагаемой статье параметрам ОКОС «субстантивированное действие».

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др. / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Клименко Н. Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К. : Наук. думка, 1984. – 252 с. : табл., сх. – (НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).
3. Кузьмина Х. Х. О некоторых принципах изучения лексики тюркских письменных памятников / Х. Х. Кузьмина // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф., 11–13 дек. 2001 г. : тр. и материалы : в 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 135–137.
4. Теркулов В. И. Параметры ономаσιологической классификации универбализационных композитов / В. И. Теркулов // Вісн. Луган. нац. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка : філол. науки. – 2008. – №13 (152). – С. 183–191.
5. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учебн. пособ. [для филोल. фак. ун-тов] / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 152 с.
7. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации : сб. науч. тр. – Тамбов :

Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1998. – С. 22–31. 8. **Минский М.** Фреймы для представления знаний : пер. с англ. О. Н. Гринбаума / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с. 9. **Schank R. C.** Dynamic Memory / R. C. Schank. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 1982. – 234 p. 10. **Dokulil M.** Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s. 11. **Селиванова О. О.** Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19–22. 12. **Теркулов В. И.** Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с. 13. <http://academ.info/index.php?pid=news&id=8650> 14. <http://utro.ua/articles/2008/02/13/75067.shtml>

Статья посвящена определению параметров ономаσιологического класса одноструктурных единиц. Автор предполагает, что такое описание должно быть трехступенчатым: от установления грамматического общекатегориального тождества объединенных в классе единиц, через отождествление архисем композитов в пределах лексико-семантической группы к построению системы ономаσιологических моделей конститuentов класса.

Ключевые слова: деривация, квазикомпозит, композит, лексико-семантическая группа, одноструктурные единицы, ономаσιологический класс, ономаσιологическая модель, универбализация

Статтю присвячено визначенню параметрів ономасіологічного класу одноструктурних одиниць. Автор припускає, що такий опис повинен бути триступінчастим: від установлення граматичної загалькатегоріальної тотожності об'єднаних у класі одиниць, через ототожнення архісем композитів у межах лексико-семантичної групи до побудови системи ономасіологічних моделей конститuentів класу.

Ключові слова: деривація, квазікомпозит, композит, лексико-семантична група, одноструктурні одиниці, ономасіологічний клас, ономасіологічна модель, универбализация

The article is about definition of onomasiological class of monostructural units parameters. The author thinks, that's this description must have three stages: the establishment of the grammatical identity of the units unified in the category for the category as a whole, identification of composites' archisems in the lexico-semantical group, system of onomasiological models of class's constituents building.

Keywords: derivation, kvazycomposit, lexico-semantical group, monostructural elements, onomasiological model, univerbalisation.

УДК 81'27.811.111-26

Н. В. Власік

ТОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА МОНОЛОГІЧНОГО ДИСКУРСУ В ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ

Гендерний аспект є предметом постійної уваги вчених другої половини ХХ століття, що пов'язане з трансформацією сучасного суспільства, яка веде до переосмислення ролі суб'єкту у соціальній

системі, формування двох макросоціальних груп: чоловіків і жінок. Наприкінці 60-х та початку 70-х відбулася зміна у підході до гендерних досліджень, яка була спричинена як соціальними змінами так і заміною наукової парадигми, від лінгвістики “іманентної”, структурної, до лінгвістики антропологічної, яка розглядає явища у тісному зв’язку з людиною, її мисленням та духовно практичною діяльністю.

Вітчизняна та російська гендерна лінгвістика репрезентована культурологічними розвідками гендерного концептуального змісту на матеріалі лексики (О. Л. Бессонова, О. С. Бондаренко), соціолінгвістичними (О. Д. Петренко, В. В. Потапов) і дискурсивними дослідженнями мовленнєвої поведінки новинного текстоутворення (О. С. Александрова), аналізом гендерного аспекту художнього дискурсу (Н. Д. Борисенко, О. Л. Козачишина) та психолінгвістичними роботами (О. І. Горошко) [7].

Стосовно досліджень гендерних особливостей інтонації, то вагомий внесок було зроблено Т. І. Шевченко, В. В. Потаповим, С. В. Керєвою, але вони досить не систематизовані та уривчасті.

Дослідження ситуативно-стратифікаційній варіативності надає можливості виявлення закономірностей побудови різноманітних жанрових моделей дискурсу з характерними соціокомунікативними ознаками. На думку Л. О. Штакіної, вивчення специфіки фонетичної реалізації дискурсу у площині ситуативно-стратифікаційного підходу спонукає на розкриття механізму риторики дискурсу й відкриває перспективи у галузі соціофонетики [9].

У зв’язку з цим **актуальність** дослідження зумовлюється необхідністю вивчення ролі просодичних підсистем у реалізації інтенції мовця у монологічному дискурсі з урахуванням однотипної комунікативної ролі в межах стратифікаційного та ситуативного підходів до вивчення соціофонетичного варіювання дискурсу.

Об’єктом запропонованої статті виступає сучасне монологічне мовлення чоловіків і жінок, які мають однаковий рівень освіти, соціальний статус та вік. Предметом дослідження є просодичне оформлення монологічного дискурсу в гендерному аспекті.

Мета дослідження – виявити та проаналізувати особливості мелодійного контуру монологічних репрезентацій дискурсу чоловіків і жінок, однакових за соціальним статусом, освітою та віком; виявити закономірності функціонування просодичних підсистем, маркуючи мовну діяльність чоловіків і жінок як двох макросоціальних груп.

Завдання дослідження – встановити чинники, які впливають на формування монологічного висловлювання чоловіків та жінок, відмінностей просодичного оформлення їхнього мовлення.

У вітчизняній лінгвістиці гендер розглядається як соціально-демократична категорія; соціальна конструкція; суб’єктивність; ідеологічний конструкт; технологія і культурна метафора, стратифікаційна категорія [3]. Під гендерною стратифікацією

розуміється процес, завдяки якому гендер стає основою соціальної стратифікації. Поряд з гендером такими стратифікаційними категоріями виступають клас, раса, вік. Гендер розглядається як комплексний процес, який визначає суб'єкт як чоловічий або жіночий у процесі нормування і перетинається з іншими нормативними змінними такими як раса і клас. У ході цього процесу відтворюється та перерозподіляється система власті та підлеглості.

Досліджуючи відмінності у стильовому текстоутворенні вчені дійшли висновків, що female автори проявляють тенденцію до конкретизації інформації, в той час як чоловіки – до її генералізації. Гендерна маркованість тексту детермінується соціокультурними факторами та психологічними ознаками, які надаються соціумом чоловіку як представнику маскуліної субкультури, комунікативному лідеру, який відрізняється автономним мисленням, логічністю, раціональністю, об'єктивністю, лінгвокреативною компетенцією, меншою ступінню емоційності, та жінці – як представнику феміної субкультури, яка відрізняється більшою ступінню емоційності, емпатії, кооперативності [1]. Особливості жіночої комунікативної поведінки полягають у використанні мовленнєвих актів, які спрямовані на зміцнення статусу адресата (промисиви, реквестиви, директиви, квеситиви з ілокутивною силою констативного висловлювання). Характерною ознакою чоловічої комунікативної поведінки є використання додаткових засобів, які знижують ефект мовленнєвого акту, спрямованого на посилення статусу адресата, але в той же час підвищують статусну позицію адресанта (ін'юнктиви). Вербальна поведінка персонажів-жінок характеризується більшою стриманістю в реалізації загальної негативної оцінки, а персонажів-чоловіків – загальної позитивної оцінки. Вона підкреслює схильність жінок перебільшувати зниження категоричності висловлювання та схильність чоловіків до конкретності оцінки ознаки та грубої експресивності лексики через нехтування комунікативно-прагматичними нормами спілкування. Гендерні особливості використання стилістично забарвленої лексики в персонажному мовленні сучасних англійських драматичних творів відображають більшу чутливість жінок, порівняно з чоловіками, до комунікативних норм суспільства, яке татує вживання стилістично зниженої лексики, прагнення жінок створити дружню атмосферу спілкування й бажанням чоловіків справити враження на співрозмовника своєю ерудицією. Чоловіча вербальна поведінка демонструє загальний негативний настрій комуніканта, зосередження на своїх власних проблемах, небажання враховувати інтереси співбесідника [2]. Досліджуючи гендерні особливості художнього мовлення американських авторів О. Л. Козачишина дійшла висновків, що жіночому стилю оформлення дискурсу не притаманна самовпевненість та тиск авторського «Я», оскільки він апелює до серця, а не розуму читача, коли у чоловічому стилі проявляється чітка авторська позиція в поглядах на

основних героїв та текстові події, схильність до узагальнень та філософствування, які є традиційно «чоловічими» підходами [6].

Статевий диморфізм на рівні просодії існує через низку фізіологічних та соціолінгвістичних факторів [5]. У фізіологічному плані цей диморфізм зумовлений відмінностями у будові голосового апарату чоловіків та жінок. До соціальних факторів, що зумовлюють відмінності інтонації чоловіків і жінок, належать соціальні ролі та позиції представників обох статей у суспільстві. Деякі лінгвісти визнають більшу нормативність жіночого мовлення. Домінування простих низхідних тонів у чоловіків над низхідними тонами з ініціальним підйомом у жінок; базисних типів шкал (низхідної, ковзної або висхідної), де напрямок розвитку мелодики зберігається на протязі всієї передтермінальної ділянки над жіночою мінливістю, яка проявляється у сполученні елементів різних типів шкал, що створює враження різноманітності, варіативності; уповільнений темп, за рахунок подовження пауз і синтагм створюють враження категоричності, наполегливості, вимогливості, авторитарності, бажання домінувати у процесі комунікації в чоловічому дискурсі [8].

Матеріалом дослідження слугували зразки теледискурсу (прогноз погоди), що є специфічним жанром mass media, які транслювались у Великобританії протягом лютого – липня 2008 року (канал BBC World News). Загальна тривалість звучання проаналізованого матеріалу 40 хвилин. Був проведений аудитивний та електроакустичний аналіз за допомогою спеціальної програми Speech Filing System WASP University College London.

Під час аналізу особливостей тонального оформлення мовлення чоловіків і жінок була звернута увага на мовленнєву компетенцію жінок та чоловіків, їх ступінь експресивності. Для виявлення мовленнєвої компетенції ми порівняли зразки гендерних реалізацій і виявили деякі специфічні мелодійні контури притаманні чоловікам та жінкам.

У ході подальшого експериментального аналізу передшкाल, які були представлені у експериментальних зразках, ми з'ясували, що у чоловічих репрезентаціях представлені низькі та середні перед шкали (46,5% та 53,5% відповідно), а в жіночих – високі та екстра високі, що створює ефект більшої експресивності за рахунок використання зміни регістрів, тобто прийому регістрового контрасту.

Рекурентними в презентаціях чоловіків і жінок є рівна ступінчаста та рівна ковзна шкали, але жінки «випереджають» чоловіків у цьому напрямку, збільшуючи частотність до 43,5% та 30,4% проти 27,5%. Показники кількості гетерогенних шкал незначною мірою, але більш рекурентні у чоловіків 15% (проти 13% у жінок). Оформлення передтермінальної ділянки таким чином свідчить про бажання дикторів запобігти монотонності мовлення, та зробити його більш експресивним. На наш погляд, це жанрова специфіка монологічного дискурсу прогнозу погоди.

В експериментальних зразках на особливу увагу заслуговує просодичне оформлення ключових слів, які є найбільш емоційно й комунікативно навантаженими словами в реченні та вирізняються інтонаційно-сисловою активністю як актуалізатори текстового змісту (М. П. Дворжецька) [4]. В чоловічій репрезентації вони здебільшого оформлюються за допомогою середнього широкого та вузького та високого вузького спадних ядерних тонів (18% та 36% відповідно). Доволі рекурентним є вживання низхідно-висхідного тону – 17%. Жіночій презентації притаманно оформлення ключових слів за допомогою високого та екстра високого низхідних тонів (35,5% та 17,7%). Вживання ряду кінетичних тонів в синтагмі створюють специфічний тональний комплекс як в чоловічих так і в жіночих репрезентаціях (18% та 17,74% відповідно). Найбільш частотними є такі тональні сполучення як спадний + спадний, нисхідний + спадно-висхідний. На наш погляд, оформлення ключових слів за допомогою високих спадних тонів та наявність у синтагмі тональних комплексів обумовлені специфікою жанру, яка вимагає експресивності в презентації монологічного дискурсу. Але наявність широкого та вузького середнього спадного термінальних тонів в мовленні чоловіків свідчить про офіційність, наполегливість, збалансованість, раціоналізм чоловічого стилю мовлення. Екстра високі термінальні тони в презентаціях жінок свідчать про динамізм, емоційну експресивність, турботливість, душевність жіночого стилю презентацій.

Таким чином, проаналізувавши тональні характеристики монологічного дискурсу, ми прийшли до висновків, про наявність специфічних мелодійних контурів притаманних чоловікам та жінкам. Присутність низьких та середніх передшквал у комбінації з рівною ступінчастою або ковзною шкалами та середнім або високим спадним термінальними тонами характеризують чоловіче мовлення як офіційне, наполегливе, збалансоване, раціональне з прагненням домінувати у процесі комунікації. Наявність високих та екстра високих термінальних тонів у сукупності з рівною ступінчастою шкалою та високим і екстра високими передшквалами свідчить про емоційну експресивність, динамізм, турботливе та дружлюбне ставлення.

Перспективою дослідження соціофонетичної варіативності мовлення в гендерному аспекті може стати вивчення ролі просодичних підсистем у реалізації інтенції з урахуванням рівня підготовленості мовлення, приділяючи особливу увагу темпоральному та ритмічному оформленню монологічного дискурсу та специфіці інтеграції просодичних підсистем.

Література

1. **Мартинюк А. П.** Регулятивна функція гендерно маркованих одиниць мови (на матеріалі сучасного англійського публіцистичного дискурсу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : 10.02.04 /

- А. П. Мартинюк. – К., 2006. – 40 с. 2. **Штакіна Л. О.** Соціофонетичний аспект жанрової динаміки / Л. О. Штакіна // Наук. зап. – Вип. 75 (2). – Серія : Філол. науки (мовознавство) : у 5 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2008. – С. 131–135. 3. **Горошко Е. И.** Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода) / Е. И. Горошко // http://linguistics.kava.kiev.ua/seminar/2004/03/23/seminar_2_gendernye_14.html
4. **Александрова Е. С.** Гендерная маркированность англоязычного новостного текста (на материале современной британской прессы) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Е. С. Александрова. – Волгоград, 2007. – 18 с. 5. **Борисенко Н. Д.** Гендерный аспект репрезентации персонажного мовлення в англійських драматичних творах кінця ХХ століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Н. Д. Борисенко. – К., 2003. – 27 с. 6. **Козачишина О. Л.** Образ оповідача в ракурсі тендерної специфіки комунікативного стилю мовної особистості: індивідуально-авторський аспект / О. Л. Козачишина // Наук. зап. – Вип. 75 (2). – Серія : Філол. науки (мовознавство): у 5 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2008. – С. 229–231. 7. **Захарова Ю. М.** Інтонаційна організація сучасного англійського мовлення: навч. посібник / за ред. А. Д. Белової / Ю. М. Захарова. – К. : Вид-во НА СБ України, 2004. – 84 с. 8. **Потапов В. В.** Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В. В. Потапов // Вопр. языкознания. – 2002. – №1. – С. 103–128. 9. **Дворжецкая М. П.** Единство системного и коммуникативно-функционального анализа просодии связного текста / М. П. Дворжецкая // Изучение динамического аспекта сегментных и супraseгментных единиц звучащего текста : сб. науч. тр. / редкол. : М. П. Дворжецкая (отв. ред.) и др. – К. : КГПИИЯ, 1988. – С. 5–11.

Статья посвящена анализу тонального оформления монологического дискурса в гендерном аспекте. Актуальность исследования обуславливается необходимостью изучения роли просодических подсистем в реализации интенции говорящего в монологическом дискурсе с учетом однотипной коммуникативной роли в рамках стратификационного и ситуативного подходов к изучению социофонетического варьирования дискурса, выявлению закономерностей функционирования просодических подсистем, маркирующих речевую деятельность мужчин и женщин как представителей двух макросоциальных групп.

В ходе исследования были выявлены специфические мелодические контуры, характеризующие речь мужчин или женщин. Комбинации низких и средних предшквал с ровной ступенчатой или скользящей шкалами и средним или высоким терминальным тоном придают мужской речи оттенок официальности, настойчивости, сбалансированности, рациональности, выявляя стремление мужчин занимать доминирующую позицию в процессе коммуникации. Оформление высказываний при помощи высоких и экстремально высоких терминальных тонов в сочетании с ровной ступенчатой шкалой и высокими и экстремально высокими предшквалами свидетельствует про эмоциональную экспрессивность, динамизм женщин, их заботливом и дружелюбном отношении.

Ключевые слова: гендерные исследования, просодическое оформление, гендер, макросоциальные группы, стратификационный подход, социолингвистические факторы.

Стаття присвячена аналізу тонального оформлення монологічного дискурсу в гендерному аспекті. Актуальність дослідження зумовлюється необхідністю вивчення

ролі просодичних підсистем у реалізації інтенції мовця у монологічному дискурсі з урахуванням однотипної комунікативної ролі в межах стратифікаційного та ситуативного підходів до вивчення соціофонетичного варіювання дискурсу, виявленню закономірностей функціонування просодичних підсистем, маркуючи мовленнєву діяльність чоловіків та жінок як представників двох макросоціальних груп.

У ході дослідження були виявлені специфічні мелодійні контури, притаманних чоловікам та жінкам. Присутність низьких та середніх передшквал у комбінації з рівною ступінчастою або ковзною шкалами та середнім або високим спадним термінальними тонами характеризують чоловіче мовлення як офіційне, наполегливе, збалансоване, раціональне з прагненням домінувати у процесі комунікації. Наявність високих та екстра високих термінальних тонів у сукупності з рівною ступінчастою шкалою та високим і екстра високими передшкалами свідчить про емоційну експресивність, динамізм, турботливе та дружлюбне ставлення.

Ключові слова: гендерні дослідження, просодичне оформлення, гендер, макросоціальні групи, стратифікаційний підхід, соціолінгвістичні фактори.

This article is aimed at finding out and analyzing specific structural components of intonation pattern in monological discourse. Special attention is concentrated on the communicative competence of the representatives of two microsocial groups: men and women. Some peculiarities in prosodic organization of speech were discovered in the process of research.

The most frequent Tunes used by men are Mid Falling tones combined with Low or Middle Pre-Head and Level Stepping Scale. This combination produces the impression of official, insistent and balanced speech, which helps men occupy the dominating position in communication. The High and extra High Terminal Tones combined with High and extra High Pre-Head and Level Stepping Scale make female characters sound more dynamic and expressive.

Keywords: gender, prosodic organization, microsocial groups, stratification, sociolinguistic factor, social role.

УДК 811.161.1=81'373.611

Н. В. Дьячок

ПОНЯТИЕ МОТИВАЦИОННОЙ БАЗЫ ДЛЯ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + УНИВЕРЬ»

Целью данной статьи является решение вопроса о соответствии понятия мотивационной базы особенностям номинатем типа «словосочетание + универь».

Традиционная наука относит ряд образований типа *генералка (генеральная репетиция), прогрессивка (прогрессивная зарплата), зачетка (зачетная книжка), генеральша (жена генерала)* к компрессивному словообразованию (Е. А. Земская, Е.С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Я. Янко-Триницкая), считают результатом вторичной номинации (А. А. Брагина), называют суффиксальными универбами (Л. И. Осипова). В связи с этим естественно желание дать единый терминологический эквивалент приведенным словообразовательным процессам и тем единицам, которые в результате этих процессов возникли. В. И. Теркулов, например, рассматривает такие дериваты как

универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [5, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу **эллиптической универбации**. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название **номинатема типа «словосочетание + универб»**, входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (гlossах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами разговорности, сленговости, например *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка*. Предложенная В.И. Теркуловым концепция «не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [5, с. 135].

Лингвисты отмечают возникновение большого количества «суффиксальных универбов, мотивированных двучленным словосочетанием» [3, с. 61] или же, согласно принятой нами терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (вербальных эквивалентов словосочетаний, вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + универб») в XX веке, особенно в последние его десятилетия. «Существует две основные причины «изготовления» новых имен, слов и выражений. Во-первых, неожиданно возникают новые явления, нуждающиеся в именах. Во-вторых, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т. п.» [1, с. 105].

Так или иначе, в данном случае фиксируется имитация словообразовательного акта. В связи с этим актуальным выступает вопрос о мотивационной базе универбальных образований. Наиболее часто в специальной литературе в качестве мотивационной базы универбов описываются двусловные атрибутивные наименования, в которых определяемый член выражен именем существительным, а определяющий – именем прилагательным. Это наиболее оптимальный и

чаще всего встречающийся структурный тип исходной базы универбации. «Подавляющее большинство универбизированных наименований, зафиксированных в толковых словарях..., соотносятся с двусловными адъективно-субстантивными устойчивыми словосочетаниями» [4, с. 112–113], например, *карбидная лампа – карбидка, насыщенный хлеб – насыщник, грунтовая дорога – грунтовка, «Спортивная газета» – «Спортивка», балетные туфли – балетки* и т. п.

Вопрос о синтаксической форме составного наименования, способного соответствовать универбу, поднимался Е. Калишаном. По его мнению, мотивационной базой универбализованного наименования может стать любое словосочетание субстантивного значения, независимо от способа его грамматического (синтаксического) оформления, от семантико-категориальных свойств сочетающихся лексем, от наличия или отсутствия служебных слов, а также от количества лексем, входящих в состав этого словосочетания. Число слов принципиально не ограничено, хотя наименование в целом не может выходить за рамки одного состава предложения.

Е. Н. Сидоренко считает, что «тезис о неограниченности слов, входящих в составное наименование, подвергающееся универбизации, о разнообразии синтаксической оформленности исходного наименования представляется приемлемым, но нуждается в уточнении» [4, с. 114].

При наличествующем разнообразии типов составных наименований и их различной синтагматической протяженности их структура всегда двучленна. В структуре многословного наименования одного предмета мысли наблюдается соотношение родового и видового аспектов в явном виде: субстантивный компонент играет роль идентифицирующего члена, а атрибутивный – дифференцирующего. Атрибутивная часть может состоять из нескольких слов (как согласованных так и несогласованных определений). В связи с этим надо при универбации разграничивать мотиваторы семантический, в качестве которого, по мнению Е. Н. Сидоренко, выступает составное наименование в целом, и формально-структурный (или непосредственный), находящий отражение в морфологической структуре универба. В роли последнего выступает лишь одна из составных атрибутивного компонента исходного наименования, ведь при наименовании вполне достаточен один признак.

Процесс преобразования («эквивалентизации») многословного составного наименования в однословное образование может быть представлен следующим образом. Один из вузов г. Горловки носит наименование *Горловский государственный педагогический институт иностранных языков*. В среде студентов и преподавателей этого учебного заведения получило распространение универбализованное наименование *иняз*. Но наиболее употребляемым названием данного вуза является двучленное по структуре *институт иностранных*

языков. Если громоздкое полное наименование используется только в официально-деловом стиле, а универбализованный его синоним несет печать разговорности и даже сленговости, то двучленное наименование является наиболее приемлемым для нейтральных стилей языка как по стилистической окраске, так и по синтагматической протяженности. Таким образом, можно предположить, что последнее явилось промежуточным звеном при переходе составного наименования в монологическому.

Смысловым мотиватором универба может быть разветвленная структура, представляющая собой название какого-то определенного объекта: учреждения, предприятия, организации и т. д. «Универб, являющийся полным смысловым эквивалентом такого исходного наименования, также должен считаться именем собственным – его синонимом, причем контекстуальным» [4, с. 115]. Например, универбализованное наименование типа *автомобилка* в определенном контексте может восприниматься как эквивалент полного наименования конкретного завода соответствующего профиля. В таком случае атрибутивная часть исходного наименования, как правило, включает себя, кроме непосредственного (формально-структурного) мотиватора универба, и другие определения: по месту нахождения предприятия, по имени собственному, по порядковому номеру и т. д.

В данном случае наблюдаем некое противоречие. С одной стороны, автор говорит о конкретном сочетании слов как о мотиваторе универба, а с другой – как о его эквиваленте. Это значит, что речь идет одновременно и о явлении словообразования, и о явлении формообразования. Безусловно, здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Мы предполагаем, что перед нами акт формообразования, поскольку и исходное словосочетание, и соответствующее ему слово суть варианты (отдельные равноправные реализации) единой абстрактной единицы, которую мы, вслед за В. И. Теркуловым, называем номинатемой. Следовательно, применение терминов «мотиватор», «мотивация», «мотивационная база» относительно исследуемых универбов некорректно.

Но нельзя не согласиться со следующими постулатами Е. Н. Сидоренко. Довольно распространено употребление слов данной группы в роли нарицательных наименований, обозначающих любое предприятие, выпускающее определенную продукцию. Именно такого рода общие универбализованные наименования и фиксируются словарями. Толкование подобных номинаций соотносит эти номинации с составными наименованиями общего значения с ограниченным числом компонентов (*ликерка – завод по производству ликеро-водочной продукции, целлюлозка – фабрика по производству целлюлозы* и др.). Появление именно таких общеупотребительных образований делает универбацию не проявлением единичных случаев замены многословных наименований их однословными синонимами, а устойчивой тенденцией.

Процесс стилевой нейтрализации таких универбов происходит очень быстро.

Как уже отмечалось в данной статье, в процессе преобразования (эквивалентизации) многочленного наименования в универб может иметь место переходный этап. Роль промежуточного звена между исходной и результативной единицами в акте универбации, если таковое действительно наблюдается, выполняет сокращенное наименование. Оптимальным промежуточным звеном является двусловная (двухкомпонентная) структура, которая складывается из субстантивной части и атрибута, выраженного согласованным или несогласованным определением, состоящего из одного (*Днепропетровская детская художественная школа № 1 – художественная школа – художка*) или двух (*Горловский государственный педагогический институт иностранных языков – институт иностранных языков – иняз*) слов.

Необходимо отметить, что «существование сокращенного промежуточного звена при переходе номинаций более чем двусловной структуры в монологемы не является общим правилом. О поэтапном переходе «громоздких» многословных наименований в универб через двусловную (двухкомпонентную. – *Н. Д.*) структуру с непосредственным (формально-структурным мотиватором) универба в виде атрибутивной части можно говорить только как о тенденции» [4, с. 116].

Особого внимания, по мнению Е. Н. Сидоренко, заслуживают случаи двойственной (неединственной) мотивации, когда универбализованное наименование соотносится с несколькими исходными составными наименованиями с общим лексическим значением, но с разной грамматической оформленностью атрибутивной части. Например, *кожанка – кожаная куртка – куртка из кожи*. Это, действительно, интересный случай, но интересен он только лишь своей однозначностью. Мы считаем, что неединственная мотивация (мотивированность, обусловленность) в принципе невозможна ни в области слова, ни в области формообразования [2, с. 24–25]. К тому же вопрос о некорректной терминологии поднимался и был решен ранее в этой статье. Таким образом, можно предположить факт соотнесенности (но не мотивированности! – *Н. Д.*) универба *кожанка* с исходным словосочетанием *кожаная куртка*, а составное наименование *куртка из кожи* является грамматически более сложным вариантом исходного словосочетания, и, следовательно, вариантом данного универба.

Необходимо также помнить о том, что соотношение «словосочетание – слово», по нашему мнению, не является словообразовательной парой, а представляет собой материальное выражение соответствующей номинатемы, то есть в данном случае речь идет о формообразовании. Поскольку словосочетание и универб являются формами выражения одной и той же номинатемы, можем предположить, что сочетание слов типа *зачетная книжка* не может быть мотивационной базой для существительного *зачетка*; оно отражает

внутреннюю форму этого существительного. Таким образом, понятие мотивационной базы не является корректным в нашем случае; более целесообразными и отвечающими данным лингвистическим реалиям здесь видятся понятия эквивалентности, вариативности.

Литература

1. **Блакар Р. М.** Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар. – М., 1987.
2. **Дьячок Н. В.** Этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной-глаголом «речи». Принципы описания : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 / Дьячок Н. В. – Днепропетровск, 2004. – 205 с.
3. **Осипова Л. И.** Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке / Л. И. Осипова // Филол. науки. – 1991. – №5. – С. 61–69.
4. **Сидоренко Е. Н.** К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков) / Е. Н. Сидоренко // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. – М., 1993. – С. 110–124.
5. **Теркулов В. И.** Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісн. Луган. нац. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2006. – №11 (106). – С. 127–136.

Статья посвящена решению вопроса о применении понятия мотивационной базы и его особенностей относительно номинатом типа «словосочетание + универб». Сделаны выводы об ограниченном статусе номинатом и невозможности функционирования термина «мотивационная база» в рамках теории номинатомы.

Ключевые слова: номинатема, универб, универбация, базовое словосочетание, мотивационная база, эквивалент.

Статтю присвячено розгляду питання про застосування поняття мотиваційної бази та його особливостей відносно номінатом типу «словосполучення + універб». Зроблені висновки про обмежений статус номінатом і неможливості функціонування терміна «мотиваційна база» в межах теорії номінатоми.

Ключові слова: номінатема, універб, універбація, базове словосполучення, мотиваційна база, еквівалент.

The article is about definition of motivational base according to the problem of nominatheam. Conclusions as for the definite status of nominatheams and functional peculiarities of motivational base are given.

Keywords: nominatheam, univverb, univverbation, motivational base, eckvivalent.

УДК 81'1

И. П. Зайцева

«МУЖСКАЯ ЗОНА» ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКОЙ КАК ЯВЛЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО МИНОРИТАРНОГО ТЕАТРА

В минувшем XX-м веке произошли весьма существенные изменения в структуре, или типологии, культур – это, в частности, выражается в исчезновении или маргинализации ряда видов, типов, жанрах искусства и мышления, игравших ранее в системе культуры

чрезвычайно важную роль. Среди таких проявлений, например, резкое сокращение реалистических форм в художественном словесном творчестве и в изобразительном искусстве и, соответственно, появление множества нереалистических течений (футуризм, авангард, сюрреализм, модернизм, постмодернизм и т. д.).

Весьма спорным термином «постмодернизм», как правило, обозначают «новый, последний на сегодняшний день» сверхэтап в цепи закономерно меняющихся друг друга на протяжении истории направлений культуры» [1, с. 311–312], начавшийся после второй мировой войны и окончательно утвердившийся в европейской культуре» в 70-е годы XX-го столетия. При помощи понятия «постмодернистский» чаще всего определяют различные нетрадиционные, «неклассические» произведения, создаваемые представителями разных видов искусства (*художественная литература* занимает среди этих видов искусства весьма существенное место).

В русской литературе последней трети XX-го столетия постмодернизм утвердился достаточно прочно – настолько, что в последних работах, анализирующих данное направление, не только излагаются теоретические основания данного феномена, характеризуются ключевые фигуры русского постмодернизма и малоизвестные постмодернистские произведения, но и дается очерк истории русского литературного постмодернизма, включающей три этапа [2, с. 412]. Последняя – третья – волна постмодернизма в русской литературе относится к концу 80-х–90-м годам, когда наблюдается явный рост рядов приверженцев этого направления (причём ряды постмодернистов пополняются как за счет вчерашних реалистов и модернистов, так и благодаря появлению талантливых молодых авторов¹)).

Одной из особенностей последнего этапа русского постмодернизма является активизация драматургии (при сохранении, однако, лидерства постмодернистской проза): среди знаковых пьес этого времени исследователями прежде всего отмечаются «Черный пес» Дмитрия Пригова (1990), «Чёрный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили» Виктора Коркия (1990), «Дисморфомания» Владимира Сорокина (1990) и «Мужская зона» Людмилы Петрушевской (1994).

Имя Людмилы Петрушевской, драматурга и прозаика, известно читателям с 70-х годов. В драматургии 70–80-х Петрушевская воспринималась как неформальный лидер поствампировской «новой волны», возрождающий в своих произведениях традиции критического реализма в соединении с традициями игровой литературы и с элементами абсурда (пьесы «Чинзано», «День рождения Смирновой», «Уроки музыки», цикл одноактных пьес «Квартира Коломбины» и др.²). Уже тогда и читатели/зрители, и критики обратили внимание на особый язык произведений драматурга (драматургини? драматургессы?), безусловно являющийся и основным средством характеристики персонажей, и

главной движущей пружиной развития собственно драматургического действия, а также отличающийся необыкновенной широтой использования речевых средств, нестандартными принципами отбора и организации словесного материала, нетрадиционной (подчас – шокирующей) образностью и т. д.

Принципы эстетики постмодернизма были опробованы драматургом уже в пьесе «Квартира Коломбины» (1981), где через игру с масками итальянского театра «дель арте» передано моральное разложение советского общества.

На рубеже 80–90-х годов Петрушевская в основном создаёт произведения в прозе: повести (одна из них – «Время ночь» – отмечена премией Букера за 1992 год), рассказы, сказки» Вернувшись в драматургию, писательница вновь обращается к жанру одноактной пьесы: «Что делать?» (1993), «Опять двадцать пять» (1994), «Мужская зона» (1994). Последнее произведение большинством критиков оценивается как явление постмодернистского миноритарного театра³.

Пьеса «Мужская зона» подчеркнута нереалистична во многих отношениях и воплощает в себе наиболее радикалистские формы постмодернистского искусства. В данной работе мы остановимся лишь на одном аспекте анализа поэтики этого произведения: характеристике основных композиционно-стилистических пластов драматургического текста в их взаимодействии. Иными словами, мы попытаемся выяснить, *каким образом* авторские принципы отбора и организации языкового материала для собственно драматургического диалога и сферы автора в пьесе соотносятся с основополагающими принципами постмодернизма как направления в искусстве, в частности – в художественной литературе.

Во второй половине XX-го столетия филологической наукой были выработаны принципиально иные, чем ранее, подходы к анализу художественных текстов разных жанров. Среди прочего, было установлено, что современные драматургические тексты (во внимание принимались преимущественно пьесы 60–70 годов минувшего века) целесообразнее всего рассматривать с учётом оппозиции «диалог – ремарка», или, говоря иначе, «сфера персонажей – сфера автора»⁴.

Хотя в рассматриваемой пьесе Петрушевской в пространственном отношении, безусловно, преобладает речевая стихия персонажей, вначале, на наш взгляд, следует рассмотреть речевые формы проявления автора, поскольку именно обрамляющая текст авторская речь, выраженная в разных формах, задает развитие художественно-эстетического смысла в русле идей постмодернизма.

Как и для всякого текста (для художественного – тем более), для пьесы Петрушевской чрезвычайно важно название. Известно, что одной из характерных черт постмодернизма является установка *на интертекстуальность* в самых различных проявлениях: активное цитирование, вплоть до создания своеобразных цитатных коллажей;

сопряжение разного рода текстов и их отдельных элементов в любых, даже самых неожиданных, комбинациях и т. д. Поэтому при анализе постмодернистского произведения исследователь, как правило (иногда произвольно), стремится установить связь рассматриваемого объекта с любыми другими известными ему текстами.

Литературоведы соотносят заглавие «Мужская зона» с названием книги Сергея Довлатова «Зона», где зона лагерная предстаёт как метафора всего советского общества. Представляется, однако, что комментарий по поводу названия пьесы Петрушевской может быть существенно дополнен, если соотнести это заглавие с современной культурно-языковой ситуацией. Так, необходимо учитывать, к примеру, то, что в конце XX-го столетия слово «зона» в принципе актуализировалось в языке в результате активного употребления, а также явного расширения сочетаемостных возможностей⁵. При таком учёте смысловая ёмкость названия, несомненно, увеличивается, повышается его ассоциативность, в результате чего выявляются как прямые, так и опосредованные связи данного выражения со множеством разного рода текстов (прежде всего – художественными и публицистическими), в том числе и с названиями произведений других видов искусства (например, фильма Ю. Ильенко «Лебединое озеро. Зона»).

Особого внимания заслуживает и жанрово-стилистическая квалификация пьесы автором: *кабаре*. Представляется, что в этом случае мы имеем дело с установкой на актуализацию первоначального значения данного слова (с одновременным сохранением в поле сознания значения приоритетного для современного периода): если в современном языке кабаре – это «небольшой ресторан с эстрадой», то первоначально французское *cabaret* (во Франции XIX-го века) обозначало ‘артистическое кафе, в котором устраивались импровизированные представления с участием поэтов, музыкантов, актеров’ [5, с. 407] (как выяснится при дальнейшем знакомстве с текстом пьесы, для данного художественного произведения ведущим оказывается именно первоначальное значение слова «кабаре»). Таким образом, смысловая осложнённость названия произведения подводит адресата (читателя/зрителя) к ещё одному принципиально важному для постмодернизма принципу: явной установке на игру в качестве основополагающего для создания художественного текста приёма.

Автор-драматург обладает, пожалуй, наиболее широкими возможностями для обращения к различным игровым приёмам, поскольку драматургия – единственный из родов литературы, связанный с настоящей сценической игрой, что, в свою очередь, создаёт весьма благоприятную почву для придания игрового характера драматургическому тексту – в частности, для реализации в нём разнообразных приемов языковой игры (как в духе Витгенштейна, так и в плане создания игровых ситуаций в условиях микроконтекстов на различных уровнях языковой системы).

Заглавие пьесы Петрушевской предопределяет использование в создании следующего далее художественного текста ещё одного принципа поэтики постмодернизма: деконструкцию знаковых текстов во всевозможных проявлениях (трансформация сюжетов, стилистических тональностей, отдельных образов, конкретных крылатых выражений и т. д.).

Следующий непосредственно за заглавием список действующих лиц прежде всего формирует основу именно для реализации принципа деконструкции:

«Действующие лица

Надсмотрщик

Ленин

Гитлер

Бетховен

Эйнштейн» [7, с. 76]⁶.

Четверо персонажей пьесы – личности всемирно известные, в результате чего их имена воспринимаются не столько как средство номинации лиц, сколько как их характеристика: за каждым из собственных имен закреплено определённое содержание, обширный коннотативный план, превратившие их в имена-тексты, в имена-характеристики. Слово «надсмотрщик», которым обозначен пятый персонаж, хотя и является нарицательным существительным» однако принадлежит к лексемам с выраженным коннотативным компонентом (как правило, негативного свойства), т. е. так же, как и собственные имена действующих лиц, характерологично по своей сути.

Объединение в условиях художественной структуры персонажей, которые в реальной жизни никогда не могли бы встретиться, уже само по себе создаёт иную – виртуальную – реальность, тот смысловой фон, от которого будет отталкиваться автор в своих последующих деструктивных действиях. (Ср.: «Постмодернизм был первым (и последним) направлением XX в., которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга» [8, с. 223].)

Ремарочный пласт «Мужской зоны», несмотря на небольшой объём, также чрезвычайно важен для приближения к пониманию авторского замысла. Так, начальная ремарка собственно текста пьесы («*Действие происходит в античном театре*») сразу же «включает» адресата в авторскую игру со временем и пространством, развертывающуюся на пересечении творимых волею драматурга виртуальных реальностей. Особенно интересными нам представляются ремарки» характеризующие намерения персонажей и внутреннее состояние героев: для того чтобы воплотить авторский замысел на сцене, актёры должны обладать незаурядным мастерством, владеть искусством пластики, пантомимы и т. д. – одним словом, быть универсально

подготовленными: «**Бетховен. Так**» (*Смотрит в сторону, бьёт носком об пол. Стесняется.*); «**Ленин. Я Луна.**» (*Сворачивает рот на сторону.*); «**Ленин делает попытку зайти, т. е. опускается, крутя туловищем как в твисте**»; «**Эйнштейн хочет уехать в Америку**»; «**Ленин, семеня, изображает танец маленьких лебедей.**»

Таким образом композиционно-стилистическая зона автора чрезвычайно значима для пьесы Л. Петрушевской, поскольку образует своеобразный содержательно-эстетический каркас, способствующий приближению адресатов (не только читателей/зрителей, но и режиссёров, актёров) к более адекватному проникновению в суть авторского замысла и, соответственно, в сущность тех постмодернистских приемов, которые положены в основу создания «Мужской зоны».

Однако наиболее полное воплощение постмодернистская поэтика пьесы находит всё же в самом драматургическом диалоге – в речевой сфере персонажей. Деконструкция – как всех затрагиваемых в произведении текстов, в том числе и классического («Ромео и Джульетта» В. Шекспира), так и традиционных имиджей действующих лиц – в наибольшей степени осуществляется устами самих героев пьесы, посредством их речевых поступков. В целом драматургический диалог намеренно приземлён, снижен автором: он практически полностью ориентирован на разговорную речь в её достаточно примитивном варианте. Реплики в большинстве своем лаконичны, упрощены структурно, нередко включают сниженные речевые средства – например:

«Бетховен (беспокойно). Что он сказал?

Ленин. Джульетта с кормилицей.

Бетховен. А роль?

Ленин. А ты не выучил?

Бетховен. Ась?

Ленин. Глухой, что ли? Как глухой оборотень сидит.

Надсмотрщик. С пятой цифры.

Бетховен. А.

Гитлер. Что-то я, Джульетта, беспокоюсь.

Бетховен. А что.

Гитлер. Мне не нравится твое состояние.

Бетховен. А что.» [7, с. 77].

На фоне в целом стилизованного под разговорную речь диалога реплики более объёмные – монологизированного характера (их в пьесе очень немного) – всегда углубляют эпический слой драматургического текста и, как правило, знаменуют собой иной поворот в развитии драматургического действия. Так, о сюжетной канве произведения мы узнаем из начальной реплики, произносимой Надсмотрщиком:

«Надсмотрщик (сидит за столиком как режиссёр). Так. Как всем нам тут известно, пьесы Шекспира написала одна графиня, кличка «Голубка». Ну и Бог с ней. Играем наш мужской вариант. Начинаем. Где у меня Ромео, где Джульетта.» [7, с. 77].

Монологизированные реплики, произносимые Лениным и Эйнштейном (их всего по одной в речевых портретах каждого из этих персонажей), оказываются особо значимыми для деконструкции традиционных имиджей названных действующих лиц – видимо, это происходит и потому, что более пространное звено диалога даёт возможность одновременно и актуализировать признаки сформированного ранее имиджа (прежде всего путём вербального указания на определённые его детали: события, происходившие в реальности; особенности портрета, интерьера и т. д.; род занятий, увлечения и др.), и тут же разрушить какие-либо стороны этого имиджа, контрастно противопоставив им нечто совсем иное.

Например, в реплике Ленина на традиционный имидж персонажа «работают» упоминание о реальном месте ссылки (Шушенское), о действительно имевших место эмиграциях и т. д.; в то же время активное насыщение данной реплики сниженными речевыми средствами («кидались», «фиглюянов», «въезжают» – в значении «понимают» и др.), что противоречит сформировавшемуся (вернее – сформированному) представлению об этой личности, является одним из весьма действенных средств деконструкции этого устойчивого представления:

«**Ленин** (*внезапно*). Да, здесь, в этих условиях, никто не обращает внимания, как в эмиграции. Идешь – никто не узнаёт, даже в сторону твою не глядят. А дома, в России, приходилось натягивать парик, брить всё лицо, так на меня кидались. Из-за этого мы и совершили переворот, чтобы все узнавали, кидались, но при этом не ссылали опять в Шушенское. Там тоже всем всё равно, Ленин, Ульянов, фиглюянов... Ходят крестьяне! они не въезжают, кто я.» [7, с. 80].

В монологизированной реплике Эйнштейна к традиционному имиджу персонажа «отсылают» упоминания о скрипке и о формулах; впрочем, именно эти же детали и разрушают в первую очередь устойчивое представление об этой личности, поскольку в системе ценностей виртуальной реальности пьесы (точнее – одной из реальностей, созданной вокруг образа Эйнштейна) они находятся совсем не на тех местах, что в реальности действительной:

«**Эйнштейн**. Пока этот (*в сторону Надсмотрщика*) спит, я скажу: меня тут никто не может оценить, а зарабатываю я скрипкой, начну играть, они сразу суют мне кубок с амброзией и просят: здесь больше не играй. А в остальном – ну кто здесь знает, кто я и что такое е равно мц квадрат!» [7, с. 80]

Безусловно, учитывая рамки данной работы, детально и хотя бы относительно полно проанализировать взаимосвязь отбора и организации языкового материала в соответствии с принципами постмодернизма, на которые сориентирован данный драматургический текст, довольно сложно: для этого необходимо затронуть еще целый ряд аспектов, определяющих лингвостилистическую и композиционно-эстетическую

специфику произведения (в частности, речевые портреты каждого из персонажей в отдельности и в их взаимодействии).

Предложенные вниманию читателя некоторые наблюдения над текстом пьесы Людмилы Петрушевской «Мужской зоны» имели своей целью продемонстрировать, что у талантливого автора язык в качестве первоэлемента литературного произведения всегда гибко реагирует на любые воплощаемые в художественном тексте авторские замыслы, гармонизируя тем самым взаимоотношения между заложенным в структуру произведения содержанием и формой, в которую это содержание заключено.

Литература и примечания

1. **Энциклопедический** словарь по культурологии. – М. : Центр, 1997. – 478 с.
2. **Скоропанова И. С.** Русская постмодернистская литература / И. С. Скоропанова. – М. : Флинта; Наука, 1999. – 608 с.
3. **Бене К.** Театр без спектакля: Заметки П. Клоссовски / К. Бене. – М. : ВТПО «Союзтеатр», СП «Офсет принт Москва», 1991.
4. **Винокур Т. Г.** О языке современной драматургии / Т. Г. Винокур // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М. : Наука, 1977. – С. 130–197.
5. **Большой** толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
6. **Словарь** русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1980–1984.
7. **Петрушевская Л.** Мужская зона: Кабаре / Л. Петрушевская // Драматург. – 1994. – № 4. – С. 76–81.
8. **Руднев В. П.** Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.

¹ К первым относятся Людмила Петрушевская, Вячеслав Пьецух, Валерия Нарбикова, Виктор Коркия, Михаил Волохов, Игорь Померанцев, Татьяна Толстая, Михаил Левитин и др.; ко вторым – Виктор Пелевин, Вячеслав Курицын, Дмитрий Быков, Владимир Сорокин, Юрий Вуйда, Евгений Лапутин и др.

² В 1988 году вышел сборник пьес Л. Петрушевской «Песни XX века»; в 1989 году – сборник пьес «Три девушки в голубом».

³ Создателем миноритарного театра считается итальянский литератор, актёр Карлито Бене; основная ставка в его театре делается на актёра-машину, для которого исполнение роли – способ самовыражения. Миноритарный театр, по мнению Бене, – театр, освобождённый и от власти литературы, и от диктата драматургии [3].

⁴ См., например, работу Т. Г. Винокур «О языке современной драматургии» [4].

⁵ Если «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), изданный в 1981–1984 гг. [6], содержит лишь одно значение данного слова, то «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, вышедший в 1998 г., отмечает у слова «зона» три значения (в том числе и жаргонное), а также ряд сочетаний устойчивого и полустойчивого характера («тарифная зона», «зона огня», «зона свободного предпринимательства» и др.) [5].

⁶ Здесь и далее текст цитируется по изданию, указанному в библиографическом списке [7].

В статье изложены наблюдения над речевой тканью одной из наиболее оригинальных в лингвоэстетическом отношении пьесы Людмилы Петрушевской «Мужская зона». Основное внимание сосредоточено на авторских приемах реализации в словесно-художественной структуре принципа интертекстуальности как основной концептуально и композиционно значимой категории.

Ключевые слова: постмодернизм, миноритарный театр, интертекстуальность, диалог, рамочные компоненты пьесы, стилизация, монологизированная реплика.

У статті викладені спостереження над мовною тканиною однією з найбільш оригінальних у лінгвоестетичному відношенні п'єси Людмили Петрушевської «Чоловіча зона». Основна увага зосереджена на авторських прийомах реалізації у словесно-художній структурі принципу інтертекстуальності як основної концептуальної та композиційно значимої категорії.

Ключові слова: постмодернізм, міноритарний театр, інтертекстуальність, діалог, рамкові компоненти п'єси, стилізація, монологізована репліка.

In the article remarks are expounded above one vocal fabric of the most original in a lingua-aesthetic relation to a play by Ljudmila Petrushevskaya the «Masculine area». Basic attention is concentrated on the author means of realization in the verbal-artistic structure of the principle of intertextuality as the basic conceptually and compositionally to the meaningful category.

Keywords: postmodernism, minority theater, intertextuality, dialog, scope components of play, stylization, monologized remark.

УДК 81'1

Г. В. Звезда, В. М. Петров

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО СЛОВА

Краеведение... Это феномен особого постижения мира, того бытийственного космоса, в котором русский человек осознает и познает себя неотъемлемой частицей этого космоса. В основе такого познания – целостный взгляд на мир, на то духовное пространство, где пребывает душа.

Оно многомерно, объемно для познающего человека, движение и развитие его не линейно, а подчинено другим законам, как и сами побудительные мотивы познания. Они в душе русского человека, в его ментальности, в его мироощущении, идущем из глубин прошлого, из родовой памяти народа.

Вот почему краеведение – феномен, присущий только русскому уму и чувству. Это не только обращение в прошлое, не форма знания: в нем живое биение родовой памяти, воспоминание самих себя в цепи поколений, в их делах, подвигах и страданиях, в обетованной земле, что передается из рода в род, и обозначенной прежде всего духовными ориентирами. Материальное тленно, но деяния предков, сохраненные и выраженные в слове, запечатлены в историческом пространстве навсегда. Вот эти-то знаки и дороги нам как завет живших до нас и

обустроивавших эту землю трудом, молитвой и ратными подвигами.

А. С. Пушкин, обладавший пророческими знаниями, выразил наше, сугубо русское чувство, в гениальных строках, часто и много цитируемых, но не всегда, может быть, воспринимаемых в их божественной полноте:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.*

Истинное (не формальное) краеведение в основе своей несет Любовь – к своей земле, к своему роду, к своей истории, к русскому Слову и русской Песне – выразителям любви к отеческим алтарям. Такое познание и есть формирование пространства любви. Для всех живущих.

А значит, краеведение – еще и великая школа воспитания души, школа формирования национального самосознания, прочность и достоинство которого определяется силой Любви – к Отечеству, истории его, к народу своему.

Как необходимо нам цельное знание о самих себе, живущих на земле отцов, так опасно и нежелательно оно для наших врагов. Не случайно, что в первое десятилетие большевистской власти в прошлом веке «интернационалисты» запретили краеведение и подвергли гонениям краеведов, начали новое «летописание» русской истории.

«Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. А тот, кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым», – так писал в антиутопии «Год 1984» Р. Оруэлл. Это не плод писательских домыслов, а фундаментальная формула системного уничтожения национальных, традиционалистских государств. С одной целью – достичь мирового владычества над странами и народами.

Сегодня это стремление темных сил вступило в особую, заключительную фазу действий, когда циничное попрание международных норм общежития стало обыденным явлением. Мировая история на всем ее протяжении так или иначе шла в направлении уничтожения национальных государств, поиска механизма всевластия над соседом, странами и континентами. Военные походы Чингисхана, европейские колониальные экспансии, вестернизация начала двадцатого века... И теперь вот – глобализация, обозначенная некоторыми футурологами началом «конца человеческой истории».

На протяжении столетий европейцы были заняты освоением и переустройством самых отдаленных уголков планеты, включением их во всеобщую систему торгового, культурного и информационного обмена. Процессы эти носили универсальный характер, поскольку модель технологического общества с ее атрибутами потребительства, либеральной демократии, информационного террора легко воспроизводима, а значит и всеобща. Но процесс вестернизации (как своеобразная форма ее – идеи «Коминтерна» и «мировой революции») был, в некотором роде, управляемым – на основе неких единых принципов «выравнивания» субъектов. Совершенно иное направление приняли современные процессы глобализации, когда цель достижения мирового господства осложнилась осознанием конечности земных ресурсов, возникла ситуация глобальной конкуренции нескольких моделей развития. Да, мировое лидерство по-прежнему остается за Америкой – в силу того, что большинство государств заимствовали единые социальные теории, европейские политические системы. В конце прошлого века на этот губительный путь шагнула и Россия...

Но лидерство такого рода внутренне противоречиво, изначально основано на «корректировке» сложной красоты мироустройства и подгоне его всеми средствами под американский «идеал» свободы и рыночного регулирования. Однонаправленность такого «идеала» губительна и для самого носителя: в нем нет места национальному своеобразию. Суть национального пути развития подавляется (теперь уже открытой военной агрессией), выхолащивается, в подконтрольных государствах подменяется лишь формой, оболочкой национальных черт, прежде всего направленных на отстраненно-потребительское восприятие «новыми кочевниками», людьми, лишенными национальных корней. Это, кстати, одна из важнейших задач, идеалов глобализации: формирование безликого, безродного существа, человека-потребителя. Вовсе не случайно в первые годы реформ российские либерал-благотетели в открытую заявляли о необходимости быстрой смены поколений с тем, чтобы новый человек-мутант не мешал реализации их целей. Многократно упоминался – как образец – библейский Моисей, якобы 40 лет водивший несчастных по пустыне, чтобы «вывести» новое племя... «Водят» русских вот уже полтора десятка лет, используя все доступные средства для формирования «толерантного» поколения Иванов, не помнящих родства». Того самого, о котором писал Пушкин:

*И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света,
Ни призрак мертвый...*

Идеолог глобализации Ж. Аттали так сформулировал образ «нового жителя» Земли: «Кочевничество будет высшей формой нового общества... Каждый будет носить с собой свою собственную

идентичность... Кочевники будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе...». То есть речь идет об атомизации человечества, создании людей «перекасти-поле», живущих в виртуальном пространстве, чуждых земной жизни. И процесс этот все нарастает: миграционные потоки омыают земной шар все более активно. Сколько соотечественников покинуло Россию за эти годы, отказалось от нее!

Человек-кочевник лишен родовой памяти, ему недоступны предания и вера предков, им не воспринимаются слава и подвиги отцов. Он легко управляем, а следовательно, безопасен.

Глобализация – утверждение лишь одной модели мироустройства. Качество существования незападных обществ мировых владык не интересует, устройство их социальной судьбы не волнует. Важно достичь контроля над ресурсами стран...

В этом процессе мы, русские, должны ясно и четко осознавать – почему именно Америка преподносится как идеальная экономическая и социальная модель мироустройства. Это государство создано искусственно, на предварительно «расчищенной» территории кочевниками всех стран и народов, лишенных национальных корней. Америку часто называют «плавильным котлом», где нет ни эллина, ни иудея. Но на каких же идеалах зиждется ее могущество вот уже более двух столетий?

Это государство, построенное на крови уничтоженных жителей континента, изначально отвергло Бога, а значит могущество ее inferнально и подпитывается силами тьмы.

И вот эту модель пытаются распространить на весь мир, на Россию в том числе.

Отсюда очевидно – почему нас лишили графы «национальность» в паспорте, почему из средств коммуникаций исчезла русская музыка, песня, да и русская, по сути, речь. Почему «изгоем» оказалась русская литература, а книжная продукция стала формой тиражирования текстов, лишенных художественного содержания и духовного наполнения... Можно было бы отнести все эти знаковые явления к издержкам реформ, к проявлениям «административного восторга» реформаторов. Но за всем происходящим явно прослеживается целенаправленная политика, руководимая из невидимого, но реально существующего центра...

Что ж, смириться нам?

Неужто горечь пушкинских строк лишь подтверждает наше бессилие:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

Но что можно противопоставить валу информационного яда,

вливаемого в умы и души поколений? Противопоставить – системе?

Только систему, которой пока нет, и неясно, сформируется ли она в условиях беспощадной к человеку информационной войны. Где же выход? Только в духовном противостоянии злу. И опора тут – наша Православная Вера и наша русская История.

Будем помнить совет преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи». На этом камне веры мы всецельны. Так, звёнка за звёнку, и должны держаться в своем национальном самостоянии. Чтобы спасти себя и спасти Россию. И краеведение на этом пути – первейший помощник, поскольку оно Любовью воскрешает нашу Историю, наполняет сегодняшнее время Памятью, Достоинством, Гордостью. И напоминает горькими страницами о том, что недопустимо повторять нам... Да, народ наш болен, разобщен, тем самым более достоин названия безликого «населения». Да, вера наша переживает величайшее испытание на крепость свою в душах людских.

Как тут не вспомнить строки ответа Н. В. Гоголя В. Белинскому (1847 год): «Или вы это называете молитвою, что одна из сотни молится, а все прочие кутят, сломя голову, с утра до вечера на всяких зрелищах, закладывая последнее свое имущество (природные ресурсы, сегодня. – Г. З., В. П.), чтобы насладиться всеми комфортами, которыми наделила нас эта бестолковая европейская цивилизация?»

Есть это, есть! Но...

«...Общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства...»

Фальсификаторам, уничтожителям наших национальных духовных основ, можно и должно противостоять качеством человека. Все мы вписаны в нашу русскую историю, все мы вышли из нее. Утрата этого спасительного чувства – путь рабства, путь «кочевничества», путь к гибели. Среди духовных бастионов, противостоящих погибельному пути, особое место занимает живое родное слово в самых разных его вариантах и жизненных проявлениях

В эпоху всех катаклизмов, которые имеют место не только в России на переломе тысячелетий, мы наблюдаем вместе с тем процесс активного разрушения родного слова прежде всего в России.

Порою приходится наблюдать очень странную речь, которая является не иначе как порождением русиша-мутанта. В эти-то тяжелые дни испытаний мы обращаем свои взоры к нашей великой литературе, которая несет в себе все лучшее, что свойственно русскому народу, все те бесценные мысли и чувства, которые сберегаются в русском слове. Именно художественная литература содержит идеал, без которого немислима жизнь русского человека.

Ю. Казаков в своих «Литературных заметках» писал: «Неизвестно еще, что бы было со всеми нами, не будь литературы, не будь Слова! И если есть в человеке, в душе его такие понятия, как совесть, долг, нравственность, правда и красота, – если хоть в малой степени есть, – то не заслуга ли это в первую очередь великой литературы?»

Однако художественная литература сберегает не только сокровища литературного языка, но и ту часть диалектного языка, который в результате политики погони за правильной литературной речью фактически был изгнан. Ведь именно диалектный язык прочно хранит генную языковую память. Это чутко улавливали наши лучшие мастера художественного слова.

Следует отметить, что диалектная лексика (в особенности) и фразеология занимали не последнее место в арсенале изобразительно-выразительных средств не только титанов русской классики, но и тех художников слова, без творчества которых немислимо себе представить вершину русской классической литературы, речь, например, может идти о замечательных наших писателях Черноземья: М. Пришвине, А. Левитове, А. Эртеле и др. Сами они называли диалектизмы «местными словами». Творцы провинциального слова породили ручейки, которые слились в мощную реку русского языкового творчества.

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» – явления исключительного и, в некотором роде, единственного – ратовал за народный язык. В. И. Даль писал: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный» (Напутное слово, 1862). Гениальный знаток русского слова стремился указать современникам средства народного обновления русского литературного языка XIX века. Речь шла о живых говорах русского языка и народной основе литературной речи.

Вместе с тем невозможно представить язык И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, а также язык современных классиков без просторечных и диалектных слов. Просторечие и диалект – это тот колодезь, из которого черпали языковые художественные средства лучшие наши писатели и поэты. Диалектное и просторечное слово очень часто уходит своими корнями в глубочайшую древность, нередко отражая праславянский период в развитии русского и других славянских языков.

Индоевропейский (например, дуб, снег, вода и др.), общеславянский (например, гость, вера, воля, голова, поле и др.), восточнославянский (например, белка, ковш, ларец и пр.), собственно русский (например, очень, грусть, нужно и т. д.) пласты находят в диалектах чрезвычайно сложное отражение и преломление. Достаточно сопоставить данные «Толкового словаря живого великорусского языка», «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (под ред. О. Н. Трубачева), «Этимологического

словаря русского языка» М. Фасмера, «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹, чтобы представить себе безграничность взаимодействия и развития русского слова с современными историческим словарным фондом.

Как известно, лексика говоров русского языка может быть разделена на две части: одна – общая для всех говоров, другая составляет между говорами различие. По отношению к литературному языку, с одной стороны, и по признаку охвата территории русского языка – с другой, лексику говоров можно подразделить на 3 группы: 1) собственно диалектная лексика, то есть лексика, имеющая ограниченную территорию распространения и не входящая в словарный состав литературного языка; 2) лексика, имеющая в говорах ограниченную территорию распространения, но входящая также в состав литературного языка; 3) лексика, не имеющая территориальных ограничений в распространении, входящая в состав как говоров, так и литературного языка.

Наибольший интерес представляет собой собственно диалектная лексика. Это прежде всего лексика, связанная со старыми формами ведения сельского хозяйства (орудия труда), с предметами домашнего обихода, деталями жилой постройки, народной одежды и т. д. При этом следует различать собственно этнографические различия и лексические диалектные различия, характеризующие структуру всей совокупности русских говоров.

Этнографические различия связаны с различиями в материальной культуре. Однако большинство лексических различий говоров свидетельствует об их собственно языковом характере.

Известно, что говорам русского языка свойственны те же типы внутрисистемных лексико-семантических связей, что и литературному языку. В лексико-семантической системе любого отдельного говора русского языка наблюдаются такие явления, как многозначность слов, полная или частичная омонимия, синонимические ряды, отношения антонимии и т. д.

Исследователи отмечают, что для народных говоров наличие синонимов характерно в гораздо большей степени, чем это свойственно литературному языку.

Можно говорить о наличии в говорах своего рода стилистической дифференциации, которая принципиально отличается от соответствующих явлений в литературном языке. В современных говорах выделяют три стиля речи: обиходно-бытовой, народно-поэтический и элементы публичного стиля.

В данной статье мы хотели бы дать самый общий обзор местной лексики, которая используется в творчестве писателей нашего края. При этом мы фиксировали и те слова, которые В. И. Даль сопровождал пометой «нар.», имея в виду и просторечную лексику.

Как показывает языковой анализ произведений наших земляков, особенно полно представлена местная лексика в творчестве *А. И. Эртеля в его романе «Гарденины»*². Именно народность языка писателя приводила в восторг Л. Н. Толстого и И. А. Бунина.

ПОВЕРТОК

Вот и *поверток* и знакомый бугорок с старою ракитой на вершине... Вдруг, обогнувши этот бугорок, шагах в двадцати от себя Николай увидел такую картину. У веселой белой избы, на твердо притоптанном, залитом солнцем месте, Агафокл, без шапки, в ситцевой рубахе, опоясанной ниже толстого брюха, с балалайкой в руках, отхаживал «барыню» (с. 94).

КОТОМ

Не помня себя, он бросился бежать. Не успев подумать хорошенько, он всем существом своим почувствовал, что это - ведьма, Козлиха. Земля убегала под ним; за спиною ясно раздавался спутанный, мелкий топот: то, что догоняло, несомненно было на трех ногах и по временам мчалось как клубок – *котом* (с. 134).

БАСОЧКИ

Девочки были в «блюзках» с «*басочками*», – опять-таки как у господ. Волосики у всех были расчесаны «на косою ряд» и на помажены «серполетовою» помадой (с. 138).

ПАРАТНОЕ, ВЕНДЕРКА

– Не то снимите сюртучок-то, Онисим Варфоломеич, – сказала Митревна, – небось жмет? Уж это *паратное* платье завсегда жмет в подмышках. И сапожки-то не разуть ли с вас?

– Да, пожалуй, достань *вендерку*. Послободнее.

Митревна торопливо побежала к сундуку, достала из него и почтительно подала Онисиму Варфоломеичу платье, известное в семье под названием «*вендерки*», – род какой-то кофты из лоснящейся материи с порьжелыми кистями и шнурками (с. 142).

САЛОПА

Придет зима – носу нельзя будет показать на улицу; как уж нынешнюю перезимовали... Да и моя-то, признаться, шубейка... не вполне.

– Говорила, перемогитесь как-нибудь, не закладывайте *салона*, – сказала маменька (с. 145).

ОНОМНИСЬ

Ярлыков-то, гляди, целковых на шесть наберется, да вот когда по ним расчет? Да ты, никак, был *ономнись* навеселе, говорил, от продажного овса...

– Тсс! – цыкнул на нее Андрон и боязливо посмотрел, нет ли кого около клетки. – Мало ли что во хмелю нахвастаешь! Ты вот что, девка, не сходить ли тебе ноне в контору, не попросить ли расчету по ярлыкам? Ну, скажешь, нужда, то да сё, авось разочтут (с. 163).

ПОСЫКНУЛСЯ

– Н-да, нравный старик, – и, помолчавши, сказал: – Меня давеча ни за что ни про что за виски оттрепал. *Посыкнулся* я было про шапку ему сказать, про крымскую. [Посыкнулся – возымел намерение; крымская шапка – шапка из сизого курпяка (Прим. А. И. Эртеля.) (с. 164).

ТЕЛЕЛЮЙ

– А ты что ж думал, ты во святых? Николай Мартиныч, вот рекомендую – святой... по миру братьев пустил, за быков фальшивую монетой расплачивался, два раза чуму разводил по губернии... Эх, ты... *телелюй!* (с. 186).

ТПРУЖЕНЬ

Затопили печки; над трубами за клубился румяный дым; начали выгонять скотину в стадо; ворота точно пели на разные голоса: там хриплым басом, там пронзительно и тонко, там нежным, певучим голоском; пастухи хлопали кнутами, бабы звонко кричали: «а-рря! а-рря!»... «вечь, вечь, вечь!»... «*тпружень, тпружень... тпружень*, родимец ты задави!..», мужики уводили лошадей на выгон; хрюканье, бляенье, мычанье, ржанье смешивались, переплетались между собою и с необыкновенною ясностью разносились в остывшем за ночь воздухе (с. 191).

ПРИБОР

Привалился Веденей на солому, жевал былинку, обводил глазами свое крепкое хозяйство, думал о рассаде, об огороде, о том, как много у него скота и хлеба и все в порядке, в *приборе*; вслушивался, как мычали коровы, хлопали пастушьи кнуты, играл звонкий рожок, выводили на разные голоса ближние и дальние ворота; разбирал носом запах дыма, соломы, парного молока, запах земли и утренней прохлады... (с. 191).

ПОВОЙНИК

Ейная родня встряла, с Акулины *повойник* сшибли... сгрудились – да на улицу!.. Пришла ночь, взял Андрюшка воровским манером жену, парнишку, три дерюги, два зипуна... клеть на замок – ушли к тестю. – Веденей опять всхлипнул, развел руками и сказал: – Рассуди, отец (с. 193).

ОСЛОБОНИТЬ

– Не-э-эт, брат, эти времена прошли! Баб сечь не велено.

– Как, отец, не велено? Мне Дуньку никак невозможно *ослобонить*. Сделай такую милость.

– Чудак ты! Говорят - нельзя. Закон. (с.194)

НЕПОТАТЧИК

В хохоте он ясно различал и радостный смешок Сидора Нечаева, и визгливое захлебывание молодого Шашлова, и, что всего горестнее для Веденей, солидный с раскатцем смех строгого старика Ларивона Власова, и сиплое хихиканье «*непотатчика* таким делам» Афанасия Яклича (с. 200).

ИСПОЛУ

Из Анненского только пять дворов косили на хуторе: убирали *исполу* маленькую вершинку. К ним Николаю и незачем и некогда было заезжать: только раз был у них – делил копны. Барское они обязаны были сметать в стога, а свое прямо из копен складывали на телеги и возили домой (с. 217).

ЗАГОМОЗИТЬ

– Ну, ну, загомозил, заторопился, – сказал он. – Это ты спроси, Пашутка, которых грамотных, которые в книжку читают. А я что? Ходил за сохой целый век, ее одноё и знаю, кормилицу... Сказывают, по зимам солнышко-то на теплые моря уходит (с. 218).

ГОМОЗОК

– Гомозок, хочешь я тебя грамоте выучу?! – вдруг весело крикнул Николай.

Арсений взгляделся в него (с. 219)

КИВОТИК

– Ишь! выбрал время! Фекла, подай вон *кивотик*-то, расклеился... вон он, святителя Митрофана-то... Ишь нашел время! Небось поспел бы, не на пожар! – и, не подымая глаз, с деловым, брюзгливым видом завернул расклеившийся *кивотик* и положил его перед Иваном Федотычем. Ивана Федотыча до такой степени растрогало это поведение, так умилило, что и Парфентьевна притворялась ничего не понимающей и только украдкой взглядывала на него сияющими, благодарными глазами, что он совершенно забыл жестокие Лукичовы слова (с. 245).

ВЕНТЕРЯ

– Вот, брат ты, мой, кабы полны *вентеря* вытащить!

Внезапно точно кто отпустил не в меру натянутые струны в душе Ивана Федотыча. Он как будто видел мучительный сон и, проснувшись, настолько овладел сбитым с толку и все еще дремлющим сознанием, что понял, что это был сон. Приятное чувство облегчения разлилось по всему его телу (с. 251).

СВЯСЛА, ПОСКОНЬ, СПРОХВАЛА

То, что называется «междупарьем» – от первой пахоты до того, как начинают косить рожь, – обыкновенно проходит весело в деревне; вместо хороводов, конец которым на Троицу, собирается «улица», от вечерней зари до утренней поются песни, а днем бабы и девки сидят где-нибудь в тени: шьют грубое платье к страде, сучат «*свясла*», вяжут, чинят или копаются в огороде, поливают капусту, выбирают «*посконь*» из конопли; мужики отбивают косы, прилаживают к ним грабли, готовят телеги. Вся работа легкая, которая делается «*спрохвала*» (с. 252).

ВАРОК

Табуны уже выгнали в степь, и ворота опустелых *варков* стояли отворенные настежь. Обогнувши ракиту, Николай увидел Агафокла: он

сидел на завалинке, босиком, распоясанный, с расстегнутым воротом, и, понурившись в землю, тяжело сопел (с. 259).

М. М. Пришвин в своем знаменитом романе «Кашеева цепь» сам выделяет все местные слова и приводит их толкование. При этом автор выбирает из семантики многозначного слова именно местное значение диалектизма, распространенного в различных областях, имеющего сложную систему значений и богатое словообразовательное гнездо.

Диалектизмы в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь»³

Пометы и комментарии самого Пришвина

СКОРОДИЛ (обл.) – Скородить – бороновать.

– Что тебе от меня надо?

– Землицы.

– «Землицы, землицы!» Затвердил Якова, одного про всякого. Я бы на твоём месте и носа не показала сюда. Ты намедни скородил?

– Скородил.

– Борону ты сломал?.. (с. 21).

ПРИОТЗЫНУЛ (местн.) – Приотзынул – приоткрыл.

Только собралась опять с духом и сказала своё «нута-с» – в передней новый шум, топот, отхаркивание, отсмаркивание; староста Иван Михалыч робко *приотзынул* (здесь и далее курсив авторский) дверь (с. 21).

...ПОД РАБОТУ В КРУЖОК... – Зд.: в значении обработать участок земли, примыкающий к уже обработанному.

Пока мать, измучив себя и Гуська, решается сдать ему «завалющийся клочок» под работу *в кружок*... (с. 23).

ГЛУДА, ГЛУДКА (местн.) – комочек земли.

Если бы можно было теперь съёжиться в маленькие комочки, как перепела, и притаиться под глудкой! (с. 26).

ЧЕКМЕНЬ – род кафтана.

Церковный сторож давно отзвонил. Давно уже небо покрылось звёздами. Месяц взошёл. И тысячи малых земных звёзд засияли на стеблях озими, на сапогах, на чекмене, на бороде Гуська... (с. 27).

...КРИЧАТ «ПОД ТАБАК»... – Табак – деревянный набалдашник на упорном шесте, которым отталкиваются ото дна. Возглас «под табак» означает, что шест достиг дна.

Алпатов обегал на пароходе все мышьи норки и, как маленький мальчик, всё спрашивал о всякой безделице: и что за конусы качаются на воде с фонарями наверху, и почему иногда кричат «под табак»... (с. 110).

ЕЛДА (обл.) – ссора.

– А что ты выгадал? – окрысился Павел.

– Елду выгадал, – поддержал Павла малоземельный Пахом (с. 220).

РАХМАНЫЙ (обл.) – смирный, простоватый, тихий.

В этих горных лесах было столько простого, к чему так легко привыкать, и такого заманчивого и похожего на сон О Зеленой Двери, что

Алпатову захотелось обнять одного чистого старика из Саксонии, сидящего на корзине, и в этот самый момент наконец он отгадал значение одного немецкого слова, сказанного о саксонцах Миной при расставанье. Она своих земляков назвала *gemüthliche*, и Алпатов весь день искал в русском языке подобного слова: добрые, простые, уютные — все было не то. Но когда ему захотелось обнять лесника, покрытого добродушными саксонскими морщинами, он вдруг догадался, что значит по-русски немецкое слово: саксонцы *рахманный* народ (с. 295).

...В ЯЛОВОЧНЫХ САПОГАХ... – В сапогах из коровьей шкуры.

Ефим был такой же, как в России, в черной косоворотке, опоясанной тоненьким ремешком, в яловочных, не имеющих блеска смазных сапогах... (с. 307).

ЕНДОВА – зд.: котловина, овраг.

Вот как тихо: земля под ногами, как пустая, *бунчит*. Миновал перелесок, спустился в низину, вспомнилось ее необыкновенное старинное название: *ендова* (с. 349).

ОСЕЧИЩЕ (обл.) – участок леса, вырубленного или сожженного на месте под пашню.

ЛЯДА (местн.) – пустошь, покинутая и заросшая лесом земля.

Проталина с кустом можжевельника была в заполье села *Спас во мхах*, на яру у реки. Тут, на старом осечище, спасовцы взяли когда-то три урожая и ляду забросили (с. 436).

ШУНЯТЬ (местн.) – журить, увещевать.

– Вот и горе, доченька, все вы теперь по-своему хотите жить. Покойница жена его тоже по-своему хотела... под Благовещенье отказала. Наш старый батюшка шунял ее, шунял за это... (с. 437).

Богатый и разнообразный пласт диалектно-народной лексики требует вдумчивого и чрезвычайно внимательного подхода при его исследовании. За каждым словом стоит множество смыслов и отношений. В этом убеждает нас конкретный анализ диалектизмов. Так, ЕЛДА в произведении М. Пришвина толкуется как ссора. Заметим, что писатель сам дает толкование этому слову. В Словаре В. И. Даля данная лексема отсутствует, но приводится однокорневое слово *елдыга* (а также *елдыжник*) – «шеромыжник, сварливый и корыстный человек». Глагол *елдыжить*, *елдыжничать* толкуется как «вздорить, затевать ссоры». В самом большом диалектном словаре под редакцией Ф. П. Филина [6, т. 8, с. 338] мы находим ЕЛДА: 1) плешь, лысина (смол., тул.); 2) человек с коротко остриженными волосами (смол., тул.); 3) бранное слово (сарат., калуж.).

Как видим, слово не является областным, хотя значение его в тексте «Кашеевой цепи» отличается от значений, приводимых в словарных статьях диалектных словарей.

Общее для литературного и диалектного языка слово ПОСКОНЬ имеет своеобразное пересечение значений. Так, в литературном языке

это не только «мужская особь конопля», но и «домотканый холст из конопля» [5, с. 521]. В говорах же второе значение чаще всего несет слово ПОСКОНИНА (вост.-сев.) и ПОСКОНИНА (юго-зап.).

Многие слова в говорах будут выступать как омонимы по отношению к словам литературного языка.

ПРИБОРЪ «порядок» [4, с. 399] и «приспособление... для какой-либо работы» [5, с. 585] (ср. также СВЕРТОК «поворот» и др.).

Нередко в диалектной лексике можем наблюдать древнейшее явление энантиосемии. Так, например, прилагательное РАХМАННЫЙ Пришвин использует в значении «смирный, простоватый, тихий», тогда как Словарь В. И. Даля фиксирует это значение к юго-западу от Москвы, а на северо-востоке это слово функционирует в противоположном значении «веселый, разгульный... тороватый, щеголь» [5, т. 4, с. 86].

Особый интерес вызывают заимствованные слова, которые, как правило, претерпевают процесс ассимиляции. Среди таких слов можно выделить древнейшие, пришедшие в говоры через старославянский язык. Так, КИВОТ (КИВОТИК) используется в романе А. И. Эртеля «Гарденины» как «поставец для святых икон», в старославянском же это «ларец, Ноев ковчег» (Словарь старослав. сл. под ред. Р. М. Цейтлина, с. 284), а в говорах это слово могло иметь еще ряд значений: «ковчег», «скрижаль», «скриня», т. е. со временем оно развило еще целый ряд значений, которых не было ни в старославянском, ни в древнерусском языке.

Чрезвычайно богат в говорах пласт эмоционально-оценочной лексики, что подтверждают произведения М. Пришвина, А. Эртеля, А. Левитова. Слова: ТЕЛЕЛЮЙ, ЕЛДА, ВЕНДЕРЕЦ и др.

Думается, что исследование региональной лексики в художественных произведениях местных писателей даст много материала, который не фиксируется диалектными словарями, особенно если учитывать и словообразовательные варианты (ОСЕЧИЩЕ, КРЫМСКАЯ ШАПКА, КИВОТИК и т. д.).

Народный язык в его местной разновидности позволяет вживе наблюдать слово-концепт с его ведущей идеей, на которой иногда выстраивается основной смысл произведения. Название рассказа А. Левитова «Насупротив!..» включает в себя все значения, которые мы находим в Словаре В. И. Даля: насупротив – юж.-зап. «напротив // навстречу // вопреки, наперекор // в сравнении с чем // нвг. в меру // нвг. сейчас, только что, ныне, теперь». Однако в качестве главного выступает смысл противопоставления, противоположения, который был задан в слове изначально.

Исторический экскурс и этимологические наблюдения в ходе анализа изучаемой местной лексики открывают широкий лингвистический горизонт, до которого идти следует, вооружившись всеми знаниями о СЛОВЕ и ЧЕЛОВЕКЕ. В слове сокрыты тайны человеческого бытия, связь поколений, единство большой и малой

родины и т. д. Все эти проблемы остро стоят сегодня и мучительно волнуют нас.

Литература и примечания

1. **Пришвин М. М.** Собр. соч. : в 8 т. / М. М. Пришвин. – М. : Художеств. л-ра, 1982–1984. – Т. 2. – 1982. 2. **Эртель А. И.** Гарденины. – М.: Художеств. л-ра, 1980. 3. **Левитов А. И.** Насупротив!.. / А. И. Левитов // Левитов А. И. Очерки и рассказы. – Воронеж, 1980. 4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1956. 5. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. – М., 1984. 6. **Словарь** русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.; Л., 1964.

¹ См. анализ онтологической группы (временной лексики) в: Звездова Г. В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах монографии : монография / Г. В. Звездова. – Воронеж, 1966.

² Эртель А. И. Гарденины / А. Эртель. – М. : Худож. лит-ра., 1980 [2].

³ Пришвин М. М. Кащеева цепь / М. М. Пришвин // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. – М. : Художеств. лит-ра, 1982–1984. – Т. 2. – 1982.

В статье анализируется местная лексика, которая используется в творчестве писателей Липецкой области, фиксируя при этом и те слова, которые В. И. Даль сопровождал пометой «нар.».

Ключевые слова: этимологические наблюдения, эмоционально-оценочная лексика, явление энантиосемии, стилистическая дифференциация.

У статті аналізується місцева лексика, що використовується у творчості письменників Липецької області, фіксуючи при цьому й ті слова, які В. І. Даль супроводжував поміткою «нар.».

Ключові слова: етимологічні спостереження, емоційно-оцінююча лексика, явище енантиосемії, стилістична диференціація.

The article deals local lexic which using in the works of the Lypetsk region writers, fixing the words which V. Dal accompanies mark «folk».

Keywords: etymology observation, emotional and evaluating lexic, phenomenon enantiosemy, style differentiation.

УДК 811.161.1

С. Н. Землякова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СЛОВАРЕЙ СИНОНИМОВ

Э. Бенвенист, размышляя о сложности такого социального явления, как язык, писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» [3, с. 129].

В современном языкознании, да и в других областях исследовательской деятельности, антропоцентризм стал общенаучным принципом, определив качественно новый подход в решении многих актуальных проблем.

С позиций антропоцентрической парадигмы представление о человеке выступает в качестве отсчёта для многих языковых построений, открывая возможность приблизиться к такому описанию языка, которое восстанавливает единство языка с его носителем.

Актуальность статьи обусловлена устойчивым научным интересом к проблеме описания лексики в словарях активного типа.

Целью настоящей публикации является анализ особенностей структуры словарной статьи в словарях синонимов в русле антропоцентрической парадигмы.

Наша задача состоит в том, чтобы описать особенности отражения коммуникативно-прагматической и лингвокультурологической информации в структуре словарной статьи прилагательных-синонимов.

Материалом исследования послужили «Словарь синонимов русского языка» (в 2 т., под ред. А. П. Евгеньевой, 1970–1971) (далее – АСС) и «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (под ред. акад. Ю. Д. Апресяна) (далее – НОСС).

В фундаментальных разработках в области прагматики слова (Ю. Д. Апресян, Э. С. Азнаурова, Г. Н. Складарская, Ю. Н. Караулов, М. В. Никитин и др.) анализируются особенности прагматической информации, «которая лексикализована или грамматикализована, т. е. приобрела постоянный статус в языке» [2, с. 136]. Мнения исследователей сходны в том, что понятие «прагматическое значение» не имеет однозначного толкования, не определено достаточно строго, в частности, не всегда ясно, какая информация включается в него, нет однозначности понимания механизмов взаимодействия с другими структурными уровнями значения слова. Как отмечает Г. Н. Складарская, «сфера прагматики не является чем-то принципиально новым для лексикографии. Новый – с позиции прагматики – подход предполагает иную группировку, концентрацию тех фактов, которые были прежде рассредоточены, рассматривались то в семантике, то в стилистике и часто ускользали от внимания лексикографа» [10, с. 11].

Выделяют три главные особенности прагматической информации: 1) периферийность средств её выражения (по сравнению со средствами выражения семантической (денотативно-сигнификативной) информации); 2) её распределённость между различными языковыми средствами; 3) её сплетённость с семантической информацией [2, с. 140].

В современных исследованиях по прагматике отмечается, что «термин «прагматическое содержание» используется как понятие родовое, «покрывающее» собой различные типы прагматической информации» [1, с. 38].

Под прагматическим компонентом в лексикографическом аспекте Г. Н. Скляревская, например, понимает сумму коннотаций: культурных, ассоциативных, социальных, исторических, эмотивных, этических, экспрессивных, оценочных, а также те элементы лексического значения, которые несут информацию о речевой ситуации и об оценке говорящим предмета речи [11, с. 48]. Ю. Д. Апресян выделяет такие типы прагматической информации для толкового словаря: прагматические стилистические пометы, прагматические признаки лексем, стандартные и индивидуальные иллокутивные функции лексем; указание статусов говорящего и слушающего в социальной, возрастной или иной иерархии; коннотации [2, с. 142].

Как уже отмечалось выше, в процессе формирования антропоцентрической парадигмы исследовательские интересы были переключены с объектов познания на субъекты, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке. Поэтому в центре внимания стала личность носителя языка – языковая личность (по Ю. Н. Караулову).

Ю. Н. Караулов разработал модель языковой личности, которая включает в себя 3 уровня: вербально-семантический – отражающий степень владения обыденным языком; когнитивный – отражающий языковую модель мира личности, её тезаурус, культуру; прагматический – отражающий мотивы и цели, движущие развитием языковой личности [5, с. 6].

Поскольку язык является условием, основой и продуктом культуры, то содержание языковой личности составляют также такие компоненты, как система ценностей, или жизненных смыслов; культурологический компонент и личностный компонент [6, с. 119].

Несмотря на то что в современной науке идут активные интегральные и дифференциальные процессы: объединяются различные научные направления, объединяются гуманитарные и естественные знания, с одной стороны, а с другой стороны, наблюдается всё более дробный подход во всех отраслях научного значения, например, появление в лингвистике таких дисциплин, как социолингвистика, психолингвистика, паралингвистика, прагмалингвистика и др. [15, с. 5], в конце XX в., говоря словами Р. М. Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его жителей, – культуре» [16, с. 104]. Поэтому в 90-е годы XX века возникла специальная область науки – лингвокультурология, «исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [6, с. 28].

Изучение культуры через язык – идея не новая, но анализ языковых единиц в контексте культуры как самостоятельной отрасли знаний стал объективно необходимым только в конце XX века. Активный интерес к проблемам взаимодействия языка и культуры привёл к формированию четырёх лингвокультурологических школ: школы лингвокультурологии Ю. С. Степанова; школы

Н. Д. Арутюновой; школы В. Н. Телия; школы лингвокультурологии, созданной в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, В. М. Шаклеиным и др.

Научные разработки представителей этих школ ведутся в нескольких направлениях: а) исследование конкретной лингвокультурной ситуации; б) диахроническая лингвокультурология; в) сравнительная лингвокультурология; г) сопоставительная лингвокультурология; д) лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [6, с. 9].

Одной из главных проблем лингвокультурологии является изучение вербальных средств и способов хранения культурной информации. «Между языком и объективной действительностью стоит мышление человека. Мышление, в свою очередь, оперирует не самим предметом реальности, а понятием, которое абстрагировано от этого конкретного предмета. Модель объективной действительности, окружающей человека, представлена в трех формах: реальная картина, культурная (или понятийная) картина мира, языковая картина мира» [14, с. 39–41].

Между картиной мира как отражением реального мира и формируемой языковой личностью языковой картиной мира, фиксирующей эти отражения, существуют сложные отношения. Картина мира представлена в пространственных, временных, количественных, этических и др. параметрах. А языковая картина мира посредством языка, в котором закреплён общественно-исторический опыт, формирует тип отношения человека к миру, нормы поведения человека в мире, национально-культурный опыт. Языковая картина мира, т.е. совокупность знаний о мире говорящих на данном языке, запечатлена в лексике, фразеологии, грамматике.

В книге Н. Б. Мечковской «Язык и религия» высказывается мысль о том, что культурная информация хранится как в самом языке, т.е. семантических системах словаря и грамматики, так и при помощи языка, – в речи, в устных и письменных текстах, созданных на языке [7, с. 30].

Лингвокультурологические исследования последних лет убедительно доказывают, что слово имеет способность не только передавать информацию, но и быть инструментом мысли и аккумулятором культуры. Но, по мнению В. А. Масловой, культурная информация языковых знаков, имеет преимущественно имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями [6, с. 32].

Культурная информация в номинативных единицах языка может быть представлена четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации [6, с. 54].

Каждый язык располагает, как правило, более чем одним способом выражения определенного значения, поэтому явление синонимии давно привлекает к себе внимание лингвистов и

лексикографов (Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, А. П. Евгеньева и др.). Однако и на сегодняшний день одной из вечных проблем лингвистической семантики остается проблема синонимии, поскольку ещё не получила общепринятого решения, «несмотря на непрекращающиеся усилия как по теоретическому осмыслению явления, так и по практическому составлению словарей синонимов» [8, с. 450]. Вследствие своей многоаспектности и сложности с середины XX века синонимия рассматривается как самостоятельный лингвистический объект. Эта самостоятельность является гносеологически обусловленной, поскольку выявление синонимических свойств языковых единиц позволяет познать механизм их функционирования в речи (тексте), проследить динамический характер системы языка, потому что синонимия в большей степени связана с особенностями коммуникативного процесса, где она предстает как явление, связанное с различными формами и условиями реализации социально-культурных отношений и связей в процессе общения.

Методики лингвокультурологии обычно ориентированы на текст в самом широком смысле этого слова, из которого выбирается нужная информация. Но в конце XX века исследователям стало очевидно, что «слова, собранные тщательно» и «рассортированные точно», «способны дать информацию, которую другим путем ни за что не получишь» [17, с. 149].

Известный лексикограф Г. А. Богатова отметила такое явление: «слово и в тексте памятника письменности несет конкретную историко-культурную информацию, но в словаре оно попадает в особую среду, которая вполне высвечивает связи слова и лучше хронологизирует его семантические изменения – ведь слово „живет“, как правило, в корневой группе, благодаря чему его история как бы обретает свою плоть, возникает эффект „радуги“ значений. Открывается возможность не только проследить за закономерностями эволюции лексики, но и взглянуть на те „приращения семантики слова“, которые связаны с социальной, культурной, исторической обстановкой, в которой оно функционировало, и зафиксировать их в дефинициях за счет включения сведений историко – энциклопедического характера, в системе помет, в подборе иллюстраций» [4, с. 22].

Можно полагать, что слова, вырванные из контекстов и сведенные в словаре, превращаются в единый метатекст, способный дать информацию, которую другим способом получить сложно. Особенно это касается словарей синонимов, где лексикографическое описание образует своеобразный метатекст, который может обеспечить возможность гарантировано «уловить» культурные смыслы, аккумулированные в языке.

В своем анализе особенностей отражения коммуникативно-прагматической и лингвокультурологической информации в словарях синонимов русского языка мы остановимся на АСС, который является

единственным фундаментальным по замыслу и исполнению из всех словарей синонимов, ориентированных на строго системное описание лексики. А также на НОСС, относящийся к словарям активного (генеративного) типа, т. е. помогающим продуцировать речь. В этом словаре была сделана попытка лексикографически описать синонимы с учетом проявлений их антропоцентричности.

Рассмотрим словарные статьи с доминантным словом – **умный**.

В АСС лексема умный является доминантой в двух рядах:

«1. Умный, мудрый, разумный, толковый (разг.), неглупый, далекий (разг.), башковитый (прост.), мозговитый (прост.), головастый (прост.), умственный (прост.). О человеке: обладающий здравым умом.

2. Умный, мудрый, толковый (разг.).

О мысли, книге, совете, решении и т. д. Отличающийся значительностью содержания, глубиной, пониманием чего-л.» [12, т. 11, с. 617].

В НОСС дан один ряд – «умный, неглупый, смысленный, мудрый, глубокий, пронизательный, книжн. прозорливый (устар.)» – обладающий способностью понимать неявную суть вещей и событий [9, с. 450].

Ввиду ограниченности объема статьи проанализируем только лексем *умный* (1-АСС) и *неглупый*.

В АСС толкование лексем *умный* подаётся в основном значении ряда – обладающий здравым умом. В собственно лексическом значении слова заключена объективная положительная оценка обозначаемого качества. Это значение иллюстрируется цитатами посредством сопоставления в антонимической паре: умный – глупый; в паре с другим определением: умный, душевный человек.

В НОСС в Преамбуле слову *умный* и его синонимам дается более детальное толкование общего значения ряда, выражающего положительную оценку природных интеллектуальных потенций адресата и его поступков, но делается акцент на нехарактерные коммуникативно-прагматические ситуации для этих слов, связанные с временными ограничителями разного рода: *Сегодня ты был необыкновенно умным; На этот раз ты был мудр.* Здесь отчетливо видна игровая установка, меняющая положительную оценку семантики слова на отрицательную, к тому же в этой коммуникативной ситуации у лексем актуализируется прагматический компонент значения – ироническое отношение к адресату, что указывает или на равные социальные и возрастные статусы собеседников, или на более низкие социальные и возрастные статусы адресата. В зоне 3 (значение) дается информация об отличительных признаках синонимов: языковая прагматическая оценка параметров признака – все синонимы, кроме неглупый, указывают на интеллектуальные способности субъекта выше нормы.

В этой зоне представлен словарный вариант части языковой картины мира, закрепленной за словом *умный*, т. е. описываются все

характерные особенности человека, которого в современном обществе называют умным: ум его должен превосходить норму и проявляться в поступках, словах, в умении понимать других людей, в умении логически размышлять, анализировать, добираться до сути вещей и правильно оценивать ситуацию, человек не обязательно должен быть образованным, хотя достаточно много знает, также правильно ведет себя в быту – разбирается в людях, понимает намеки и т. д. Также отмечается редкая иллокутивная функция слова в ситуации, когда человека можно назвать умным по одному его поступку или краткого разговора с ним (*А Тальберг-то, оказывается, умный – вовремя уехал*).

У лексемы *умный*, как и *неглупый*, отмечено отсутствие указания на статус субъекта при характеристике его быстро и хорошо воспринимать новую информацию, легко обучаться. Также указано, что прилагательное *умный* может характеризовать высших животных, их способность правильно действовать в сложных ситуациях, легко обучаться, понимать людей. Это, вероятно, восходит еще к давним языческим традициям персонифицировать животных, наделяя их человеческими качествами.

Свойство *умный* оценивается как утилитарно положительное, даже если способности могут быть использованы во вред окружающим (лучше с умным потерять, чем с дураком найти) или этическая оценка субъекта может быть отрицательной (стеснительность явно противоречила характеру этого персонажа – хищника умного, расчетливого).

В АСС *неглупый* имеет толкование – указывает на ослабленную степень качества, означая: довольно умный. Значение иллюстрировано примером: – *Ты, Акулина, девка неглупая...*

В НООСС в зоне 3 (значение) дается такое же толкование значения слова, однако дополненное информацией, что в языке на уровне лексемы закреплена этическая норма речевого поведения (максима такта по Дж. Личу): прилагательное *неглупый* указывает на субъективное отношение говорящего к описываемому лицу и неуместно в обобщенных высказываниях.

Также выделено закреплённое в лексеме *неглупый* отношение говорящего к самому себе, реализуемое при автохарактеристике скромного человека (*Был я молодым, горячим, искренним, неглупым*). Прилагательное *умный* в таких случаях возможно, когда имеется прямое указание на объективность характеристики (*Я знаю, что я умная*). Прилагательное *неглупый* может сочетаться как с положительной, так и с отрицательной этической оценкой субъекта (*имеет дело с неглупым и очень ловким негодяем*).

Таким образом, единицы языка, в частности слова, отражают языковую картину мира в коммуникативно-прагматических и культурных компонентах своих значений, что делает необходимым описание их в словарях. Сложность заключается в том, что и

прагматические, и культурные компоненты тесно сплетены с семантикой и во многих случаях лексикографически неотделимы от нее. Однако такая информация является практически необходимой для изучения русского языка на современном этапе развития общества.

Литература

1. **Азнаурова Э. С.** Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент : Изд-во «Фан» УзССР, 1988. – 120 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Избр. тр. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
3. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 447 с.
4. **Богатова Г. А.** Историко-культурный аспект лексико-грамматического описания русского языка и проблемы менталитета / Г. А. Богатова // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 18–25.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
6. **Маслова В. А.** Лингвокультурология : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. **Мечковская Н. Б.** Язык и религия / Н. Б. Мечковская. – М., 1998. – 216 с.
8. **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 757 с.
9. **Новый** объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., исп. / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Вып. 1. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 552 с.
10. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? / Г. Н. Скляревская // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания. – СПб., 1997. – С. 4–15.
11. **Скляревская Г. Н.** Новый академический словарь: проспект / Г. Н. Скляревская. – СПб., 1994.
12. **Словарь** синонимов русского языка. – Т. 1–2 / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Наука. – Т. 1. – 1970. – 680 с.; Т. 2. – 1971. – 856 с.
13. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 142 с.
14. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.
15. **Формановская Н. И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
16. **Фрумкина Р. М.** Лингвистика в поисках эпистемологии / Р. М. Фрумкина // Лингвистика на исходе XX века : Итоги и перспективы : Тез. Междунар. конф. – М., 1995. – Т. 2. – С. 98–108.
17. **Хроленко А. Т.** Основы лингвокультурологии : учеб. пособ. / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 184 с.

Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике ставит в центре исследований языковую личность. Ядро языковой личности состоит из коммуникативно-прагматической и лингвокультурологической составляющих, которые должны быть активно представлены в словарях активного типа.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультурологический компонент, коммуникативно-прагматический компонент, словарь активного типа.

Антропоцентрична парадигма у сучасній лінгвістиці ставить у центр досліджень мовну особистість. Ядро мовної особистості складається з комунікативно-

прагматичної та лінгвокультурологічної складових, які повинні бути представлені у словниках активного типу.

Ключові слова: мовна особистість, комунікативно-прагматична складова, лінгвокультурологічна складова, словник активного типу.

Anthropocentric paradigm of the modern linguistics puts linguistic personality in the centre of studying. Content of the linguistic personality consists of the both communicative pragmatic and linguistic culture components which must be shown in the dictionaries of the active type.

Keywords: linguistic personality, linguistic cultural component, communicative pragmatic component, dictionary of the active type.

УДК 378

Т. В. Зубенко

ТЕОРІЯ ТА ПРАКТИКА ОРГАНІЗАЦІЇ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ У ВИЩОМУ НАВЧАЛЬНОМУ ЗАКЛАДІ

На процес вдосконалення професійної підготовки викладача іноземної мови початкової школи в Україні впливають нові концепції європейської системи підготовки викладачів для об'єднаної Європи. Для забезпечення трансляції досвіду від покоління до покоління в єдиному європейському просторі створені необхідні відповідні інформаційні забезпечення: всесвітньо відомі європейські інформаційні мережі EURODYCE (Європейська Комісія з питань освіти і культури), The Research Methods Knowledge Base (Центр вивчення методів дослідження), TERENA – Trans-European Research and Education Networking Association (Транс'європейська асоціація дослідження питань освіти), CEPES – European Centre for Higher Education (Європейський центр з вищої освіти), IBE – International Bureau of Education (Міжнародна асоціація освіти і виховання), Leonardo Da Vinci (Співпраця у сфері професійної підготовки), EUROD1CAUTOM – Multilingual terminology database (Багатомовна термінологічна база даних), ORTELIUS – Database on higher education in Europe (База даних з питань вищої освіти в Європі) та ін., які активно розробляють моделі, концепції, технології підготовки викладача іноземних мов для нової континентальної освітньої системи об'єднаної Європи [1].

Метою професійної підготовки викладача іноземної мови в європейському освітньому просторі на сучасному етапі є формування професійно мотивованого, здібного до міжкультурного навчання, автономного підвищення своєї кваліфікації і до діалогу вчителя (учитель, який хоче і вміє вчитися), „порадник”, „помічник”, посередник між культурами, а не „транслятор” готових знань. Найважливішими інтеграційними тенденціями, що реалізуються в змісті підготовки „євровикладачів”, є розвиток демократичної орієнтації в розвитку суспільства, гуманізація суспільної свідомості, соціальних відносини.

Розвиток особистісних властивостей дозволяє ефективно вирішувати професійні завдання в умовах інформаційного поля, що розширюється, виникнення інформаційних технологій, розвитку міжкультурних і міжнаукових комунікацій з провідними науково-освітніми центрами Європи. Провідна ідея полягає в переході до нового (вищого) рівня підготовки викладачів іноземної мови, яка орієнтована на принципи глобалізації, цілісності, автономного й міжкультурного навчання. На сучасному етапі найважливішим засобом розвитку теорії, історії та практики підготовки європейського викладача іноземних мов є розвиток міжнаукових комунікацій [1]. Отже, з огляду на сказане можна зробити висновок, що одними з головних умов підготовки майбутнього вчителя іноземної мови початкової школи повинні стати створення іншомовного комунікативного середовища та організація міжкультурної комунікації в навчальному процесі вищого навчального закладу з метою формування комунікативної особистості, здатної до взаємодії в європейському та світовому просторі.

У зв'язку з тим, що іноземна мова – це мова, носії якої практично відсутні в навколишньому комунікативному середовищі, то логічним є сформування такої ситуації, в якій би відбувалась іншомовна комунікативна діяльність майбутніх учителів іноземної мови початкової школи. Це надало б можливість не тільки ефективніше здійснювати процес навчання студентів іноземної мови, але й демонструвало б їм ті технології, які вони зможуть використовувати у своїй майбутній педагогічній діяльності. Тобто деклароване нами середовище слугуватиме майбутнім учителям певною моделлю організації відповідної форми процесу навчання.

Проаналізувавши наукові джерела, ми можемо стверджувати, що процес формування вмінь іншомовної комунікативної діяльності майбутніх учителів іноземної мови початкової школи повинен відбуватися як у реальному (під час стажування або навчання за різноманітними програмами закордоном, у процесі дистанційного навчання в закордонних закладах освіти та спілкування з носіями іноземної мови у мережі Інтернет), так і в змодельованому іншомовному комунікативному середовищі, яке характеризується:

- систематичним іншомовним спілкуванням в підсистемах „студент – викладач”, „студент – студент”, „студент – учитель”, „студент – учень”, а також з носіями іноземної мови в типових сферах побутової діяльності та комунікативних ситуаціях, спрямованих на міжкультурну комунікацію;
- формуванням суб'єкт-суб'єктних взаємин між викладачем і студентом;
- колективною комунікативною діяльністю студентів у навчальному процесі й створенням ситуацій успіху;
- організацією навчального процесу студентів в єдності аудиторних і позааудиторних занять з орієнтацією на активну самостійну роботу студентів з іноземної мови.

Пріоритетами іншомовного комунікативного середовища, на нашу думку, є:

- орієнтація на особистісно значущий характер оволодіння студентами іноземною мовою;
- орієнтація викладача вищого навчального закладу на створення іншомовного комунікативного середовища;
- демократизація та гуманітаризація навчально-виховного процесу.

У наш час науково-технічних перетворень з'явилась можливість створення реального іншомовного комунікативного середовища за допомогою мережі Інтернет, засадами для функціонування якої слугує міжкультурна взаємодія. Сьогодні студенти мають можливість спілкуватися з носіями іноземної мови з різних тем за допомогою голосового Інтернет порталу „Skype”, брати участь у чатах (неформальна дружня розмова [2]) на сайтах „Englishbaby” („Англійська дитина”) [3], „Virtual Café” („Віртуальне кафе”) [4], „My Space” („Мій простір”) [5], забезпечуючи свої потреби в іншомовній комунікативній діяльності. На сайті „Secondlife” („Друге життя”) [6] студенти потрапляють у віртуальний англійськомовний світ, де вони можуть анонімно взаємодіяти з іншими людьми зі схожими інтересами та вподобаннями, брати участь у віртуальних (створених, побачених, виконаних в Інтернеті, на комп'ютері [2]), а не в уявних розвагах, культурно-масових заходах. У віртуальному світі вони можуть орендувати віртуальний будинок, де проживатимуть, і формувати стосунки з людьми, як у реальному житті, робити те, про що мріяли.

З метою забезпечення мотивації іншомовного спілкування студентів і викладачів в Інституті педагогічної освіти Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського був створений Центр міжкультурних комунікацій, директором якого призначена автор цього дослідження. Головна мета Центру – організація співробітництва з провідними університетами, благодійними фондами й громадськими організаціями іноземних держав за такими напрямками:

- активна участь у роботі міжнародних організацій університетської освіти (Magna Charta, Європейська асоціація міжнародної освіти, мережа європейських університетів ЕМОС) та міжнародних освітніх програмах (ЯСОН, Польсько-Американського Фонду Волі й Фонду „Освіта для демократії”, державного департаменту США „Акт на підтримку свободи”, академічних обмінів AU-Pair, DAAD та ін.);
- наукова, освітня та культурна співпраця з провідними університетами країн світу;
- академічні обміни, організація стажувань для викладачів, студентів та аспірантів за науковими, освітніми та культурними програмами.

Відповідно до поставленої мети основними завданнями Центру є:

1. Підтримка якісного рівня навчання та дослідницької діяльності з використанням міжнародного співробітництва та сприяння мобільності науковців, викладачів і студентів за рахунок укладання двох та багатосторонніх договорів про співпрацю;
2. Пошук можливостей якісного та ефективного навчання й стажування студентів та викладачів у закордонних інституціях;
3. Встановлення міжнародного співробітництва в галузі досліджень та пошук фінансування, у тому числі міжнародного, для здійснення таких досліджень;
4. Використання можливостей для поширення в світі інформації та знань про вищі навчальні заклади України;
5. Сприяння розвитку міжкультурних зв'язків, мовних та комунікативних навичок;
6. Виховання поваги до культури інших народів.

Участь у роботі професійних асоціацій учителів іноземної мови TESOL (Асоціація вчителів англійської мови як іноземної за підтримки Американського посольства в Україні) [7], IATEFL (Асоціація вчителів англійської мови як іноземної за підтримки Британської ради в Україні) [8], молодіжних організацій, як наприклад, YCAP (Молодіжна програма громадської дії) [9], Інтернет-конференцій, молодіжних фестивалів і конкурсів у рамках програми роботи Центру міжкультурних комунікацій, де спілкування ведеться виключно іноземною мовою, дає студентам можливість опинитися в іншомовному оточенні й здійснювати комунікативну діяльність іноземною мовою. Так, у Великобританії кожного року проходить міжнародна Інтернет-конференція IATEFL в режимі „on-line” (одночасне перебування в мережі Інтернет усіх учасників конференції). Студенти IV–V курсів, майбутні вчителі іноземної мови початкової школи, беруть участь у форумі та чаті, організованих у рамках програми конференції. Вони мають змогу спілкуватися з більш ніж 1,5 тис. її учасників – учителями іноземної мови різних країн світу, побачити й послухати виступи доповідачів з Великобританії, Куби, скандинавських країн, президента асоціації IATEFL Тесси Вудвуд (Tessa Woodward). У результаті участі в цій конференції в майбутніх учителів з'являється можливість листуватися з колегами з інших країн світу за допомогою мережі Інтернет та встановлювати дружні зв'язки з їхніми учнями – молодшими школярами, що є головною мотивацією й завданням навчання іноземної мови.

Завдання викладачів вищого навчального закладу при цьому – брати участь у міжнародних заходах і особистим прикладом ілюструвати можливість спілкування іноземною мовою та мотивувати і позитивно стимулювати студентів до іншомовної комунікативної діяльності в режимі „студент – викладач”, „студент – студент”, „студент – учитель”, „студент – учень” у процесі позааудиторної діяльності, створювати відповідні умови, спрямовувати процес оволодіння іноземною мовою в руслі комунікативних потреб. За таких обставин студенти набувають досвіду практичного

застосування іноземної мови в реальному житті, відбувається перенесення знань, які вони отримали на заняттях з іноземної мови, в іншу площину – реальні ситуації спілкування в процесі їхньої суспільної діяльності. Адже, спілкуючись таким чином, студенти позбавляються однієї з головних психологічних перешкод у навчанні іноземної мови – відчуття страху за неправильно сказане слово. Вони розуміють, що викладач не буде оцінювати їхні знання з іноземної мови, а сам процес іншомовного спілкування набуває форми гри, правила якої визначають самі студенти. Усвідомлення цього явища знімає емоційну напругу, розширює можливості оволодіння іноземною мовою в доступній та привабливій для студентів формі та сприяє гармонізації мовленнєвих дій, їх більшій цілеспрямованості й цілісності. У цьому випадку мотиваційна готовність студентів до іншомовного спілкування міститься не в оцінці, а в усвідомленні користі від своєї діяльності та її результату. Саме ця обставина слугує джерелом постійного зростання позитивної мотивації для іншомовного спілкування та активізації усіх сфер психічної діяльності студента: емоційної, когнітивної та психомоторної.

З метою забезпечення мотивації спілкування іноземною мовою через мережу Інтернет ми ввели в робочі програми з практичного курсу англійської мови завдання для самостійної роботи:

- на сайті віртуального кафе [4] (цей сайт створений для спілкування педагогів – фахівців з англійської мови – у режимі „on-line” в усній та письмовій формі) знайдіть собі товариша з листування, викладача, студента/студентку педагогічного коледжу або університету;
- дізнайтеся про його/її сім'ю, сімейні традиції, захоплення та розкажіть своїм друзям;
- дізнайтеся про правила вступу та умови навчання в університеті й розкажіть про це на занятті з іноземної мови;
- обміняйтеся інформацією про традиції святкування державних свят в Україні та в країні вашого товариша, та передайте вашу розмову у формі діалогу на занятті з іноземної мови;
- розпитайте у свого товариша про його/її враження від першої педагогічної практики, коли і як вона проходить, і напишіть повідомлення про це;
- дізнайтеся у товариша, які форми і методи викладання іноземної мови використовуються ними на заняттях, напишіть доповідь тощо.

Так, членами віртуального кафе стали всі студенти IV–V курсів – майбутні вчителі іноземної мови початкової школи. Щодня вони вели спілкування з носіями іноземної мови у письмовій формі, а щосуботи – відбувався чат в режимі on-line о 18 годині за київським часом, де студенти могли наживо сприймати іноземну мову на слух, ставити запитання, відразу почути відповідь. Така форма спілкування дозволяє їм детальніше ознайомитися з особливостями менталітету молоді

зарубіжних країн, колегами, з комунікативно орієнтованими технологіями, що застосовуються в навчанні, особливостями проходження педагогічної практики, дізнатися про форми їхньої самопідготовки та проведення вільного часу тощо. Отриману інформацію студенти використовували у процесі підготовки домашніх завдань з практичного курсу іноземної мови, методики викладання іноземної мови в початковій школі тощо.

Досвід, проаналізований вище, переконливо свідчить, що запропоновані форми організації міжкультурної комунікації сприяють формуванню іншомовного комунікативного середовища, розвитку комунікативних умінь студентів і допомагають оволодінню іноземною мовою у процесі суспільної діяльності. Аудиторне навчання та позааудиторні форми діяльності дозволяють створювати єдине іншомовне комунікативне середовище одночасно з роботою всіх ланок навчально-виховного процесу.

Література

1. **Носачева Е. А.** Интегративные процессы в развитии теории и практики подготовки преподавателя иностранных языков в ФРГ (научноисследовательский аспект) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Носачева Е. А. – Ростов-н/Д., 2002. – 229 с.
2. **Longman dictionary of contemporary English** / Director, Della Summers. – New ed. p. cm. – Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
3. <http://www.englishbaby.com/community/chat>.
4. <http://virtualcafe.ning.com>.
5. <http://www.myspace.com>.
6. <http://secondlife.com>.
7. <http://www.tesol.org>.
8. <http://community.britishcouncil.org/iatefl>.
9. <http://ycap.org>.

В статье идет речь о создании иноязычной коммуникативной среды и организации межкультурной коммуникации в её границах.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, иноязычная коммуникативная среда, коммуникативная подготовка.

У статті йде мова про створення іншомовного комунікативного середовища та організації міжкультурної комунікації в його межах.

Ключові слова: іншомовне комунікативне середовище, комунікативна підготовка.

The article deals with creating of foreign speaking environment and organizing of intercultural communication within its bounds.

Keywords: intercultural communication, foreign speaking environment, communicative training.

А. А. Исакова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ТЮМЕНСКОГО КРАЯ

Тюменская область как историко-культурная зона – итог многовековых смешений, трансформаций в области хозяйственно-семейных отношений, языка, материальной и духовной культуры в целом.

Специфика Тюменской области такова, что на почти безлюдные земли съехались представители разных национальностей из многих мест бывшего Советского Союза, причем каждый привносил свои понятия о традициях своей местности. С точки зрения этнического состава и культуры она представляет собой регион смешанного типа; это центр приложения трех крупных этнических сил: угорской, тюркской и славянской [3].

Современный этап развития общества предполагает взаимодействие русского языка с языками других народов, происходит интенсивный рост иноязычных заимствований в современном русском языке в связи с расширением контактов на бытовом уровне, внедрения новых иностранных технологий производства, открытия совместных предприятий, импорта товаров народного потребления. Действительно, логика современного мирового общественного прогресса и высокая интенсивность взаимодействия языков неизбежно ведут к притоку многочисленных иноязычных наименований в исконные словари. Исключением не является и украинский язык, поскольку наши народы (русский и украинский) практически сплетены воедино как исторически, так и территориально. Именно поэтому изучение процессов заимствования из украинского языка как источника пополнения и изменения русского словаря выдвигается в число достаточно актуальных проблем современного языкознания.

В этой связи особенно актуальным представляется рассмотрение фонда собственных имен, заимствованных в ходе языковых контактов русским языком из украинского. В рамках нашей статьи мы рассматриваем прежде всего *прагмонимы* (наименования товарных марок, брендов – прагма – товар, оним – имя собственное), которые, без сомнения, являются основным на сегодняшний день показателем взаимодействия двух языков на производственном уровне. Действительно, российский рынок изобилует товарами украинских производителей, это не только продуктовые товары, но и промышленные, транспорт и т. д.

Прагмонимическая лексика занимает значительное место в ономастическом пространстве и характеризуется разнообразием форм наименований и многочисленностью номенклатуры. Этот разряд онимов

мало изучен, хотя по употребительности и разнообразию типов не уступает другим видам ономастической лексики, в частности топонимам, изучению и систематизации которых уделяется наибольшее внимание.

Многие лингвисты считают, в частности, И. С. Карабулатова [1], З. П. Комолова [5], М. Н. Морозова [7], Е. С. Отин [9], А. В. Суперанская [10], В. П. Тимофеев [11], что данное пространство остается незаполненным и требует более тщательного изучения. Анализ прагмонимического субпространства ономастического пространства позволил нам выделить подгруппу механонимов – наименований механизмов, которые представляют достаточно большой пласт онимов. Следует отметить, что этот периферийный разряд онимической лексики на данный момент не был в исследовательском поле ономастов. Впервые данный термин предложен в работе И. С. Карабулатовой и А. А. Исаковой «Тайны имени автомобиля: краткий словарь механонимов и механонимических ассоциаций» в 2006 г. [2]. Сам термин можно разложить на составляющие: *mēchanos* (греч. механизм) – это устройство для передачи и преобразования движений; представляет собой систему тел (звеньев, механизмов), в которой движение одного или нескольких тел вызывает движение остальных тел системы + *онута* – имя.

Процесс вкрапления украинских механонимов начался практически с середины прошлого столетия, когда мы смело покупали такие дешевые на российском рынке автомобили, как «Запорожец», в последствии – «Таврию», холодильники «Днепр», «Донбасс», телевизоры «Горизонт» и т. д. Рынок товаров изобилует украинскими механонимами; всем известны такие механизмы, как грузовой автомобиль «КрАЗ» Кременчужского автомобильного завода, автобусы «ЛАЗ» Львовского автомобильного завода, очень интересен факт производства автомобиля «Дэу», из 50 процентов опрошенных украинцев 38 считают, что это их автомобиль, технологию которого они позаимствовали у корейской фирмы. В данном случае, по всей вероятности, играет роль украинская ментальность – все, что делается в Украине, – мое. Хотя россияне продолжают покупать все же узбекские автомобили «Дэу». Другое дело автомобиль «Шеврале Ланос», на Тюменском рынке он считается украинским автомобилем, и английское слово *ланос* считается украинским. К сожалению, такой практичный автомобиль, как «Таврия Славута», прототип бывшей «Таврии», не распространен на российском рынке, это связано не только с повышением благосостояния россиян и техническими характеристиками данного автомобиля, но и с не совсем удачным названием: этот номен имеет отрицательное кодирование. Некоторые механонимы действительно имеют отрицательное кодирование, и дальнейшее проникновение этого слова в речь многие пытаются избежать. Это связано с негативной коннотацией, так называемым лингвистическим шоком, с определенными нормами социального бытия. Исследователями

было доказано, что процесс и механизм восприятия у всех людей одинаковы и происходят автоматически. Лингвокультурологический подход к описанию рассматриваемой проблемы рассматривается как системное и паритетное рассмотрение диалога «культура – язык», образующих полевые структуры. Доминантой мышления здесь становится не познание, а взаимопонимание, что неизбежно приводит к исследованию взаимодействия языка, культуры и личности. Аналогичным следствием положения о взаимосвязи языка и культуры является то, что язык «прорастает» в культуру и, будучи предпосылкой ее развития, выражает и составляет важную часть ее символической системы. Хотелось бы отметить, что вопросы о коммуникативном статусе имени собственного, о восприятии имени собственного личностью практически не рассматривались ни в общем, ни в частном языкознании. Более того, вопросы эффективного использования имени собственного с целью прогнозируемого и суггестивного воздействия на отдельную личность или даже массовое сознание пока чаще всего остаются за пределами пристального внимания исследователей. Вместе с тем постоянно растущий социальный заказ на изучение лингвистических аспектов суггестивной функции языка обуславливает необходимость разработки действенной модели коммуникативного воздействия.

Существует еще огромное количество имен собственных механизмов украинского происхождения, которые свободно адаптируются в современном русском языке (мопед «Карпаты», «Верховина», велосипед «Украина» и т. д.). Данные имена собственные можно отнести прежде всего к механонимическому субпространству прагмонимического пространства, поскольку они определяют названия механизмов, но вместе с тем и имеют свои особенности, обусловленные прагматической направленностью.

Не малую роль в адаптации украинских заимствований играют и другие прагмонимические единицы, а именно: *цибусонимы* (сibus – лат. еда, пища + опута – имя), данный термин используется нами для обозначения названий продуктов питания; *потсионимы* (potio – лат. питье + опута – имя), т. е. названия безалкогольных напитков; *алконимы* (alcho – лат. спирт+ опута – имя).

В этой связи интересен факт адаптации украинских онимов в русском прагмонимическом пространстве, поскольку украинский и русский языки относятся к одной и той же группе, возникает проблема перевода на русский язык украинских товарных марок. Проанализировав украинские алконимы, мы пришли к выводу, что наименования практически не переводятся на русский язык, например, *горилка украинска особая с перцем, бальзам квитковий, горилка украинска березова, украинска пшениця*. Интересно, что в алконимах практически всегда присутствует лексема «Украина» [3]. Что касается цибусонимов, например, конфет, существует два варианта употребления украинских слов:

7. либо практически дословный перевод с элементами творчества, либо правильный перевод лишь одного слова (бджола – рус. пчелка, мрія – мечта, шахова кололівна – шахматная королева и т. д.);
8. беспереводное написание на русском языке украинского названия (полуница, горишек, лещина и т. д.).

В настоящее время изучение прагмонимов (наименований словарных товарных знаков), а, следовательно, механонимов, цибусонимов, алконимов, патионимов активизировалось в связи с тем, что все они позволяют решить такие важнейшие проблемы ономастики, как специфика онимов, ономастический центр и периферия, переход нарицательных имен в собственные и наоборот и др. Кроме того, достаточно интересен механизм восприятия украинских прагмонимов российскими обывателями.

Современные активные социальные процессы обусловили мощное проникновение механонимов во все сферы жизни, и, следовательно, при чтении текста необходимо рассматривать имена собственные товарных марок, их функциональную вариативность, способствовать их дальнейшему пониманию и использованию в речи.

Литература

1. **Карабулатова И. С.** Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии) / И. С. Карабулатова. – Тюмень, 2000.
2. **Карабулатова И. С.** Тайна имени автомобиля : краткий словарь механонимов и механонимических ассоциаций / И. С. Карабулатова, А. А. Исакова. – Тюмень, 2006.
3. **Карелина Л. Ф.** Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в полиэтничном окружении в аспекте социоллингвистической контактологии : АКД / Л. Ф. Карелина. – Великий Новгород, 2006.
4. **Кохтев Н. Н.** Реклама: Искусство слова / Н. Н. Кохтев. – М. : МГУ, 1997. – 96 с.
5. **Комолова З. П.** Эмоциональность прагмонимов // Актуальные проблемы лексикологии / З. П. Комолова. – Ч. 1 : Терминология. – Новосибирск, 1971. – С. 66–67.
6. **Маринова Е. В.** Иноязычное слово: термин, понятие, реалия / Е. В. Маринова // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики : сб. ст. – Вып. 2. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2003. – С. 75–86.
7. **Морозова М. Н.** Имена собственные русского языка (Географические названия) / М. Н. Морозова. – М. : МГУ, 1977. – Ч. 2. – 96 с.
8. **Мошанцев Р. И.** Психология рекламы / Р. И. Мошанцев. – М., 2000 – 257 с.
9. **Отин Е. С.** Гидронимия юго-восточной Украины : АДД / Е. С. Отин. – К., 1974.
10. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973.
11. **Тимофеев В. П.** Исходная (словарная) форма слова в русском языке / В. П. Тимофеев. – Свердловск, 1971. – 115 с.

Статья посвящена специфике функционирования украинских прагмонимов в языковом пространстве Тюменского региона на современном этапе.

Ключевые слова: прагмоним, языковое пространство, иноязычное заимствование, имя собственное, прагмонимическая лексика, прагмонимическое субпространство.

Статтю присвячено специфіці функціонування українських прагмонімів у мовному просторі Тюменського регіону на сучасному етапі.

Ключові слова: прагмонім, мовний простір, іномовне запозичення, власне ім'я, прагмонімічна лексика, прагмонімічний субпростір.

The article is dedicated to specifics of the operation Ukrainian pragmonyms in tongue space Tyumenskogo region on modern stage.

Keywords: pragmonym, language space, foreign borrowing, name own, pragmonym lexicon, pragmonym subspace.

УДК [811.161.1 : 811.161.2]’ 246.2

В. И. Ковалёв

СОВРЕМЕННЫЙ СУРЖИК: ЛИГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Так называемый суржик и в наши дни относится к числу широко распространённых, широко известных, широко обсуждаемых, но всё-таки малоизученных явлений.

Действительно, суржик можно услышать в устной речи как рядовых граждан, живущих в самых разных регионах Украины, так и высших государственных деятелей – президента, премьер-министра, председателя и депутатов Верховной Рады. Суржик можно увидеть в телевизионных титрах и газетных статьях, на этикетках товаров и рекламных плакатах. Суржик появляется в интервью и бытовых беседах, неподготовленных и подготовленных монологах, авторских текстах и текстах, прошедших редактирование. Тихонько посмеиваясь над своими гонителями, суржик проникает даже в публикации, посвящённые борьбе с ним самим...

В самом деле, разножанровые тексты, тематически связанные с суржигом, в последнее десятилетие XX века – первое десятилетие XXI века выходили в свет часто. В центре внимания их авторов находятся такие проблемы:

- оценка суржика с точки зрения культуры украинской речи;
- его место в системе украинского национального языка;
- создание терминов и дефиниций, адекватно отражающих сущность этого речевого явления;
- уровневая классификация суржика,
- причины его широчайшего распространения в наше время;
- коммуникативно-прагматическая характеристика суржика в различных сферах общения;
- влияние билингвизма на появление суржика в процессе коммуникации.

Примечательным следует признать следующее обстоятельство: несмотря на то, что в наши дни ненормированные заимствования из

украинского языка в русскую устную и письменную речь становятся всё более заметными, суржик как лингвистический феномен всё ещё остаётся объектом исследования в основном украинистов. Это прежде всего работы К. Акикши, Р. В. Бесаги, Л. Биланюк, В. Демченко, Т. Кознарского, Т. В. Кузнецовой, Л. Т. Масенко, А. Погрибного, В. Радчука, О. Рудой, А. Сербенской, Л. А. Ставицкой, М. Стрихи, В. М. Труба, М. Д. Феллера, О. Шарварка, Н. П. Шумаровой, О. Шумилова.

Из всех современных работ, посвящённых суржику, следует прежде всего отметить книги Л. Т. Масенко [1] и Л. А. Ставицкой [2]. Они выделяются и по широте охвата практического материала, и по глубине концептуальных обобщений, хотя и не все выводы авторов можно считать бесспорными.

Однако даже в этих работах не рассматриваются лингводидактические аспекты указанного речевого феномена. А между тем без формирования правильного, научного представления о нём у широких масс носителей как украинского, так и русского языков, трудно рассчитывать на существенное повышение коммуникативной культуры населения в этом отношении.

Кроме того, теория обязательно должна быть подкреплена системой адекватных практических действий. Причём начинать эту работу целесообразно ещё в детском возрасте и обязательно закреплять положительные результаты в студенческом.

Однако в учебниках и учебных пособиях по украинскому и русскому языкам, как для средней, так и для высшей школы, суржик фактически не рассматривается. Вот почему очень актуальными представляются следующие научно-практические задачи:

- выделить из всего массива научной информации тот теоретический минимум, который необходим для формирования у школьников или студентов научного представления о суржике;
- адаптировать лингвистические сведения к условиям учебно-познавательного процесса, с учётом возрастных особенностей массового адресата;
- создать систему «антисуржиковых» практических заданий для школьников и студентов.

Разработка первоочередных мер в этих направлениях и является целью данной статьи.

В высших учебных заведениях логично было бы ввести специальные учебные предметы, главной целью которых является оптимизация культуры речи при общении как на русском, так и на украинском языке.

На факультете иностранных языков Луганского национального университета имени Тараса Шевченко такие предметы успешно преподаются на протяжении более десяти лет.

На заочном отделении это «Сопоставительная типология русского и украинского языков». К сожалению, количество аудиторных часов, выделенных на этот предмет (восемь), меньше необходимого минимума. Однако и в таких условиях студенты получают чёткие и полезные ориентиры для самостоятельного повышения уровня коммуникативной культуры в условиях билингвизма.

На дневном отделении эту роль успешно играет «Перевод с русского языка на украинский и с украинского на русский». В процессе изучения этой переводоведческой дисциплины студенты I курса не только получают пропедевтические сведения по теории и практике перевода и выполняют задания, связанные с переводом актуальных для себя жанров, но и ведут наблюдения за русской и украинской речью в СМИ.

В результате такого многолетнего мониторинга, который вызывает у студентов неизменный интерес, была собрана внушительная коллекция примеров суржика из публичных выступлений политиков, чиновников, актеров и других представителей коммуникативных профессий. Собранные материалы неоднократно с успехом представлялись в оригинальной театрализованной форме в рамках традиционных фестивалей юных переводчиков.

Такая работа, как показали последующие анкетирование и интервьюирование студентов, не только вызывает у них интерес, но и обостряет умение вести наблюдения за чужой и своей речью, а также внимание к культуре коммуникации.

Подмечая суржик в речи представителей коммуникативных профессий, молодые люди более ответственно начинают относиться к своему языковому арсеналу. А остроумная презентация собранных материалов способствует закреплению в сознании и правильных эмоционально-оценочных акцентов.

Введению эффективной «антисуржиковой прививки» молодому поколению серьёзно препятствует отсутствие соответствующих тем в школьных программах по украинскому и русскому языкам.

Однако и в таких условиях можно формировать у учащихся научное представление о суржике. Один из перспективных способов - написание небольших (8 - 11 предложений) научно-популярных новелл, посвященных отдельным аспектам данного речевого феномена. При этом непременным условием является пригодность такого текста для использования в упражнении, предназначенном для закрепления определённого программного материала.

Приведём два примера таких новелл, сочинённых автором этой статьи специально для учебника по украинскому языку для 9 класса под редакцией И. М. Пентилюк и Е. Н. Горошкиной. Первое упражнение предназначено для темы «Сложноподчинённое предложение», а второе – «Бессоюзное сложное предложение».

Списуючи текст, поставте, де потрібно, коми. Виділіть підрядні сполучники і сполучні слова. Усно визначте, які типи підрядних частин використано в цьому тексті. Знайдіть речення, де підрядна частина розташована у середині головної, і зробіть його синтаксичний розбір.
ЩО ТАКЕ СУРЖИК?

У ХІХ сторіччі це слово використовували селяни щоб називати суміш пшениці з житом або ячменю з вівсом а також борошно з такого зерна. Хліб із нього виходить несмачний і поганенький на вигляд так що слово поступово набуло негативної оцінки. Цікаво що його тоді вживали в такому ж значенні і росіяни. Воно є в найбільшому словнику російської мови який створив уродженець Луганська прекрасний знавець української мови Володимир Даль.

Коли вітчизняні лінгвісти почали вивчати усне спілкування вони звернули увагу на цікаве явище. В багатьох населених пунктах де українськомовні та російськомовні люди жили поряд їхні мови з часом змішувались. Наприклад хоча в нас є нормальні слова *літак, зрозуміти, цілодобово* замість них вживають *самоліт, поняти, круглдобово*. Подібні дублери нагадали вченим про суржик тому що в них поєднання російських і українських морфем таке ж недоладне як суміш пшениці з житом у тісті. Якщо всупереч мовним правилам змішувати в реченні українські та російські слова і морфеми теж вийде суржик.

Розвиток мовлення.

Скільки лексичних значень має слово суржик? Назвіть їх не дивлячи у підручник. В якому значенні це слово частіше вживається в сучасній мові?

Списуючи, поставте потрібні розділові знаки. Знайдіть у тексті безсполучникові складні речення. Чому в деяких із них ви поставили двокрапку, а в інших – тире?

ОБЕРЕЖНО: ІМПОРТНІ СЛОВА!

Імпортом називають завезення товарів із-за кордону. Економічній науці відомий суворий але об'єктивний закон імпортувати можна лише такі предмети які не виробляє або недостатньо виробляє вітчизняна промисловість. Буде забагато іноземних товарів загальмується розвиток нашого виробництва. Імпорт постійно більший за експорт країна поступово втрачає незалежність і самостійність.

Подібний закон діє і в мові запозичувати можна лише таку лексику яка дає предмету або дії більш влучну та зручну назву ніж слова рідної мови. Таких корисних запозичень насправді не може бути багато наша «мовна промисловість» вже створила безліч різноманітних «лексичних товарів» на всі смаки та випадки життя і спроможна створити ще скільки завгодно слів. І ці скарби не коштуватимуть нам жодної копійки. Може тому ми їх і не цінуємо?

Вживатимемо забагато іншомовної лексики самі зупинимо розвиток рідної мови. Тому будь ласка уважно придивляйтесь і прислухайтеся до модних імпортованих слів чи дійсно вони необхідні чи не стануть камінчиками які захаращують чисті джерела рідної мови?

Розвиток мовлення.

Усно викладіть головну думку тексту. Підберіть власні приклади зайвих запозичень у сучасній українській мові. Приготуйтеся довести, чому ви вважаєте їх зайвими.

Основную перспективу нашего исследования мы видим в следующем.

Те разделы школьных программ как по русскому, так и по украинскому языку, которые посвящены культуре речи, необходимо дополнить темами, ориентирующими учителя на профилактику суржика. Далее для методического обеспечения этого направления урочной деятельности соответствующий теоретический материал и практические задания должны быть включены в школьные учебники и пособия. Эта работа будет эффективной, если её организовать по линейно-ступенчатому принципу и последовательно проводить в начальных, средних и старших классах.

Однако для того, чтобы успешно осуществлять профилактику суржика в классе, школьный учитель должен получить основательную теоретическую и практическую подготовку в этом направлении в высшем учебном заведении. С этой целью логично было бы включить соответствующую тему в программу «Введению в языкознание». Однако у этого предмета свой широкий круг профессиональных задач. Поэтому было бы весьма целесообразно ввести в учебные планы на предвыпускном или выпускном курсе небольшую по количеству часов специальную суржиковедческую дисциплину.

Литература

1. **Масенко Л. Т.** Мова і суспільство: Постколоніальний вимір / Л. Т. Масенко. - К. : КМ Академія, 2004. –163 с. 2. **Ставицька Л.** Суржик: міф, мова, комунікація / Л. Ставицька, В. Труб // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціологічні аспекти : зб. наук. пр. / Ін-т укр. мови НАН України. Відділ соціолінгвістики / за заг. ред. Л. Ставицької. - К. : ПУЛЬСАРИ, 2007. – С. 31–120.

В статье «Современный суржик: лингводидактические аспекты исследования» рассматриваются проблемы презентации информации об этом речевом феномене в учебном процессе средней и высшей школы.

Ключевые слова: суржик, культура речи, лингводидактические аспекты.

У статті «Сучасний суржик: лінгводидактичні аспекти дослідження» розглянуто проблеми презентації інформації про цей мовленнєвий феномен у навчальному процесі середньої та вищої школи.

Ключові слова: суржик, культура мовлення, лінгводидактичні аспекти.

In the article «The modern mix dialect: linguadidactic aspects of the research» the author argues the problem of presentation information about mix dialect in educational process at secondary school and university.

Keywords: surzhyk, speech culture, linguadidactic aspects.

УДК 378.147=111

О. О. Коломінова

ВИТОКИ СТВОРЕННЯ ТЕОРІЇ ШКІЛЬНОГО ПІДРУЧНИКА ІНОЗЕМНОЇ МОВИ ДЛЯ ПОЧАТКОВОЇ ШКОЛИ

Теорія підручника іноземної мови для початкової школи як предмет нашого спеціального дослідження розвивається у надрах теорії шкільного підручника. Тому для визначення наукового підґрунтя обраної теми правомірно звернутись до витоків формування теорії шкільного підручника іноземної мови, що і становитиме *мету нашої статті*.

Сутність вимог до підручника у широкому розумінні цього поняття, як відомо, зумовлена соціальним замовленням суспільства щодо володіння його громадянами іноземною мовою, яке в свою чергу залежить від розвитку суспільства, від потреб практики, стану наукових знань з методики та суміжних з нею наук: лінгвістики, психолінгвістики, психології, педагогіки, лінгвокраїнознавства, соціології. Ось чому продовж різних етапів розвитку методики дещо по-різному формулюються основні вимоги до підручників іноземної мови і спостерігається певна суперечність при обговоренні таких теоретичних питань як: «...що повинно складати зміст підручника іноземної мови, чи повинна бути в підручнику представлена методична концепція автора, чи повинен підручник містити матеріал як для учня, так і для вчителя чи тільки для учня, яким чином має бути оформлений підручник іноземної мови і деякі інші більш окремі питання, які стосуються текстів, вправ, правил» [11, с. 410]. Зазначені чинники й обумовлюють *актуальність* нашого дослідження.

Питання створення підручника іноземної мови (ІМ) для початкових класів уперше стало на часі в п'ятидесяті роки минулого століття. Воно було ініційовано Постановою Ради Міністрів СРСР 1947 року «Про поліпшення викладання іноземних мов у середній школі», яким передбачалось можливість вивчення ІМ з третього класу за умов забезпечення відповідних кадрів, а також відкриття шкіл з викладання ряду предметів ІМ.

Ці позитивні зміни вимагали якісно нових підручників. Проте процес їх підготовки гальмувався відсутністю належної теоретичної бази не тільки у сфері підручничостворення. Не визначеною була передусім система навчання ІМ у школі. Адже методика як наука знаходилась тоді на стадії формування. При цьому провідним залишався усвідомлено-порівняльний метод, за яким акцент у навчанні ІМ, в тому числі й

молодших школярів, робився на освітніх і виховних цілях. Навчаючись ІМ учні набували формальних знань про мову і не оволодівали усним мовленням і читанням як практичними вміннями.

Рушійний поворот від формальної до практичної спрямованості навчання ІМ у школі намітився на початку 60-х років минулого століття. Тоді ж актуальності набуло з'ясування різних аспектів підручничостворення, як-от: цілепокладання, добір змісту, визначення структури підручника, типологія вправ, оформлення підручника тощо.

Зупинимось на аналізі цих питань. На тому, як вони вирішувались впродовж етапу становлення теорії шкільного підручника в 60–70-ті роки, коли стратегія навчання ІМ з метою практичного оволодіння нею почала поступово закріплювати свої позиції.

Умовно виділений етап навчання іноземної мови з орієнтацією на практичне оволодіння нею, ініційоване Постановою Ради Міністрів СРСР 1961 року, характеризується підвищенням уваги до проблеми підручника. Проблема теорії і практики створення шкільного підручника була не тільки предметом спеціальних досліджень [1;19; 20]. Її обговоренню присвячувались міжнародні семінари і конгреси [7; 21], а також започаткована журналом «Иностранные языки в школе» дискусія науковців і вчителів з широкого спектра питань, пов'язаних з проблемою підручничоутворення [6; 10; 12–14; 16; 19; 20]. У підручниках з методики того періоду формулювались певні вимоги до шкільних підручників іноземної мови. У центрі уваги на початку 60–70-х років минулого століття були такі питання цієї галузі науки, яка продовж зазначеного періоду часу знаходилась у стані становлення: 1) вимоги до автора/ авторського колективу; 2) до концептуальних засад створення підручника, передусім до принципів його побудови і оформлення у контексті методичних уявлень того часу щодо практичної мети навчання іноземної мови в школі; 3) до організації вправляння; 4) до можливостей здійснювати опору на рідну мову учнів.

Розглянемо ці вимоги дещо докладніше.

Передусім вони стосуються питання, кого слід залучати до підготовки підручників. Поєднуючи погляди Е. П. Шубіна і членів редколегії журналу «Иностранные языки в школе», які виступили ініціаторами забезпечення шкіл повноцінними підручниками, плідною і сьогодні видається ідея про те, що до складу авторських колективів підручників мають входити висококваліфіковані лінгвісти, методисти і психологи, озброєні цілісною лінгвістичною і методичною концепцією. При цьому, оскільки створення підручника є комплексною науковою і практичною проблемою, її вирішення потребує скоординованих дій учених і творчих учителів. Підручники мають пройти широкомасштабну дослідну перевірку в школі.

На увагу заслуговують вимоги щодо робочої мови підручників і принципів відбору навчального матеріалу. Йдеться про написання текстів підручника сучасною мовою, що посилює вимоги до якості

адаптації текстового матеріалу, про здійснення відбору навчального матеріалу за науково обґрунтованими критеріями відбору з дотриманням диференційованого підходу до відбору мовного матеріалу, а також матеріалу для навчання усного мовлення, читання і письма. При цьому була зроблена спроба визначити і одиниці відбору мовного матеріалу, як-от: а) готові знаки всіх порядків (наприклад, сталі словосполучення); б) знаки-напівфабрикати (тобто знаки, які допускають певне варіювання у мовленні); в) граматичні структури (Е. П. Шубін) [19; 20].

Прогресивною на той час з огляду на практичну мету навчання була пропозиція Е. П. Шубіна про членування серії шкільних підручників на серію підручників усного мовлення (говоріння, слухання) і серію підручників для читання і письма. Цілком слушно (з урахуванням специфіки усного мовлення) висувалась вимога – забезпечити повністю озвучення підручників для усного мовлення шляхом запису на магнітну стрічку або грамплатівку, що мало на меті – організувати самостійне вправління учнів в усному мовленні. В тому числі, при виконанні звукових вправ з ключами для самоконтролю. Новизною на той час (і усталеною практикою сьогодення) можна вважати також рекомендації про те, щоб передбачити серед вправ, які виконуються в класі, ігрові і сценічні вправи, застосування яких мало стати необхідною складовою будь-якого етапу роботи над усним мовленням. Нарешті, правомірною, зважаючи на нерозробленість методики навчання усного іншомовного мовлення, була вимога щодо забезпечення підручників для усного мовлення спеціальними посібниками для учителя, в яких мали бути передбачені методичні рекомендації і розробки для кожної секції (тобто навчального циклу) підручника.

З позицій сучасного когнітивного підходу до навчання мовного матеріалу цікавою і цілком правомірною є рекомендація І. В. Рахманова [12; 13; 14] про те, що граматичні і фонетичні правила в молодших класах не повинні апелювати до абстрактного мислення учнів, рівень розвитку якого не завжди є достатнім. Правило має бути сформульовано у такий спосіб: а) щоб воно спиралось на мовну практику учнів; б) щоб учень міг його застосовувати в аналогічних випадках; в) щоб учні відчували практичну користь мовних правил.

Актуальними і в наш час є настанова І. В. Рахманова про те, що методична побудова підручника повинна сприяти плановірності (тобто поетапності) засвоєння мовного матеріалу і формування навичок і вмінь мовлення. Розташування навчального матеріалу повинно відповідати критеріям системності, наступності і послідовності. При цьому правильний вибір шрифтів і наочне розташування окремих частин параграфу (як структурної одиниці і побудови підручника), а також їх належне оформлення мають допомогти учителю краще усвідомити методичний задум автора (авторів) підручника, а учню, додамо, зорієнтуватись в сутності нового навчального матеріалу і покроково, послідовно його засвоїти. На переконання І. В. Рахманова, підручник

повинен давати чітке уявлення щодо ступеня і якості засвоєння програми [12–14].

Як відомо, критерій відповідності змісту підручника вимогам чинної програми є одним із провідних критеріїв оцінювання якості і сучасного підручника/НМК іноземної мови [2; 4; 15]. Проте питання цілепокладання, змісту і принципів організації навчання іноземної мови в школі, зокрема в початковій, задекларовані в сучасній програмі, зазнали суттєвих змін. Ось, наприклад, якими були вимоги щодо практичного володіння іноземною мовою учнями 2-го класу школи з викладанням ряду предметів англійською мовою, зазначені в новій програмі з англійської мови 1962 року. Згідно з вимогами цієї програми у 2-му класі стосовно усного мовлення учні повинні були вміти:

- розуміти мовлення вчителя у сфері класного вжитку і тематики, що вивчається;
- відповідати на запитання в межах опрацьованої тематики і засвоєного мовного матеріалу;
- описувати після навідних запитань вчителя малюнки і ставити за їх змістом запитання;
- читати напам'ять вірш і окремі уривки із вивчених текстів.

У 3-му класі, де вимоги до усного мовлення підвищувались, учні повинні були:

- розуміти нескладні пояснення вчителя;
- розуміти розповідь учителя або текст на задану тематику, який він читає;
- відповідати на запитання, повно і стисло відповідати на них у межах вивчених текстів і тем або за малюнками;
- описувати без навідних запитань учителя тематичний малюнок або серію фабульних малюнків.

Таке розуміння практичного володіння іноземною мовою, звичайно, було досить далеким від природної комунікації.

Прокоментуємо деякі інші методичні вимоги до шкільних підручників іноземної мови, висловлені провідними методистами того часу. Розпочнемо з типології вправ підручника.

Зазначимо, що поділ І. В. Рахмановим ще в кінці 50-х років минулого століття вправ, які мають бути закладені в підручниках, на мовні і мовленнєві був прогресивний для свого часу [12–14]. Ним окреслювалась перспектива практичного оволодіння іноземною мовою. Саме цієї перспективи бракувало відомим видам тренувальних вправ, розроблених творцями прямих методів Г. Пальмером, Р. Ладом, Ч. Фрізом та ін., а саме: імітаційним вправам (imitation exercises), підстановчим вправам (substitution exercises), трансформаційним вправам (transformation exercises), вправам на завершення (completion exercises), на розширення (extension exercises), питально-відповідальним вправам (ask and answer exercises), вправам у висловленні правильних і

неправильних тверджень (right and wrong statements). Адже «примісти» ніколи не акцентували можливість виконання цих вправ з мовленнєвою задачею. Тому виконання перелічених тренувальних вправ, які пропонувалися підручниками і посібниками представників прямих методів, перетворювало вправління на механічний мовний процес (parroting), що знижувало мотивацію учіння і відповідно давалося взнаки на міцності і гнучкості навичок, що формувалися.

Між тим в типології вправ І. В. Рахманова була слабка ланка, помічена Е. П. Шубіним: певна штучність його типології – виокремлення в ній мови від мовлення. Але в мовленнєвому акті мова і мовлення тісно між собою переплітаються і взаємодіють. Тому запропонований Е. П. Шубіним на початку 60-х років минулого століття поділ вправ на комунікативні і не комунікативні, які готують учнів до мовної комунікації, був подальшим кроком уперед в розвитку методики [19; 20]. Методологію цієї типології зумовлювало положення про те, що метою навчання іноземної мови в середній школі є оволодіння нею як засобом спілкування в певних заздалегідь встановлених сферах [20, с. 111, 185]. Таке розуміння практичної мети створювало більш обґрунтовану методичну основу для побудови раціональної типології вправ, адекватних практичній меті навчання іноземної мови в школі. Окрім того, надання Е. П. Шубіним лінгвістичних і методичних аргументів на користь запропонованої типології вправ, по-перше, сприяло формуванню методичних уявлень щодо природи дихотомії «мова і мовлення». По-друге, воно орієнтувало на пріоритетність саме комунікативних вправ у раціональній системі вправ підручника. По-третє, сформульована Е. П. Шубіним ідея комунікативності вправ стала своєрідним наріжним каменем для подальшої розробки типології вправ, націлених на навчання мови як засобу спілкування, тобто для проблеми, плідно вирішеної продовж наступних 70–80-х років в працях Ю. І. Пасова, С. Ф. Шатілова, В. Б. Царькової [18].

Прокоментуємо ще одну методичну вимогу щодо побудови підручника, яка стала об'єктом широкої дискусії науковців і творчих учителів [6]. Йдеться про методичні рекомендації Е. П. Шубіна щодо необхідності створення двох паралельних підручників: одного для навчання усного мовлення, а другого – для навчання читання і письма, тобто призначеного для оволодіння учнями писемним мовленням у широкому розумінні цього поняття. Учені-методисти Н. І. Гез, М. В. Ляховицький, І. В. Рахманов вважали такий підхід недоцільним. Особливо, на їх думку, це стосувалося початкового етапу, на якому тексти для розвитку усного мовлення і читання є нейтральними за стилем, не мають відступів від норми, випадкової лексики і складних граматичних конструкцій [5; 9]. Ось чому для початку навчання іноземної мови, і для подальших етапів його організації зазначені вище вчені вважали за необхідне навчати усного і писемного мовлення на основі єдиного підручника. Основним аргументом на користь цієї позиції

був досліджений на той час факт спільності усної і писемної форм комунікації, що уможливило їх навчання на основі єдиного навчального матеріалу.

Водночас саме в той період розвитку теорії підручника сформувалася та отримала своє теоретичне обґрунтування і практичне втілення інша позиція щодо проблеми створення підручника для навчання усного мовлення. Ця позиція вважається нам більш правомірною. Її яскравим представником був В. Л. Скалкін, в теоретичних працях якого ідеї Е. П. Шубіна у зазначеному напрямі отримали своє подальше плідне вирішення.

За даними В. Л. Скалкіна [17], усномовленнєва комунікація характеризується включенням індивіда в систему сфер спілкування: соціально-побутову, сімейну, професійно-виробничу, соціально-культурну, суспільну, видовищно-масову. Важливість тієї чи іншої сфери для окремого комуніканта визначається специфікою та сутністю конкретних соціально-комунікативних ролей. Наприклад: покупець, продавець, батько, син, брат, близький друг, пацієнт, гість, телеглядач тощо. Тому в процесі навчання усного мовлення учні завжди повинні чітко усвідомлювати свою комунікативну роль, ставити перед собою конкретні комунікативні задачі, відчувати стимули, аналогічним тим, які мають місце в реальних обставинах, враховувати ті чи інші відносини між комунікантами. Отже оволодіваючи іншомовним мовленням, учень повинен певною мірою оволодівати і технікою соціального спілкування на даній мові. А це передбачає не тільки комунікативні, лінгвістичні, екстралінгвістичні, соціолінгвістичні, але і пара лінгвістичні аспекти мовлення. Урахування зазначених аспектів техніки соціального спілкування як одна із вимог до підручника була актуальним не тільки для свого часу. З огляду на практичну мету сучасного раннього навчання іноземної мови – закласти фундамент для подальшого оволодіння учнями іншомовним спілкуванням на міжкультурному рівні – ця вимога є актуальною і для розвитку теорії підручника іноземної мови для початкової школи. Адже саме підручник/НМК має служити для молодших учнів провідним засобом навчання того, як вирішувати елементарні комунікативні задачі в процесі спілкування з дорослими або між собою у межах ігрової, навчально-трудова і сімейно-побутовової сфер спілкування. Ось чому ми надаємо методологічної цінності положенню В. Л. Скалкіна про те, що головне покликання підручника усного мовлення полягає в забезпеченні учня відповідним матеріалом і системою дій для формування соціально-комунікативних умінь і форм поведінки [17].

Науково обґрунтовані В. І. Скалкіним теоретичні засади створення підручника усного мовлення [17], таким чином дозволяли більш диференційовано підійти до навчання цієї форми спілкування. Тим більш, що вони не заперечували можливості опори на код писемного спілкування як допоміжного засобу процесу навчання.

Вимоги В. Л. Скалкіна до побудови підручника усного іншомовного мовлення, як відомо, були взяті до уваги і при розробці проблеми створення підручників навчання російської мови як іноземної [3]. Їх методологічна цінність для становлення теорії комунікативно орієнтованого шкільного підручника іноземної мови, в тому числі для початкової школи, також є очевидною. Адже деякі із сформульованих В. Л. Скалкіним [17] методичних принципів побудови підручника усного мовлення за умов їх інтерпретації набувають універсальний характер. Такими є: 1) урахування відмінностей між усною і писемною формами комунікації; 2) комунікативна спрямованість навчання на всіх етапах і рівнях; 3) моделювання типових комунікативних ситуацій як основи відбору і раціоналізації мовного матеріалу; 4) розрізнення сфер і типових видів усного (і додамо, а також і письмового) спілкування; 5) навчання усного (і додамо, письмового) мовлення як форми соціального спілкування.

Отже, умовно виділений нами перший етап становлення теорії підручника іноземної мови для початкової школи характеризується певними методичними здобутками. Найвагомим із них є всебічне обґрунтування І. Л. Бім вихідних принципів побудови шкільного підручника іноземної мови, зроблене нею в контексті сучасних та той період тенденцій наукознавства [1].

Провівши докладний аналіз системи навчання іноземних мов на різних рівнях і визначивши на основі цього аналізу п'ять основних методичних категорій, які відображають найсуттєвіші об'єкти в системі наукового методичного знання (категорію мети, змісту навчального предмета, процесу навчання, методів і засобів навчання), і розкривши сутність виділених категорій, І. Л. Бім створила необхідні умови для об'єктивного науково обґрунтованого аналізу підручників [1].

Вихідним кроком цього аналізу є погляд на підручник як на модель реалізації системи навчання іноземних мов у середній школі на практиці. Важливого значення у цьому плані набуває внутрішня глибинна структура підручника, яка становить заховану концептуальну основу, прихований механізм його зовнішньої структури, тобто складових частин підручника: його розділів, параграфів, їх побудови. При цьому чим повніше підручник відображає сучасний рівень розвитку науки в цілому, зокрема, лінгвістики, педагогіки, психології, психолінгвістики і методики в їх взаємозв'язку, зазначає І. Л. Бім [1], і чим повніше реалізує цю взаємодію, тим досконалішою є закладена в підручнику система навчання іноземної мови.

Досконалість цієї системи значною мірою зумовлюється і науковою кваліфікацією творців підручника, який має бути високим. Він передбачає значний творчий потенціал авторів, наявність здібностей поєднувати безліч різноманітних факторів і моделювати відносно цілісний педагогічний процес, спроможний реалізувати авторську науково обґрунтовану концепцію і забезпечити тим самим формування

всіх сфер діяльності вчителя і тих, хто навчається, із застосуванням конкретного підручника.

Для розробки якісних підручників, плідними є досліджені І. Л. Бім закономірності, які стосуються управління за допомогою цих засобів педагогічним процесом як багатофакторною вірогідною системою [1]. Вони полягають в наявності таких ознак підручника:

- здатність підручника поєднувати дві підсистеми основних складових педагогічного процесу: підсистему, яка керує діяльністю учня і представлена книжкою для учня, і підсистему, яка спрямовує діяльність учителя за допомогою книжки для вчителя;
- здатність підручника завдяки наявності цих двох підсистем створювати матеріальні умови для управління пізнавальною і комунікативною діяльністю учнів і поєднувати в собі такі провідні функції підручника як мотиваційна функція, інформаційна і контролююча;
- створювати багатомірні стимули (у тому числі й аудіо-візуальні), необхідні для забезпечення специфічних умов організації іншомовної комунікативної та пізнавально-інтелектуальної діяльності учнів;
- регулювати взаємодію всіх засобів навчання (традиційних, технічних) у межах функціонування підручника як системи;
- створювати шляхом відбору і організації навчального матеріалу на основі структурно-функціонального підходу раціональної програми управління діяльністю вчителя і учнів у відповідності до розвитку науки і науково-технічного прогресу;
- здатність підручника достатньо наочно відобразити сучасні методи навчання: бути передусім провідником методів-способів викладання (показ, пояснення, організація вправлення) і методів учіння (ознайомлення, осмислення, вправлення), забезпечувати достатньо експліцитний характер методів учіння, здатність підручника вчити учнів самостійно вчитися.

Певна сформованість теорії підручника наприкінці 70-х років минулого століття створила необхідну методичну базу для більш чіткого формулювання методичних вимог до шкільного підручника іноземної мови і представлення їх в підручнику з методики для майбутніх учителів, надрукованому у 1982 році [11]. Ці вимоги вже не були таким розпливчатими як в аналогічних матеріалах 1967 року. Вони полягали у наступному: 1) системність і комплектність як вихідні ознаки підручника; 2) необхідність врахування етапів навчання; 3) наступність матеріалів підручника; 4) врахування особливостей рідної мови; 5) науково-обгрунтований підхід до відбору навчального матеріалу; 6) мовленнєва спрямованість навчальних матеріалів; 7) концентрична і циклічна побудова навчальних матеріалів [9].

Вимога системності і комплектності отримала на той час реалізацію в НМК з англійської мови для середньої школи. Її поступово почали втілювати у життя автори підручників для початкової школи з англійської мови. Проте інші вимоги, особливо викладені у пунктах 2 і 6, були подані дещо схематично. Відчувалась нагальна потреба у більш предметному висвітленні вимог щодо необхідності врахування специфіки етапів навчання із аналізом особливостей кожного етапу (ступені) і надання рекомендацій щодо долавання конкретних труднощів навчання, зумовлених психологічними, фізіологічними, дидактичними та методичними факторами конкретного етапу. Взірцевим у цьому плані є виклад матеріалу в сучасній методиці навчання іноземної мови у середніх навчальних закладах [9]. Більшої конкретності мало би бути і при розгляді питання про мовленнєву спрямованість навчальних матеріалів. У цьому пункті відчувався брак конкретної інформації щодо типології вправ.

Загалом, однак, проаналізований етап навчання іноземної мови з практичною метою характеризується потужною динамікою розвитку теорії підручника для школи. І це відкривало реальні перспективи для поліпшення їхньої якості. Дослідження стану проблеми у контексті еволюції практичного аспекту цілепокладання в подальші роки та відповідний аналіз перспектив розвитку теорії шкільного підручника іноземної мови становитимуть предмет наших подальших публікацій.

Література

1. **Бим И. Л.** Методика обучения иностранным языкам как наука и теория школьного учебника / И. Л. Бим. – М. : Рус. яз., 1977. – 288 с.
2. **Биркун Л.** Як зробити підручник сучасним? Критерії оцінювання НМК з іноземної мови для загальноосвітніх шкіл / Л. Биркун // Іноз. мови в навч. закл. – 2004. – №2. – С. 28–31.
3. **Вятютнев М. М.** Теория учебника русского языка как иностранного / М. М. Вятютнев. – М. : Рус. яз., 1984. – 144 с.
4. **Гальскова Н. Д.** Теория и практика обучения иностранным языкам в начальной школе : учеб. пособ. для студентов пед. вузов и колледжей / Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко. – Смоленск : Ассоциация XXI век, 2007. – 236 с.
5. **Гез Н. И.** О построении учебника иностранного языка для старших классов / Н. И. Гез // Иностр. яз. в shk. – 1962. – № 2. – С. 64–70.
6. **Лившиц А. В.** Учебник должен стать основным пособием для практического овладения языком / А. В. Лившиц / Иностр. яз. в shk. – 1962. – №2. – С. 71–74.
7. **Лившиц А. В.** Учебник должен стать основным пособием для практического овладения языком / А. В. Лившиц // Иностр. яз. в shk. – 1962. – № 2. – С. 71–74.
8. **Международный семинар по вопросам преподавания иностранных языков** // Иностр. яз. в shk. – 1962. – №2. – С. 8–60.
9. **Методика** викладання іноземних мов у середніх навчальних закладах : підручник. – Вид. 2-е, випр. і перероб. / кол. авторів під керівн. С. Ю. Ніколаєвої. – К. : Ленвіт, 2002. – С. 223–232.
10. **Методика** обучения иностранным языкам в средней школе : учебник / Гез Н. И., Ляховицкий М. В., Миролубов А. А. и др. – М. : Высш. shk., 1982. – С. 89–90.
11. **Обеспечить** школы полноценными учебниками (ред.) // Иностр. яз. в shk. – 1961. – № . – С. 32–33.
12. **Общая** методика обучения иностранным

языкам в средней школе / под ред. А. А. Миролюбова, И. В. Рахманова, В. С. Цетлин. – М. : Просвещение, 1967. – 504 с. 13. **Рахманов И. В.** Методические требования к учебникам иностранных языков для восьмилетней школы) / И. В. Рахманов // Иностр. яз. в shk. – 1961. – №4. – С. 34–44. 14. **Рахманов И. В.** Методические требования к учебникам иностранных языков для восьмилетней школы) / И. В. Рахманов // Иностр. яз. в shk. – 1962. – №2. – С. 29–37. 15. **Рахманов И. В.** Теоретические основы начального учебника по иностранному языку / И. В. Рахманов // Иностр. яз. в shk. – 1962. – №2. 16. **Роман С. В.** Вимоги до сучасного підручника іноземної мови для молодшої школи / С. В. Роман, О. О. Коломинова // Іноз. мови. – 2005. – №4. – С. 41. 17. **Росински Э. Ш.** Из опыта составления учебников по иностранным языкам / Э. Ш. Росински // Иностр. яз. в shk. – 1962. – № 2. – С. 44–49. 18. **Скалкин В. Л.** Теоретические основы учебника устной речи для взрослых (на материале английского языка) : автореф. на соискание ученой степени канд. пед. наук / В. Л. Скалкин. – Киев, 1972. – 23 с. 19. **Царькова Б. В.** Речевые упражнения на немецком языке : пособ. для учителей / Б. В. Царькова. – М. : Просвещение, 1980. – 144 с. 20. **Шубин Э. П.** Принципы построения школьных учебников иностранных языков / Э. П. Шубин // Иностр. яз. в shk. – 1961. – №4. – С. 44–56. 21. **Шубин Э.** Принципы построения школьных учебников иностранных языков / Э. Шубин // Основные принципы методики обучения иностранным языкам. – М. : Учпедгиз, 1963. – С. 169–190. 22. **Юньев В. И.** Теория и практика создания учебников иностранного языка : материалы Второго Междунар. конгресса МАПРЯЛ) / В. И. Юньев // Иностр. языки в школе. – 1974. – №1. – С. 57–60.

В статье анализируются этапы обучения иностранному языку с практической целью характеризуется динамикой развития теории учебника для школы, что открывает реальные перспективы для улучшения их качества.

Ключевые слова: учебник, теории учебника иностранного языка, устное говорение, системность, комплектность.

У статті аналізуються етапи навчання іноземної мови з практичною метою характеризується потужною динамікою розвитку теорії підручника для школи, що відкриває реальні перспективи для поліпшення їхньої якості.

Ключові слова: підручник, теорії підручника іноземної мови, усне мовлення, системність, комплектність.

The article deals stages of study foreign language with practice main and characterized dynamic of development text-books' theory for school. It opens real perspectives for improving text-books' quality.

Keywords: text-books, theory text-books foreign language, oral speech, system, complete.

О. М. Кравчук

РОЛЬ МОВНИХ СТРАТЕГІЙ У МІЖКУЛЬТУРНИЙ КОМУНІКАЦІЇ

Актуальність дослідження значення, ролі та механізмів реалізації мовних стратегій у європейському просторі обумовлена, насамперед, потребами поглиблення і розширення міжкультурного діалогу. Проблема міжкультурного спілкування в умовах багатомовності, характерної для сучасного світу, є однією з найдавніших і дотепер не одержала свого задовільного розв'язання. Динаміка суспільного розвитку, соціокультурний характер процесів, що протікають в епоху глобалізації, визначають актуальні соціальні потреби, пов'язані зі специфікою сучасного процесу міжкультурної комунікації. Людство, стаючи усе більш взаємозалежним та єдиним, не втрачає свого культурного розмаїття. Розбіжності в мовах, традиціях, нормах, світосприйнятті є водночас і величезною цінністю кожної культури, і головною перешкодою для взаємодії. Ефективна міжкультурна комунікація не може виникнути сама по собі, її необхідно цілеспрямовано опановувати. Система освіти України покликана формувати соціально значимі характеристики особистості й відповідати актуальним соціокультурним потребам особистості та суспільства. Тому одним з найважливіших аспектів цієї проблеми є формування за допомогою мовних стратегій такої особистісної характеристики, як здатність і готовність до міжкультурної комунікації для професійної соціальної взаємодії. Як засіб розуміння і спілкування, мовні стратегії забезпечують двосторонні та багатосторонні діалог і співробітництво в контексті реалізації національних інтересів на європейському напрямі. Адже європейський вектор є провідним напрямом зовнішньої політики України. Тому освоєння (впровадження, реалізація) мовних стратегій є однією з основних умов ефективною реалізації європейського курсу України. Вивчення цих процесів актуальне не лише для українського, але й для європейського загалу.

На жаль, мовні стратегії в Україні в минулі десятиріччя реалізовувалися спонтанно і безсистемно. Цьому є історичне пояснення: мало місце обмеження міжнародних контактів своїх громадян із цивілізованим світом; обмеження вивчення іноземних мов; вибудова державою своєрідного бар'єру у розумінні та сприйнятті один одного. На думку Т. С. Скубашевської [1], на сьогодні актуальність дослідження мовних стратегій обумовлена загальногуманістичною потребою розвитку та збагачення духовного світу особистості, що реалізується через поглиблене розуміння ментальної культури інших засобами мовних стратегій. Не дивним стає той факт, що сучасні мовні стратегії постають

як чинник розвитку духовності людини, як людини у всій повноті її соціокультурних характеристик. Як соціально-філософська і соціокультурна проблема мовних стратегій стала предметом дослідження порівняно недавно. Практично вона розробляється в останні 2–3 десятиріччя. В її основі знаходяться фундаментальні дослідження феномену мови знаменитих мовознавців (від О. Потебні, Я. Білодіда до Д. Гудкова, С. Тер-Мінасової) [2; 3], а також дослідників мовно-педагогічних і виховних технологій (від Я. А. Коменського до А. Макаренка, Г. Ващенко, В. Сухомлинського). Серед робіт сучасних науковців щодо означеної проблеми можна виділити три відносно самостійні групи наукових розробок. Перша з них присвячена дослідженню загальнокультурної ситуації, що склалася у Європі в післявоєнний період, особливо після розпаду Радянського Союзу (С. Веселовський, М. Білоусов, І. Бураківський, Л. Гайдуков, Л. Губерський, С. Годун, А. Дугін, В. Копійка, В. Крушинський, В. Манжола, І. Мінгазутдінов, Г. Немиря, О. Павлюк, Д. Сіджанські, М. Срежньова). Другу групу досліджень складають роботи вчених, які намагалися проникнути в архітектуру європейського діалогу, обумовлену розмаїттям культур і ментальних характеристик народів європейського простору (З. Бжежинський, Б. Гуменюк, А. Зленко, В. Литвин, М. Михальченко, Г. Руденко та ін.). До третьої групи можна віднести дослідження авторів, мовні стратегії в яких є предметом безпосереднього теоретичного аналізу. У цьому плані мовні стратегії вивчаються представниками багатьох наук – філологами і лінгвістами, психологами і семіотиками, філософами і, навіть, математиками. Серед науковців філологічного та літературного профілю слід відзначити А. Грищенка, М. Жулинського, Л. Мацько, А. Міщенко, В. Німчука, В. Яременка; серед філософів – В. Андрущенко, К. Жоля, М. Михальченка, Б. Парахонського та ін. Проте слід мати на увазі, що ряд проблем все ще залишається недостатньо вивченим. Потребують уточнення геополітичні характеристики сучасної Європи, соціокультурні, етнічні та конфесійні особливості, які розглядаються в контексті міграційних потоків останніх десятиріч; поняття міжкультурного діалогу та основних принципів його утвердження; роль мовних стратегій у налагодженні міжкультурного діалогу; місце та роль мовних стратегій в освітній політиці України; вдосконалення вивчення європейських мов у системі освіти України тощо.

Проблема міжкультурного діалогу є похідною від теорії міжкультурної взаємодії або ж комунікації, ґрунтовно розробленої А. Модем. Діалог культур можна визначити як процес спілкування культур, у ході якого відбувається їх взаємна трансформація. Визначаються три стратегії можливого розгортання діалогу культур:

- домінування однієї з культур;
- синтезування культур у нову культуру без збереження цих культур;

- синтезування зі збереженням обох культур.

Щоб зрозуміти, як працює механізм діалогу культур, корисно уявити культуру у вигляді своєї системи, яка складається з декількох підсистем. Для взаємодії з іншою культурою створюється відповідна підсистема, в якій і відбувається складний процес адаптації власних культурних кодів з кодами іншої культури. Такі процеси відбуваються в обох культурах, які вступають у діалог, – кожна з них створює спеціальну підсистему для діалогу з іншою. Невдала культурна адаптація призводить до згортання діяльності цієї підсистеми, а не системи всієї культури. Успішне просування культурної адаптації може призвести до більш широкого впливу вже видозмінених відповідною підсистемою зовнішніх культурних впливів на всю систему культури. Тому діалог культур можливий лише за умови збереження власного культурного коду кожної культури-учасниці. Небувалий стрибок у розширенні міжнародного співробітництва всупереч усім очікуванням не призвів до зниження гостроти міжетнічних, релігійних й економічних проблем, світ став більш конфліктним. А це, в свою чергу, змушує шукати шляхи до філософії мирного співіснування членів світового співтовариства. Останнє гостро ставить проблему толерантності як поваги до чужих цінностей, а ще більше – як позиції, що припускає розширення кола особистих ціннісних орієнтацій за рахунок позитивної взаємодії з іншими культурами [4]. Однак необхідно розповсюджувати та поглиблювати діалог культур в умовах миру, толерантності та демократії з метою подолання наростаючої міжетнічної, національної та релігійної нетерпимості, перш за все, в зонах стикання різних культур і релігій, адже дух нетерпимості все більше проявляється в різних регіонах світу. Під загрозою виявляється зв'язок культур – надбання всього людства. Саме діалог культур й покликаний сприяти утвердженню ідеалів і практики толерантності як способу пізнання та поваги до інших, як шлях до взаємного духовного збагачення. У різних країнах світу сьогодні можна спостерігати зростання інтересу широких громадських кіл до мовних проблем, політичні баталії, громадські дискусії, конфлікти навколо мовних законів, реформ, норм літературної мови, сфер використання різних мов тощо. Мова входить в епіцентр політичних і громадських інтересів. Це відбувається тому, що мовне питання практично віддзеркалює і концентрує в собі взаємодію, суперництво, а нерідко й боротьбу різних етносоціальних, етнокультурних, етномовних, етноконфесійних груп, прошарків соціуму за власну ідентичність, право на своє бачення світу, власні пріоритети цінностей і власну інтерпретацію явищ навколишнього світу. У пріоритетах державної мовної політики, мовних стратегіях реалізується водночас боротьба політичних угруповань і лідерів за домінування та сфери впливу як у межах своєї нації та держави, так і поза її межами на міжнародному рівні. Мовні стратегії у цьому зв'язку набувають потужного політичного, економічного і соціокультурного значення. Вони затверджуються як

засіб єднання народів або ж як фактор їх протистояння чи конфлікту. Світовий досвід засвідчує, що в основі духовного єднання людей у певну спільноту лежить насамперед мова, яка виконує такі функції:

а) інтегруюча – мова об'єднує людей, створює в них відчуття групової єдності, ідентичності й, отже, сприяє перетворенню населення в суспільство;

б) організуюча – мова виступає засобом планування, мобілізації зусиль, адекватної передачі волі від одних структур суспільства до інших;

в) регулююча – мова забезпечує здатність підтримувати і відтворювати високу інтенсивність внутрішніх зв'язків, якими поширюються інтелектуальні й моральні імпульси, що пронизують суспільство.

Духовна суть об'єднує всі мови всіх народів, хоча звукова й знакова відмінності між ними очевидні. Якби було інакше, жодних можливостей порозуміння між різномовними індивідами й народами не було б. Характерно, що в контексті комунікації, міжкультурного діалогу розмаїття мов не лише не виключає, але й потребує зміцнення духу і простору функціонування рідної мови. Досвід показує, що народ, який втрачає рідну мову, від міжкультурного діалогу поступово віддаляється і навпаки, народ, який утверджує свою мову у мовному розмаїтті цивілізації, втягується в цей діалог все більш поважно та інтенсивно. Розвиток і поширення української мови у європейському просторі розглядається як необхідна умова участі України в міжкультурному європейському діалозі. Розглядаючи конкретні проблеми освоєння мовних стратегій у навчальних закладах України, їх значення та роль у зміцненні міжкультурних зв'язків народів європейського простору, неважко помітити, що найбільш привабливою для вивчення є англійська мова. За популярністю її наздоганяють французька, німецька та іспанська мови. Це є свідченням того, що в сучасному світі вже не можна обмежитися знанням лише однієї іноземної мови. Тому сьогодні досить поширеною практикою є вивчення кількох іноземних мов. Сучасний ринок праці висуває свої вимоги до якості знань і рівня підготовки фахівців до роботи в умовах ринкової економіки. Навчальним закладам нині доводиться враховувати ці вимоги в навчальному процесі. Тому володіння іноземною мовою є одним з визначальних факторів у формуванні сучасного висококваліфікованого фахівця.

Мета статті – соціально-філософський аналіз ролі та місця мовних стратегій у формуванні міжкультурного діалогу в європейському просторі.

Спираючись на зазначене вище, можна зробити певні висновки:

- Інтеграційні процеси, які пронизують сучасну Європу, створюють об'єктивні передумови для поглиблення контактів між народами, розширення горизонтів співробітництва, а

відповідно їй вимагають створення адекватних механізмів для діалогу культур.

- Підкреслюючи дієвість економічних, політичних та правових чинників, мовні стратегії не можуть бути вторинними засобами, бо саме вони прокладають шлях і готують ґрунт до розуміння народів і культур, толерантного сприйняття та співпраці.
- Мовні стратегії розглядаються в статті як механізми освоєння й користування іноземними мовами в багатомовному культурному просторі.
- Філософія освіти розглядає мовні стратегії як засіб розуміння народами культурних відмінностей одне одного, як засіб подолання непорозуміння у полікультурному просторі.
- Освоєння мовних стратегій є пріоритетним напрямом освітньої політики України.
- Ефективний міжкультурний діалог у європейському просторі може бути налагодженим за умови опанування декількох іноземних мов на основі вільного володіння рідною мовою.

Результати дослідження є важливими для подальшого філософського осмислення соціокультурної ситуації в європейському просторі, характеру міжкультурного діалогу в ньому. Вони вносять уточнення в поняття мовних стратегій як механізмів забезпечення міжкультурного діалогу, розуміння глобального значення поглибленого вивчення іноземних мов як пріоритетного напрямку освітньої політики та практики України. У перспективі результати дослідження цієї проблеми можуть бути використані при розробці нормативних курсів і спецкурсів для студентів вищих навчальних закладів України.

Література

1. **Скубашевська Т. С.** Мовні комунікації: суспільна потреба та її реалізація / Т. С. Скубашевська // Нова парадигма. – №39. – С. 35–39.
2. **Гудков Д. Б.** Межкультурная коммуникация : проблемы обучения / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2000. – С. 12–16.
3. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 135 с.
4. **Скубашевська Т. С.** Проблема толерантності у зрізі міжнародного діалогу / Т. С. Скубашевська // Практ. філософія. – К., 2004. – №4. – С. 108–113.

Анализируется значение и роль языковых стратегий в налаживании межкультурного диалога в европейском пространстве; обосновывается необходимость углубленного изучения европейских языков как принципа современной образовательной политики Украины.

Ключевые слова: образование, языковые стратегии, культура, европейское пространство, интегративные процессы.

Аналізується значення та роль мовних стратегій у налагодженні міжкультурного діалогу в європейському просторі; обґрунтовується необхідність

поглибленого вивчення європейських мов як принципу сучасної освітньої політики України.

Ключові слова: освіта, мовні стратегії, культура, європейський простір, інтегративні процеси.

The importance and role of language strategies in intercultural communication are analysed. It is proved that language strategies are among the key means of establishing the intercultural dialogue which help to reach tolerance and mutual understanding in European space.

Keywords: education, language strategies, culture, European space, integration processes.

УДК 811.161.1'38

О. В. Ланская

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» (дом князей Болконских в Лысых Горах)

Пространство является одной из фундаментальных категорий, определяющих языковую картину мира. При этом концепт «дом», восходящий к понятию «пространство», в художественном тексте по-особому высвечивает характеры героев, в частности князей Болконских в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Цель нашей статьи – проанализировать разные виды пространств, выявить ключевые слова, определить лексико-семантические, лексико-тематические, ассоциативные группы, репрезентирующие концепт «дом», охарактеризовать отдельные его признаки.

Ядро концепта «дом» представлено в тексте лексемой *дом*. Ее значение раскрывается с помощью лексико-тематической группы «дом», в которую входят такие слова, как: *официантская, диванная, столовая, передняя, зала, подъезд, уборная, кабинет, гостиная, девичья*.

Наиболее частотным при описании дома князя Болконского в Лысых Горах является слово *кабинет*, которое имеет архисему «предмет» и одновременно семы «место» и «действие», что отражает отношение владельца этого помещения к жизни, своему предназначению в этом мире. Это пространство конкретное, реально видимое. Оно актуализируется в существительных с семами «мебель» (*стол, шкафы*), «инструменты» (*станок, стамеска, инструменты*), «вещи» (*книги, планы, тетрадь*). Указанные слова имеют также общую сему «деятельность». То есть все вещи характеризуют старого князя Болконского как человека трудолюбивого, целеустремлённого, деятельного, энергичного, обладающего государственным мышлением. Об этом же свидетельствует и ряд определений: «всё выказывало постоянную, разнообразную и порядочную деятельность» [1, 4, с. 112]¹.

Слово *кабинет*, обозначающее пространство, в котором происходят самые важные события, определяющие жизнь Болконских, связано с оппозициями «жизнь – смерть», «война – мир», с понятием «семья». Это пространство профанное и сакральное одновременно. Пространство кабинета – это пространство и открытое, и закрытое. Закрытое пространство актуализируется с помощью существительного *дверь* (*из двери, к двери, к дверям, из-за дверей, затворил дверь, в темноту двери*), которое отделяет пространство одного героя (старого князя Болконского) от пространства, в котором существуют другие герои. Слово *дверь*, восходя к оппозиции «свое – чужое», отражает в тексте противоречия, существующие в одной семье, внутренний конфликт между близкими людьми, а также оппозиции «отцы – дети», «владелец имения – дворовые», «глава семьи – домашние». То есть слово *дверь*, восходя к значениям «гордость», «своенравный характер», «властность» и «хозяин», определяет границу, возникшую внутри дома.

Сама атмосфера кабинета передается номинациями с разными значениями. Это прилагательные семой «характер князя» («князь был *резок* и неизменно *требователен*» [1, 4, с. 112]), существительные семой «чувства, возбуждаемые в других людях» («не быв жестоким, он возбуждал к себе *страх* и *почтительность*, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек» [1, 4, с. 112]). Противоречивость характера старого князя Болконского зафиксирована и в текстовых антонимичных словосочетаниях *не быв жестоким* и *самый жестокий человек*.

Значения «гордость», «чувство собственного достоинства», «всеобщее уважение» отражены в ряде номинаций и словосочетаний, входящих в лексико-тематическую группу «отношение людей к старому князю Болконскому». Это *дочь, слуги (от дочери до слуг), начальник губернии* [1, 4, с. 112]. Зафиксированы эти значения и в том прозвище, которое было дано Николаю Андреевичу в обществе – *le roi de Prusse* (прусский король), в синтагме *при Павле был сослан в деревню*, т. е. оказался в опале. Антропоним *Павел*, так же как и синтагма *невысокая, толстая женщина – матушка-императрица* [1, 6, с. 117], фиксируют историческое время – эпоху Екатерины Великой и Павла I, т. е. XVIII век.

Пространство кабинета соответствует представлениям его хозяина о нравственности, что отражено в текстовых антонимах: «Он (князь Болконский. – О. Л.) говорил, что есть только *два источника* людских пороков: *праздность* и *суеверие*, и что есть только две добродетели: *деятельность* и *ум*» [1, 4, с. 111]. В свою очередь, слово *деятельность* объясняется в тексте с помощью слова *порядок* в значении «1. только ед. ч. Состояние налаженности, организованности, благоустроенности; правильность, систематичность чего-либо» [2, 3, с. 310]. Слово же *порядок* семой «точность» входит в лексико-тематическую группу «время», так же как и существительные *время*,

час, минута (минут, в минуты, минуту), годы, вечером, утром, мгновение, для срока, до обеда, после обеда.

Время в доме Болконского хронометрировано: «Его (Болконского. – О. Л.) выходы к столу совершались при одних и тех же неизменных условиях, и не только в *один и тот же час*, но и *минуту*» [1, 4, с. 112]; «– *Через двадцать минут* он (старый князь Болконского. – О. Л.) встанет» [1, 4, с. 124]; «Когда прошли те *двадцать минут*, которые нужны были *для срока* вставанья старого князя, Тихон пришёл звать молодого князя к отцу» [1, 4, с. 127]; «Князь Андрей уезжал на *другой день вечером*» [1, 4, с. 133]; «Старый князь, не отступая от своего порядка, *после обеда* ушёл к себе» [1, 4, с. 133]; «*Между двенадцатью и двумя часами*, сообразно с заведённым порядком *дня*, князь отдыхал, и княжна играла на клавикордах» [1, 4, с. 123].

Пространство кабинета определяется номинациями с семами «звук», а также «отсутствие звука», передающими переживания старого князя Болконского. Так, в момент прощания герой говорит: «– Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... – Он неожиданно *замолчал* и вдруг *крикливым голосом* продолжал: – А коли узнаю, что ты повёл себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! – *взвизнул* он». А также: «Ступай! – *закричал он сердитым и громким голосом*, отворяя дверь кабинета» [1, 4, с. 141]. Указанные номинации, приобретая отрицательную коннотацию, фиксируют противоречивый характер героя. За внешним проявлением грубости скрываются переживания человека, у которого сын отправляется в действующую армию. Слово *дверь* в данном эпизоде – знак разъединённости семьи, стремления скрыть свои чувства, что вновь подтверждается номинациями с семой «звук»: «Из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые *сердитые звуки стариковского сморкания*» [1, 4, с. 141]. Определение *стариковского* (сморкания) имеет семы «возраст», «беспомощность», «старость»; определение *сердитый* (в значении «1. Склонный сердиться, гневаться; раздражительный» [2, 4, с. 79]) – семы «возмущаться», «протестовать», «волноваться», «переживать». Глаголы *сердить*, *сержу* связаны с существительным *сердце* [3, 3, с. 605]. При этом прилагательное *сердитый* через прилагательное *сердечный* (человек) имплицитно означает значения «любящий» и «прямой» [4, 4, с. 175]. Накал чувств зафиксирован и сравнением *как выстрел*.

Пространство кабинета в этом эпизоде определено номинациями со значениями «честь», «долг», «стыд», «завещание» («больно будет», «будет стыдно», «повёл себя не как сын Николая Болконского»), восходит к оппозициям «война и мир», «жизнь – смерть» (*проживёт, убьют, после смерти* [1, 4, с. 141]).

Для старого князя Болконского *завещание* – это *ломбардный билет* (в значении «билет банковый, ломбардный, свид. тельство въ приём денег в рительнымъ заведеніемъ» [4, 1, с. 86]), т. е. «премия

тому, кто напишет историю суворовских войн», *письмо, записки* (в значении «дневникъ, описание жизни, событий» [4, 1, с. 616]), *ремарки* (в значении «1. Замечание, пометка» [2, 3, с. 705]), *бумаги* (*с бумагами, над бумагами*): «завещанием занялись»; «для укладки завещания» [1, 6, с. 114–115].

В свою очередь, слово *бумаги* имеет в тексте синонимы *ремарки* и *завещание*: «читал свои *бумаги* (*ремарки*, как он называл), которые должны были быть доставлены государю после его смерти»; «В последнее время одно из любимых занятий князя было занятие *над бумагами*, которые должны были остаться после его смерти и которые он называл *завещанием*» [1, 6, с. 114–115]. Указанные существительные имплицитно означают значения «государственные интересы», «наука», что отражено в существительных *государь* и *академия*: «государю передать после моей смерти»; «Переслать в академию» [1, 4, с. 141].

Завещание же сына – это воспитание ребёнка, который должен появиться на свет. Отсюда синтагмы *ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя; чтоб он вырос у вас* [1, 4, с. 141]. То есть самое дорогое у князя Андрея – это будущий сын, и воспитание его он может доверить только отцу.

Пространство дома в этом эпизоде не только дихотомично, оно характеризуется и политомией, которая, как известно, нуждается, по И. Канту, в созерцании, или «эмпирическом созерцании» [5, с. 442–443]. При этом дом, с одной стороны, это мир, т. е. отсутствие войны. С другой стороны, пространство дома всё насквозь пронизано войной. Так, в уборной (в момент одевания старого князя) после приезда князя Андрея речь заходит о войне. Сема «война» отражена в синтагмах *на любимую тему разговора отца* и *возвращаясь к своему любимому коньку* [1, 4, 127], *нужен для вступления в любимый разговор* [1, 4, с. 131]. С одной стороны, пространство комнаты для одевания – закрытое, с другой – открытое. Значение «открытое пространство» имплицитно в топонимах *Пруссия (Пруссии), Австрия, Италия (в Италии), Швеция, Рейн (на Рейне), Неаполь (в Неаполе), Штральзунд (в Штральзунде)* с семами «государство», «река», «город», «населённый пункт» [1, 4, с. 128].

Пространство столовой также связано с понятием «война» и воспринимается как закрытое и открытое, что вербализовано в топонимах *Америка, Европа* и *Новый-Йорк*, существительных и прилагательных со значением «национальность»: «соединиться со *шведскими войсками*», «двести двадцать тысяч *австрийцев*, в соединении со ста тысячами *русских*», «сделать нападение *на французов*», «пятьдесят тысяч *русских* и пятьдесят тысяч *англичан*» [1, 4, с. 128], «*немцев* только ленивый не бил» [1, 4, с. 132]. В лексико-тематическую группу «война» входят антропонимы, существительные, прилагательные с семой «политические деятели» и «полководцы», восходящие к оппозиции «тогда – теперь»: «Старый князь, казалось, был убеждён не только в том,

что все *теперешние деятели* были *мальчишки*, не смыслившие и азбуки военного и государственного дела, и что *Бонапарте* был *ничтожный французшика*, имевший успех только потому, что уже не было *Потёмкиных* и *Суворовых* противопоставить ему; но он был убеждён даже, что никаких политических затруднений не было в Европе, не было и войны, а была какая-то кукольная комедия, в которую играли *нынешние люди*, притворяясь, что делают дело» [1, 4, с. 131]. Противопоставление «теперешние деятели, нынешние люди – Суворовы, Потёмкины», а также «Бонапарте – Суворовы, Потёмкины», «война – кукольная комедия» представляет разное историческое время – век XVIII и XIX, а также оценку событий, которая представляет точку зрения человека XVIII века.

В лексико-тематическую группу «полководцы», кроме антропонимов *Суворов* (*Суворовых*, у *Суворова*), *Потёмкин* (*Потёмкиных*), входят также антропонимы *Фридрих* (пруссский король), *Михайла Кутузов*, *Орловы*, *Михельсон*, *Толстой*, *Моро*. Ключевыми при этом являются антропонимы *Бонапарт* (*Бонапарта*, *над Бонапартом*, *с Бонапартом*, *о Бонапарте*, *против Бонапарте*, *Буонапарте*, *к Буонапарте*) и *Суворов*. Антропоним *Бонапарт* имеет в тексте синонимы, которые фиксируют разные точки зрения на его деятельность. Так, князь Андрей считал Наполеона великим полководцем: «Смейтесь как хотите, а Бонапарте всё-таки *великий полководец!*» [1, 4, с. 132]. Старый же князь Болконский резко отрицательно оценивает деятельность Наполеона: «Бонапарте у них *стал полководец великий!*»; «– Я (старый князь Болконский. – *О. Л.*) вам говорил, что Бонапарте *великий тактик?*» [1, 4, с. 132]; «Бонапарт был *ничтожный французшика*»; «А мы с вами (старый князь Болконский и архитектор. – *О. Л.*) всё его *пустым человеком* считали» [1, 4, с. 131]; «Ты думаешь, я, старик, не понимаю настоящего положения дел? – заключил он. – А мне оно вот где! Я ночи не сплю. Ну, где же этот *великий полководец* твой-то, где он показал себя?

– Это длинно было бы, – отвечал сын.

– Ступай же ты к Буонапарте своему. *M-lle Bourienne, voila encore un admirateur de votre goujat d'empereur!* – закричал он отличным французским языком» [1, 4, с. 133]. Синтагма *de votre goujat d'empereur* переводится как «вашего холопского императора». Определения *ничтожный*, *пустой*, *холопский* выступают в тексте как антонимы определения *великий* и имеют семы «происхождение», «отсутствие ума», «отсутствие опыта», «безнравственный человек» и т. п. Имплицитно значение «Наполеон» представлено в тексте в антропониме *Marlbroug* (*Мальбрук*). Выражение «Мальбрук в поход собрался» относится обычно к человеку, предпринявшему что-либо, кончившееся неудачей» [6, с. 388], т. е. приобретает сему «полководец, которого ожидает поражение»: «*Marlbroug s'en va-t-en guerre. Dieu salt quand reviendra...*» – пропел князь фальшиво, еще фальшивее засмеялся и вышел из-за стола»

[1, 4, с. 128]. Синтагма *dieu salt quand reviendra* (бог весть когда вернётся) следует после предложения «Наполеон составил свой план не хуже этого» [1, 4, с. 129]. То есть указанные номинации свидетельствуют о том, что старый князь Болконский убеждён в поражении Наполеона. Словосочетания же *великий тактик* и *свою славу сделал* [1, 4, с. 132], объясняются в тексте употреблением фразеологизма *в рубашке родился*, т. е. «родился (родилась) в рубашке (или в сорочке) – об удачливом, счастливом человеке» [2, 3, с. 724]. Данные словосочетания связаны также с предложениями «Солдаты у него прекрасные» и «А немцев только ленивый не бил» [1, 4, с. 132], которые восходят к значениям «мужество русских солдат» и «слабый противник». То есть в пространстве дома Болконского как человека государственного ума, которого волнует внешняя политика России, её положение в Европе, а также будущее государства, значение «война» является доминирующим, т. к. именно от ведения этих войн полностью зависело будущее России. При этом пространство дома-мира воспринимается в тексте как пространство суживающееся, пространство войны как расширяющееся, что отражает трагические противоречия эпохи, время наполеоновских войн, войны 1812 года. Происходит взаимопроникновение этих пространств, их взаимообусловленность, что в дальнейшем приводит к деформации дома, а затем и к его разрушению. Так, при описании войны 1812 года слово *кабинет* утрачивает сему «спальня», которая, в свою очередь, актуализируется в существительных *галерея, гостиная, столовая, диванная*, восходящих к оппозиции «хорошо – плохо». В данных существительных имплицированы значения «тревога», «страх», «беспокойство». Пространство сужается до пределов вещи: *диван, вольтеровское кресло, кровать*. При этом в слове *диван* актуализируется значение «страх», возникает трансформированный образ смерти, и слово *диван* воспринимается как текстовый синоним слова *кровать (одр)*: «он мало спал и, изменив свою привычку спать в кабинете, каждый день менял место своих ночлегов. То он приказывал разбить свою походную кровать *в галерее*, то он оставался на диване или в вольтеровском кресле *в гостиной* и дремал не раздеваясь, <...> ночевал в *столовой*» [1, 6, с. 112]. Оппозиция «хорошо – плохо» представлена номинациями *нехорошо, хуже всего, лучше все, страшен, тяжёлым* (мыслям): «Везде ему казалось нехорошо, но хуже всего был привычный диван в кабинете. Диван этот был страшен ему, вероятно, по тяжёлым мыслям, которые он передумал, лёжа на нём. Нигде не было хорошо, но всё-таки лучше всех был уголок в диванной за фортепьяно: он никогда ещё не спал тут» [1, 6, с. 115]. В данном предложении, построенном на отрицании (*не было хорошо, никогда, не спал, нигде*), значение «хорошо» вербализовано в синтагме *уголок в диванной за фортепьяно*, что усиливает впечатление о разрушающемся пространстве.

Значение «война» имплицитно представлено и в синтагмах *в комнате сестры* и *пойдем к княжне Марье*. Так, княжна Марья в своей

комнате благословляет брата перед его отъездом в действующую армию. Вещь, которая освещает дом, связывает воедино всё пространство (дом, отечество – история страны, история рода), – это *образок* (в значении «икона» [4, 2, с. 614]: «Его ещё отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах...» [1, 4, с. 136–137]. Глаголы *крестился* (*крестилась*) и *поцеловал* (*поцеловала*) восходят к значениям «обряд», «вера», «надежда», «любовь» и «спасение».

Итак, концепт «дом» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» восходит к значениям «история государства», «судьба человека», «семья», «долг», «честь», «любовь», «завещание», что находит отражение в ряде лексико-тематических групп с семантикой «комната» (*кабинет, диванная, столовая* и др.), «вещи» (*станок, тетради, стол, часы*), «время» (*часы, минута, в этот момент* и др.), «полководцы» (*Суворов, Потёмкин, Орлов, Кутузов, Наполеон*), а также в ключевых словах *кабинет, дверь, стол, станок*, связанных с оппозициями «отцы – дети», «человек – государство», «жизнь – смерть», «война – мир» и раскрывающих особенности языковой картины мира в художественном тексте.

Литература и примечания

1. Толстой Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – М. : Худож. лит-ра, 1979 – 1981. 2. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988 (МАС). 3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2004. 4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006. 5. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. 6. Фортунатов Н. М. Комментарии / Н. М. Фортунатов // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 4 : Война и мир. – М., 1979.

¹ Далее в скобках указаны том и страница.

В статье проанализированы разные виды пространств, определены лексико-семантические, лексико-тематические, ассоциативные группы, репрезентирующие концепт «дом» на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическая группа, лексико-тематическая группа, ассоциативная группа.

У статті проаналізовано різні види простору, визначені лексико-семантичні, лексико-тематичні, асоціативні групи, які репрезентують концепт «дім», на матеріалі роману Л. М. Толстого «Війна і мир».

Ключові слова: концепт, лексико-семантична група, лексико-тематична група, асоціативна група.

The article contains the analysis of conceptual space in the novel by L. N. Tolstoy «War and Peace»; defines lexical and semantical, lexical and thematical, associational groups which represent concept «house».

Keywords: concept, lexical and semantical group, lexical and thematical group, associational group.

Л. В. Лоивская

ИСПЫТАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КОНТЕКСТ ГЕНЕЗИСА МАЛЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМ

Постановка проблемы. Один из крупнейших советских паремиологов, Г. Л. Пермяков в свое время вынужден был констатировать: «Следует признать, что традиционный описательный метод в паремиологии исчерпал свои возможности. Во всяком случае, он не в состоянии ответить на такие вопросы: что такое пословица, что такое загадка, что следует понимать под пословичным типом, почему в международном, национальном, региональном и личном пословичном фонде мирно сосуществуют изречения, прямо противоположные по своему смыслу, и многие-многие другие» [4, с. 106].

Современная исследовательница Г. Д. Сидоркова отмечает в одной из последних работ, что и в настоящее время вряд ли можно считать, что положение существенно улучшилось [6, с. 14].

Таким образом, актуальность исследования генезиса малых фольклорных форм (паремий) представляется достаточно очевидной. И связана она не с разрешением одного какого-то более или менее частного вопроса, а с переоценкой эпистемологических оснований паремиологического дискурса вообще. Паремиология как дисциплина, органически родственная и филологии, и этнологии, и антропологии, стоит перед задачей фундаментального характера.

Коль скоро это так, прояснение исследовательских акцентов тоже должно иметь, видимо, принципиальный характер. Мы полагаем, что большой эвристической ценностью обладает вопрос об *авторстве* высказываний, подлежащих ведению паремиологии, или, точнее говоря, о *речевой мотивации*, вызывающей появление и легитимацию в качестве общезначимых максим паремий – малых фольклорных форм.

Цель работы. В предлагаемой статье мы намерены описать речевую ситуацию конфликтного характера (в речевом же отношении), разрешение которой приводит к интерпретации одного и того же высказывания одним участником общения – как загадки, другим – как пословицы – в привычных современному человеку значениях этих терминов.

Работа носит, по преимуществу, теоретический характер. В работе мы использовали результаты исследований финских и американских исследователей фольклора, отраженные в статьях международного журнала «Proverbium».

Значимость таких исследований обусловлена, по нашему мнению, совершающимся в настоящее время поворотом лингвистики и родственных ей гуманитарных дисциплин в сторону антропоцентризма в

постановке новых задач и разрешении традиционных. Под таким углом зрения многие процессы, в том числе и сугубо языковые, востребуют сущностно иных методологических подходов, сориентированных, прежде всего, на когнитивно-деятельностные объяснительные процедуры. Предлагаемая в данной статье гипотеза представляет опыт именно такой интерпретации лингвогенетических процессов. Мы попытались разглядеть эффекты специфической авторской активности в таких ситуациях, в которых сама постановка таких вопросов представлялась ранее непродуктивной и даже бессмысленной.

Результаты исследования. Насколько можно судить по существующей литературе, при всем внимании к тому обстоятельству, что «автором» паремий является «народ», иными словами – автор анонимен в некотором специфическом смысле, такой учет авторского присутствия в высказывании носит, по большей части, негативный, так сказать, апофатический характер. А именно: анонимность автора означает только тот факт, что невозможно эмпирически установить, определить, а тем более – доказать факт конкретного авторства. Объясняется эта невозможность вполне понятным и серьезным препятствием – отдаленностью таких событий-высказываний во времени и пространстве. Стал быть, структура авторства никакому принципиальному переосмыслению не подвергается: речь идет лишь о количественно обусловленном различии между авторской позицией, поддающейся реконструкции в тех или иных целях – это касается подавляющего большинства человеческих высказываний, и не поддающихся такой реконструкции по эмпирическим причинам – это касается фольклорных жанров.

Нельзя, конечно, утверждать, что эффект коллективного творчества никак не учитывается исследователями. Одной из коренных характеристик фольклорного высказывания является, как известно, его вариативность, что и отражает, как будто, природу «неодинокого» автора. При этом, однако, как нам представляется, остается в стороне важный психологический момент: какого свойства потребность обуславливает возможность всякого рода «поправок», формирующих в конечном итоге корпус фольклорных текстов? Или, чтобы держаться ближе нашей проблемы, какова природа речевой мотивации в ситуации варьирования авторитетного текста?

В настоящей статье мы предлагаем учитывать при анализе таких проблем глубинный диалогизм человеческого общения. Иными словами, мы предлагаем рассматривать процесс народного словесного творчества как формируемый в каждом значимом моменте интенцией ответа, отклика, интерпретации авторитетного слова. Что особенно важно – в этих случаях мы имеем дело с интерпретацией именно слова о мире, а не с иным, уточненным и т. п. пониманием той или иной ситуации, события в мире.

Мы проиллюстрируем наши соображения на примере одной из традиционных проблем паремиологии: проблемы сравнения/сопоставления пословиц и загадок. В свое время эта проблема широко обсуждалась паремиологами [5; 7–11]. Одним из наиболее тонких исследователей был американский этнолог Алан Дандис. Именно он, в частности, отметил, структурную близость пословиц и загадок: «Способы создания оппозиций в пословицах удивительно похожи на те, при помощи которых создается оппозиция в загадках. Однако если в загадке противоречие разрешается ответом, то оппозитивная пословица сама как бы служит ответом на определенную ситуацию и потому лишь отмечает имеющиеся в этой ситуации противоречия, но не разрешает их» [1, с. 32].

В интересующем нас направлении эту мысль Дандиса развивает финская исследовательница: «Загадки и пословицы очень близки по форме: оба жанра кратки и компактны, оба используют архаические структуры фразы (в финской — это эллипсис, бессоюзие и «поэтическая тавтология»). Но можно показать, что отношения между пословицей и загадкой идут гораздо дальше сходства формы. Приведу пример:

Пирог, с виду приятный,

Набит соломенной сечкой. — Плохой человек.

Образную часть этой загадки часто используют в современном финском языке, но всегда в виде пословицы: *Пирог с виду хороши, а внутри — соломенная сечка*. Практически образная часть загадки и пословица являются тождественными означающими, и их означаемые также тождественны, а разница лишь в том, что в случае пословицы означаемое понятно [перед глазами, предшествует, как кажется, пословице. — Л. К.] из контекста. Когда приводят пословицу, чтобы отметить, что видимость может быть обманчивой, возникает ситуация, в некотором смысле противоположная загадыванию загадки: «ответ» — означаемое — заранее задан (например, человек, о котором идет речь, и пословица дает краткое адекватное определение этого означаемого. В случае с загадкой последовательность обратная: сначала предлагается вопрос (в качестве означающего), ответ на который (т. е. означаемое) должен быть назван. Иначе говоря, пословица — это «образ», или означающее, возникающее в контексте, предполагающем определенное означаемое, тогда как загадка — это означающее, для которого означаемое должно быть найдено и названо. Единственное действительное различие состоит в том, что означаемое пословицы не может быть — и обычно не является — таким же относительно недвусмысленным и определенным, как означаемое загадки» [2, с. 280].

Этому — последнему — тезису вторит А. Крикманн: «Одним из главных источников семантической (особенно денотативной) неопределенности пословицы является многоинтерпретируемость пословичного тропа, на что часто указывалось и в литературе» [3, с. 87]. Замечание А. Крикманна содержит, казалось бы, мелкое, но, с нашей

точки зрения, едва ли не фундаментальное замечание – о *денотативной* неопределенности пословицы. Если заострить этот тезис, то на первый план выходит парадоксальная мысль: пословица «получается» не как конкретное высказывание о конкретной жизненной ситуации. Более того, «под» пословицу может быть подведено – если не «подогнано» — значительное множество ситуаций. И поэтому мы склонны видеть противоречие в обобщении А. Крикманн: противопоставление пословицы и загадки на том основании, что означаемое пословицы задано, а загадки – подлежит обнаружению справедливо лишь тогда, когда мы обсуждаем конкретное функционирование пословиц и загадок в актах коммуникации. С точки же зрения генезиса этих фольклорных форм означаемое пословицы – как подчеркивает и сам исследователь – столь же подлежит «разгадыванию», как и означаемое загадки.

Полевыми исследователями собран огромный материал, свидетельствующий о том, что современное разграничение массива малых фольклорных форм соответствующего содержания на пословицы и загадки носит сугубо произвольный характер [9; 10]. Традиционные объяснения этого обстоятельства сводятся к апелляции к контексту. С нашей точки зрения, в данном случае это понятие – контекст – нуждается в содержательном наполнении. Такая нужда, в свою очередь, объясняется тем, что никакими апелляциями к контексту не объяснима, например, такая парадоксальная особенность всех без исключения паремнологических фондов, как наличие в них множества противоположных по смыслу пословиц. Уже одно это обстоятельство заставляет думать, что пословичное высказывание парадоксальным образом *предшествует* собственному содержанию.

Как это возможно?

Предлагаем к обсуждению следующую теоретическую схему. Любая паремия (мы говорим в данном случае о пословицах и загадках) представляет собой иносказание в точном смысле слова. Стало быть, первая наша посылка заключается в том, что с точки зрения своей иносказательности пословицы и загадки неразличимы. Однако в каждом случае иносказательность (метафоричность) высказывания, имеющего «выпасть» из речи в качестве квазиперформатива – паремии, оказывает свою действенность различным образом. Мы различаем две ситуации. Первая – когда говорящий сознательно эксплуатирует метафорический ресурс языка: например, в ситуации, когда высказывание извне регламентировано актуальными табу-установками, а воспринимающий по причине ограниченности своей речевой компетенции (не причастный к актуальным для собеседника табу) «прочитывает» это высказывание *буквально*. Такое событие речи (диалог) может получить завершение в ответной реплике, поскольку игнорирование сознательной иносказательности высказывания помещает его в такую перспективу, где более или менее очевидна сомнительность этого высказывания с точки зрения обыденного опыта. Еще раз подчеркнем – для того, что такой

«механизм» сработал, необходима причастность участников общения к *различным* с точки зрения языковой компетенции сообществам.

Непосредственное полевое наблюдение таких событий, по понятным причинам, недоступно – мы можем наблюдать лишь отдаленные результаты этих процессов. Обратим внимание на современные двучастные пословицы:

1. Старый конь борозды не портит,
Но и глубоко не пашет.
2. Новая метла чисто метет,
Да не все углы знает.
3. Кто старое помянет, тому глаз вон,
А кто забудет, тому оба долой.

При ближайшем рассмотрении, как представляется, очевидно, что эти пословицы являются, так сказать, застывшими диалогами: вторая часть представляет собой «ответ» на безапелляционность первой. Мы полагаем, что такие образования, коль скоро они сохранились в языке, свидетельствуют о диалогической структуре той ситуации, которой они обязаны своим происхождением.

Итак, ситуативная буквализация намеренно иносказательных высказываний является, с нашей точки зрения, тем речевым механизмом, который «выкраивает» из ткани живой речи ситуативно универсальные высказывания = пословицы.

Вторая ситуация складывается в обратном случае: когда намеренно буквальное высказывание намеренно интерпретируется как иносказательное. Возникает такая ситуация, равным образом, по причине несовпадения речевых компетенций общающихся. Результатом такой интерпретации оказывается наделение высказывания статусом загадки. Упомянутая выше особенность пословиц легко «превращаться» в загадки, не теряя ни слога из своего оригинального состава, подтверждает наше предположение о том, что как пословица, так и загадка – это не результаты «сочинения», обобщения опыта и пр., а интерпретационные эффекты, в результате которых то или иное высказывание, оказываясь за пределами диалога, меняет статус фрагмента коммуникации на статус паремии.

Один из конкретных примеров события, когда перемена перспективы восприятия меняет статус изречения – это так называемые «погодные» пословицы (см. об этом подробно [7]). Алан Дандис приводит несколько примеров того, как, строго говоря, вербализованное суеверие превращается в пословицу; ср.: *Молния два раза в одно место не бьет. Одна ласточка не делает весны*. Дандис обращает внимание именно на то обстоятельство, что буквальное прочтение соответствует вербализации суеверия, а метафорическое – превращает высказывание в пословицу. Однако он оставляет «за кадром» вопрос о том, в какой

ситуации буквальное прочтение оказывается, так сказать, недостаточным, и интерпретация перестраивается на метафорический лад.

Выводы. Представляется перспективным дальнейшее исследование паремий в диалогическом аспекте. При таком подходе открывается возможность представить появление паремий не как сознательно продуцируемых обобщений «народного опыта», но как интерпретационных эффектов диалогического общения между субъектами различных речевых компетенций, в формировании которых решающая роль отведена табуированию.

Эмпирический материал содержит примеры «застывших» диалогов, в настоящее время интерпретируемых как пословицы, причем в качестве пословицы интерпретируется каждая из реплик диалога. С нашей точки зрения, пословица появляется в результате буквального восприятия сознательного иносказания, а загадка – в результате символической интерпретации сознательно-буквального высказывания. Этим объясняется как существование пословиц, прямо противоположных по своему смыслу, так и практическую неразличимость пословиц и загадок с точки зрения обществ, в речевой практике которых эти компоненты до сих пор актуальны (т. н. «примитивных» обществ).

Литература

1. **Дандис А. О** структуре пословицы / А. Дандис // Паремииологический сб. – М. : Наука, 1978. — 320 с. — С. 13–35.
2. **Кёнгэс-Маранда Э.** Логика загадок / Э. Кёнгэс-Маранда // Паремииологический сб. — М. : Наука, 1978. — С. 249–283.
3. **Крикманн А. А.** Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А. А. Крикманн // Паремииологический сб. — М. : Наука, 1978. — С. 82–105.
4. **Пермяков Г. Л.** О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г. Л. Пермяков // Паремииологический сб. — М. : Наука, 1978. — С. 105–136.
5. **Журинский А. Н.** Семантическая структура загадок / А. Н. Журинский. — М. : Наука, 1989. — 128 с.
6. **Сидоркова Г. Д.** Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия / Г. Д. Сидоркова. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. — 250 с.
7. **Dundes A.** On Whether Weather «Proverbs» are Proverbs / A. Dundes // *Folklore Matters*. — The University of Tennessee Press, 1989. — P. 92–98.
8. **Georges R. A.** Toward a Structural Definition of the Riddle / R. A. Georges, A. Dundes // *Journal of American Folklore*. — №76 (1963). — P. 111–118.
9. **Milner G.** From Proverb to Riddle and vice versa / G. Milner // *Proverbium*. — 1970. — №15. — P. 84–86.
10. **Kuusi M.** Southwest African Riddle-Proverbs / M. Kuusi // *Proverbium*. — 1970. — №12. — P. 305–311.
11. **Holbek B.** Proverbs Style / B. Holbek // *Proverbium*. — 1970 — №15. — P. 54–56.

В статье рассматривается природа речевой мотивации паремических высказываний. Формулируется и в первом приближении обосновывается гипотеза, согласно которой статус эмпирической общезначимости то или иное высказывание получает не в результате соответствующего намерения субъекта речи, инициирующего это высказывание, но в результате особым образом интонированного восприятия, организованного ситуацией испытания речевой компетенции.

Ключевые слова: паремия, пословица, загадка, примета, табу, диалог, мотивация.

У статті розглядається природа мовної мотивації паремічних висловлювань. Формулюється і в першому наближенні обґрунтовується гіпотеза, згідно якої статус емпіричної загальнозначущості те або інше висловлювання отримує не в результаті відповідного наміру суб'єкта мови, що ініціює цей вислів, але в результаті особливим чином інтонованого сприйняття, організованого ситуацією випробування мовної компетенції.

Ключові слова: паремія, прислів'я, загадка, прикмета, табу, діалог, мотивація.

The article examines the essence of speech motivation of paroemias. The author advances the hypothesis according to which an utterance obtains its empirical validation not as a result of the speaker's intention but rather as a result of the particularly intoned reception of this utterance. The context of this reception is further defined as the testing of speech competence.

Keywords: paroemia, proverb, riddle, sign, taboo, dialogue, motivation.

УДК 811.111-25

А. М. Мартемьянова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АГЕНТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Проблемы сопоставительного изучения языков на различных уровнях их организации являлись актуальными в течение последних десятилетий двадцатого столетия и остаются таковыми в XXI веке.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к проблемам типологического исследования функционально-семантических категорий на материале разных языков.

Цель публикации – описать морфологические и семантические особенности английских существительных с суффиксами *-er*, *-or*, *-ar*, рассмотреть особенности английских существительных с другими агентивными суффиксами, сравнить структурные и семантические особенности английских и русских агентивных существительных и, исходя из этого, обозначить возможные приемы перевода английских агентивных существительных на русский язык.

При изучении проблемы были рассмотрены работы П. М. Карашука, Л. Хорна, Т. Рёпера, Э. Трауготт.

Для английского языка характерным является то, что словообразовательные элементы возникли и развивались в процессе словосложения из самостоятельных слов, чем и объясняется тот факт, что они обладают довольно прозрачным значением. Говоря о значении, мы имеем в виду словообразовательное значение, представляющее собой то общее, что лежит в основе семантических отношений между производным и исходным словом.

Имя существительное английского языка в словообразовательном отношении – самая богатая часть речи, имеющая гораздо больше суффиксов, чем любая другая. Широко представлена суффиксация, позволяющая производить существительные от основ различных частей речи [2, с. 37].

Суффиксы, являясь признаком существительного как части речи, одновременно относят существительные к определенным семантическим группам (существительные со значением лица, с орудийным значением, с абстрактным и собирательным значениями и т. п.). Таким образом, суффиксы сужают лексико-семантическую характеристику производного существительного. Все производные существительные подразделяются на образованные с помощью агентивных суффиксов и на образованные с помощью абстрактных суффиксов [2, с. 37].

Перевод агентивных существительных, образованных от глагольных основ, облегчается тем, что как в английском языке, так и в русском они образованы с помощью агентивных суффиксов. Для носителей русского языка наличие большего количества различных агентивных суффиксов в русском языке не затрудняет поиск эквивалентов при переводе английских агентивных существительных.

Трудности же возникают тогда, когда приходится сталкиваться с агентивными существительными, обладающими не одним, а несколькими лексическими значениями. Как известно, существительное с агентивным суффиксом **-er** очень часто имеет все три оттенка значения: **player** – 1) актер; 2) тот, кто играет; играющий; 3) игрок (лицо, обладающее способностью играть); **speaker** – 1) спикер; 2) говорящий; тот, кто говорит; 3) оратор. В таких случаях выбор необходимого значения определяется контекстом.

Следует также обратить внимание на то, что суффиксы **-er, -or, -ar** гораздо продуктивнее русских **-ор, -ер (-ёр)**. Они могут присоединяться к большему количеству существительных, что впоследствии несколько осложняет деятельность переводчика. Рассмотрим следующие примеры: **He is the best swimmer. – He swims better than anyone else; He is a good eater and sleeper. – He eats well and sleeps well; I am a fast walker. – I walk fast; I am a bad letter writer. – I write letters very bad; He is an early riser. – He gets up early.** При переводе первого предложения вряд ли возникнут какие-то сложности. Зная значение английского суффикса **-er**, мы находим его эквивалент в русском языке и переводим слово 'swimmer' как 'пловец'. Что же касается остальных выше указанных примеров, то без второго, поясняющего предложения, нам при переводе не обойтись. В данном случае второе предложение поясняет смысл первого. Оно и поможет сделать правильный перевод, употребив вместо агентивных существительных глаголы. Таким образом, получаем следующий перевод: *Он хорошо ест и спит. Я быстро хожу. Я плохо пишу письма. Он рано встает (Он просыпается рано).*

Наиболее частым приемом перевода агентивных существительных является калькирование. При этом переводчик воспроизводит комбинаторный состав слова, переводя морфемы соответствующими элементами переводящего языка [1, с. 88]. Историческое развитие языков показывает многочисленные примеры межъязыковой корреляции, чаще всего по функциональному признаку.

При переводе агентивных существительных следует учитывать, что наиболее распространенным английским агентивным суффиксам *-er* и *-or* в русском языке не всегда будут соответствовать агентивные суффиксы *-ор* и *-ер (-ёр)*, как например, to conduct – conductor, дирижировать – дирижёр; to dance – dancer, танцевать – танцор; to control – controller (to check – checker), контролировать – контролёр; to instruct – instructor, инструктировать – инструктор. Иногда возможны несколько вариантов перевода английского агентивного существительного на русский язык: to engrave – engraver, гравировать – гравёр, гравировщик.

Суффикс *-тель* – это еще один агентивный суффикс в русском языке, которому в английском соответствуют суффиксы *-er* и *-or*. Например, наниматель – employer; создатель – creator; издатель – editor; предатель – betrayer, строитель – builder.

Существительные с суффиксом *-ун* обозначают лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к этому действию»: хвастун – boaster; ворчун – grumbler; хохотун – laugher; болтун – chatterer, крикун – shouter.

Слова с суффиксом *-ок* имеют общее значение «лицо или предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом». В английском языке эквивалентом этого суффикса также будет суффикс *-er (-or* или *-ar)*: едок – eater, игрок – player.

Существительные с суффиксом *-арь* называют людей по их профессии. Например, пекарь – baker, звонарь – bell ringer, пахарь – plougher или ploughman.

Обратим особое внимание на такие существительные, как *absentee, divorcee, examinee, promisee*. Они, как правило, не имеют соответствующих агентивных существительных в русском языке и переводятся причастиями; существительными, образованными от причастий путем перехода из одной части речи в другую; сочетанием союзного слова *который (которая)* и глагола: 'отсутствующий или уклоняющийся от чего-либо', 'разводящийся; тот, который разводится', 'допрашиваемый, экзаменуемый', 'лицо, которому дают обещание'.

Еще одна переводческая проблема связана с тем, что для английского языка характерны лексемы со значением лица без обозначения пола. В русском же языке существуют агентивные суффиксы, с помощью которых образуются существительные со значением лица женского пола. Таким образом, в зависимости от контекста следующие английские агентивные существительные *reader, writer, teacher, listener, spectator* могут быть переведены соответственно

как *читатель* или *читательница*; *писатель* или *писательница*; *учитель* или *учительница*; *слушатель* или *слушательница*; *зритель* или *зрительница*. Среди этих примеров особое внимание следует уделить паре *учитель* – *учительница*, поскольку агентивное существительное *учитель* может обозначать лицо как мужского, так и женского пола, и используется в официальной речи. Существительное *учительница* употребляется в разговорной речи.

В английском языке количество агентивных существительных, обозначающих лиц женского пола, ограничено. Особенностью существительных, оканчивающихся на *-man* является то, что они обозначают лиц мужского пола. Многим образованиям с *-man* могут быть противопоставлены параллельные образования с *-woman*, обозначающие лиц женского пола. Например, *keyman* ‘телеграфист’ – *keywoman* ‘телеграфистка’; *workman* ‘рабочий’ – *workwoman* ‘работница’. Однако целый ряд слов на *-man* (*postman* ‘почтальон’ и др.) не имеют параллельных образований с *-woman*, а слово *chairman* может обозначать лиц как мужского, так и женского пола, что свидетельствует об ослаблении конкретного лексического значения элемента *-man*. Иногда вместо элемента *-woman* употреблялся элемент *-maid* с тем же значением. Например, *milkman* ‘доильщик, дояр, продавец молока’ – *milkmaid* ‘дойрка, молочница’. Однако обозначал он преимущественно молодых женщин. Следует отметить, что в современном английском языке существует тенденция не употреблять ни элемент *-man*, ни *-woman*, отдавая предпочтение нейтральным элементам. Например, *-person* (*salesperson*).

Несколько сложнее обстоит дело с переводом агентивных существительных с элементами *-ant* (*-ант, -янт*) и *-ent* (*-ент*), имеющих параллельные образования от той же глагольной основы, но при помощи суффиксов *-er, -or, -ar*, поскольку эти агентивные существительные будут обладать различными оттенками значения.

Рассмотрим пару *‘informer’* и *‘informant’*. Оба агентивных существительных образования от глагола *‘to inform’*, однако отличаются друг от друга по своему лексическому значению. Слово *‘informer’* обладает значением не только ‘человек, который информирует; дает информацию о чем-либо’, но также имеет значение ‘доносчик; человек, который выдает своих’. Из Old English Dictionary мы узнаем, что слово *‘informer’* появилось раньше (XV век). В более узком значении ‘доносчик; человек, который выдает своих’ оно стало употребляться в XVI веке в юридических контекстах. Это узкое значение стало для большинства носителей языка привычным. Когда же в XVII веке в английский язык вошло слово *‘informant’*, то оно, как и слово *‘informer’* стало обладать двумя значениями ‘человек, который информирует; дает информацию о чем-либо’ и ‘доносчик; человек, который выдает своих’ [7, с. 17]. Существует и второе значение агентивного существительного *‘informant’*, более узкое – ‘человек, от которого

антрополог или лингвист получает какие-либо сведения'. На русский язык переводим эти английские агентивные существительные следующими русскими агентивными существительными: **informant** – информант; **informer** – осведомитель, доносчик [3, с. 367].

Представляется логичным предположить, что существительные, образованные от одних и тех же глагольных основ, но с помощью различных агентивных суффиксов, различны не только по своему морфологическому составу, но также имеют различное лексическое значение. Данное явление называется принципом антисинонимии, который также называют *законом дифференцирования, законом предотвращения синонимии и принципом контраста* [7, с. 17].

Таким образом, мы будем наблюдать различия в значении агентивных существительных, образованных от одних и тех же основ с помощью **-man** и **-er**. Сравним, например: *roper* ‘канатный мастер’ и *roperman* ‘канатоходец’; *potter* ‘гончар’ и *potman* ‘подручный в кабаке’; *tinner* ‘рабочий на оловянных рудниках’ и *tinman* ‘жестянщик’; *shopper* ‘покупатель’ и *shopman* ‘продавец, лавочник’; *shipper* ‘грузоотправитель’ и *shipman* ‘матрос, моряк’. На такие образования следует обращать особое внимание при переводе, т.к. можно сильно исказить содержание исходного текста.

При переводе на русский язык таких английских агентивных существительных, как *sower*, придется также руководствоваться контекстом, поскольку возможны два варианта перевода – *сеяльщик* и *сеятель*. При этом слово ‘сеяльщик’ обозначает работника, занимающегося высевом семян, а слово ‘сеятель’ обозначает не только человека, который сеет семена, но также обладает переносным значением «человек, который распространяет какие-то идеи, знания».

Упомянем еще одну особенность перевода агентивных существительных. Выше мы говорили о том, что значение производного агентивного существительного можно установить через значение глагола, от которого оно образовано. Однако даже установление того, какое именно значение производящего глагола является мотивирующим для производного имени деятеля, не всегда обеспечивает исчерпывающее толкование имени. Например, ‘летчик’ – не всякий, кто летает, а только тот, кто летает на самолете, управляя им. Возьмем глагол ‘to fly’ и образуем от него существительное ‘flyer’, которое имеет следующие значения по словарю современного английского языка Longman: **flyer** – 1) a small sheet of paper advertising something; 2) *informal pilot*; 3) **someone who travels in an aircraft** [5, с. 619]. Нас будут интересовать второе и третье значения этого слова. Нетрудно заметить, что существительное ‘летчик’ имеет общее (второе) значение с существительным ‘flyer’, но не обладает третьим значением этого существительного, т.е. не может обозначать человека, летящего в самолете. Таким образом, при переводе с английского на русский язык агентивного существительного ‘flyer’ нужно обратить внимание на то, не

употреблено ли оно в третьем значении, и переводить тогда его не существительным 'летчик', а, например, существительным 'пассажир'. Соответственно при переводе с русского языка на английский словосочетание 'пассажир самолета' ('*that, who flies, travels on the plane*') можно перевести одним словом – '*flyer*'. Следовательно, предложение 'Задержка рейса знакомое явление для всех, кто регулярно летает на самолете' будет звучать на английском языке намного короче – '*Delays are familiar to all regular flyers*'.

При переводе следует обращать внимание не только на денотативное, но и на коннотативное значение агентивного существительного. Оценка входит в значение таких слов, как 'зачинщик' и 'зачинатель'. Оба они образованы от одной и той же глагольной основы с помощью агентивных суффиксов, но имеют разное значение: 'зачинщик' – тот, кто начинает что-либо (обычно неблагоприятное); 'зачинатель' – тот, кто начинает что-либо, основоположник чего-то. В данном случае английские агентивные существительные, соответствующие данным русским существительным, будут иметь один и тот же суффикс *-or*, но будут образованы от разных глагольных основ: 'зачинщик' – *instigator*; 'зачинатель' – *initiator*. Следует избегать перевода слова 'зачинщик' как '*initiator*', поскольку мы сохраним указание на совершаемое действие, но потеряем коннотативное значение существительного 'зачинщик'.

Еще одной распространенной ошибкой является та, когда переводчик по аналогии добавляет суффикс *-er* к глагольной основе с целью образовать существительное со значением деятеля. Приведенный ниже пример опровергает утверждение, что при образовании агентивных существительных предпочтение всегда отдается суффиксу *-er* (а *driller* может быть только агентом, а *drills* – это инструменты) [4, с. 315]. Следует помнить о том, что суффикс *-er* не является универсальным средством, позволяющим образовывать агентивные существительные. С его помощью также образуются существительные с орудийным значением. И в некоторых случаях от одной и той же глагольной основы образуются существительные с агентивным и орудийным значениями. При этом агентивное существительное образуется не при помощи суффикса *-er*, а путем конверсии. Добавлением же суффикса *-er* образуем существительное с орудийным значением. Ярким примером, иллюстрирующим это явление, могут служить существительные '*cook*' ('повар') и '*cooker*' ('кухонная плита').

Однако в предложении '*He is the cooker of the meat*' существительное '*cooker*' обладает агентивным значением и обозначает человека, приготовившего конкретное блюдо. И при этом значение этого агентивного существительного будет отличаться от значения агентивного существительного '*cook*'.

В связи с этим обратим внимание на следующие агентивные существительные: *the trainer of dogs* – *the dog-trainer*; *the saver of lives* -

the life-saver; the sewer of the frock – the frock-sewer. Хотя значение существительных на первый взгляд похоже, однако следует учитывать, что первые содержат указание на событие, на определенное действие, т. е. *'the trainer of dogs'* – это человек, который действительно тренировал собак, а *'the saver of lives'* действительно спас хоть одну жизнь; *'the sewer of the frock'* – человек, который пошил это платье. Составные существительные не содержат указания на событие, т. е. *'the dog-trainer'*, возможно, вообще никогда не тренировал собак, а просто прошел обучение в школе, где учат тренировать собак; *'the life-saver'*, возможно еще не спас ни одного человека, однако работает спасателем и получает за это деньги; *'the frock-sewer'* – человек, который по получил профессию портного [6, с. 267]. При переводе таких словосочетаний с агентивными существительными с английского языка следует обязательно учитывать это различие и руководствоваться контекстом. Например, возьмем два предложения *'He is the seller of the book'* и *'He is a book-seller'*. Первое предложение мы переведем как *'Он продает (эту) книгу'*, а второе – *'Он продавец книг'*. Эти переводы позволяют нам проследить то, что в первом случае содержится указание на конкретное действие, событие (в русском языке мы сохраняем это значение, используя глагол), а во втором случае мы передаем составное агентивное существительное *'book-seller'* русским агентивным существительным *'продавец'* и дополнением *'книг'*. Можно также перевести составным существительным *'книготорговец'*, обращая внимание на значение слова *'торговец'* в русском языке. Это человек, занимающийся частной торговлей, торгующий на улице или на рынке. Мы можем перевести слово *'book-seller'* как *'книготорговец'*, если это позволяет контекст оригинала. Таким образом, предложение *'He is the cooker of the meat'* мы переведем, как *'Он приготовил (это) мясо'*, а предложение *'He is a cook'* – *'Он повар'*.

Итак, мы установили, что между производящей основой и производным существительным существуют семантические и грамматические отношения, помогающие определить производное слово через исходное и описать его реальный смысл. Агентивные существительные нетрудно распознать в тексте и, зная значение производящей глагольной основы, определить значение этого существительного.

Несмотря на то, что чаще всего не приходится прибегать к помощи словаря, чтобы понять значение агентивного существительного, все-таки есть случаи, когда выше указанный путь уведет переводчика в неверном направлении. Это обусловлено тем, что суффикс *-er (-or)* помимо агентивного обладает также орудийным значением.

Мы также определили, что основными приемами перевода агентивных существительных являются калькирование и функциональная замена. Калькирование является наиболее распространенным приемом при переводе английских агентивных

существительных, поскольку в русском языке существуют суффиксы **-тель, -чик, -щик, -ник, -ец, -лец**, которые коррелируют с английскими **-er (-or, -ar)**. А функциональную замену используем в тех случаях, когда английское агентивное существительное нельзя перевести русским агентивным существительным, образованным от глагольной основы, которая бы соответствовала английской производящей глагольной основе. Например, ‘newcomer’ мы переводим как ‘новичок’. А в предложении ‘*I never heard of him, he must be a newcomer*’ данное агентивное существительное в зависимости от контекста мы можем перевести, заменяя его глаголом и добавляя наречие: ‘Он недавно приехал (переехал)’.

При переводе очень важно помнить не только о денотативном значении агентивных существительных, но также о их коннотативном значении. В противном случае мы потеряем положительную или отрицательную оценку, которая содержится в значении данного слова, и рискуем сделать неправильный перевод.

В статье мы показали основные особенности перевода английских агентивных существительных, учитывая их морфологическую и семантическую структуру. Данное исследование может быть продолжено за счет расширения изучаемого материала, привлечения к исследованию данных других языков.

Литература

1. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб. : Изд-во Союз, – 2001. – 320 с.
2. **Карашук П. М.** Аффиксальное словообразование в английском языке / П. М. Карашук. – М. : Высш. шк., – 1965. – 173 с.
3. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 23-е изд. – М. : Рус. яз., 1992. – 844 с.
4. **Horn L. R.** Presupposition and implicature / L. R. Horn // Shalom Lappin (ed.). *The Handbook of Contemporary Semantic Theory*. – Oxford : Blackwell, 1996. – P. 299–319.
5. **Longman Dictionary of Contemporary English**, Pearson Education Limited. – 2003. – 1950 p.
6. **Roeper T.** Implicit arguments and the head-complement relation / T. Roeper // *Linguistic Inquiry*. – 1987. – P. 267–310.
7. **Traugott E. C.** A critique of Levinson’s view of Q- and M-inferences in historical pragmatics / E. C. Traugott // *Journal of Historical Pragmatics*. – 2004. – P. 1–25.

Данная статья посвящена морфологической и семантической структуре агентивных существительных, проблеме функционирования агентивных существительных в английском и русском языках, а также сложностям, которые возникают при переводе агентивных существительных.

Ключевые слова: агентивное существительное, агентивные суффиксы, межъязыковая корреляция агентивных суффиксов, принцип антисинонимии, функциональная замена, калькирование

Стаття присвячена морфологічній та семантичній структурі агентивних іменників, проблемі функціонування агентивних іменників у російській та англійській мовах, а також труднощам, які виникають при перекладі агентивних іменників.

Ключові слова: агентивний іменник, агентивні суфікси, міжмовна кореляція

агентивних суфіксів, принцип анти синонімії, функціональна заміна, калькування.

The article studies the morphological and semantic structure of agentive nominals, the problem of their functioning in English and Russian, and the difficulties of their translation.

Keywords: agentive nominal, agentive suffixes, interlingual correlation of agentive nominals, antisynonymy principle, replacement, translation loans.

УДК 81'38

М. М. Мухина

О РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ ПОДХОДАХ К СОВРЕМЕННОМУ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

Публицистика, которую нередко называют летописью современности, представляется для исследователя неограниченным полем действия, поскольку данная коммуникативная сфера заметнее иных «не стоит на месте», а развивается и шагает в ногу со временем, тем самым побуждая публициста к максимально целесообразному использованию имеющихся в рассмотрении языковых средств языка, для достижения желаемого эффекта.

Среди главных языковых особенностей публицистики называют принципиальную неоднородность стилистических средств, использованных автором: применение специальной терминологии наряду с эмоционально окрашенной лексикой, сочетание абстрактной и конкретной лексики, сосуществование в публицистическом материале штампа и экспрессии [5]. Важной чертой публицистики является использование наиболее типичных для данного момента общественной жизни способов изложения материала, наиболее частотных лексических единиц, характерных для данного времени фразеологизмов и метафорических употреблений слова. Актуальность содержания заставляет публициста искать и актуальные формы его выражения, общепонятные и в то же время отличающиеся свежестью, новизной. Публицистика же, в свою очередь, является основной сферой возникновения и наиболее активным каналом распространения языковых неологизмов: лексических, фразеологических и т. д.

Таким образом, можно говорить о специфичности языкового своеобразия публицистики, которая образует функционально-стилистическую разновидность речи, открытую для экспериментов со всеми языковыми ресурсами, используемых в речевом произведении.

В настоящее время внимание многих исследователей привлекает изучение речи с разных позиций, так как «изучение речи характеризуется двумя основными подходами и, соответственно, находится в центре внимания двух направлений – лингвистики текста и анализа дискурса» [14, с. 78].

В этом случае закономерен вопрос, с какой из позиций восприятия публицистического произведения (как текста или как дискурса) исследователь имеет возможность наиболее полно и глубоко интерпретировать речевое (в нашем случае – публицистическое) произведение.

Публицистические произведения, начиная со второй половины XX века, чаще всего интерпретируются лингвистами в аспекте теории текста, которая «сложилась как научная дисциплина во второй половине XX в. на пересечении ряда наук – информатики, психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики, книговедения, социологии. ...объектом является текст вербальный, поэтому при характеристике и описании текста важны данные, накопленные лингвистикой. Теория текста – это научная дисциплина, занимающаяся установлением типологических признаков текста, получившая выход в социолингвистику, психолингвистику, информатику, функциональную стилистику, теорию перевода и другие дисциплины, связанные с изучением речевой деятельности как процесса и речевого произведения как результата этой деятельности» [2, с. 7–8].

Текст – явление, которое может изучаться в различных аспектах, к числу которых принадлежит: стилистический, семантический и другие аспекты. Нас, конечно же, в большей степени интересует стилистика текста, которая как одна из областей лингвистики текста «изучает разнообразные типы текстов и их стилистические особенности, речевые нормы в разных функциональных стилях, типы речи, индивидуальные стили и т. д.» [12, с. 16].

Необходимо обратить внимание на то, что ключевое для теории текста понятие – *текст* – разные исследователи определяют неодинаково. Приведем наиболее значимые, на наш взгляд, определения текста.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» [8] А. А. Бернацкая, определяя понятие *текст*, называет признаки, которые лежат в основе данного определения, согласно которым «текст – речевое произведение, зафиксированное в письменной форме; результат последовательности речевых актов или как когерентная (связная) последовательность предложений; всякий текст соотнесен с действительностью, имеет темпорально-локальную ось, характеризуется определенным коммуникативным заданием, адресованностью к определенному реципиенту или к неопределенному множеству их, с определенными социальными и интеллектуальными параметрами, фоновыми знаниями» [8, с. 706–707]. Согласно данному определению понятие *текст* применимо только лишь к письменной форме речи. Возможно, это связано с тем, что для устной формы речи применялся иной термин, *дискурс*. Видно, что текст представляется конечным результатом речевой деятельности, а не динамически развивающимся явлением. Произведение журналистского творчества же является только

основой для наращивания смыслов и приобретения новых значений. Именно процесс восприятия материала читателем, который задумывается над описываемыми событиями и составляет свои суждения о них, является важным, если не главным в существовании журналистского материала.

Т. М. Николаева определяет *текст* следующим образом: «в языкознании текст – последовательность вербальных знаков» [9, с. 555]. Такое определение относит термин *текст* как к письменной, так и устной формам речи, но, как представляется, не отражает полного спектра признаков, характеризующих текст в целом.

Наиболее адекватно, на наш взгляд, текст определен в Стилистическом энциклопедическом словаре: «Наиболее распространены три понимания термина *текст*: 1) как единицы высшего уровня языковой системы (узколингвистический аспект); 2) как единицы речи, результата речевой деятельности; 3) как единицы общения, обладающей относительной смысловой завершенностью» [13, с. 528]. Приведенное определение представляется для исследователя наиболее полным и ценным, так как учитывает различные подходы к анализу текста: сугуболингвистический, который позволяет описать различные типы внутритекстовых связей, а также средства их реализации; семантический, в котором внимание акцентируется на информационно-смысловой основе; стилистический, соотносящийся с экстралингвистической основой, выявляющий целесообразность использования языковых ресурсов, соответствующий целевой установке говорящего и т. д. Считаем, что для анализа публицистического речевого произведения наиболее оптимальным представляется стилистический подход, поскольку публицистический текст, как никакой другой, отличается важностью учета экстралингвистических параметров при его создании (учет фоновых знаний читательской аудитории, реального событийного контекста, целеполагание) и восприятии (оценка картины мира автора, соотнесение его суждений со своими, вывод). В соответствии с данным подходом можно сформировать следующий набор конструктивных характеристик понятия *текст*: «1) выступает универсальной формой коммуникации, т. е. способен осуществлять речевое взаимодействие между автором и адресатом; 2) является речевым произведением, а не языковой единицей высшего уровня; 3) всегда имеет концепт, т. е. идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность произведения; 4) представляет собой речевую систему, свойственную определенной сфере общения; 5) всегда ориентирован на адресата (даже если им является сам автор); 6) несет информацию (смысл); 7) обладает прагматическим эффектом (эффектом воздействия). Кроме того, следует сказать, что «в задачи стилистического исследования *текста* входит изучение принципов построения и речевой организации *текста* в конкретной коммуникативной сфере; выявление структурно-стилистических

возможностей речевых произведений, композиционно-стилистических типов и форм, а также конструктивных приемов и функционирования в речи языковых средств» [13, с. 532].

Это определение представляется наиболее адекватным в связи с задачами нашего исследования: 1) оно, на наш взгляд, полнее других толкований текста позволяет определить качественное своеобразие и специфику целого текста как единицы коммуникации; 2) не сужает область исследования до произведения письменного творчества; 3) это определение затрагивает пласт вопросов о процессе восприятия текста, что немаловажно при изучении публицистического произведения ориентированного на реципиента особым образом.

Наряду с термином *текст* в конце XX в. в научный оборот в лингвистике был введен термин *дискурс*, который является междисциплинарным и используется не только в лингвистических, но и в философских, литературоведческих, психологических, исторических исследованиях. *Дискурс*, безусловно, соположен с понятием *текст*, однако большинство исследователей разграничивают эти категории. По мнению многих исследователей (Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова, Н. Д. Арутюнова и др.), термин *дискурс* связан с анализом речевого произведения как процесса с учетом статуса коммуникантов (их знаний и ситуации общения), особенностей ситуации общения, в то время как термин *текст* связан с анализом речевого произведения как продукта, результата коммуникативного процесса. М. К. Бисималиева также отмечает, что «определение понятия *дискурс* через понятие *текст* показывает схожесть их понимания в языкознании. При этом определение *дискурса* также через понятие *речь* указывает на динамический характер обозначаемого» [14, с. 81].

Из существующих лингвистических определений *дискурса* следует отметить определение, данное в одном из наиболее авторитетных справочных изданий – в энциклопедическом словаре «Языкознание»: «Дискурс... – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). *Дискурс* включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты)..., изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, интервью)» [15, с. 136–137].

Несколько иное определение *дискурса* предложено в Стилистическом энциклопедическом словаре: «Дискурс как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и одновременно глубинно-семантический анализ текста, направленную на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения

высказываний/текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или иные текстовые характеристики» [13, с. 55]. При решении задач нашего исследования представляется целесообразным взять за основу именно это понимание термина *дискурс*, поскольку оно охватывает достаточно большой круг вопросов, важных при анализе публицистического текста, в том числе вопрос о первом этапе отбора материала (т. е. установление предпосылок и условий порождения будущих высказываний) с учетом факторов, влияющих на выбор авторских языковых средств, подбираемых для наиболее адекватного оформления своей мысли. Важным достоинством этого понимания термина *дискурс* является и то, что оно не устанавливает строгих рамок для процесса анализа материала, определяя исследовательскую стратегию его интерпретации, на макро- и микроуровнях.

Ученые-филологи термины *текст* и *дискурс* трактуют как понятия не идентичные, хотя во многом пересекающиеся. Дискурс характеризуется влиянием экстралингвистических факторов, которые в свою очередь влияют на организацию текста, выбор различных средств языка, его структуру и, в конечном счете, успешность коммуникативного процесса в целом. В то время как текст, являясь фиксированным продуктом речи, чаще рассматривается учеными с точки зрения формального его устройства. Т. А. ван Дейк даже трактует текст как абстрактную грамматическую структуру, а дискурс как актуально произнесенный текст.

Следуя логике этого ученого можно представить дихотомию текст/дискурс, как классические филологи представляли дихотомию язык/речь. В этом случае текст только тогда может считаться дискурсом, когда он реально воспринимается и попадает в сознание реципиента [8, с. 81]. Такая трактовка схожа с пониманием языка как набора языковых единиц только применительно к проявлениям устной речи, т.е. процессу говорения. Так как качественный публицистический текст заставляет реципиента задуматься над описываемыми событиями, затрагивает фоновые знания относительно объекта, вовлекает читателя в диалог или даже дискуссию с автором, формирует мнение о событии, условие попадания его в сознание реципиента выполняется, а значит, говоря о журналистском творчестве, целесообразнее определять его продукт как *дискурс*.

Разграничение понятий *текст* и *дискурс* в исследовании публицистического творчества представляется закономерным еще и потому, что «если анализ текста направлен в первую очередь на внутренние – внутритекстовые – отношения высказываний между собой, их пропозициональную и иллокутивную структуру, взаимоотношения текстового целого и его частей, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного

процесса (что, в конечном счете, занимает главенствующую роль для анализа газетного материала. – М. М.). Дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственного ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения. В этом случае значение термина *дискурс* близко пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стилистическом аспекте» [13, с. 54].

Итак, по нашему мнению, применительно к публицистическому произведению, как объекту исследования, более целесообразно применять термин *дискурс*, так как речевые факты такого рода следует воспринимать не просто как последовательность высказываний (что характерно для текста в понимании некоторых ученых), а как некий феномен речетворческого процесса, результат которого влияет на сознание реципиента, дает возможность воспринимающему самому размышлять и делать выводы относительно поднятой в публикации проблемы. Публикация журналистского материала в этом случае оказывается только одной частью дискурса, второй, не менее значимой, его частью выступает обратная реакция реципиента на опубликованный материал. При подобном подходе определение *текст* узко для анализа комплекса особых процессов создания и восприятия публицистического произведения.

Проиллюстрируем высказанное положение конкретным примером, для которого взята публикация из всеукраинского общественно-политического еженедельника «Зеркало недели» (далее ЗН). Материал опубликован в разделе «Деньги», его автором является Александр Шаров, доктор экономических наук, профессор.

Уже название публикации **«Преодоление кризиса: рука [об] руку?..»** вовлекает читателя в языковую игру: используется трансформация прецедентного текста – фразеологизмов, при наложении известных «рука об руку» и «рука руку моет» создает иронический подтекст высказывания, который оценит вдумчивый читатель. Такая особенность создания заголовков призвана с первых минут прочтения привлечь внимание реципиента и вызвать у него эмоции, чтобы печатный *текст* статьи внедрился в его сознание, нарастил смыслы и смог называться *дискурсом*. Приведем текст статьи с сокращениями (сокращено мною. – М. М.):

«В последние дни мир наполнился множеством планов и программ, посвященных обузданию финансового кризиса. Хотя такая реакция отражает скорее желание обеспечить себе алиби, а заодно привлечь большее число избирателей, чем стремление реально изменить институциональные рамки финансового сектора. Так полагает президент Чешский. А еще В. Клаус намекнул, что кризиса и вообще

могло бы не быть, если бы его коллеги больше внимания уделяли финансовой глобализации, а не глобальному потеплению.

Между тем большинство теперь переключилось именно на борьбу с мировым кризисом, и создается впечатление создания единого фронта против наступления то ли депрессии, то ли рецессии. Вот с этим еще как-то окончательно не определились. Иногда даже кажется, что многие не осознают четкой разницы между этими двумя понятиями. Напоминаю: рецессия — это когда безработным становится ваш сосед, а депрессия — это когда работу теряете уже вы сами. Это не я, это президент сказал. Гарри Трумэн. А еще, помнится, сей президент, наслушавшись объяснений экономических советников, все время увиливавших от однозначных ответов, предпочитая более туманное: «С одной стороны... С другой стороны...» («On the one hand... On the other hand...»*), в сердцах воскликнул: «О, Боже! Где бы мне взять однорукого экономиста?!»

<...>

Естественно, что и у нас не наблюдается недостатка в антикризисных программах. Ну что за партия или государственный институт без своей собственной программы!? Несолідно как-то. Причем в большинстве случаев авторы декларируют принципиальное отличие своих детищ от чего-либо подобного, представленного конкурентами. Может быть, с их точки зрения это и так, но я в большинстве случаев увидел одно и то же: желание <...> поуправлять экономикой в хорошо известном у нас «ручном режиме». Не рискуя при этом прослыть ретроградом, а ссылаясь на самый что ни на есть западный опыт.

Уж куда западнее, если все это делалось под аккомпанемент призывов срочно «снять все барьеры» на пути к получению беспрецедентного кредита от Международного валютного фонда. Более 16 млрд. долл.! Конечно, от такой цифры можно потерять голову, особенно если попробовать представить себе ее «в наличке».

<...>

Что же касается однорукого экономиста, то президент его все-таки, кажется, нашел. Не американский президент — украинский. Правда, «одноруким» его можно назвать только в смысле «умения» «рубануть» рукой и без излишних сомнений решить вопрос. А так он скорее многорук, как Шива: он и законодатель, и макроэкономист, и дипломат, и банкир. Короче, наш центровой. Полетел — и в одном лице представил сразу все возможные институты власти, решая вопрос со «стенд-баем».

Правда, в некоторых наших средствах массовой информации поговаривали о том, что «возможны были варианты». Ведь на уровне переговоров с миссией была достигнута договоренность о 24-месячном «стенд-бае» с лимитом в 800% нашей квоты в МВФ

(1,372 млрд. SDR, или 0,63% общей суммы капитала). Это, так сказать, «королевский стандарт».

<...>

Таким образом, при окончательном «уторговывании» кредитного договора предоставлялась возможность получить не обычный «ширпотреб», а что-либо приличное, «индивидуального пошива», предусматривающее и покрытие бюджетного дефицита, и валютное рефинансирование коммерческих банков. Причем без детальных условий, а, как говорится, под честное слово заемщика «вести себя хорошо». В смысле управления экономикой.

<...>

Короче, ловкость рук и... А если кому-то «кажется», то «креститься надо».

<...>

Если взглянуть на другие условия меморандума, то сразу бросятся в глаза положения о ликвидации пресловутого «валютного коридора», обеспечении гибкого валютного курса и перехода на инфляционное таргетирование. Ну что ж, меры необходимые и без МВФ давно рекомендованные (см., например, «ЗН», №32 и №40 за прошлый год).

<...>

И с инфляцией давно пора научиться не бороться, а жить. Но такое «сожительство» должно четко контролироваться. Причем желательно, чтобы государство контролировало инфляцию, а не наоборот. (О чем я дальше не буду распространяться, поскольку уже пытался это сделать ранее — см. «ЗН», №9 за 2008 год.)

<...>

Вмешиваться, впрочем, надо бы осторожно, руководствуясь известным принципом: «Не навреди». Всем этим мелким вкладчикам, миноритариям и обитателям «хрущовок». Всем тем, ради которых и осуществляется управление экономикой. Двумя руками. Но руками, конечно, чистыми. И не после «отмывания», а просто незапачканными» (ЗН, № 42, 8–14 ноября 2008).

В тексте приведенной статьи продолжается языковая игра, начатая автором при составлении заголовка. Пытаясь вовлечь в свои рассуждения реципиента, автор использует иносказательные элементы речи, лишь намекая, а не говоря открыто о своих выводах по поводу украинского политикума. Он приводит слова Чешского президента: *«такая реакция отражает скорее желание обеспечить себе алиби, а заодно привлечь большее число избирателей, чем стремление реально изменить институциональные рамки финансового сектора».* При этом автор использует стилистически окрашенную единицу синтаксического уровня – порцеляцию. *«Так полагает президент»,* – заявляет он, и добавляет. – *«Чешский».* Намек на политическую ситуацию в Украине очевиден: украинская элита итогом каждого своего шага ожидает

преференций со стороны электората. Смена же вектора повествования автором с украинского на чешский вызывает сарказм со стороны читателя.

Высказывания, полные сарказма относительно украинских политиков, часто используются в публикации: *«Ну что за партия или государственный институт без своей собственной программы!? Несolidно как-то»* (использование восклицательно-вопросительной конструкции), *«Более 16 млрд. долл.! Конечно, от такой цифры можно потерять голову, особенно если попробовать представить себе ее «в наличке»»* (простонародное «наличка» контрастирует с единицами не имеющими стилистического значения, при этом читатель понимает иронию – никто из политиков наличными эти деньги не получит), *«Короче, ловкость рук и... А если кому-то «кажется», то «креститься надо»»* (использовано крылатое выражение «ловкость рук и никакого мошенничества», второй компонент его усечен, но именно он имеет зависимое высказывание, которое тоже представляет собой фразеологизм. Этот прием эффективен для создания эффекта обманутого ожидания – реципиент ждет сообщений о фактах подтасовки результатов или подкупа, но не получает такой информации).

Видно, что реципиент таким образом вовлечен в диалог с автором статьи, он может соглашаться с выводами публициста или отвергать их, но внедрение в его сознание материалов публикации, очевидно, происходит. А значит, есть основания говорить, что наблюдали актуально произнесенный текст, т.е. *дискурс*.

Кроме этого, автор не использует в своем материале личных имен. Так, говоря о политике, ведущем переговоры о получении кредита, автор говорит так: *«<...>он скорее многорук, как Шива: он и законодатель, и макроэкономист, и дипломат, и банкир. Короче, наш центровой. Полетел — и в одном лице представил сразу все возможные институты власти<...>»*. Лишь подготовленный читатель, фоновые знания которого позволяют понять, о ком идет речь, сможет оценить тонкую иронию, пронизывающую этот отрезок публикации. Так, не имея знаний о том, что именно Арсений Яценюк, будучи Спикером Верховной Рады (*законодатель*), имея опыт дипломатической работы, являясь экс-главой НБУ (*банкир*), высказавший неприятие позиций президента, как и другие представители политического блока «Наша Украина», создавшие блок «Единый центр» (*центровой*) вел переговоры с представителями МВФ, реципиент не сможет оценить позицию говорящего. В связи с этим приведем один из признаков дискурса: это – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. В данном случае мы говорим о социокультурном факторе восприятия материала. Реципиент, находящийся в одном информационном поле с автором предположительно знает те факты окружающей действительности, что и последний. Значит, он сможет интерпретировать их так, как

представлялось публицисту на первом этапе подготовки материала (целеполагание). Таким образом, еще одна особенность дискурса может быть отнесена к публицистическому материалу.

Помимо этого, автор публикации отсылает реципиента к прочтению других материалов по сходной теме: *«Ну что ж, меры необходимые и без МВФ давно рекомендованные (см., например, «ЗН», №32 и №40 за прошлый год)», «Причем желательно, чтобы государство контролировало инфляцию, а не наоборот. (О чем я дальше не буду распространяться, поскольку уже пытался это сделать ранее — см. «ЗН», №9 за 2008 год)»*. Он как бы вовлекает читателя в систему текстов, посвященных этой теме, дает возможность расширить фоновые знания по этой теме. По нашему мнению, это – особенность дискурса как речевого процесса познания. Отсылка читателя к другим публикациям ЗН подчеркивает также динамичный характер восприятия этого материала, что удовлетворяет характеристикам термина дискурс.

Итак, дискурс, как текст, «погруженный в жизнь», – наиболее точный термин, отражающий особенности создания и восприятия публицистического произведения. Соотнесенность описываемого журналистом с реальными событиями – отличительная черта газетной публикации. Именно эту особенность подчеркивает трактовка термина *дискурс*.

Опираясь на наши наблюдения, можно сделать вывод о том, что дискурсивный анализ публицистического произведения помогает установить не только внутритекстовые связи, но и выявить внеязыковые факторы, влияющие на его создание.

Кроме того, именно это понятие позволяет расширить рамки анализа публицистического произведения в сторону раскрытия механизмов его интерпретации реципиентом. Это поможет нам в дальнейшем при определении уместности использования экономической терминологии, включенной в современные публицистические произведения, что соответствует целям и задачам рассматриваемой нами научной проблемы.

Литература

1. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
2. **Валгина Н. С.** Теория текста : учеб. пособ. / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
3. **Горшков А. И.** Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика / А. И. Горшков. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 367 с.
4. **Золотогоров В. Г.** Экономика: Энциклопедический словарь. – 2-е изд. / В. Г. Золотогоров. – Минск : Книжный дом, 2004. – 720 с.
5. **Костомаров В. Г.** Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.
6. **Крылова О. А.** Лингвистическая стилистика : в 2 кн. / О. А. Крылова. – Кн. 1. : Теория : учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 2006. – 319 с.
7. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2005.

– 944 с. 8. **Культура** русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с. 9. **Русский** язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Науч. изд-во «Большая рос. энциклопедия», 2003. – 704 с. 10. **Словарь** русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. 11. **Современный** толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 960 с. 12. **Солганик Г. Я.** Стилистика текста : учеб. пособ. / Г. Я. Солганик. – 4-е изд. – М. : Флинта, 2002. – 256 с. 13. **Стилистический** энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с. 14. **Филол.** науки. – 1999. – №2. – С. 78–85. 15. **Языкознание** : большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энциклопедия, 1998. – 685 с. 16. **Материал:** «ЗН». – № 42. – 8–14 ноября, 2008.

Проведенный в статье дискурсивный анализ публицистического произведения помогает установить не только внутритекстовые связи, но и выявить внеязыковые факторы, влияющие на его создание.

Ключевые слова: текст, дискурсивный анализ, публицистическое произведение, внутриязыковые связи.

Проведений у статті дискурсивний аналіз публіцистичного твору допомагає встановити не тільки зв'язки у тексті, але й виявити позамовні чинники, які впливають на його створення.

Ключові слова: текст, дискурсивний аналіз, публіцистичний твір, зв'язки у тексті.

The article deals discurce analiysis of the public work and help to determine ties in the inside the text and outside factors which influence to the creation.

Keywords: text, discurce analiysis, public work, ties in the inside the text.

УДК 821.161.1-31.09 Поляков

В. В. Нестерук

КАРТИНЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ИРОНИЧЕСКОГО РЕАЛИСТА» (Ю. ПОЛЯКОВ)

В свете недавних политических событий и стремления нашей страны вступить во всякие международные организации появилась необходимость еще раз объективно посмотреть на наше государство, на тот итог, к которому мы пришли, чтобы оценить собственные возможности и не строить напрасных иллюзий. Для этого достаточно обратиться к литературному творчеству современных писателей, поскольку литература, хоть и специфическое, но все же зеркало жизни, хотя есть художники, сохраняющие традиции реалистического отражения действительности. Естественно, эта реалистичность иная в сравнении даже не с XIX ст., а с первой половиной XX-го.

В этой статье мы обратились к произведениям известного русского писателя Юрия Полякова. Хотя он и пишет о современной России, считаем, что все проблемы, им поставленные, можно проецировать и на жизнь Украины, потому что мы имеем общее прошлое, схожее настоящее и вполне прогнозируемое будущее.

В ходе исследования нами поставлены следующие задачи: рассмотреть специфику авторского восприятия проблемы государственности на современном этапе в прозаических произведениях Ю. Полякова; определить основные направления развития авторской идеи при характеристике общественной жизни страны; выделить наиболее важные средства выражения иронического пафоса.

Практически все произведения Ю. Полякова написаны «по горячим следам» событий. Его даже в свое время обвиняли в номенклатурности. Однако мы с этим утверждением не можем согласиться. Писатель просто быстро, по-журналистски, реагировал на происходящее и запечатлевал это в своих произведениях. Поэтому художественно осмысленные им факты можно воспринимать как жизненно достоверные.

Чтобы говорить о будущем страны, необходимо обратиться к ее прошлому, по крайней мере недавнему. В интерпретации Ю. Полякова картина складывается далеко не радужная. Политический строй диктовал свои условия всему населению страны, что на определенных этапах вызывало соответствующую реакцию, не всегда положительную. Одни решали: «...коммуняки делают все, чтобы я ничего не затевал и не задумывался, а я буду вообще лежать и совсем не думать... Когда так же поступят миллионы, этот огосударствленный идиотизм рухнет!» [1, с. 116]. У других реакция была несколько иной. Они с иронией воспринимали новые сложности, чтобы хоть как-то справиться с проблемой: «Внизу, возле почтовых ящиков, две полупроснувшиеся соседки ругали действительность за то, что ДЭЗ собирается на месяц отключить горячую воду. Надуманная проблема! “Холод, голод, тренинг” обеспечивают активное бодрое долголетие!» [2, с. 265]. Здесь авторская ирония граничит с откровенным ёрничанием. А такое доведение смысла высказывания до абсурда — одно из средств реализации иронии в тексте. Еще один пример: «Мы с вами приехали из счастливой страны. Нас можно осчастливить комплектом постельного белья или килограммом полтавской колбасы... А представляете, сколько всего нужно французу, чтобы быть счастливым?» [1, с. 68]. Смещение ценностных ориентиров, доходящее до их полной деформации, — вот итог, который был достигнут к началу новой истории нашего государства.

То, что было немислимым еще 20 лет назад, стало жестокой реальностью сегодня: «И если бы кто-то вдруг заявил, что не пройдет и десять лет, как Киев станет самостоятельной столицей, а Прибалтика будет соображать на троих с НАТО, что по всей России забабашают

бомбы, подложенные под сиденья банкирских лимузинов, а газеты заполняются объявлениями темпераментных девушек, готовых оказать любые интим-услуги состоятельным господам, — так вот, человек, сболтнувший такое, уже через час сидел бы в кабинете психиатра, куда его, вдоволь насмеявшись, переправили бы из КГБ» [3, с. 49]. Нормы современной жизни никак не укладываются в тот способ мышления, который сформировался у советского гражданина. Перенеся старые привычки в новый мир, мы создали реальность с еще более устрашающими последствиями и более искаженной моралью.

Первыми это почувствовали на себе дети: *«Ведь ты пойми <...> сегодняшние дети — прагматики! Хорошо ли, плохо ли, но это так! Нам с тобой ещё можно было на словах объяснить, чем социализм лучше капитализма, а им примеры подавай, факты из жизни! Мы им долдоним: “Сегодня отличник учёбы, а завтра ударник труда!” Можно трубы проложить и на Запад энтузиазм качать... за валюту!... Отличник учёбы... А на черта им отлично учиться, если жестяник автосервиса может кандидата наук садовником нанять?! На черта им учиться, если они в седьмом классе уже знают, что есть институты, куда поступают только по праву рождения, что престижная работа все равно достанется аристократенку, будь он хоть трижды заторможенным! А раз так, зачем уважать учителя?» [2, с. 217].* Хотя произведение было написано в 1985-1986 гг., все сказанное автором остается актуальным и по сегодняшний день.

Вообще проблема образования — отдельная тема для обсуждения. У Ю. Полякова есть свои наблюдения, т.к. он был на одном из этапов своей жизни непосредственно связан с этой сферой: *«В аспирантуру Чистяков не поступил, точнее, его не приняли из-за отсутствия мест, которые проданы, кажется, не были, но предназначались так называемым "целевикам", а те по странному стечению обстоятельств оказались исключительно детьми разных крупных боссов, включая и племянницу ректора института» [14 с. 333].*

Сейчас можно нередко заметить такую картину: *«Сначала я пытался учиться честно: каждому экзаменатору вручал конверт с баксами, а они мне зачетку с "пятеркой". Потом мы под ручку выходили из институтской проходной. Любимый профессор шел на автобус, а передо мной шофер предупредительно распахивал дверцу "джипа"» [5, с. 168].* Писатель в нескольких фразах сумел выразить тот сдвиг в сознании, который произошел в обществе. Современные студенты действительно полагают, что конвертик с деньгами — вполне честный способ получить образование. А работники сферы образования (как, впрочем, и любой другой государственной службы) получают сумму в качестве зарплаты меньшую, чем некоторые их подопечные на карманные расходы.

К сожалению, образование не единственная проблема постсоветского государства. Например, военная отрасль: *«Генерал*

Плющенко принадлежал к той нередкой разновидности полководцев, которые никогда никого и никуда не водили, а тем более в бой, зато он в совершенстве овладел общечеловеческими ценностями и давно уже направил мощь Российской армии исключительно на мирные цели — рост личного благосостояния» [6, с. 147]. Смысловой компонент приведенной цитаты совершенно прозрачен. Хотелось бы акцентировать внимание на мастерстве иронии автора, который виртуозно использует лингвистическую игру («полководец» — «не водили») и газетные штампы («общечеловеческие ценности», «мирные цели», «личное благосостояние»), чтобы в одной емкой фразе представить картину полного разрушения армии. «Рост личного благосостояния» оказывался приоритетным по сравнению с нуждами всего подчиненного ведомства. Поэтому и вынуждены младшие чины брать взятки, чтобы заткнуть дыры в собственном бюджете, а порой и не только в собственном. Поэтому и вынуждены простые граждане давать взятки, чтобы облегчить свою участь при встрече с властью имущими. Это было и раньше, но сейчас приняло совсем иные — глобальные — масштабы: «Сын его, прогульщик и кошкодав, приезжал теперь в лицей на ярко-красном "феррари", а поскольку водительских прав у него по малолетству не было, он предъявлял гаишникам пятидесятидолларовые купюры» [3, с. 406]. В данном случае подмена документа банкнотой — зловещий символ распада государства (по сути государственности, где закон и документ — основы).

«Новое сознание» пыталось вытеснить все старое, что было в прежние времена. В знаменитом романе «Козленок в молоке» Ю. Поляков размышляет: «*Перестройка лишила нас главного — жизненной цели. Создавая массу препон и преград перед пьющим человеком, социализм имитировал, пусть неумело, цель, а значит, — и смысл жизни. Капитализм с его ломящимися от горячительных напитков витринами оставил нас один на один с леденящей онтологической бессмысленностью бытия. И нет ему за это прощения!*» [7, с. 39]. Здесь, конечно, тоже не обошлось без иронии, которую пытался донести до читателя автор: советский человек оказался неготовым к новому строю жизни, он не приспособлен к новым условиям. Вот и пытаются многие не жить, а выживать, изыскивая всяческие способы, чтобы «*обеспечить себе человеческую жизнь в этом идиотском обществе, которое рождено, чтоб Кафку сделать былью...*» [4, с. 302]. Заметим, что в данном случае филолог Поляков не преминул использовать литературную ассоциацию для достижения иронического эффекта. Писатель предостерегает, что тот путь, которым движется страна, может привести нас к еще более устрашающей бюрократической реальности, подобному той, которая создана в произведениях Ф. Кафки.

Не получится у нас консолидации с европейскими странами, потому что у нас разные ценности, разная история, разная культура, иной менталитет. Только почему-то мы со своей богатейшей культурой

оказываемся в ситуации неразрешимого противоречия. Так «возмущается» главный герой повести «Парижская любовь Кости Гуманкова: *«Они из вокзалов – музеи, а мы из музеев — вокзалы!»* [1, с. 78]. Действительно, мы почему-то разрушаем многое, что за границей было бы под усиленной охраной. И касается это не только материальных памятников.

Под угрозой распада оказалась вся государственная система и экономика прежде всего. Горькой иронией пронизано такое размышление: *«...если в иссушенной социалистическими экспериментами России хоть в ком-то и остался дух здорового предпринимательства и рыночного мышления, то это, без сомнения, таксисты. С них, должно быть, и начнется возрождение Отечества»* [7, с. 194]. Еще раз писатель обращает наше внимание на тот слом в системе ценностей, который произошел в массовом сознании за последние десятилетия: фактором возрождения Отечества становятся не деятели науки, культуры и искусства, изобретатели, строители, а... таксисты (при всем уважении к их нужной профессии — просто извозчики, которые перемещают разные ценности и, прежде всего, человеческие из точки А в точку Б).

Писатель раскрывает некоторые «секреты» новых хозяев жизни, те способы, которыми они добыли свои капиталы: *«А любые приличные состояния в России — это всего-навсего невозвращенные кредиты, ибо любой возвращенный кредит — это всего лишь вовремя добытый новый кредит»* [5, с. 264]. И продолжает свою мысль: *«Какая, в сущности, разница — грабанул ты банк или не вернул дяде Ване кредит? Просто условились первых считать преступниками, а вторых бизнесменами. Можно и переусловиться!»* [5, с. 243]. То есть те, кто сегодня находится при деньгах, диктуют свои условия государственной машине, а та, в свою очередь, «транслирует» эти идеи в массы. Возникает замкнутый круг, порождающий самое опасное для государства явление — вседозволенность (на сленге – «беспредел»): *«... раньше в этой стране нельзя было купить ничего. Теперь все, что угодно. Даже пожарную машину. И недорого — всего сто долларов. Такси из аэропорта стоит пятьдесят»* [3, с. 419].

Поэтому и вынуждены люди принимать новые порядки и законы. Ю. Поляков иронизирует по этому поводу: *«... наши российские чиновники изобрели уникальный способ помощи частному капиталу. Я называю это методом протянутой руки...Эта рука <...> протягивается, конечно же, не для помощи, а за взяткой. И если предприниматель тут же не вкладывает в эту руку пачку долларов, то его бизнес обречен...»* [5, с. 218]. Такой вот «честный» новый бизнес. Зато в делах, не приносящих сиюминутных прибылей, картина традиционная.

Писатель делает грустный вывод: *«... это чисто русская традиция: нестреляющая Царь-пушка, незвонящий Царь-колокол и непечатающиеся поэты...»* [7, с. 20]. К сожалению, многие хорошие

идеи терпят полное фиаско на русской (украинской) почве. Выживает сильнейший(сильнейший в деньгах и в прямой физически-оружейной силе). Хотя и в этом есть некая насмешка судьбы: «... *можно ли считать нынешнее жизнеустройство правильным, если его приходится так истощно охранять!*» [8, с. 108].

Описанные Ю. Поляковым некоторые особенности современной жизни не прибавляют читателю оптимизма, и многие могут возмутиться, обвиняя писателя в излишнем нагнетании ситуации. Ю. Поляков делает это намеренно, чтобы читатели осознали всю масштабность проблем, а улучшение всего мира, как известно, начинается с себя. Произведения автора призваны пробудить в каждом стремление улучшить собственную жизнь и далее — жизнь всей страны. А уж потом можно будет вступать во всякие международные организации.

Подводя итоги, можем сказать, что произведения Ю. Полякова всегда остросоциальны, в них отражается как авторская позиция, так и мнения и настроения общества в целом. Проблема исторического и современного социального развития страны является приоритетной в творчестве писателя. Наиболее полно и образно раскрыть проблему писателю помогает избранный им иронический стиль, который позволяет автору, не искажая правду жизни (а иногда воспроизводя ее почти документально), сосредоточить внимание читателя на социальных проблемах, которые зачастую он (читатель) даже не осознает как социальные, а воспринимает как ситуации собственной частной жизни, и поэтому проникается ими. Иронически окрашенные тропы, каламбуры разных типов, иронические авторские характеристики и многие другие приемы — важнейшие приметы индивидуального авторского письма Ю. Полякова.

При дальнейшей разработке проблемы возможно привлечение материала из художественных произведений других авторов современной русской литературы для формирования целостного представления о социальной картине мире.

Литература

- 1. Поляков Ю.** Парижская любовь Кости Гуманкова / Ю. М. Поляков // Плотские повести-2. — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. — С. 5–152.
- 2. Поляков Ю.** Работа над ошибками / Ю. М. Поляков // Работа над ошибками : Повести. — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. — С. 139–282.
- 3. Поляков Ю.** Замыслил я побег... / Юрий Поляков. — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. — 366 с.
- 4. Поляков Ю.** Апофегей / Ю. М. Поляков // Работа над ошибками : Повести. — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. — С. 283–410.
- 5. Поляков Ю.** Небо падших / Ю. М. Поляков // Плотские повести. — М. : ООО «Изд-во «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. — С. 151–316.
- 6. Поляков Ю.** Мама в строю / Ю. Поляков // Сто дней до приказа : Сб. произведений / Ю. Поляков. — М. : ООО «Изд-во «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. — С. 134–203.
- 7. Поляков Ю.** Козленок в молоке / Ю. Поляков — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. —

365 с. **8. Поляков Ю.** Грибной царь / Юрий Поляков. — М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. — 365 с.

В статье представлена попытка отразить состояние современной общественно-политической мысли в интерпретации Юрия Полякова, реалиста-ироника. Особое внимание уделено проблематике книг автора. Кроме того, осуществлен анализ средств выражения иронического пафоса в произведениях писателя.

Ключевые слова: реализм, иронический пафос, иронические средства, социальная ситуация.

У статті представлена спроба відобразити стан сучасної суспільно-політичної думки в інтерпретації Юрія Полякова, реаліста-іроніка. Особлива увага приділена проблематиці книг автора. Крім того, здійснений аналіз засобів вираження іронічного пафосу в творах письменника.

Ключові слова: реалізм, іронічний пафос, іронічні засоби, соціальна ситуація.

The article is an attempt to reflect consisting of modern social and political idea in interpretation by the realist-ironist Y. Polyakov. The special attention is spared to problems of books of the author. In addition, the analysis of facilities of ironical fervor expression in works of writer is carried out.

Keywords: realism, ironical fervor, ironical facilities, social situation.

УДК 811.161.1'271

Ю. В. Низкодуб

СОВРЕМЕННОЕ СКВЕРНОСЛОВИЕ В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ ЛУГАНСКИХ СТУДЕНТОВ

Уровень распространенности сквернословия в конце XX – начале XXI вв. коренным образом отличается от того, который можно было наблюдать даже два десятилетия назад. Нецензурные слова часто слышатся на улице и в транспорте, в образовательных и производственных учреждениях, в СМИ и в неформальном общении... Обсценная лексика постепенно проникает в различные каналы и жанры коммуникации и уже в какой-то мере перестаёт восприниматься как табуированная. Это представляет собой серьёзную угрозу культуре русской речи. Следовательно, борьба со сквернословием является важнейшей научной и практической задачей.

К исходу первого десятилетия XXI века лингвистика накопила немало актуальных практических наблюдений над сквернословием и теоретических обобщений.

Были опубликованы словари и антологии нецензурной лексики [1–3]. Издавались специальные монографии [4] и сборники научных статей [5]. В ряде работ общелингвистической тематики исследовалась проблема места различных функционально-семантических групп инвективной лексики в системе национального языка [6; 7]. Показательно, что библиографический указатель словарей и другой

справочной литературы, посвящённой русской обсценной и арготической лексике, содержит 342 названия [8].

К сожалению, работ лингвометодического характера, таких, например, как [9; 10], очень мало. Подавляющее большинство материалов по этой тематике, размещённых в Интернете, представляет собой перепечатки из периодических изданий для массового читателя. Это скорее публицистические, чем научные статьи.

Кроме того, практически никто из исследователей не проводит социолингвистических опросов. А ведь для эффективной борьбы с этим речевым злом необходимо иметь ясное представление о том, какое место занимает сквернословие в речевом сознании и коммуникативной практике современных носителей русского языка.

Поэтому в рамках данного исследования мы поставили перед собой **цель**: *изучить субъективные мнения студентов г. Луганска о сквернословии в различных коммуникативных ситуациях и наметить практические меры по борьбе с ним, значимые в лингвометодическом и социокультурном аспектах.*

Выбор в качестве респондентов именно студентов обусловлен тем, что это наиболее способная к самоанализу и интеллектуальной рефлексии группа молодёжи. Кроме того, в студенческом возрасте обычно завершается процесс формирования идеалов и вкусов, в том числе речевых.

Исследование проводилось в 2007–2008 гг. Респондентами были студенты I–II курсов трёх факультетов Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко и семи специальностей Политехнического колледжа Луганского национального аграрного университета. Всего нами было опрошено 339 человек (207 девушек и 132 юноши). Возраст респондентов от 16 до 19 лет.

В этой статье впервые приводятся данные обобщения социолингвистического материала, собранного с применением двух взаимодополняющих методов – анкетирования и интервьюирования.

При анализе результатов мы воспользовались плодотворной методологической идеей Ю. Н. Караулова и представили их в виде обобщённых речевых портретов.

Всех наших респондентов можно по профессиональному и гендерному признаку разделить на 4 группы:

1. Девушки-педагоги, то есть студентки Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко.
2. Юноши-педагоги (студенты Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко).
3. Девушки-непедагоги, то есть студентки Политехнического колледжа Луганского национального аграрного университета.
4. Юноши-непедагоги (студенты Политехнического колледжа Луганского национального аграрного университета).

Нашу экспозицию открывает портрет **девушки-педагога**.

Она считает, что сквернословие неуместно во всех ситуациях, но особенно недопустимо в общественных местах и в присутствии детей. Если кто-либо употребляет табуированную лексику для красного словца в её присутствии, она почти всегда относится к этому отрицательно и часто делает замечание. Сквернословы обычно вызывают у неё неприязнь и нежелание общаться. *«Воспринимаю маты как оскорбления в свой адрес, меня это смешит, так как человек сам не замечает, что показывает прямое неуважение к собеседнику».*

Кроме того, она отрицательно оценивает нецензурные слова, случайно услышанные от любого незнакомого человека, но активную, регулируемую реакцию готова проявить лишь по отношению к детям. *«Обязательно сделаю замечание (хотя это иногда опасно)».*

В ситуации «Сквернословие на уроке» считает наиболее эффективной реакцией учителя сразу сделать серьёзное, но спокойное замечание ученику или сделать вид, что не заметил, а после урока провести воспитательную беседу. *«Должен объяснить, что это лексика убожеств, а не людей и провести беседу с целью показать, что мат не запрещают, а высмеивают».*

Борьбу со сквернословием признаёт общественно необходимой, но не верит в успех. Конкретно предлагает срочно запретить «Comedy club» и убрать бранную лексику из музыки разных направлений.

Для обозначения сквернословия использует необразные неэкспрессивные термины, обычно «мат» или «нецензурная лексика». Кроме того, предлагает немалое количество оригинальных эпитетов и перифраз: *невидимый вирус; опущение ниже плинтуса; сорняки на красивой, ухоженной клумбе нашего языка; бурьян; чёрная лексика; язык рабов; гнилая речь; микробы; позор языка; серый грызун, бабка со ступой.*

В собственной речевой практике не только не матерится, но старается не произносить даже эвфемизмов, вероятно она понимает, что по сути это тоже сквернословие. Но иногда все же употребляет эвфемизмы *блин, ёлки-палки (зелёные, двери, моталки)* и *пипец* (с вариантом *писец*).

Портрет **юноши-педагога** выглядит так:

Он оправдывает сквернословие, произнесённое в стрессовых, экстремальных ситуациях и при сильной физической боли, а также как средство усиления аргументации. *«Когда упал молоток на ногу или когда по-другому не понимают».* Считает, что брань неуместна в присутствии людей старших по возрасту и девушек. Юноша-педагог делает замечание на нецензурную лексику, только если её слишком много.

Осуждает сквернословие девушек, женщин и детей, но активную противодействующую реакцию проявляет только к детям.

В ситуации звучания инвективной лексики на уроке считает, что самая эффективная реакция учителя – сообщить об этом родителям

ученика, но ни в коем случае не применять физических наказаний и не повышать голос.

Полагает, что бороться со сквернословием надо, но это почти невозможно. Предлагает такие методы: *«Нужно проводить в школе уроки этикета, причём их должен вести сам математик»*; *«Путём рекламы сделать сквернословие немодным»*; *«Нужно заменять нецензурицину более мягкими словами, а потом избавляться от них»*.

Для обозначения сквернословия так же, как и девушка-педагог, использует неэкспрессивные термины, но предлагает меньшее количество метафор. Например: *болезнь всех языков; вульгарность; апокалипсис; уродство; гадость; ошибка общества; отрицательная энергия*.

Широко использует эвфемизмы в качестве замены нецензурной лексики. Наиболее частотный эвфемизм *ё-мое*.

Следующий экспонат в галерее речевых портретов – **девушка-непедагог**.

В вопросе уместности сквернословия она солидарна с девушкой-педагогом, то есть, по её мнению, сквернословие неуместно почти во всех случаях общения, но скидку может сделать на экстремальные и стрессовые ситуации. Она особенно не приветствует сквернословие в спокойной неэкспрессивной беседе и при пожилых людях. Но если её собеседник в меру употребляет крепкие словечки, это никак не влияет на её отношение к нему, хотя внутри она убеждена: сквернословие – это нехорошо. *«Отношусь плохо, но иногда это так мужественно, так круто звучит!»*.

Девушка-непедагог нормально относится к случайно услышанной обценной лексике представителей мужского пола, но в отношении девушек, женщин и детей её реакция обычно отрицательная, но пассивная.

В ситуации сквернословия на уроке полагает необходимыми 3 варианта действий в зависимости от специфики происшествия. *«Учитель должен сразу серьёзно, но спокойно предупредить, потом провести лекцию по культуре речи и наконец самое радикальное средство – выгнать из класса. А ещё учитель не должен материться на ученика в ответ»*.

Борьбу с нецензурной лексикой считает нужной, но невозможной.

Сквернословие называет грязью, мерзостью, бранью, а ещё предлагает такие варианты: *словесный яд; темнота; деградация речи; «Для этого слов даже не найти»; зековские слова*.

В качестве эвфемизмов чаще всего использует слово *блин* или *блин горелый*, а также признаётся, что иногда не заменяет мат эвфемизмами, то есть сквернословит.

Последний речевой портрет – **юноша-непедагог**.

Он, как и предыдущие респонденты, оправдывает употребление нецензурных выражений в экстремальных ситуациях и при острой душевной боли, добавляя к этому общение в весёлой компании друзей.

Более всего неуместной считает брань в присутствии родителей и старших по возрасту. Если кто-либо произносит ненормативные слова в разговоре с ним, относится к этому нормально. Характерная цитата: «Ничего плохого в мате не вижу». Точно так же он относится и к случайно услышанному сквернословью незнакомых юношей и мужчин. Но к обценной лексике в исполнении девушек, женщин и детей (так же, как и предыдущие респонденты) относится отрицательно, но замечания делает только детям, да и то редко.

В случае сквернословия во время урока полагает, что самая удачная реакция учителя – выгнать из класса или серьёзно, но спокойно осудить. Также предлагает переложить ответственность, то есть сообщить родителям или директору школы. Думает, что рукоприкладство учителя ни в коем случае не допустимо.

Юноша-непедагог не признаёт сквернословие проблемой, с которой надо бороться. Для обозначения нецензурной брани в основном использует просторечный термин «мат», но предлагает и другие названия: *пыль; извращения; слово от дьявола.*

Широко использует в функции сквернословия разнообразные эвфемизмы, такие, как *блин, ёлки-палки, твою мать.* Пытаясь смягчить грубое выражение, иногда заменяет одно нецензурное слово другим. Но признаётся, что часто не пытается заменять мат и сквернословит.

Сходных черт в портретах гораздо больше, чем различных. Особо отметим то, что респонденты всех групп не имеют научного представления о сквернословии и его месте в системе национального языка. Этим мы объясняем и значительное преобладание просторечного обозначения *мат* и затруднения с ответом у 12 – 14% **непедагогов**, и попытки даже будущих филологов отнести сквернословие к жаргону, сленгу и словам-паразитам.

Анализ научных публикаций и результатов нашего социолингвистического исследования даёт основание наметить следующие первоочередные меры по борьбе со сквернословием.

Поскольку в жизни большей части современной молодёжи важнейшую роль играет Интернет, целесообразно создать сайт, посвящённый формированию привлекательного образа чистой, красивой речи и отрицательного имиджа сквернословия. Для того чтобы эффективно выполнять свою задачу, этот сайт должен быть многоуровневым и содержать разнообразную информацию. Реализация названного проекта позволит существенно расширить географию нашего исследования за счет размещения анкеты на сайте. Однако главным, разумеется, является не это. На сайте можно аккумулировать наиболее интересные публикации по нашей проблематике. Это вдохновит посетителей на размышления в нужном нам направлении и выработку

собственной позиции. Наиболее актуальные идеи будут обсуждаться на тематическом форуме. Практические рекомендации мы планируем давать в яркой, убедительной, афористической форме.

Литература

1. **Русский мат** : антология / под ред. Ф. Н. Ильясова. – М. : Лада–М, 1994. – 304 с.
2. **Мокиенко В. М.** Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // *Словарь русской брани : матизмы, обцензурные, эвфемизмы* / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2003. – С. 10–61.
3. **Плуцер-Сарно А. Ю.** О семантике слова «мат» / А. Ю. Плуцер-Сарно // *Большой словарь мата*. – СПб. : Лимбус–Пресс, 2001. – С. 75–80.
4. **Жельвис В. И.** Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 396 с.
5. **«Злая лая матерная...»** : сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса. – М. : Ладомир, 2005. – 643 с.
6. **Химик В. В.** Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – СПб. : филол. фак-т СПбГУ, 2000. – 272 с.
7. **Кудрявцева Л. А.** О новом русском просторечии и его месте в системе национального языка / Л. А. Кудрявцева // *Рус. яз., л-ра, культура в шк. и вузе*. – 2005. – №1. – С. 42–46.
8. **Бессмертных Л. В.** Библиографический указатель словарей и другой справочной литературы, содержащей русскую обцензурную и воровскую лексику / Л. В. Бессмертных // *«Злая лая матерная...»* : сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса. – М. : Ладомир, 2005. – С. 572–640.
9. **Щербинина Ю. В.** Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – М. : КомКнига, 2006. – 360 с.
10. **От обидного слова навек ссора** // *Риторика. 10 класс : учеб. пособ. для общеобразоват. шк.* / под ред. Т. А. Ладыженской. – М. : Баласс, 2002. – С. 62–87.

В статье «Современное сквернословие в зеркале мнений луганских студентов» подводятся итоги регионального социолингвистического исследования, проведённого в 2007 году, и намечаются новые направления повышения уровня речевой компетенции современной молодёжи.

Ключевые слова: сквернословие, анкетирование, речевая компетенция.

У статті «Сучасне лихослів'я у дзеркалі думок луганських студентів» підбиваються підсумки регіонального соціолінгвістичного дослідження, яке було проведено у 2007 році, і намічаються нові напрямки підвищення рівня мовленнєвої компетенції сучасної молоді.

Ключові слова: лихослів'я, анкетування, мовленнєва компетенція.

In the article «The modern foul language in the mirror of Luhansk student's opinions» the results of regional sociolinguistic questionnaire design in 2007 are revealed. Also the author suggests new plans how to improve communicative competence of modern youth.

Keywords: foul language, questionnaire design, communicative competence.

А. Е. Павленко

ПОСТРОЕНИЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ СТАТУСА «МАЛЫХ» ЯЗЫКОВ

Идея «двужычной экономики» относительно нова. На протяжении столетий языковое многообразие в пределах отдельно взятой страны традиционно рассматривалось как помеха на пути экономического и политического развития. В процессе централизации многих государств Европы «малые» языки и территориальные диалекты объявлялись пережитком прошлого, мешающим прогрессу, признаком безграмотности и отсталости. В XX в. наступил перелом в отношении к подобным идиомам в результате успехов национальных движений, роста национального и языкового самосознания этносов, не являющихся доминирующими в том или ином государстве. В последние десятилетия (особенно начиная с 1990-х гг.) поддержка и защита региональных и миноритарных языков (далее РМЯ), стала неотъемлемым элементом внутренней политики большинства стран расширяющегося Евросоюза¹. Однако, и в этом регионе мира поддержка «малых» языков до недавнего времени рассматривалась преимущественно в рамках проблематики культурного строительства, а также его правового и административного обеспечения. Сформировался общий подход к данной теме, в котором можно выделить следующие составляющие: 1) признание роли «малых» языков как важного элемента культурного наследия и средства его передачи; 2) акцентирование правового и организационного аспектов проблемы, в том числе аспекта прав языковых меньшинств; и, наконец, 3) учет образовательной составляющей, охватывающей вопросы преподавания языка как родного и как иностранного [1, с. 3–9].

О других сферах функционирования языка применительно к РМЯ речь обычно не шла, что свидетельствовало о восприятии их как неполноценных – недоразвившихся или пришедших в упадок – идиомов. Прежде всего РМЯ отказывалось в способности участвовать в экономической жизни общества. В общественном сознании РМЯ отнюдь не ассоциируются с прогрессом в социально-экономической сфере. Они воспринимаются, скорее, как связующая нить со «старыми, добрыми» временами, с патриархальным укладом жизни, уходящим в прошлое. Правда, за последние полтора десятилетия в странах Евросоюза в отношении к РМЯ и их функционированию в экономической сфере наметился определенный сдвиг. Принятие в 1992 г. Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, безусловно, стало тем событием, которое существенно повлияло на судьбы «малых» языков и на отношение к ним властей и бизнеса. В статье 13-й текста Хартии «Экономическая и общественная жизнь» упоминаются меры,

способствующие расширению использования РМЯ в хозяйственной деятельности [2]. Конечно, получения сиюминутной экономической выгоды от такой политики ожидать не приходится. Определенная отдача предполагается лишь в долгосрочной перспективе, и реализоваться она будет скорее в сохранении и развитии культурного наследия, гармонизации жизни соответствующих языковых коллективов, а также в реализации прав и свобод граждан. Безусловно, следует стремиться к тому, чтобы процесс решения всех этих задач был по возможности экономически рентабелен и способствовал повышению благосостояния региона и каждого отдельно взятого носителя «малого» языка. Тем самым, экономика, учитывающая язык как фактор регионального развития, выступает как важная составляющая языкового строительства.

В литературе последних лет можно встретить несколько вариантов обоснования вовлечения РМЯ в экономический процесс. 1. Так, например, А. Прайс указывает, что поскольку любой язык выступает в качестве носителя накопленного человеческого опыта, включая производственный, эффективность и творческий характер хозяйственной деятельности могут возрасти, если повысить статус «малых» языков до уровня, необходимого для их успешного функционирования в экономической сфере [3]. 2. Ряд авторов, занимающихся вопросами поддержки РМЯ, пытается использовать наработки, имеющиеся в таких разделах экономической науки, как исследования а) экономики развивающихся стран, а также б) регионального экономического развития (на материале отсталых регионов развитых стран) [4; 5]. 3. В рамках макроэкономической проблематики некоторые исследователи указывают также на то, что бюджетная поддержка проектов, посвященных РМЯ, могла бы способствовать общему росту деловой активности в соответствующих регионах, вызывая своего рода «цепную реакцию» в разных отраслях [6; 7]. Кроме того, среди специалистов широко распространен взгляд, который основывается на трактовке того или иного языка как культурного ресурса и, соответственно, – разновидности общественного достояния. Подчеркивается, что языковое многообразие так же желательно и полезно, как и многообразие природных ресурсов, имеющихся в распоряжении общества.

Задача защищать и преумножать культурное и языковое многообразие получает социально-экономическое обоснование как одно из условий обеспечения высокого качества жизни общества. Для этого необходимо формулировать и проводить соответствующую политику, поскольку без поддержки и регулирования процесс развития РМЯ почти неизбежно приведет к их упадку, что сделает неактуальной саму идею «языкового многообразия».

В настоящее время «экономика языка» или лингвоэкономика уже превратилась в самостоятельную дисциплину, и вопросы поддержки и развития РМЯ составляют один из ее важных разделов. В зависимости от конкретной языковой ситуации в том или ином регионе или

государстве могут расставляться приоритеты в области языковой политики и увязывания ее с политикой экономической. При этом вышеперечисленные подходы могут использоваться выборочно и в различных комбинациях.

В последнее время в разных странах Евросоюза экономику того или иного национального региона принято маркировать, используя этноним преобладающей группы населения. Так, говорят о «гэльской экономике» в горной и островной Шотландии, галисийской – в Испании, фризской – в Голландии и др. Такое маркирование удобно и целесообразно. Оно отражает сразу несколько важных параметров, а именно: 1) преобладание в данном регионе этноса, являющегося носителем определенного языка (отличного от доминирующего в государстве); 2) преобладание в данном регионе определенных отраслей, в которых традиционно специализируется местное население; 3) производство товаров и услуг, которые ассоциируются с данным этносом [7, с. 53–55]. Следует отметить, что эти идеи не столь уж новы. Еще в 20-е гг. XX в. во многих регионах бывшего СССР предпринимались попытки построения подобных экономик – взять, хотя бы, политику «украинизации» на юге России, усилия по развитию греческого языка и идиша, языковое строительство в районах Крайнего Севера, и др. И хотя в данной публикации мы рассматриваем лишь опыт Западной Европы, напомним, что для постсоветского пространства данная проблематика не менее актуальна.

Понятие «этнической» (напр., «баскской», «кашубской», «русинской») экономики подразумевает всю общность носителей данного «малого» языка, занятую в хозяйственной деятельности в данном регионе. Они являются создателями общественно-полезного продукта, участниками экономического процесса. Таким образом, экономика данной области является более или менее весомой составной частью экономики всего государства и, как таковая, участвует в производстве и распределении благ.

Очевидно, что удельный вес той или иной «этнической» экономики неравноценен. Несомненно, что экономика высокоразвитой Каталонии производит значительно больше, чем шотландский Гэлтахт², однако в обоих случаях для отдельных местных отраслей и/или проектов могут создаваться условия благоприятствования (снижение ставок налогов, распределение грантов, осуществление национальных проектов и др.).

Иногда у населения (возьмем все тот же пример Шотландии), проживающего за пределами данной области, может возникать впечатление, что усиленная поддержка этой области из общего бюджета является несправедливой и не соответствующей степени ее трудового участия. Задача центральных и региональных властей заключается в том, чтобы продемонстрировать несостоятельность подобных взглядов и, напротив, разъяснить потребности регионального экономического

развития и общие выгоды от его успехов. Сложность общетеоретических построений в данном случае заключается в том, что все РМЯ имеют разную демографическую мощь, неодинаковый набор социальных функций и разный статус в том или ином государстве. В современных условиях глобального рынка и свободного передвижения рабочей силы существует реальная опасность более или менее постепенного стирания региональных и национальных особенностей – культурных, языковых и экономических. Однако нам известны и примеры сравнительно устойчивых коллективов носителей РМЯ, подобных испанской Каталонии. Здесь наблюдается некоторый рост численности носителей исконного языка, происходящий на фоне стабильного экономического развития. Напротив, коллективы носителей ирландского языка и шотландского гэльского демонстрируют отрицательный прирост, несмотря на то, что и в Ирландии и в Шотландии по отношению к этим языкам, имеющим большое символическое значение, осуществляется политика поддержки и защиты. Иными словами, перед одними, немногочисленными, языками стоит задача поступательно развиваться дальше, а перед другими, гораздо более многочисленными – хотя бы постараться выжить.

Очень серьезную проблему для исторических районов распространения РМЯ представляет трудовая миграция. Так, для Шотландии в целом показатель перемещения населения повысился за 1990-е гг. на 1,23% и составил 11,6%, т. е. в 2000/2001 гг. 587042 человека меняли место проживания [8, с. 1]. Если учесть, что носителей гэльского языка насчитывается всего около 50 тыс., становится ясно, чем такое движение населения для этого языка может обернуться. Продолжая тему гэльского, отметим, что в 2001 г. был опубликован доклад о функционировании этого языка в хозяйственной сфере. В этом докладе оценивается сегодняшнее состояние и перспективы развития сектора, получившего в Шотландии наименование «гэльской экономики». Особое внимание в докладе уделяется вопросу о том, насколько сильны позиции языка в традиционных районах компактного проживания гэльскоязычного населения. Подчеркивается, что гэльский язык по-прежнему слабо вовлечен в процессы регионального развития и отмечаются лишь эпизодические примеры обращения к нему работодателей. Количество рабочих мест, требующих обязательного или желательного владения гэльским языком, очень ограничено и почти все они относятся к государственному сектору. Автор доклада приходит к выводу о том, что настоящее положение дел чрезвычайно вредит гэльскому языку, лишая его каких-либо перспектив, и, что оно требует пристального внимания со стороны центральных и региональных властей [9, с. 30].

Ситуация с гэльским далеко не уникальна. В непростом положении находятся многие другие РМЯ – фризский, астурийский, галисийский, окситанский и ряд других. Очевидно, что перед органами,

отвечающими за поддержку и развитие РМЯ, стоят непростые задачи. Даже, если в экономике того или иного региона или государства удастся создать нишу для функционирования соответствующего языка, добиться потом заметного прогресса бывает очень нелегко. Конкуренция с доминирующим языком, оказывается чрезвычайно серьезным препятствием на пути построения двуязычной экономики. Важнейшей проблемой является нежелание частного сектора принимать участие в этой работе. Задача структур, ответственных за языковое развитие, заключается в том, чтобы разъяснить общественности и, прежде всего, работодателям историко-культурное значение РМЯ и необходимость развития их социальных функций и включения в экономическую жизнь региона. В этой связи необходимо объединение сил всех слоев общества, воспитание уважительного отношения к исконному языку и сознательного отношения к потребностям и задачам его развития.

Литература и примечания

1. **Grin F.** Language policy evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages / F. Grin. – London, 2003. 2. **European** Charter for Regional or Minority Languages, Council of Europe. Strasbourg, 1992. Интернет-ресурс: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/148.htm>. 3. **Price A.** The Diversity Dividend Language, Culture and Economy in an Integrated Europe / A. Price // Living Languages Series, Brussels: European Bureau of Lesser-Used Languages. – 1997. – No.5. 4. **Arcand J.-L.** Development economics and language: The earnest search for a mirage? / J.-L. Arcand // International Journal for the Sociology of Language. – 1996. – No.121. – P. 119–157. 5. **Keane M.** Regional Development and Language Maintenance / Keane M., Griffith B., Dunn J. // Environment and Planning. – 1993. – №25. – P. 399–408. 6. **O’Cinnéide M.** Local Socio-Economic Impacts Associated with the Galway Gaeltacht / M. O’Cinnéide, M. Keane. – Galway, 1988. 7. **Chalmers D.** Economic impact of Gaelic arts and culture : PhD thesis / D. Chalmers. – Glasgow : Caledonian University, 2003. 8. **MacKinnon K.** Celtic languages in a migration society: economy, population structure and language maintenance / K. MacKinnon // Paper to the VIth Language and Politics Symposium, Queen’s University of Belfast, 30th August –1st September 2006 (unpublished research paper). 9. **McLeod W.** Research on Language Policy and Planning. The State of the «Gaelic economy» : A Research Report / W. McLeod. – Department of Celtic and Scottish Studies, University of Edinburgh, 2001. Интернет-ресурс: <http://www.arts.ed.ac.uk/celtic/poileasaidh/gaeljobsrep3.pdf>.

¹ Этот позитивный процесс, к сожалению, знает такие издержки, как ущемление прав русскоязычного меньшинства в ряде бывших советских республик.

² Кельтоязычная область Шотландии, включающая в себя часть Шотландского нагорья и Гебридские острова.

Функционирование региональных языков и языков меньшинств в экономической жизни общества обычно имеет ограниченный характер. Такие языки, как правило, не ассоциируются с прогрессом в материальной сфере, а рассматриваются в лучшем случае как элемент культурного наследия. Однако за последнее время в

странах Евросоюза произошли некоторые подвижки в увязывании языковой политики с политикой экономической. Вовлечение «малого» языка в экономическую деятельность рассматривается как важный фактор его развития.

Ключевые слова: «двуязычная» экономика, языки меньшинств, региональные языки, языковая политика

Функціонування регіональних мов та мов меншин у економічному житті суспільства звичайно має обмежений характер. Такі мови, як правило, не асоціюються с прогресом у матеріальній сфері, а розглядаються в кращому випадку як елемент культурної спадщини. Однак за останній час у країнах Євросоюзу відбулися деякі зміни в ув'язуванні мовної політики з політикою економічною. Утягування «малої» мови в економічну діяльність розглядається як важливий чинник її розвитку.

Ключові слова: «двомовна» економіка, мови меншин, регіональні мови, мовна політика.

The involvement of regional and minority languages into economic activity is usually restricted as a result of obvious social processes. Languages of these sociolinguistic types are considered to be rather an element of cultural heritage than a factor of economic progress. However the EU countries have seen lately certain changes of attitudes in this field. Language policy is gradually becoming an essential factor of economic life in traditional ethnic regions.

Keywords: «bilingual» economy, minority languages, regional languages, language planning.

УДК 82.085

Н. И. Панасенко, Я. Ф. Дмитриев

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Песня, как многогранное явление, является предметом изучения различных наук, каждая из которых, как правило, акцентирует своё внимание на одном из аспектов рассматриваемого явления. Художественный мир народной песни – это «отраженная и пропущенная через восприятие художника реальность мира (поэтический мир, фабульный или сюжетно-предметный» [1, с. 6].

В народной песне воплощены история, быт и материальная культура, верования, обряды, традиции, особенности мышления, в том числе и музыкального, менталитет нации в целом. Исследователи считают, что «общие элементы структур музыкального и вербального языка могут быть одними из единиц языка культуры» [20, с. 37]). Мы ставим своей целью провести анализ текстов народных и популярных песен как элемента культуры различных народов, в том числе украинцев, словаков, англичан, шотландцев и американцев. Данная статья представляет собой фрагмент этого исследования, в частности, мы сосредоточим наше внимание на различных принципах классификации песенных текстов.

Фольклор неоднократно был объектом анализа исследователей многих стран [2; 8; 9; 11; 12; 14; 26; 28; 32–38], однако изучение песенного фольклора этнологами в 19–20 вв. проводилось традиционными методами: экспедиция, записи текстов, их описание, обработка, систематизация, лингвистический и, в случае необходимости, музыкальный, анализы. Поэтому мы считаем перспективным и актуальным комплексный анализ песенного фольклора с учетом культурологического компонента и с применением современных методов обработки текстов (фреймовый анализ, гендерный подход, семантические падежи, глубинная и поверхностная структура текста, выявление номинативных цепочек и т. д.), а также и с учетом сугубо музыкальных элементов (анализ интонационных, динамических и темпоральных характеристик) и некоторые другие.

Песня представляет собой сложное единство слов, мелодии и манеры исполнения. Без какого-либо компонента она не будет полной. Несколько слов о тексте песни как основном ее элементе. Тексты, как объект исследования, всегда привлекали внимание лингвистов. Текст рассматривают с точки зрения заключенной в нем информации [5], особенностей его восприятия [10], со стороны его синтаксической и лексической структуры [24; 31], коммуникативной направленности [27], пространственно-временной [22] и структурной [3; 15; 16; 21; 29] организации, семантических особенностей [18; 19; 31; 39], категорий [30, 31], как единицу научной и художественной коммуникации [13]. Достижения в области лингвистики текста могут быть успешно приложены к анализу песенных текстов, тем более, что исследователи отмечают усиление интереса к американской народной песне [6, с. 6–7].

Для того, чтобы сделать анализ песенных текстов, прежде всего, необходимо их систематизировать. Мы ставим своей целью сделать предварительную классификацию песен, обобщить уже существующие подходы и предложить свою. Для этого необходимо рассмотреть понятие «народная песня» и его особенности в различных культурах.

Принимая во внимание тот факт, что в большинстве народных песен автор неизвестен и что они являются результатом коллективного творчества, можно утверждать, что в каждой песне отражается созданная народом образная концепция мира, соответствующая определенной эпохе, этапам исторического развития, конкретным событиям в жизни этого народа [23]. Вот почему особого внимания заслуживает культурологический подход к классификации песенного фольклора.

Песня, как явление многогранное, является предметом изучения различных наук, каждая из которых, как правило, акцентирует своё внимание на одном из аспектов рассматриваемого явления. Поскольку сферой наших интересов является поэтический мир американской народной и популярной песни, мы остановимся на тех аспектах, которые непосредственно связанных с темой нашей работы.

Национально-исторические особенности

В американской песенной культуре через многоголосие жанров и стилей отражена история становления американской нации. Американский фольклор уникален по своей природе: в нем переплелись музыка кантри, уходящая своими корнями в народную музыку Британии и Ирландии, афро-американская музыка (соулз, спиричуэлз, госпел), песни и фольклор коренных жителей североамериканского континента – индейцев, джаз. Не ускользают от внимания и следы влияния культуры южноамериканского континента [38].

Формирование американского фольклора началось в 17 веке. Благодаря наличию письменности и книгопечатания большинство авторов американских песен известно. Американские авторские песни можно считать народными при условии, что они сохраняют свою популярность на протяжении нескольких веков. В этой связи при анализе песенного текста невозможно избежать ссылок на исторический период, сопровождающий создание любого художественного произведения. Знание состояния общества помогает понять мотивы, побудившие автора выбрать именно такую форму самовыражения.

Культурологические особенности

Переселение части британского сообщества в Америку привело к формированию новой нации с собственной, несколько отличающейся от исходной, культурой. В формировании американской нации и культуры определённую роль сыграли возникшие в результате переселения национальные и региональные варианты английского языка, ставшего полинациональным. В период становления национального самосознания американский вариант английского был фактором, свидетельствовавшим об отличии американцев от жителей Британских островов, а также был в определённой степени предметом их гордости [17, с. 112–113]. Возникновение американского варианта английского языка шло рука об руку с выработкой американского стиля речи, манеры общения, норм поведения. В свою очередь стиль, как всеобъемлющее понятие, нашёл своё отражение в народном творчестве, одной из разновидностей которого и выступает песня.

Как известно, «язык – это проводник культуры; культура изменяется – в результате меняется язык. Культура в широком смысле состоит из двух аспектов: истории цивилизации и социологического компонента» [7, с. 102]. В песне эти компоненты языка гармонично объединяются: социологическая ситуация раскрывается в историческом контексте. Последний не всегда выражен в тексте песни эксплицитно или же может отсутствовать вообще, не являясь первостепенно важным для такого жанра, как лирическая песня, акцент которой смещён в сторону эмотивного компонента.

Как отмечает Ю. П. Водяницкая [4, с. 7], каждый текст обладает культурологической адресованностью и направленностью: любое литературно-художественное произведение имеет своего автора, как

субъекта культурного творчества, так и адресата, как субъекта восприятия культуры. При этом и автор, и адресат являются продуктами своей эпохи – автор выражает и преломляет через свою личность те объективно-исторические закономерности эпохи, те особенности культуры, которые для этой эпохи характерны. Адресованность, таким образом, является одним из важнейших параметров текста.

Следует отметить, что в американском фольклоре отсутствует понятие народной песни в том значении, которое она имеет у славянских народов. Если мы сравним сборник американских и украинских песен, то увидим, что в американских альманахах только некоторые песни обозначены, как «traditional», т. е., в нашем понимании, народные, но также существует большое число авторских песен, которые в силу своей популярности приближаются к народным.

Разработкой системы классификации американской народной песни занимались специалисты многих стран. Однако нам кажется, что в вопросе выделения уровней классификации произведений, тесно связанных с этнокультурой, нельзя обойти вниманием теоретические наработки, сделанные самими носителями данной культуры, в нашем случае – песенного фольклора/культуры США.

Нами были выбраны наиболее интересные, на наш взгляд подходы, отражающие различные аспекты функционирования такой культурной реалии как песня. Это такие критерии, как **национальная соотнесённость**, связь с **историческим развитием нации** и **со сферой применения песни**.

Подход 1: согласно национальной соотнесённости

Музыкальные историки утверждают, что некоторые американские песни имеют многовековую историю. Часть песен была завезена из Британии в Новый Свет английскими, шотландскими и ирландскими поселенцами, в то время как другие связаны исторически с Францией, Германией и другими странами Европы. Анна Малкок, говоря о народной музыке, проводит параллель с похожими пословицами, возникающими в разных культурах. Однако песни имеют одну важную особенность – наличие мелодии. И именно заимствование мелодики происходило с гораздо меньшими трудностями, чем понимание и адаптация к местным условиям лирики песни (ист. иллюстр. мат. [8, с. 3]).

Весьма интересен подход Дэниела Кинмена [38], изложенный им в книге «American Music: A Panorama». Он проводит три линии в своей работе привязывая песни к: 1) этносу, т. е. исходной культуре; 2) историческому периоду, т. е. времени возникновения; 3) жанру.

Что касается национальной соотнесённости (исходной культуры), то на нее наибольшее влияние оказали следующие песенные культуры: 1) племенная музыка американских индейцев; 2) испанская музыка; 3) англо-кельтские баллады; 4) англо-кельтская танцевальная музыка; 5) афро-американские песни труда (field Hollers and Work Songs);

6) афро-американские религиозные песни (spirituals); 7) французская музыка; 8) музыка креолов; 9) моравская музыка [38, Appendix]. Из столь обширного перечня наиболее сильными оказались следующие традиции, которые наиболее ярко выражены в песенном творчестве США: 1) британо-американская; 2) афро-американская; 3) традиция американских индейцев; 4) испано-американская.

Поскольку большая часть колонистов прибывала из Великобритании, на наш взгляд, будет целесообразно остановиться на британско-американской традиции и подробно рассмотреть основные аспекты влияния.

Дэниел Кинман полагает, что баллада, как песенная форма, вобрала в себя наиболее характерные черты британской песни и, таким образом, оказалась главным средством передачи традиции [38, с. 3].

Любая народная песня, согласно Д. Кинману [38, с. 4], представляет собой органичное единство слов, мелодии и манеры пения. Он описывает такие основные характеристики баллады, как интересная история в сочетании с приятной мелодией, позволяющей запомнить содержание и передать настроение. Кроме того лирика баллады далека от идеала: метрика и рифма могут варьироваться. В тоже время наиболее типичные образцы представлены четверостишьями (катренами), исполняемыми под аккомпанемент одной и той же мелодии.

Что касается содержательного наполнения баллады, то она представляет собой действие, описываемое или раскрываемое певцом, краткое и сжатое описание какого-либо события. Иными словами, без действия и развития нет баллады, но это действие лишено подробностей, характерных для эпической поэзии. Как правило, действующие лица получают пространное описание («*a lady in the North Countrie*», «*a wooer out of the West*») или же описываются типичными клише, которые можно встретить во многих песнях («*milk-white steed*»; «*lily-white hand*»). Категории места и времени также лишены точности («*Twás in the lovely month of May*», «*the land where the grass grows green*»). Как точно отметил поэт Томас Грей (Thomas Gray) [38, с. 5], баллада похожа на пьесу, которая начинается в пятом действии. И, что самое главное, восприятие баллады связано с активной работой воображения, пытающегося заполнить смысловые пробелы персонажами и событиями. Именно эта черта незавершенности открыла безграничные возможности для развития сюжета и создания новых региональных вариантов одной и той же песни.

Можно сказать, что история развития баллады отражает и историю развития народа, исполняющего её. Тот факт, что известная песня «Barbara Allen» к 1962 году насчитывала 243 (!) варианта в 27 штатах говорит о многом [38, с. 4]. Во-первых, это свидетельствует о том, что формирование любой конкретной песни не ограничено рамками исторического периода. Во-вторых, это указывает на стремление человека привносить своё видение песни в её исполнение и создавать свои варианты мелодики и лирики, иными словами – интерпретировать

картину мира представленную в песне и пытаться сблизить идеальное понимание с идеальным исполнением.

Итак, если баллада выступала главным жанровым носителем традиции, наряду с другими формами песенного творчества, логичным будет вывод, что жанроразличительные свойства баллады, в той или иной степени будут присущи американской песне периода колонизации. Этими свойствами выступают: 1) мелодия, позволяющая запомнить лирику и передать настроение; 2) метр и ритм, отклоняющиеся «с невинной неточностью» («with innocent inexactitude») [38, с. 4]; 3) основной тип стихосложения – катрен; 4) все куплеты исполняются под одну и те же мелодию; 5) сжатость содержания; 6) наличие действия и развития; 7) отсутствие точного описания героя, места и времени.

Подход 2: Связь с историческим развитием нации

Периодизация, предложенная Теодором Рафом (ист. иллюстр. мат. [10]), совпадает с периодами исторического развития США как государства и нации. Он выделяет пять этапов:

1. Ранняя Америка (Early America) (1620–1810) («Greensleeves», «Barbara Allen», «The Girl I Left Behind», «A Frog Went a-Courting», «Drunken Sailor», «Yankee Doodle», «Auld Lang Syne», «Billy Boy» etc.)

Эпоха колонизации Нового Света отмечена активным заимствованием песенных традиций представителями различных народностей и накоплением базового пласта тех культурных знаний, которые станут основой формирования американской нации. Т. Раф пишет, что религия оказала значительное влияние на музыку колониального периода, т.к. группы иммигрантов, прибывающие из различных стран, исполняли религиозные гимны своих деноминаций (ист. иллюстр. мат. [10, с. 14]).

Однако церковная музыка не была единственным жанром, получившим распространение в Америке в то время. Мирские песни так же были популярны среди колонистов с первых дней освоения Америки. И, что особо важно, передача практически всех народных песен осуществлялась на слух (ист. иллюстр. мат. [10, с. 14]). Такая форма передачи информации давала полную свободу певцам и исполнителям привносить своё видение и понимание той или иной песни, в целом, или же мелодии и лирики, в отдельности.

Музыка была общенародной собственностью и не ограничивалась классом, расой или национальностью. Параллельно с заимствованием песен шло заимствование инструментов: скрипка, флейта, клавикорды, гобой, кларнет, гитара, банджар (предшественник банджо) и др. По мере роста разнообразия инструментов расширялись границы песенного творчества, т.к. каждый новый инструмент позволял по-иному исполнять одни и те же песни, придавая им неповторимые оттенки, ранее неизвестные. Война за независимость дала толчок к написанию патриотических и военных песен. Возникали сотни

политических песен, используемых в войне для поднятия боевого духа, осмеяния противника или воспевания ратной доблести. Послевоенная иммиграция и миграция дали толчок к дальнейшему развитию и распространению песен по стране (ист. иллюстр. мат. [10, с. 14–15]).

2. **Америка первопоселенцев (Pioneer America) (1810–1860)** («On Top of Old Smoky», «Vive la Compagnie (Vive l'Amor)», «Blue-tail Fly», «Oh Susanna», «Buffalo Gals», «Sweet Betsy From Pike», «Pop Goes the Weasel», «Polly Wolly Doodle», «Cindy»).

Как отмечает Т. Раф (ист. иллюстр. мат. [10, с. 62]), в течение пятидесятилетнего периода Америка стремительно развивалась, территория увеличилась в два раза, население – в четыре. Американская нация приобретала опыт в сферах политики и торговли. Несмотря на рост внутренних противоречий, Америка становилась сплоченным, независимым государством. Популярная музыка, будучи тесно связанной, с повседневной жизнью, чутко реагировала на изменения, происходящие в обществе, являясь своеобразным индикатором перемен.

3. **America's Coming of Age (1860–1890)** («Little Brown Jug», «She'll Be Coming 'Round the Mountain», «Go Down Moses», «I've Been Working on the Railroad», «Clementine», «Oh Promise Me» etc.)

Говоря о песнях Гражданской войны (1861–1865), следует отметить, что песни использовались на протяжении всего конфликта как средство поднятия боевого духа, пропаганды высокой морали и призыва к полной самоотдаче на благо Родины. Послевоенные годы были связаны с бурным ростом промышленности и развитием всего общества в целом, что не преминуло сказаться и на песенном творчестве. Такие факты, как строительство железных дорог, гастролирующие цирки, выступления уличных артистов, пение как предмет и пение хором в учебных заведениях, варьете и водевиле внесли большой вклад в развитие американской музыки. В это время продолжается дифференциация между городскими и сельскими песнями. Песни с несложной мелодикой получают широкое распространение в сельской местности, тогда как более сложные (например, песни Гилберта или Салливана) пользуются популярностью у городского населения (ист. иллюстр. мат. [11, с. 148]).

4. **Америка на рубеже столетий (Turn-of-the-century America) (1890–1910)**. Характеризуя это время, Т. Раф пишет, что в этот период были сделаны важнейшие открытия в сфере коммуникации, а также сохранения и передачи информации, которые расширили сферу влияния музыки и позволили ускорить процесс передачи традиции. Подвергается изменениям и тематика песен. Нередки песни о телефоне, телеграфе, пароходах, велосипедах, железной дороге, аэропланах, автомобилях и других техногенных реалиях данной эпохи (ист. иллюстр. мат. [10, с. 225]).

Кроме того, следует отметить тот факт, что в отличие от песен предыдущих периодов, авторы которых оставались неизвестными, авторы большинства песен, написанных с конца 19 века, известны. В

связи с этим изменяется само понятие «народная песня», поскольку ранее оно было связано с абстрактным народным авторством, хотя зачастую народ принимал и обрабатывал песни написанные конкретным композитором.

5. Twentieth-century America (1910 – the Present). Не смотря на то, что за этот период заметно снизился интерес к народной музыке, её развитие не было остановлено, а лишь перешло в иную плоскость. Это в некоторой степени можно объяснить не только отсутствием интереса, но и изменением процентного состава населения – городское население превалирует над сельским, а как известно, именно сельское население является тем слоем общества, который осуществляет развитие и передачу народной музыки, хотя и находится под достаточно сильным влиянием культуры города. К народным мелодиям и лирике всё чаще обращаются исполнители так называемого «фолка» – популярной музыки основанной на этнической мелодике.

Периодизация американской музыки, приведенная в мультимедийной энциклопедии «Encarta'97» и «Encarta 2008» (Microsoft Corporation), в целом совпадает с предложенной Т. Рафом: 1) 1630–1820; 2) начало 19 столетия (Early 19th Century); 3) середина 19 столетия – Гражданская война (Mid 19th Century to the American Civil War); 4) конец 19 столетия – начало 20 столетия (Late 19th and Early 20th Centuries); 5) Первая мировая война – до Второй мировой войны (World War I to World War II); 6) Вторая мировая война – конец 20 столетия (World War II to the late 20th Century) (ист. иллюстр. мат. [4; 5], что говорит в пользу исторического подхода к типологии песен.

Итак, мы можем отметить, что основными маркерами этого подхода выступают события, оказавшие влияние на все сферы жизнедеятельности народов Северной Америки и отложившие свой отпечаток на песенном творчестве, как одном из самых эффективных средств самовыражения нации.

Подход 3: со стороны узуса или сферы применения

В своей книге «If You Feel Like Singing» американские музыковеды Алиса Осман и Жан МакКоночи (ист. иллюстр. мат. [9]) выделяют пять групп песен, согласно их функциональной принадлежности:

1) **песни юности и любви (Songs of Youth and Love):** «Billy Boy», «Down in the Valley», «All the Pretty Little Horses», «Go Tell Aunt Rhody» etc.;

2) **песни работы и отдыха (Songs of Work and Play):** «What Shall We Do with a Drunken Sailor?», «I've Been Working on the Railroad», «She'll Be Coming 'Round the Mountain», «Pick a Bale of Cotton», «Little Brown Jug» etc.;

3) **песни войны и протеста (Songs of War and Protest):** «Where Have All the Flowers Gone?», «Yankee Doodle», «The Hammer Song», «John Brown's Body», «We Shall Overcome» etc.;

4) **духовные и евангельские песни (Spirituals and Gospel Songs):** «He's Got the Whole World in His Hands», «Rock-a My Soul», «Do Lord, Remember Me» etc.;

5) **песни колонистов (Moving West):** «On Top of Old Smoky», «Oh! Susanna», «Clementine», «Red River Valley» etc.

Классификация, предложенная Анной Малкоч (Anna Maria Malcos) в книге «Old Favorites For All Ages» (ист. иллюстр. мат. [8]), несколько отличается от вышеприведенной. Она также насчитывает пять групп:

1) **детские песни (Children's Songs):** «Down at the Station», «Good Morning to You», «Hickory Dickory Dock» etc.;

2) **песни в движении и считалки (Action and Counting Songs):** «The Ants Go Marching», «Ninety Miles from Home» etc.;

3) **песни общей группы (General Group Songs):** «Auld Lang Syne», «Billy Boy», «Clementine», «Down in the Valley», «Oh! Susanna», «Red River Valley», «She'll Be Coming' Round the Mountain» etc.;

4) **каноны (полифоническое многоголосье) (Round and Part Songs):** «Are You Sleeping?», «Make New Friends» etc.;

5) **колыбельные (Lullabies):** «Golden Slumbers», «Good Night to You All», «Hush, Little Baby», «Sleep, Baby, Sleep» etc.).

Из разделов, предложенных Джеральдом Стоуном (ист. иллюстр. мат. [1]), в книге «America's All-time Favorite Songs», непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют следующие:

1) колониальные времена и британские корни (**Colony Times and British Roots**); 2) на границе неосвоенного (**On the Wild Frontier**); 3) путь на юг (**Way Down South**); 4) с гор и долин (**From the Mountains and Valleys**); 5) военные песни и морские напевы (**Battle Songs and Sea Shanties**); 6) церковные гимны и песни религиозного содержания (**Hymns and Spirituals**); 7) патриотические гимны (**Patriotic Anthems**); 8) старые добрые школьные времена (**Good Old Fashioned School Days**); 9) домой на праздники (**Home For the Holidays**); 10) песни сердца (**Songs of the Heart**); 11) (**Novelties and Memories**).

Такой подход оправдан при описании песенной картины мира, т. к. позволяет вычленить основные локусы активности нации, иными словами – сферы наиболее пристального внимания, активности, для описания которых были задействованы поэтико-музыкальные наработки нации.

Подводя итог вышеизложенному, мы предлагаем следующую классификацию по сфере применения: 1) колыбельные песни; 2) детские песни; 3) считалки и песни в движении; 4) песни юности; 5) школьные песни; 6) каноны (полифоническое многоголосье) (Call and Response); 7) песни любви; 8) песни работы; 9) песни отдыха; 10) церковные гимны и песни религиозного содержания; 11) патриотические гимны; 12) морские напевы; 13) военные песни; 14) песни протеста; 15) песни колонистов; 16) песни общей группы.

Следует обратить внимание на тот факт, что ни один из приведенных нами авторов не выделяет в отдельную группу песни, имеющие шуточную окраску. Одной из задач нашей работы в перспективе будет попытка описания шуточной песни в разных аспектах её природы.

Мы считаем, что некоторые песни могут входить в разные группы. Так, например, во многих классификациях выделяются рабочие песни. Очень часто они связаны с конкретными событиями, происходившими в той или иной период истории США. Технический прогресс привел к тому, что Америка покрылась сетью железных дорог. Сначала это были несовершенные дороги, на которых можно было видеть упряжку лошадей, тянувших по рельсам несколько вагонов («She'll be comin' 'round the mountains»). Позже появились локомотивы и другие средства железнодорожного транспорта. В 1869 г. Началось строительство железной дороги (Union Pacific road), связавшей Атлантический и Тихий океаны. Поскольку любые события в жизни страны немедленно воплощались в той или иной форме народного творчества, возникло большое количество песен, связанных с этим строительством. Здесь уместно привести в качестве примеров такие рабочие песни, как «I've been workin' on the railroad», (народная, возникла в 1880-х, «Pat on the railway» и т. д.).

Песню «Clementine» часто относят к песням о любви и дружбе, в то же время события, описываемые в ней, происходят во время "Золотой лихорадки", которая началась в 1848 г. И таких примеров достаточно много. В качестве иллюстрации к вышеизложенному приведем ряд песен. Начнем с вышеупомянутой «Clementine».

«Clementine» (1885) – песни колонистов

«Clementine» широко известна за пределами США. Островитяне Южного моря встретили этой песней антрополога Маргарет Мэд (Margaret Mead). Её исполняют по всему миру.

История песни весьма интересна. Она берёт начало во времена Золотой Лихорадки в Калифорнии, когда тысячи людей бросились на поиски золота, мечтая разбогатеть. Однако вместо процветания и стабильности большая часть золотоискателей получила бедность и ужасные условия существования. Не у каждого из них находилось достаточно средств, чтобы купить палатки, и поэтому им приходилось жить в пещерах.

Можно предположить, что золотоискатели сочинили «Clementine», для того, чтобы посмеяться над своими трудностями; либо она была творением горожан, высмеивающих старателей. Вариант песни, взятый нами за основу для анализа, был впервые опубликован в 1863 году. В 1884 году Перси Монроз (Percy Montrose) запатентовал песню, сохранив прежние слова, но изменив музыку.

Не известно, был ли Монроз автором песни или же он просто записал слова и мелодию лагерях золотоискателей. Как бы то ни было,

но последующие поколения шахтёров и студентов вносили свои изменения, добавляя новые куплеты, однако им не удалось достичь непосредственной глупости/легкомысленности оригинала.

Герой песни рассказывает о своей несчастной любви к девушке по имени Клементина. Однажды утром, направляясь к речке, она споткнулась и упала в воду. Её возлюбленный не умел плавать, и она утонула. После трагедии некоторое время он печалился, затем поцеловал сестру Клементины и забыл о ней.

«Yankee Doodle» (1754) – песни войны и протеста

Yankee Doodle went to town,

A-riding on a pony.

He stuck a feather in his cap

And called it macaroni.

Несмотря на то, что эта песня известна практически каждому американцу, её происхождение остаётся загадкой. Например, до сих пор не известен источник слова «yankee», используемого нью-йоркцами и британскими солдатами в качестве шуточного прозвища жителей Новой Англии (в настоящее время население шести штатов, расположенных между штатом Нью-Йорк и канадской границей). В ходе войны за независимость (1775–1783), жители этого региона переосмыслили это прозвище и до сих пор используют его по отношению к самим себе с большой гордостью.

«Doodle» означает «глупый парень», преимущественно из сельской местности. Слово «*macaroni*» использовалось в Англии в 60-х годах 18 века применительно к «*dandy*» – человеку, старающемуся опередить моду. В Лондоне существовал *The Macaroni Club*, члены которого предпочитали иностранные кушанья английской кухне. Среди их любимых блюд была итальянская вермишель «*macaroni*», ставшая синонимом слова «*dandy*».

Британские полки пели эту песню в первые годы войны за независимость, насмехаясь над американцами. В свою очередь, американцы превратили её в своеобразный военный гимн. После сдачи генерала Корнвеллиса в Йорктауне (штат Вирджиния) 19 апреля 1781 года генералу Вашингтону, песня приобрела новый смысл: въезд в город превратился в победу.

Существует более 300 вариантов песенных текстов этой песни. Мы остановились на варианте, приписываемом старшекурснику Гарвардского Университета Эдварду Бэнгсу (Edward Bangs), принимавшему участие в сражении при Лесингтоне (Lexington) 19 апреля 1875 года. Кем бы ни был её автор, в ней в шуточной форме повествуется о впечатлениях сельского мальчика, увидевшего построение Революционной Армии (Revolutionary Army) (ист. иллюстр. мат. [9, с. 42–43]).

«Billy Boy» (1800) – любовь и дружба

«Billy Boy» является одной из песен, отражающих культурные концепты американского общества 17–18 веков. В Новом Свете, равно как и в Старом Свете, работа женщины являлась важным фактором процветания и существования семьи. В течение первых двух сотен лет существования американского общества, практически вся пища и одежда для членов семьи производилась женщинами дома. Женщины помогали при вспахивании полей, сеяли и собирали урожай. Они превращали зерно в муку, из которой пекли хлеб. Изготовление ткани позволяло шить одежду. Девушка, которая постигла все необходимые навыки работы по хозяйству, становилась достойной женой. Нередки были случаи, когда требования, предъявлявшиеся невесте, были несколько завышены. Именно такое отношение к невесте сына со стороны матери и высмеивает данная песня.

Мать Билли задаёт ему вопросы, пытаясь узнать о чертах, присущих его избраннице. Подобно любой матери любого государства, она хочет, чтобы её сын женился на вежливой («*Did she ask you to come in?*»), привлекательной («*How tall is she?*»), способной вести хозяйство («*Can she bake a cherry pie?*», «*Can she make a feather bed?*») и молодой («*How old is she?*») девушке.

Отвечая матери, Билл преувеличивает достоинства своей подружки, добродушно иронизируя: она может испечь вишнёвый пирог в мгновение ока («*She can bake a cherry pie, quick as you can wink an eye*»); она способна набить перину стоя на голове («*She can make a feather bed, while a-standing on her head*»); она высока, как сосна, и стройна, как лоза тыквы («*She is tall as any pine, and as straight as pumpkin vine*»); она старая-престарая и в то же время настолько молода, что не может покинуть свою маму («*She is sixty times eleven, twenty-eight and forty-seven*») (ист. иллюстр. мат. [9, с. 36–38]).

«Oh! Susanna» (1849) – песни общей группы, любовь и дружба

В середине 19-го века было модно исполнять песни, написанные на негритянском диалекте английского языка. Зачастую белые исполнители красили лица в чёрный цвет, участвуя в выступлениях менестрелей («*minstrel shows*»). Именно этот тип песен послужил основой для написания «Oh! Susanna». Её автор, Стивен Фостер, написал песню, чтобы позабавить родных и друзей. Ему даже было стыдно признаться в том, что именно он сочинил такую глупую, по его мнению, песню. Поэтому он отдал «Oh! Susanna» издателю музыкальной литературы из Питсбурга, который и сделал её популярной.

Во время Золотой Лихорадки 1849 года «Oh! Susanna» становится своеобразным гимном золотоискателей. Эта песня вдохновляла рабов искать свободу в Северных штатах. В Англии, во времена королевы Виктории (1837–1901), её исполняли уличные музыканты.

В настоящее время, песня, как правило, исполняется на стандартном английском языке чаще, чем на его диалектном варианте и по-прежнему пользуется широким успехом) (ист. иллюстр. мат. [9, с. 72]).

В песне рассказывается о некоем парне, который едет из Алабамы в Луизиану с банджо («*Oh, I come from Alabama / With my banjo on my knee*») для того, чтобы повидаться со своей девушкой по имени Сюзанна. Юмористический эффект достигается за счёт нонсенса: «*It rained all night the day I left; The weather was so dry. The sun so hot I froze to death. Susanna, don't you cry*», а также неуместного поведения девушки, плачущей по своему возлюбленному и одновременно кушающей пирог («*A buckwheat cake was in her mouth; / A tear was in her eye. / I said, "I come from Dixie Land; / Susanna, don't you cry!"*»).

Все приведенные выше в качестве примеров песни несомненно объединяет одна общая черта – они входят в категорию шуточных, однако такой классификации в американской традиции нет. Мы планируем провести комплексный анализ текстов американского песенного фольклора с целью выявления в них стилистических (лексических, морфологических, синтаксических и семасиологических) способов создания комизма.

Завершая обзор различных точек зрения на классификацию песенного фольклора, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что фольклор в целом и народные песни в частности – это национальная собственность, история, менталитет народа, образ его жизни и традиции. Как народные, так и популярные песни являются неотъемлемым компонентом культуры общества, поэтому, на наш взгляд, наиболее удачными будут те классификации, которые построены на связях фольклора с материальной и нематериальной культурой.

Литература

1. **Алексеева Л.** О формообразующей роли поэтического текста в вокальной музыке : дипл. работа / Л. Алексеева. – М., 1974. – 71 с.
2. **Білик В. О.** Особливості психологізма українських народних пісень : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.07 / В. О. Білик. – Л., 2002. – 20 с.
3. **Бремон К.** Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 472– 479.
4. **Водяницкая Ю. П.** Адресованность художественного текста и некоторые средства её выражения / Ю. П. Водяницкая // Язык и культура. II междунар. конф. : тез. – Ч. 2. – К. : Укр. ин-т междунар. отношений при Киев. ун-те им. Т. Г. Шевченко, 1993. – С. 7–8.
5. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
6. **Гитары в бою** : песни американских народных певцов : пер. С. Болотина и Т. Сикорского. – М. : Прогресс, 1968. – 126 с.
7. **Глазунов С. М.** К вопросу о ситуации речевого общения / С. М. Глазунов // Язык и культура. II междунар.

конф. : Тез. – Ч. 2. – К. : Укр. ин-т междунар. отношений при Киев. ун-те им. Т. Г. Шевченко, 1993. – С. 102–103. 8. **Голоса** Америки : из народного творчества США : баллады, легенды, сказки, притчи, песни, стихи. – М. : Молодая гвардия, 1976. – 368 с. 9. **Грица С. И.** Образ и среда в фольклоре / С. И. Грица // Фольклор. Песенное наследие / АН СССР; Ин-т мировой л-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1991. – С. 18–22. 10. **Гугунава Е.** Особенности восприятия художественного текста / Е. Гугунава // Славянский научно-просветительский центр : ст. // <http://www.slavcenter.ge/art?p=20060116-084942> 11. **Киченко А. С.** Введение в теорию фольклора / А. С. Киченко. – Черкассы : ЧГУ, 1998. – 174 с. 12. **Кокаре Э. Я.** Комплексный анализ народной песни / Э. Я. Кокаре // Фольклор. Песенное наследие / АН СССР; Ин-т мировой л-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1991. – С. 27–29. 13. **Колегаева И. М.** Текст как единица научной и художественной коммуникации / И. М. Колегаева. – Одесса : ОГУ им. И. И. Мечникова, 1991. – 121 с. 14. **Копаниця Л. М.** Українська лірична пісня: еволюція поетичного мишлення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.01.07; 10.01.01 / Л. М. Копаниця. – К., 2001. – 37 с. 15. **Лотман Ю. М.** Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 270 с. 16. **Лукин В. А.** Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М. : Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с. 17. **Маликова Т. А.** Взаимодействие вариантов во взаимодействии культур / Т. А. Маликова // Язык и культура. II междунар. конф. : Тез. – Ч. 2. – К. : Укр. ин-т междунар. отношений при Киев. ун-те им. Т. Г. Шевченко, 1993. – С. 112–113 с. 18. **Молчанова Г. Г.** Семантика художественного текста / Г. Г. Молчанова. – Ташкен : Фан, 1988. – 154 с. 19. **Москальская О. И.** Семантика текста / О. И. Москальская // Вопр. языкознания. – 1980. – № 6. – С. 32–42. 20. **Науменко Т. І.** До питання про взаємозв'язок музичної та вербальної мов та їхнього впливу на культуру людини / Т. І. Науменко // Язык и культура. II междунар. конф. : Тез. – Ч. 2. – К. : Укр. ин-т междунар. отношений при Киев. ун-те им. Т. Г. Шевченко, 1993. – С. 37. 21. **Ноздрина Л. А.** Взаимодействие категорий как основной принцип построения текста / Л. А. Ноздрина // Материалы междунар. конф., посвященной науч. наследию проф. М. Д. Степановой. – М. : МГЛУ, Ин-т ЯЗ РАН, 2001. – С. 143–147. 22. **Панасенко Н. И.** Некоторые аспекты художественного пространства и времени / Н. И. Панасенко // С любовью к языку : сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. – М. : Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 151–162. 23. **Панасенко Н. И.** Украинская и американская лирическая народная песня: два мира – две судьбы / Н. И. Панасенко // Мова і культура. – Вип. 2. – Т. 1. – К. : Вид. Будинок Дмитра Бураго, 2000. – С. 107–115. 24. **Панасенко Н. И.** Сюжетная и структурно-синтаксическая организация текста литературной сказки (на материале сказок О. Уайльда и братьев Гримм) / Н. И. Панасенко, Л. В. Швыдка, Ю. В. Солтик // Лінгвістичні дослідження : зб. наук. пр. – Вип. 4. – Горлівк : Вид-во ГДПШМ, 2004. – С. 142–159. 25. **Попова З. Д.** Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Вестн. ВГУ. Серия 1 : Гуманит. науки. – 1996. – №2. – С. 64–68. 26. **Пропп В. Я.** Фольклор. Литература. История / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2002. – 464 с. 27. **Селиванова Е. А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоцицентр, 2002. – 336 с. 28. **Славянский** музыкальный фольклор. – М. : Музыка, 1972. – 446 с.

29. **Структура** литературного произведения : сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1984. – 224 с. 30. **Сорокин Ю. С.** Текст: цельность, связность, эмотивность / Ю. С. Сорокин // *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. – М. : Наука, 1982. – С. 61–74. 31. **Тураева З. Я.** Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) : учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с. 32. **Фольклор:** образ и поэтическое слово в контексте / отв. ред. В. Н. Гацак. – М. : Наука, 1984. – 294 с. 33. **Фольклор:** Песенное наследие / АН СССР; Ин-т мировой л-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1991. – 261 с. 34. **Фольклор** в современном мире: аспекты и пути исследования / АН СССР; Науч. совет по фольклору; Ин-т мировой л-ры им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1991. – 184 с. 35. **Cantwell R.** Bluegrass Breakdown. The Making of the Old Southern Sound / R. Cantwell. – Urbane and Chicago : Un-ty of Illinois Press, 1984. – 309 p. 36. **Elson L. C.** The National Music of America and Its Sources / L. C. Elson. – Detroit : Book Tower, 1974. – 338 p. 37. **Karpeles M.** An Introduction to English Folk Song / M. Karpeles. – L., NY, Toronto : Oxford Un-ty Press, 1973. – VIII, 120 p. 38. **Kingman D.** American Music. A Panorama / D. Kingman. – NY : Simon and Schuster Macmillan, 1990. – 684 p. 39. **Pipalova R.** Approaches to the textual theme / R. Pipalova // *Topics in linguistics. Issue 2. March 2008.* – Konstantin the Philosopher Un-ty in Nitra. – P. 44–48.

Источники иллюстративного материала

1. **Appleby A.** America's All-Time Favorite Songs / A. Appleby, J. Stone. – NY, L., Sydney : Amsco Publications, 1991. – 398 p. 2. **The British** Multimedia Encyclopedia'96 // Электрон. опт. диск (CD-ROM). 3. **Dellar F.** The Illustrated Encyclopedia of Country Music / F. Dellar. – L. : Salamander Books, 1977. – 256 p. 4. **Encarta'97** // Электрон. опт. диск (CD-ROM). 5. **Encarta 2008** // Электрон. опт. диск (DVD-ROM). 6. **Internet** Site // <http://www.americanfolklore.net/american-folksongs.html> 7. **Internet** Site // <http://crydee.sai.su.ru/public/lyrics/cs-uwp/folk/> 8. **Malcoc A.** Old Favorites For All Ages / A. Malcoc. – Washington : English Language Programs Division. United States Information Agency, 1994. – 131 p. 9. **Osman A.** If You Feel Like Singing (American Folksongs and Accompanying Activities) / A. Osman, J. McConochie. – English Language Programs Division. Bureau of Education and Cultural Affairs. United States Information Agency, 1993. – 95 p. 10. **Raph Th.** The American Song Treasury. 100 Favorites / Th. Raph. – NY : Dover Publications, 1986. – 406 p.

Народ и популярные песни составляют народное достояние, историю, менталитет, стиль жизни, обычаи и традиции многих народов. Авторы выделяют различные подходы к популярной американской песенной классификации, принимая во внимание их происхождение, исторический период и жанр.

Ключевые слова: песенный фольклор, исторический период, жанр.

Народ і популярні пісні становлять народне надбання, історію, менталітет, стиль життя, звичаї та традиції багатьох народів. Автори виділяють різні підходи до популярної американської пісенної класифікації, зважаючи на їх походження, історичний період і жанр.

Ключові слова: пісенний фольклор, історичний період, жанр.

Folk and popular songs constitute national property, history, mentality, lifestyle, customs and traditions of many peoples. The authors highlight different approaches to popular

American songs classification taking into account their origin, historical period and genre.

Keywords: song's folklore, historical period, genre.

УДК [81:37]:004

А. Л. Панищев

СЛОВО И МЫШЛЕНИЕ В МИРЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На фоне усиления процесса глобализации вопрос общечеловеческих норм, раскрытия априорного содержания становится особенно острым. Соответственно, возникает потребность в развитом законодательстве, в рамках которого последовательно бы мог решаться национальный вопрос и вырабатывались бы принципы мультикультурной цивилизации. Тем не менее необходимо подчеркнуть следующий немаловажный аспект: человеку, наделённому определёнными правовыми полномочиями, прежде чем сформулировать то или иное законодательство, надобно представить последнее в своём сознании. В данном случае вступает в силу характер мировоззрения общности, в которой должен функционировать принимаемый закон. Мировоззрение представляет собой систему взглядов на мир в целом и место человека в нём. В мировоззрении происходит наиболее явственное единение миропонимания и мироощущения, или интеллектуального и чувственно-эмпирического опыта. Широта же мировоззрения во многом зависит от развитости сознания нации, органичной составляющей которого является мышление. Мышление есть процесс, в ходе которого содержание сознания приобретает понятийную форму. Благодаря мышлению, система образов, бесконечный поток разнообразных ощущений преобразуются в понятия и идеи. Следовательно, для развития мышления человеку необходимо овладеть максимально широким и разнообразным понятийным аппаратом. Чем больше развито мышление, тем шире, богаче мировоззрение. Поэтому-то если ставить вопрос о развитии правовой системы и, главное, правового сознания в обществе, то уместно обратиться к проблеме развития интеллекта нации, широты её мышления. Интеллект, как способность к более или менее развитому мышлению, напрямую зависит от количества и, что в действительности ещё более важно, характера осваиваемых понятий. Оба вышеназванных фактора в развитии мышления человека зависят не только от воли отдельно взятого индивида, но, прежде всего, от того уровня общественных и умственных отношений, от той системы культурных ценностей, в условиях которых происходит зачатие, рождение, воспитание человека. Именно культура определяет характер понятий, допустимых или недопустимых в употреблении, место и степень нормативности их использования. Разумеется, не всякое словопонятие несёт в себе положительную смысловую нагрузку и

благоприятствует духовному и интеллектуальному росту индивида. К примеру, речь, наполненная скверными, непристойными выражениями, по сути, лишает человека высоких моральных качеств, «вырождает» в нём человеческую природу. Русская культура всегда блокировала употребление матерных слов, тем более, что в православной России они трактовались как хула против Бога и Богородицы. Употребление же слов, напрямую связанных с жизнью в благочестии, поощрялось и прямо санкционировалось государством и обществом. Следует подчеркнуть: важное значение имеют слова, связанные с восхвалением Бога или же с хулой на него, поскольку выводят мышление человека за пределы рационально осознаваемых категорий и ориентируют его развитие либо в Божьем русле, либо в бесовском. Так, молитва есть общение с живым Богом, а мат (даже произвольный) есть призыв к сатане, некое персональное участие в демоническом культе. В этом отношении культура всегда связана с надприродной деятельностью человека, способного к символическому видению мира.

Вместе с тем словарный запас одной локальной культуры, как правило, ограничен, и если мы ставим вопрос о преодолении рамок родоплеменного права, то уместно обратить внимание на то, что культура, претендующая на центральное место в цивилизации, вынуждена так или иначе отсеивать категориальный аппарат не только своей, но и других культур. Одновременно центральная культура (то есть та, вокруг которой объединяются соседние, – цивилизация) абсорбирует в своём лоне понятийный аппарат культур, охваченных её границами. В последующем развитии цивилизации правосознание нации во многом зависит от качества понятийного аппарата, посредством которого отражается и понимается мир. Стало быть, овладение мультикультурными ценностными категориями есть одна из основ для формирования и развития цивилизации и международного правового сознания.

Однако кризис мультикультурного сознания чреват особенно опасными последствиями. Если в государстве, которое образовано одной нацией, кризис повлечёт за собой только духовный упадок, может быть, вплоть и до полного вырождения духовности, но при всём этом моральный облик людей в целом не столь сильно пострадает, то в мультикультурном обществе вместе с духовностью вырождается и нравственность. Здесь главное отличие нравственного от духовного состоит в том, что если нравственное поведение ориентировано на внешнюю среду, то духовность предполагает устройство имманентного мира человека. Неудивительно, что, например, в Голландии, где легализованы многие негативные явления (проституция, порнография, торговля лёгкими наркотиками, массовое распространение курения табака) культура общения между людьми всё же относительно высокая. В многонациональной же стране кризис мультикультурного сознания обычно приводит не просто к духовному регрессу, но к распаду общества

на группировки, на кланы, потребительски и враждебно относящиеся друг к другу. На фоне деградации духовности происходит стирание чувства нравственного, морально дозволенного, истинно человеческого, а последующий упадок нравственного сознания приводит к уродливому проявлению духовной опустошённости и растрепанности в практической жизни.

Недостаточная выраженность естественного права, болезненное состояние правосознания не позволяют обществу представить в ментальном мире развитое позитивное право и, соответственно, выработать действенное законодательство. Поэтому-то формируется иной тип права, который я бы условно назвал *прайдовым правом*. Полагаю, что введение этого понятия в философско-правовой понятийный аппарат обоснованно. Данная дефиниция непосредственно связана с понятием *прайд*. Оно употребляется в отношении группы хищных животных (львов), живущей на определённой территории и имеющей лидера. Цель объединения животных в прайд состоит в их биологическом выживании. Характеризуя общество людей, не принято использовать слово *прайд*. Однако в истории человечества существуют такие кризисные периоды, когда «очеловеченность» людей минимальна, соответственно, степень проявления, раскрытия естественного права весьма ограничена, а позитивное право, хотя формально присутствует, но оно не- или малоэффективно. В таком сообществе человеческих существ правовое поведение основано на лидерстве конкретного лица в определённой группе. Здесь источником власти выступает большое сознание индивида, в котором минимальна мера раскрытия естественного права и априорного содержания в целом. Характер законов прайдового права основан на искажённом видении миропорядка и принципов морали. Единство государства в условиях распространённости прайдового права условно и поддерживается однородностью правовой обстановки на своей территории. Однако внутренне страна оказывается разделённой на регионы, в которых господствует определённый прайд. Такие регионы невозможно назвать административными единицами, – это скорее прайдовые территории, где действуют законы, которые в цивилизованном обществе определяются как законы криминального мира. В конечном итоге прайдовое право оказывается своеобразным мостом от индивида, деградированного до уровня животного, к Зверю.

В последние несколько десятилетий в мировой общественности достаточно часто ведутся разговоры о глобализации – понятии, которым обозначают перемены в обществе, связанные с интенсивным ростом международных связей в области политики, экономики, науки, культуры. Впервые понятие *глобализация* зафиксировано в Webster's Dictionary в 1961 году. В последнее же десятилетие это слово употребляют в СМИ почти еженедельно. В принципе глобализация должна способствовать развитию международного права, однако в действительности мы этого не

наблюдаем. Всё более и более настойчивы и обоснованы выступления антиглобалистов, всё чаще в мире культуры и науки поднимается вопрос о национальных культурах и языках. Так, исследователь из Варшавы Янина Монкоша-Богдан обращает внимание на то, что в мире насчитывается от 6000 до 6500 тысяч языков, но только 4 % из них обслуживают 96 % населения Земли [2, с. 5]. В связи с этим поднимается вопрос о самосознании народов, не играющих существенной геополитической роли. В результате глобализация унифицируется по североамериканскому образцу, что отнюдь не содействует развитию мышления людей, национальная культура которых стирается, а иногда предаётся забвению. Например, в ЮАР уникальная орнаментная письменность народа басуто оказалась забытой за несколько десятилетий, поскольку была вытеснена английским языком и языком сисуто, записываемым латинским шрифтом. Глобализация захлестнула народ басуто в культурно-языковом контексте, но не в научно-образовательном, что, в конечном счёте, привело к забвению существенных элементов национальной культуры. Охватывая научную, политическую, экономическую сферы, глобализация обращается, так сказать, лицом к жизни лишь отдельной небольшой части общества – политиков, ведущих учёных, руководителей крупных промышленных предприятий, банков, а народная культура остаётся вне поля мирового развития цивилизации. Общество, не ведающая о письменности, тем более о науке, по существу лишается выбора и права на собственное мнение, гражданскую позицию – глобализация ставится перед ней как факт, который она обязана принять в качестве неотъемлемой части своей жизни. Отсутствие науки, развитой системы образования в локальной, этнической культуре приводит к слабости рефлексивного анализа, бесценный опыт народной культуры не осмысливается, не фиксируется в литературе и постепенно, как бы незаметно, исчезает. Неудивительно, что ряд исследователей считают, что одной из причин кризиса глобализации является интеллектуальный регресс нации, стремящейся возглавить процесс глобализации. Если учесть, что своеобразным показателем уровня умственного развития народа служит степень развитости его философии, как наиболее сложной и многогранной компоненты культуры, то вполне уместно звучат слова П. Ганчева, который пишет: «Не на последнем месте причиной тотального кризиса глобализации является кризис философии» [1, с. 165].

Соответственно, для того чтобы деструктивные явления, сопровождающие процесс глобализации, свести к минимуму, важно способствовать развитию мультикультурного мышления. Для осуществления этого следует быть внимательным к тем словам, которые часто употребляются в том или ином обществе, с максимальной, принципиальной и бескомпромиссной жёсткостью, особенно в сфере образования, пресекать жаргонную, тем более, нецензурную терминологию. Необходимо внимательно относиться к утверждению в

повседневной культуре общества литературного языка, поскольку его освоение обеспечит фундаментальную базу для развития мышления человека. В бытовом языке, тем более в условиях распространения жаргонной терминологии, очень трудно, подчас невозможно найти основу для развития системы понятий. Литературный же язык с его обширным словарным запасом, тонким смысловым чувством обеспечивает возможность для духовного, интеллектуального роста человека и его мультикультурного мышления.

Литература

1. **Ганчев П.** Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // *Вопр. филос.* – 2008. – №8. – С. 160–166.
2. **Монкоша-Богдан Я.** Языковой патриотизм в период глобализации / Я. Монкоша-Богдан // *Мова і культура.* – К. : Вид. Дім Бураго, 2007. – Вип. 9. – Т. I. – С. 5–11.

Статья посвящена проблеме развития мультикультурного мышления в условиях глобализации. Отмечается то, что язык играет существенную роль в развитии мультикультурного мышления человека, однако для достижения наибольшего успеха в этой области особенно важно на государственном уровне следить за культурой речи граждан.

Ключевые слова: глобализация, мультикультурное мышление, мультикультурное общество, культура речи.

Стаття присвячена проблемі розвитку мультикультурного мислення в умовах глобалізації. Зазначається, що мова відіграє суттєву роль у розвитку мультикультурного мислення людини, однак для досягнення найбільшого успіху в цій сфері особливо важливо на державному рівні слідкувати за культурою мовлення громадян.

Ключові слова: глобалізація, мультикультурне мислення, мультикультурне суспільство, культура мовлення.

This article is devoted to the problem of development of multicultural thinking in the condition of globalization. Attend attention that the language plays important role in the development of multicultural thinking, however for achievement to the success in this field necessary on the state level provide to the cultural speech of citizens.

Keywords: globalization, multicultural thinking, multicultural society, cultural speech.

УДК 371.3

С. В. Понікаровська

РОЗВИТОК НАВИЧОК МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ НА ЗАНЯТТЯХ З ІНОЗЕМНОЇ МОВИ ЯК НЕВІД'ЄМНИЙ АСПЕКТ ПІДГОТОВКИ СУЧАСНОГО СПЕЦІАЛІСТА

Актуальність усіх питань, зв'язаних з культурою, стала дуже гострою у наш час. Сучасний стан розвитку суспільства свідочує про глибокі зміни в усіх сферах життя. Змінюється державна політика, а за

нею інтелект та менталітет суспільства. Рівень підготовки сучасного спеціаліста визначається не тільки об'ємом знань зі спеціальності, що він отримав під час навчання, бо нові тенденції розвитку міжнародних відносин відкривають перед ним нові можливості, види та форми спілкування, головною умовою яких є взаєморозуміння, діалог культур, повага до культури партнерів з комунікації.

У сучасних умовах процес навчання іноземним мовам складається у межах соціокультурної моделі навчання, яка розглядається як основа здійснення міжкультурної комунікації. Тому той, хто говорить іноземною мовою, повинен уміти не тільки правильно формулювати свою думку, але й дотримуватись культурних норм, які прийняті у носіїв мови. Навчання іноземній мові повинно бути навчанням міжкультурній комунікації, тому що, вивчаючи мову, студент повинен інтегрувати іншу культуру у власну картину світу. Ціллю навчання іноземній мові стає формування такої мовної особистості, якій іноземна мова буде потрібна для життя, для спілкування у реальних ситуаціях, яка буде спроможна здійснювати ефективне спілкування з представниками інших культур [1]. Потрібно розширення та поглиблення ролі соціокультурного компоненту у розвитку комунікативних здібностей, тому що кожна культурна система та кожний одиничний акт суспільної поведінки явно або приховано має на увазі комунікацію [2]. Об'єднання вивчення культури країни мови, що вивчається, та самої мови входить у систему навчання іноземній мові у вигляді знайомства з літературою, музикою, художніми творами, а також шляхом засвоєння цінностей, особливостей поведінки, традицій, стилю та організації життя [3, с. 4].

Розвиток у студентів навичок міжкультурної комунікації сприяє скорішій його адаптації як до професійної діяльності, так і для розвитку його особистості у процесі навчання, надбанню професійно-особистісних ціннісних орієнтацій засобами іноземної мови.

Особливе значення має рішення проблем міжкультурної комунікації для викладачів іноземної мови. Небувале розширення міжнародних зв'язків зумовило необхідність зближення якості та рівня професійної підготовки в Україні та передових країн світу. Знання іноземної мови є чинником взаємодії між людьми та країнами. Розширення можливостей практичного використання іноземної мови робить її засобом оптимізації професійної діяльності спеціаліста високої кваліфікації. Следством цього став пошук нових форм та змісту навчального процесу, які більше відповідають цілям освіти та виховання в сучасних умовах.

Викладання іноземних мов зараз проходить період корінної перебудови, перегляду цілей та змісту, методів і матеріалів. Зросла мотивація до вивчення іноземної мови та з'явилися нові можливості для спілкування у зв'язку з розвитком новітніх технологій. Основне завдання викладання сьогодні – це навчання мові як реальному та повноцінному засобу спілкування. Спеціаліст, що закінчує ВНЗ, – це широко освідчена

людина, що має глибоку фундаментальну підготовку, тому іноземна мова, якою вона володіє, є також його знаряддям виробництва. Для того, щоб навчити іноземній мові як засобу спілкування, недостатньо тепер контакту студента тільки з викладачем. Нові потреби зобов'язують створювати ситуації реального спілкування, налагоджувати зв'язок іноземної мови з життям, активно використовувати іноземну мову в живих, природних ситуаціях. Це можуть бути научні дискусії, «круглі столи», конференції із залученням іноземних фахівців або студентів. Окрім навчальних занять доцільним є доповнення позааудиторними навчально-виховними заходами, причому особливо важливу роль грають такі заходи, в яких приймають участь студенти з різних ВНЗ, щонайкраще – з різних країн. Гуманітарний підхід до формування творчої особистості з орієнтацією на міжнародне співробітництво є центральною проблемою та основною ціллю педагогічного процесу у технічному ВНЗ нового тисячоліття. Такі заходи допомагають молодим людям познайомитися, побачити схожість та різницю у культурах та поглядах, побачити спільність загальнолюдських цінностей, розкритися у різних ситуаціях спілкування. Адже зараз реформи вищої школи направлені на професійну життєспроможність майбутнього спеціаліста, тобто не тільки оволодіння професійними знаннями, але й тими навичками, що сприяють його скорішій адаптації у соціумі, а це у наш час, звичайно, неможливо без ефективного використання іноземної мови як засобу спілкування сучасної людини.

Відомо, що ефективність спілкування між представниками різних культур забезпечується не тільки здоланням мовного бар'єру. Існує ще й культурний бар'єр, який може стати на шляху взаєморозуміння. У нових умовах, при новій постановці проблеми викладання стає очевидним, що підвищення рівня навчання комунікації, спілкуванню між людьми різних національностей та культур можна досягнути тільки якщо реально враховувати соціокультурний фактор. Тобто мова іде про те, щоб навчати не тільки мові, але й знайомити з образом життя, менталітетом, традиціями, звичками, культурним життям, невербальними формами спілкування носіїв іноземної мови.

У широкому розумінні навчання міжкультурній комунікації – це не просто розуміння іноземної мови та використання її. Воно включає в себе особистісний розвиток того, хто навчається. Навчання мові не обмежується тільки вивченням іншої мови та підготовкою до можливих ускладнень. Воно означає відмову від «нав'язаних уявлень» та дослідження етнічних, політичних, релігійних та економічних особливостей. При вивченні іноземної мови важливим є зіставлення різних культур як равноцінних, а до студентів повинна пред'являтися вимога терпимості до різноманітності та готовності прийняти інші погляди. Адже перешкоди у комунікації, що базуються на різниці у менталітетах, представляють собою одну з основних перешкод у подальшому співробітництві.

Оволодіння студентами міжкультурною компетенцією допоможе здолати перешкоди до міжкультурної комунікації навіть у випадку труднощів з мовним вираженням. Адже міжкультурна компетенція – це знання життєвих звичек, натури, звичаєв, установок даного соціуму, що формують мотивації форми поведінки, невербальних компонентів (жестів, міміки), системи цінностей. При наявності міжкультурної компетенції студент краще буде розуміти носія мови або аутентичну літературу.

На сьогодняшньому етапі розвитку методики викладання іноземної мови виникає необхідність посилити соціокультурний компонент комунікативної компетенції. Це виправдано, бо, вивчаючи іноземну мову, студенти прилучаються до іншої культури, адже викладання мови – це завжди міжкультурне спілкування. Включення в навчання іноземним мовам країнознавчих елементів, культурологічних зведень та реалій зв'язане не з прагненням придати навчальному процесу цікавості (що, до речі, не є зайвим), а із внутрішньою потребою самого процесу навчання. Студенти повинні оволодіти уміннями міжкультурної компетенції, уміннями вести бесіду у рамках діалога культур. Процес надбання студентами особистого досвіду спілкування з іншою мовною культурою потребує створення ситуацій практичної взаємодії. Залучення студентів до діалогу культур дуже важливо й з точки зору їхньої освіти та виховання, тому формування людини культури, людини духовної відбувається завдяки діалогу культур – рідної та іноземної [4].

Уміння спілкуватися у межах діалогу культур потребує у студента наявності багатьох умінь – уміння ставити себе на місце інших, уміння проявляти ініціативу або дипломатичність, уміння виступати у якості повноцінних представників рідної культури і багато інших. Тому, звичайно, дуже важливим є підвищення особистої культури студентів також. Отже, потрібно постійно організовувати природне спілкування студентів на заняттях за питаннями, що їх цікавлять, та проблемами, що їх стосуються, а також за темами, які важливі для всіх та завжди – загальнолюдські цінності, мир та війна, добро та зло. Адже в культурі є поняття інтернаціональні, і знаходження спільного між різними культурами сприяє здоланню психологічних бар'єрів.

Іноземна мова має великі потенційні можливості для формування особистості нового типу, що має високу культуру спілкування, з системою загальнолюдських цінностей, яка здатна ефективно жити та працювати у світі, що швидко змінюється. Ключову роль у рішенні проблеми міжкультурного спілкування на даному етапі грає інноваційний розвиток системи навчання іноземній мові. Мовна культура є невід'ємною та суттєвою частиною культури людини в цілому. Природні комунікативні функції мовної культури дозволяють розглядати систему навчання іноземним мовам як основу розвитку особистості у контексті діалогу культур. У процесі формування мовних умінь необхідно використовувати потенціал цього предмету для

формування світогляду, готовності до міжкультурного діалогу, емоційно-ціннісного відношення до світу. Характерною особливістю на даному етапі є формування навичок міжкультурного спілкування для професійних цілей. Пізнаючи культурні цінності інших народів, студенти також зможуть глибше пізнати власні системи цінностей та збагатити свій внутрішній світ.

Література

1. **Елизарова Г. В.** Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб. : Изд-во «Союз», 2001. – С. 4–7. 2. **Сепир Э.** Коммуникация / Э. Сепир // Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. – С. 211. 3. **Гальскова Н. Д.** Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // Ин. яз. в шк. – 2004. – №1. – С. 3–8. 4. **Пассов Е. И.** Методическая школа Пассова. Концепция / Е. И. Пассов. – Воронеж, 2003. – С. 43.

Рассматривается актуальность проблемы формирования межкультурной компетенции у студентов средствами иностранного языка как одной из составляющих подготовки современного специалиста. Подчеркивается важность выбора содержания и технологий иноязычного образования в развитии личности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, компетенция, общение, профессиональные цели.

Розглядається актуальність проблеми формування міжкультурної компетенції у студентів засобами іноземної мови як однієї зі складових підготовки сучасного спеціаліста. Підкреслюється важливість вибору змісту та технологій іншомовної освіти у розвитку особистості.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, компетенція, спілкування, професійні цілі.

Topicality of the problem of cross-cultural competence formation by means of foreign languages as one of the component of modern specialist training is being analyzed. Importance of content and technology choice for individual development is stressed.

Keywords: cross-cultural communication, competence, communication, professional goals.

УДК 821.161.1 – 3.09 + 929 (Чехов + Тэффи)

Ю. В. Попкова

ЧЕХОВ И ТЭФФИ: ОБЩНОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ СУДЕБ

Если юмор Гоголя – «смех сквозь слезы», юмор Достоевского – смех сквозь отчаяние, юмор Салтыкова – смех сквозь презрение, юмор Ремизова – смех сквозь лихорадочный бред, то юмор Тэффи, как и юмор Чехова, – смех сквозь грустный вздох: «Ах, люди, люди!»

Александр Амфитеатров

Чехов и Тэффи – одни из лучших писателей-юмористов конца XIX-начала XX века. Общими для Чехова и Тэффи можно назвать жанры юмористического рассказа и новеллы, хотя произведения Антона Павловича более известны современному читателю. Чехов начал печататься в 1880 году, Тэффи – в 1904 (в год смерти Чехова), поэтому ее можно назвать преемницей Антона Павловича. Приверженность авторов к юмору и близость их стилей вызывают в литературной критике сравнения. В книге «Русская сатирическая литература начала XX века» Л. А. Спиридоновой (Евстигнеевой) автор пишет: «Смех самой Тэффи гораздо ближе сдержанному, тонкому юмору Чехова. Тэффи призналась в автобиографии, что первое из ее произведений написано под влиянием Чехова» [1, с. 156]. В рецензии на сборник Тэффи «И стало так» А. Чеботаревская заметила, что многие рассказы весьма близки «по элегическому тону и глубокой человечности сюжетов к лучшим образцам чеховского юмора»¹. Зощенко, который учился у Тэффи сказу, умению найти «прекрасно смешные слова», также сравнивал ее с Чеховым. В статье «Н. Тэффи» он писал: «...во всех ее рассказах какой-то удивительный и истинный юмор ее слов, какая-то тайна смеющихся слов, которыми в совершенстве владеет Тэффи»². А в набросках к статье заметил: «Чехов. Одинаковость. Непомерная. Рассказы Чехова и рассказы Тэффи».

В данной статье мы постараемся выяснить, что же общего у этих двух писателей и почему их сравнивают.

В начале своего литературного творчества и Чехов, и Тэффи работали в литературных журналах. Чехов, будучи студентом, начал помещать (под псевдонимом Чехонте) рассказы, «мелочишки», сценки и прочее в изданиях «малой прессы», преимущественно юмористических: «Стрекозе», «Будильнике», «Зрителе», «Осколках». Тэффи была сотрудником юмористических журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Причем «Сатирикон» возник в 1908 году из юмористического еженедельника «Стрекоза». Наиболее острые свои произведения Тэффи публиковала в сатирических журналах: «Зарницы», «Сигнал», «Красный Смех».

Кроме того, творчество и Тэффи, и Чехова можно разделить на два периода. У Чехова – период Чехова-Чехонте (1880–1887 годы) и более поздняя деятельность (с 1888 года), в которой писатель освобождается от приспособления к вкусам и потребностям читателя мелкой прессы. Литературную деятельность Тэффи можно также разделить на период до 1917 года и после 1917 года (эмигрантский период).

Многое объединяет писателей и тематически. Тэффи и Чехов писали рассказы о «маленьких людях», их проблемах. В предисловии к книге Н. А. Тэффи «Юмористические рассказы; Из „Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“» Д. Д. Николаева пишет: «Персонажи «серьезных» сочинений писательницы становятся «маленькие люди»,

задавленные жизненными обстоятельствами» [2, с. 7]. В учебнике М. В. Теплинского и Ю. В. Султанова «Русская литература» авторы замечают, что «Гуманистическая проблема «маленького человека», волновавшая долгое время – от Пушкина до Достоевского – русскую литературу, приобретает у Чехова сатирическую направленность. Молодой писатель обличает не маленького, а мелкого человека, обывателя, уровень сознания которого выходит за пределы узенького круга повседневного мещанского существования» [3, с. 471]. С середины 80-х гг. насмешливо-веселый тон произведений Чехова постепенно исчезает. Все чаще появляются рассказы, где заключительный аккорд носит не комический, а грустный характер. То же самое происходит и с Тэффи. Ксения Костенич писала об эмигрантском творчестве Тэффи: «Рассказы Тэффи встречаешь с улыбкой, но, читая их, смеешься все реже: стала совсем печальной веселая Тэффи – Антоша Чехонте превратился в Чехова. Сравнение не случайно: Чехов и Тэффи родные во многом, начиная от формы и построения коротких рассказов и кончая общим содержанием творчества, его колоритом, настроением. Герои Тэффи если не Чеховские герои, то дети их – все та же средняя (или „совсем средняя“) русская интеллигенция, „господа обыватели“, раньше населявшие всевозможные российские энски, а теперь проживающие преимущественно в Париже – „на Пассях либо на Ривгоше”» [4, с. 3].

У двух ярких художников-юмористов немало общего и в выносимых на суд героях. Героями выступают разнообразные представители мелкой буржуазии — мещанства, большей частью чиновники. Основные их черты — взяточничество, воровство, безграничное чиновничество и подхалимство. Можно сравнить рассказы Чехова «Смерть чиновника» и Тэффи «Светлый праздник». Рассказ Чехова начинается такими словами: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола» [5, с. 32]. И вдруг Червяков чихнул. В начале не придавал этому никакого значения, но потом заметил, что чихнул-то он на лысину статского генерала Брижжалова. Червяков сразу извинился, но ему показалось этого мало, затем он начал извиняться в антракте, на другой день пришел со своими извинениями к генералу на работу, и все Червякову казалось мало. Он так донял генерала своими извинениями, что тот, в конце концов, выгнал его вон. «В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер» [5, с. 34]. В начале рассказа Чехов недаром говорит, что Червяков, когда чихнул нисколько не смутился, но когда оказалось, что он чихнул на лысину начальника (пусть даже и не своего), то ситуация для него в корне поменялась. Червяков так нервничал и переживал из-за этого, что, в конце концов, умер.

В рассказе Тэффи «Светлый праздник» герой Самосов «медленно, но верно выпирал локтем стоявшего около него мальчишку, чтобы пролезть поближе к молящемуся здесь же начальнику. Хотелось быть на виду – для того и пришел» [6, с. 211–212]. Самосов, глядя на жену и тещу начальника, про себя поливал их грязью, а когда подошел к ним стал целовать женщинам ручки и делать комплименты. «Выходя из церкви, он еще чувствовал некоторое время умиленность от общения с начальством и запах цветочного одеколona на своих усах» [6, с. 212]. И тут Самосов понимает, что начальник его к себе разговляться не пригласил. Чувство досады перерастает у героя в желание отыграться на близких. Он приходит домой, где думали, что он будет у начальника и начинает скандалить из-за пустяка. Самосов кричит на жену, жена – на дочку, дочка – на кухарку, кухарка – на девчонку, «сироту, чтоб посуду мыть», девчонка – на кошку.

Мы видим, что в обоих рассказах высмеивается безграничное чиновничество, подхалимство и неискренность людей. В рассказе Чехова Червяков так переживал из-за глупой случайности, что не находил себе места и не давал покоя генералу, а когда тот его выгнал, то и вовсе умер. В рассказе Тэффи Самосов из-за того, что начальник не пригласил его разговляться, испортил в Пасху настроение всей своей семье. Для этих людей важнее мнение начальства: простил ли генерал Червякова? почему начальник не пригласил Самосова к себе домой? (на что тот так рассчитывал), чем свое спокойствие и радость близких людей.

Следует также отметить рассказы двоих художников, в которых описывается восприятие взрослого мира глазами детей. Так, у Чехова в рассказе «Кухарка женится» глазами маленького семилетнего карапузика Гриши мы видим, как ребенок воспринимает помолвку и свадьбу кухарки. Уже само по себе название рассказа вызывает улыбку, ведь кухарка, по словам автора, «женится», а не выходит замуж. «Гриша <...> стоял около кухонной двери, подслушивал и заглядывал в замочную скважину. В кухне происходило нечто, по его мнению, невиданное. За кухонным столом, на котором обыкновенно рубят мясо и крошат лук, сидел большой, плотный мужик в извозничьем кафтане, рыжий, бородатый, с большой каплей пота на носу» [7, с. 109]. Гриша какое-то время наблюдал за происходящим на кухне, пока его мама не отправила мальчика в детскую заниматься своими делами. Но Гриша никак не мог сосредоточиться на занятиях. Он размышлял об увиденном и услышанном. «Кухарка женится... – думал он. – Странно. Не понимаю, зачем это жениться? Мамаша женилась на папаше, кузина Верочка – на Павле Андреиче. Но на папе и Павле Андреиче, так и быть уж, можно жениться: у них есть золотые цепочки, хорошие костюмы, у них всегда сапоги вычищенные; но жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках...фи!» [7, с. 110]. Слезы кухарки Гриша воспринимает, как слезы печали, а не слезы радости. Ее кокетство и слова о том, что она не хочет выходить замуж воспринимаются ребенком

всерьез. В конце рассказа Гриша жалеет кухарку, считая ее «жертвой человеческого насилия» [7, с. 113].

В рассказе Тэффи «Переоценка ценностей» мы попадаем на митинг гимназистов первого класса. Дети, подражая взрослым, собрались на заседание. Переноса взрослые разговоры в мир детей Тэффи добивается пародийного эффекта. «Позвольте, господа, я должен все это занести в протокол. Нужно записать. Вот так: «Пратакол засе... «Засе» или «заси»? Засидания» [2, с. 67]. На данном «засидании» никто никого не слушает, все кричат и даже потихоньку воруют, и, наконец, выдвигают свои требования: «Требуем свободной любви, чтоб каждый мог жениться, и тайное равноправие полового вопроса для дам, женщин и детей», «требуем переменить мораль, чтоб ее совсем не было. Дурак – это хорошо» [2, с. 67], «И требуем полной свободы и равноправия для воровства и кражи, и пусть все, что не хорошо, считается хорошо» [2, с. 68].

Кроме общей тематики у писателей можно найти даже произведения с похожими названиями (у Чехова – «Дачники», «Дачница», у Тэффи – «Дача», «Дачный разъезд», «На даче», у Чехова – «О любви», у Тэффи – «О вечной любви», «Любовь», у Чехова – «Оратор», у Тэффи – «Ораторы», у Чехова – «Бабы», «Бабье царство», у Тэффи – «Бабья доля», у Чехова – «Детвора», у Тэффи – «Дети») и даже с одинаковыми названиями («Репетитор», «Ведьма», «Письмо», «Тоска», «Счастье», «Жена»).

Безусловно, мы только обозначили творческое сходство двух замечательных юмористов, соединяющих своим творчеством две эпохи. Можно сказать, что действительно Чехов и Тэффи во многом похожи (творческая судьба, герои, отношение к юмору, общие темы, стиль), поэтому недаром их современники ощущали некую общность художников.

Дальнейшая перспектива видится в исследовании новелл А. П. Чехова и Тэффи, анализе использования творческих традиций Чехова в прозе Тэффи.

Литература и примечания

1. **Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.** Русская сатирическая литература начала XX века / Л. А. Спиридонова (Евстигнеева). – М. : Наука, 1977. – 303 с.
2. **Тэффи Н. А.** Юмористические рассказы; Из «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом”» / Н. А. Тэффи / вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Д. Д. Николаева. – М. : Худож. лит-ра, 1990. – 415 с.
3. **Теплинский М. В.** Русская литература: пробный учеб. для 10 кл. общеобразоват. шк. / М. В. Теплинский, Ю. В. Султанов. – К. : ЗОДИАК-ЭКО, 1997. – 543 с.
4. **Костенич К. Н. А.** Тэффи / К. Костенич // Наше Время. – 1936. – № 68 (1697), 22 марта. – С. 3.
5. **Чехов А. П.** Собр. соч. : в 8 т. / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1970. – Т. 1. – 447 с.
6. **Тэффи Н. А.** Собр. соч. : в 5 т. / сост. И. Владимиров. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 480 с. – Т. 1 :

Юмористические рассказы; И стало так... : сб. рассказов. 7. **Чехов А. П.** Собр. соч. : в 8 т. / А. П. Чехов. – Т. 2. – М. : Правда, 1970. – 511 с.

¹ См.: Новая жизнь. – 1912. – No 7, июль. – С. 255.

² См.: Зощенко М. М. Н. Тэффи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. – 1972. – Л., 1974. – С. 140.

Данная статья посвящена творчеству двух замечательных писателей-юмористов конца XIX-начала XX века А.П. Чехову и Тэффи. Общими для обоих писателей можно назвать жанры юмористического рассказа и новеллы. Приверженность авторов к юмору и близость их стилей вызывают в литературной критике сравнения. Цель статьи – выяснить, что же общего у этих двух писателей и почему их сравнивают.

Ключевые слова: рассказы, юмор, творчество, стиль, писатель.

Подана стаття присвячена творчості двох надзвичайних письменників-гумористів кінця XIX – початку XX століття А. П. Чехову та Тэффі. Спільними для обох письменників можна назвати жанри гумористичного оповідання та новели. Прихильність авторів до гумору та близькість їхніх стилів викликають у літературній критиці порівнювання. Ціль статті – з'ясувати, що ж є спільного у цих двох письменників і чому їх порівнюють.

Ключові слова: оповідання, гумор, творчість, стиль, письменник.

This article is dedicated to the creativity of two outstanding writers and humourists of the end of the 19-th – the beginning of the 20-th centuries Chekhov and Taffy. General for the both writers are genres of humorous short stories and novels. Authors' devotion to humour and closeness of their styles provokes comparisons at the literary criticism. So, the aim of this article is to establish what these two writers have got in common.

Keywords: short stories, humour, creativity, style, writer.

УДК 81'255.4

Н. М. Рудницька

СИНТАКСИЧНІ ОЗНАКИ ХРОНОЛОГІЧНО ВІДДАЛЕНОГО ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ, РЕЛЕВАНТНІ ДЛЯ ПЕРЕКЛАДУ СУЧАСНОЮ МОВОЮ

Суттєву частину мовленнєвої компетенції перекладача складає, як відомо, знання особливостей граматичної будови вихідної та цільової мов, а також особливостей традицій і норм вживання граматичних елементів у вихідній та цільовій мовах. Граматичні проблеми перекладу з сучасних мов є доволі дослідженою галуззю перекладознавства, зокрема їм приділяють увагу В. І. Карабан [1], С. Є. Кунцевич, Н. Ф. Смирнова [2]. Водночас, граматичним ознакам історично віддаленого художнього твору, релевантним для перекладу сучасною українською мовою, наскільки відомо, не приділялося уваги.

Для визначення кола граматичних ознак історично віддаленого художнього твору, релевантних для перекладу, було 1) проаналізовано

оригінальний середньоанглійський текст «Кентерберійських оповідей» Дж. Чосера, 2) узагальнено результати досліджень граматичних характеристик мови цього твору В. Бернлі [8], Д. Бруера [7], А. Колі [9], Д. Пірселла [14] та Дж. Фішера [12], і 3) виконано перекладознавчий аналіз перекладів «Оповідей» сучасними англійською, німецькою, російською та українською мовами. Дж. Чосер писав лондонським діалектом середньоанглійської мови, тому певні морфологічні та синтаксичні ознаки мови «Кентерберійських оповідей» не відповідають нормам сучасної англійської мови і їх переклад для сучасного перекладача може становити проблему. Оскільки такі відмінності є численними і різноманітними, в цій статті ми зосередимося на розгляді синтаксичних труднощів перекладу з середньоанглійської мови українською, зумовлених особливостями будови цих мов та функціонування граматичних елементів у мовленні.

В результаті аналізу, етапи якого згадувалися вище, було виділено такі релевантні для перекладу і найбільш характерні особливості синтаксису середньоанглійського оригіналу: 1) еліпсис; 2) паратаксис; 3) використання двох додатків замість підрядного речення; 4) опущення формального суб'єкта *it* у безособових реченнях; 5) багаторазове заперечення в межах одного речення, особливо з емпатичною метою; 6) наявність ознак впливу французької мови на порядок слів у реченні, що є доволі вільним; 7) широке використання конструкцій з безособовими формами дієслова.

Використання еліпсису є однією з найхарактерніших рис Чосерова синтаксису [12, с. 965], наприклад: «And made forward erly for to ryse» [10, с. 10] (і вирішили рано встати).

Щодо української мови, серед стилістичних фігур, типових для неї, еліпсис, як зазначає А. О. Ткаченко, є *основною* фігурою уникнення [4, с. 278], тому в перекладі українською мовою може використовуватися без обмежень. З іншого боку, кожен випадок використання еліпсису в оригіналі не обов'язково має передаватися в перекладі, зокрема, якщо повна структура речення більше відповідає ритміко-інтонаційним ознакам оригіналу. Наведений вище фрагмент ми пропонуємо перекласти так: «Дійшли *ми* згоди рано встати / Уранці, й гуртом вирушати».

Використання паратаксису також є розповсюдженим, наприклад: «An horn he bar, the bawdryk was of grene» [10, с. 11] (він мав ріг, перев'язь була зелена), «His bootes souple; his hors in greet estaat» [10, с. 13] (його чоботи із сап'яну; коні в чудовому стані).

У перекладах сучасною англійською мовою паратаксис часто не зберігається, наприклад: «He carried a horn, *with* a green baldric» [15, с. 7], «He carried a horn *slung from* a green belt» [11, с. 2], «His boots were supple *and* his hors in perfect condition» [11, с. 4], але: «*His boots were supple; his hors well-groomed*» [15, с. 11].

Для перекладу російською мовою І. Кашкіна паратак西斯 не є характерним; наведені вище фрагменти перекладені так: «Висел на перевязи турий рог» [6, с. 32], «И сапожки из лучшего сафьяна, / И конь гнедой, артачливый на вид» [6, с. 34].

Використання паратак西斯у в перекладі українською мовою видається бажаним, оскільки це дозволяє певною мірою вкоротити довгі, детальні описи героїв та зробити їх більш різноманітними завдяки чергуванню сполучникового та безсполучникового підрядного та сурядного зв'язку: «Носив чоботи із м'якої шкіри... / І пшеного мав коня», «Зелений на плечі перев'яз, ріг...» (переклад наш. – Н. Р.).

Цілком імовірно, що такої самої думки щодо необхідності використання у перекладі українською мовою був і Є. Крижевич, оскільки відповідні приклади він переклав так: «Під ним був кінь рисистої ходи» [5, с. 117], «Перев'яз на плечі, мисливській ріг» [5, с. 115].

Наступною особливістю синтаксису в «Кентерберійських оповідях» є те, що Дж. Чосер подекуди використовує два додатки замість підрядного речення або словосполучення, наприклад: «Wyte it the ale of Southwerk» [10, с. 57] (знаю, що це ель із Сворку), «I you relesse that choys» [10, с. 334] (я позбавляю вас того вибору).

Українською мовою така конструкція має перекладатися або підрядним реченням, або словосполученням залежно від комбінаторних можливостей визначального слова: «Я знаю, що це ель із Сворку» (переклад наш. – Н. Р.), «Я вас позбавлю того вибирання» (переклад наш. – Н. Р.).

У безособових реченнях часто трапляється опущення формального суб'єкта *it*. Наприклад, початок речення «*Bifel that in that seson...*» [10, с. 10] у сучасній англійській мові звучало б «*it happened so that in that season...*», тобто «сталося так, що о тій порі...». Опущення формального суб'єкта *it* є доволі розповсюдженим у «Кентерберійських оповідях», але перекладатися такі речення мають відповідно до мовної норми цільової мови, наприклад: «*And so bifel that in the taas they founde*» [10, с. 27] – «І довелося їм тоді знайти» (переклад наш. – Н. Р.), «*As that me thynketh*» [10, с. 10] – «І як мені здається» (переклад наш. – Н. Р.).

Крім того, треба зазначити, що опущення формального суб'єкта *it* подекуди комбінується з такою структурою безособового речення, що відповідає нормі сучасної англійської мови, наприклад: «*Me thynketh it acordaunt to resoun / To telle yow al the condicioun / Of ech of hem, so as it semed me*» [10, с. 10] – «Я про супутників усіх моїх / Розповісти б, що пам'ятаю, міг / Про кожного із них, якими я їх бачив» (переклад наш. – Н. Р.).

На відміну від сучасної англійської мови в середньоанглійській мові заперечення виражалось через використання заперечної частки *ne* у поєднанні з іншими заперечними словами (*nadde – had not, nas – was not, nevere – never, nolde – did not want, noone – none*); нормативним був

ужиток подвійного та потрійного заперечення для емпізи, наприклад: «*Nowher so bisy a man as he ther nas*» [10, с. 15] – «Ви б *не* знайшли поважнішого, аніж він» (переклад наш. – *Н. Р.*).

Українською мовою такі речення бажано перекладати також із багаторазовим запереченням для збереження емпізи, наприклад: «*He nevere yet no vileynye ne sayde*» [10, с. 11] – «І за життя він *не* сказав ні слова / Брутального» (переклад наш. – *Н. Р.*).

Водночас збереження багаторазового заперечення не є перекладацьким надзавданням; у віршованому перекладі важливішим є відтворення ритміко-інтонаційних характеристик оригіналу, тому багаторазове заперечення може не відтворюватися в перекладі, якщо того вимагає ритмічна структура відповідного фрагмента: «*Perpetually – he nolde no gaunsoum*» [10, с. 27] – «І герцог *не* схотів узяти викуп» (переклад наш. – *Н. Р.*).

Порядок слів у реченні в «Кентерберійських оповідях» на відміну від сучасної англійської мови доволі вільний: «*Upon an amblere esily she sat, / Ywumped wel, and on hir heed an hat / As brood as is a bokeler or a targe*» [10, с. 18] – «І легітно на жеребці сиділа; / А капелюшка широченні криси / Виразними робили крупні риси» (переклад наш. – *Н. Р.*).

Крім того, порядок слів у реченні має ознаки впливу французької мови, що виражається у постпозиції прикметника: «*Weel she soong the service дуууе*» [10, с. 12], тобто «добре вона співала службу *божу*», «*He was a lord ful fat and in a good point*» [10, с. 13] – «він був паном дуже *огрядним і здоровим*», «*And on hir feet a paire of spores sharpe*» [10, с. 18] – «а на ногах у неї – пара шпор *гострих*».

Оскільки постпозиція прикметника є одним з наслідків історично зумовленого впливу французької мови на середньоанглійську і не є стилістично мотивованою в оригіналі, вона не повинна впливати на порядок слів у реченні в перекладі українською мовою. Існують декілька варіантів перекладів наведених вище прикладів українською мовою: «Приємно пані Еглантина божу / Співала службу» (переклад наш. – *Н. Р.*), «Наспівувала в ніс побожні гімни» [5, с. 115], «Від тіла повного здоров'ям віяло» (переклад наш. – *Н. Р.*), «Це був пухкий, дебелий чоловік» [5, с. 116], «І пара гострих шпор, - все, як годиться» (переклад наш. – *Н. Р.*), «На чобітках дзеленькали остроги» [5, с. 122].

Для синтаксичної системи «Кентерберійських оповідей» характерним є також широке використання конструкцій з безособовими формами дієслова (цільових інфінітивних конструкцій) [3, с. 190], наприклад: «*...he ful soone hem sente / To Atthenes, to dwellen in prisoun*» [10, с. 27] – «А той відправив до темниці, / Щоб там томилися два принци» (переклад наш. – *Н. Р.*).

Такі інфінітивні конструкції можуть перекладатися підрядними реченнями, як у попередньому прикладі, а також неозначеною формою дієслова: «*And made forward erly for to ryse, / To take oure wey as I yow*

devyse» [10, с. 10] – «Дійшли ми згоди рано встати / І вранці гуртом вирушати» (переклад наш. – Н. Р.).

Проблема перекладу віддалених у часі творів є актуальною не лише для української теорії і практики перекладу. Так, німецький перекладознавець Ф. Ніс наголошує на необхідності виконання нових, якісних перекладів старих творів: «...наш час не дозволяє, щоб ми основні твори культур наших сусідів, їхню літературну спадщину знали у вигляді карикатур» [13, с. 85]. Ці карикатури виникають, коли часова дистанція між створенням першотвору і виконанням перекладу вимірюється століттями, а перекладач, не маючи в своєму розпорядженні відповідних філологічних досліджень, може послуговуватись - в кращому разі - лише зіставними дослідженнями граматики **сучасних** мов та історією мови, якою створено історично віддалений твір. Це, звісно ускладнює процес перекладу, і – в гіршому разі – перекладач взагалі може використовувати за основу не, скажімо, середньоанглійський оригінал, а його переклад сучасною англійською мовою, що робить виконання адекватного перекладу неможливим.

Література

1. **Карабан В. І.** Переклад з української мови на англійську мову : Навч. посібник-довідник для студентів вищих закладів освіти / В. І. Карабан, Дж. Мейз. – Вінниця : НОВА КНИГА, 2003. – 608 с.
2. **Кунцевич С. Е.** Грамматические трудности перевода / С. Е. Кунцевич., Н. Ф. Смирнова. – Минск, 1999. – 275 с.
3. **Сидоренко С. И.** Системная характеристика сложного предложения в произведениях Дж. Чосера : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Сидоренко С. И. – СПб., 1993. – 209 с.
4. **Ткаченко А. О.** Мистецтво слова (вступ до літературознавства) : навч. посіб. / А. О. Ткаченко. – К. : Правда Ярославичів, 1997. – 448 с.
5. **Чосер Д.** 3 «Кентерберійських оповідей». Пролог. Розповідь мірошника : пер. Є. Крижевича // Всесвіт. – 1978. – №5. – С. 112–143.
6. **Чосер Дж.** Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер : пер. И. Кашкина, О. Румера. – М. : Правда, 1988. – 560 с.
7. **Brewer D.** An Introduction to Chaucer / D. Brewer. – L. : Longman, 1984. – 263 p.
8. **Burnley W. F.** A Guide to Chaucer's Language / W. F. Burnley. – L. : The Macmillan Press Ltd., 1983. – 264 p.
9. **Cawley A. S.** Introduction / A. S. Cawley // Chaucer, Geoffrey. The Canterbury Tales. – L. : David Campbell Publishers Ltd, 1992. – P. 612.
10. **Chaucer G.** Canterbury Tales / G. Chaucer // The Complete Poetry and Prose of Geoffrey Chaucer. – Missouri : Holt, Rinehart and Winston, St. Louis. – P. 1–398.
11. **Chaucer G.** The Canterbury Tales : translated into modern English prose by David Wright / G. Chaucer. – L. : Barrie & Rockliff, 1964. – 299 p.
12. **Fisher J. H.** Chaucer's Language and Versification / J. H. Fisher // The Complete Poetry and Prose of Geoffrey Chaucer / edited by John H. Fisher, John C. Hodges. – Missouri : Holt, Rinehart and Winston – St. Louis. – P. 961–966.
13. **Pearsall D.** Introduction / D. Pearsall // Chaucer G. The Canterbury Tales. – L. : David Campbell Publishers Ltd. – 1992. – P. vii – xxiii.
14. **The Canterbury Tales** by Geoffrey Chaucer / selected, edited and translated by A. Kent Hieatt and Constance Hieatt. – NY : Bantam Books, 1982. – 423 p.
15. **Nies F.** Ältere Literatur Frankreichs verdeutschen: Sinn und Ziel? / F. Nies // Ist Literaturübersetzen Lehrbar? Beiträge zur Eröffnung

des Studiengangs Literaturübersetzen an der Uni. Düsseldorf. Hrsg. von F. Nies, A.-R. Glaap. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1998. – S. 79–86.

В статье проанализированы синтаксические характеристики исторически отдаленного художественного произведения, значимые для перевода на современные языки, на материале среднеанглийского оригинального текста и его переводов на современные английский, немецкий, русский и украинский языки. Предложены пути преодоления трудностей перевода текстов такого рода.

Ключевые слова: перевод, синтаксические характеристики, исторически отдаленное художественное произведение, современные языки.

У статті аналізуються синтаксичні ознаки історично віддаленого художнього твору, релевантні для перекладу сучасними мовами, на матеріалі оригінального середньоанглійського тексту та його перекладів сучасними англійською, німецькою, російською та українською мовами. Запропоновано шляхи подолання труднощів перекладу текстів такого роду.

Ключові слова: переклад, синтаксичні ознаки, історично віддалений художній твір, сучасні мови.

The article is devoted to the analysis of such syntactical features of a historically remote literary work that are relevant for its translation into modern languages. The analysis has been based on the material of a Middle English original and its translations into the modern English, German, Russian and Ukrainian languages. There have been suggested ways to overcome difficulties of translation of such texts.

Keywords: translation, syntactical features, historically remote literary work, modern languages.

УДК 81'42

О. В. Семенова

ЛІНГВОМЕТОДИЧНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ ЛІТЕРАТУРНОГО ТЕКСТУ

Проблема тексту та мовленнєвих жанрів не нова, підтвердженням цього є праці М. М. Бахтіна, Дж. Остіна, Т. Ван Дейка, А. Вербицької. Видатні українські лінгвісти А. Д. Белова, Н. П. Неборсіна, Ф. С. Бацевич продовжують розбудову цієї проблематики. Наше завдання лежить трохи в іншій площині.

Мета даної статті полягає у визначенні основних пріоритетів аналізу літературних текстів під час навчання французькій як іноземній.

Текст застосовується для позначення певного мовленнєвого відрізка як в усній, так і в письмовій формі, який користувач, у нашому випадку студент, сприймає, продукує або яким обмінюється. Отже не буває акту комунікації без тексту. Мовленнєва діяльність та всі її процеси аналізуються і класифікуються як такі, що пов'язані з відношенням студента до тексту, або вона розглядається як закінчений продукт, художній твір, а також як мета чи продукт у процесі створення [1, с. 93]. Тексти виконують різноманітні функції в соціальному житті і

мають певні форми. Різноманітність засобів, цілей і функцій ведуть до відповідних відмінностей не лише у контексті висловлювань, але також у їх організації та презентації. Відповідно тексти можуть поділятися на різні типи, що належать різним жанрам.

У межах інтерпретації тексту або читання французькою як іноземною існує безліч методик викладання, які слугують для кращого сприйняття текстів. На дидактичному рівні можна зустріти такі терміни, як жанри або типи текстів, що використовуються викладачами або з метою сприйняття, або з метою продукування. Використовуючи типологію тексту, не можна не враховувати той факт, що текст розглядається як частина певного жанру [2, с. 77] – умова, про яку постійно забувають викладачі. Аналіз тексту необхідно викладати більш систематично за допомогою двох термінів „жанри” та „типи текстів”. Дидактика тексту має тенденцію вживати характеристики кожного типу тексту, не враховуючи відношення між жанрами та типами текстів [3, с. 48]. Здатність розпізнавати міжжанрові розбіжності та схожі характеристики повинна дозволити студентам стати на “ти” з правилами побудови тексту, опанувати стратегію сприйняття / декодування тексту будь-якого жанру.

Жанри, будучи предметом викладання рідної мови або іноземної, пов’язані з такими видами компетенції, як читання, писання, такою мірою як і тексти, що створюють моделі – інструменти знань / аналізу навичок дискурсивно-текстуальної компетенції [4, с. 16]. Жанри – невід’ємна частина навчання, типи текстів контролюються жанром, до якого вони належать, і можуть слугувати підсистемами для навчання. З педагогічної точки зору вони сприймаються завдяки специфічним жанрам. Постає питання: в якій логічній послідовності подавати серію текстів для дискурсивного аналізу. Питання досить складне, але можна спробувати використати розподіл текстів відповідно до їх жанрової приналежності (комерційний лист, передова стаття тощо). Також необхідно звернути увагу на культурологічні прийоми, в яких конкретизуються залежно від ситуації загальний потенціал жанру. Для виявлення лінгвістичних засобів культурологічних прийомів необхідно провести жанровий аналіз (розповідний, прагматичний).

Тип тексту, що представляє жанр, може бути використаний в формі мовленнєвої одиниці [5, с. 35]. Уявимо, що студенти вже мають певну граматичну базу, певний лексичний запас, тобто не початківці. Пропонуємо наступний прийом, який складається з чотирьох етапів. По-перше, треба визначитися з тим, що під жанром розуміють студенти. По-друге, етап вивчення гетерогенності тексту. По-третє, не зважаючи на велику текстуальну гетерогенність, студенти повинні впізнавати закони жанру. По-четверте, студенти повинні набувати навички сприйняття інтердискурсивності між жанрами. Саме завдяки порівнянню й контрасту студенти оволодівають однаковими та різними текстовими рисами.

На підставі проведеного анкетування щодо розпізнання такого жанру, як передова стаття, можна зробити висновок про те, що існує різниця культурологічної репрезентації будь-якого жанру в певному суспільстві [6, с. 23]. Необхідно звертати увагу на репрезентацію жанру студентами, змушувати її переносити, пов'язувати з рідною мовою. На цьому етапі маємо можливість спостерігати різницю одного й того ж жанру рідною та іноземною мовами або паратекст. Наголосимо ще раз, що всі жанри не пишуться однаково, отже й інтерпретуються теж по-іншому. Для підтвердження цього викладачеві необхідно застосовувати тексти, що належать різним жанрам. Стосовно текстової типології пропонуємо використовувати типологію М. Адама (нарративний, дескриптивний, аргументативний).

Під час навчання французькій мові як іноземній вважаємо за доцільне звернути певну увагу на використання літературних текстів для формування різного роду компетенцій іноземною мовою.

Усі компетенції слугують студентам мовою до спілкування і можуть розглядатися як аспекти комунікативної компетенції. Проте було б доцільно виділити нелінгвістичні та суто лінгвістичні різновиди компетенції. Загальні компетенції, які містять декларативні знання: знання світу, соціокультурні знання, міжкультурне усвідомлення; вміння та навички: соціальні знання, навички повсякденного життя, професійні і технічні вміння, навички та вміння, пов'язані з дозвіллям; компетенцію існування. Комунікативно-мовленнєві компетенції: лінгвістична, соціолінгвістична та прагматична.

Однак це впровадження може залишити викладача певною мірою скептиком, тому що зазвичай на заняттях з дискурсивного аналізу пропонуються вправи, спрямовані на сприйняття (декодування) змісту, або ігрові вправи, які прямо не відповідають межі навчання іноземній мові (французькій). Корисно згадати такий вид аналізу, як експлікативний з точки зору форми та змісту. Без цього задоволення від прочитаного залишається обмеженим та мало комунікабельним.

Необхідно продовжувати певні семінари для викладачів французької мови як іноземної з метою розгляду нових методик аналізу внутрішнього функціонування літературного тексту, його лінгвістичного та стилістичного механізмів. Для студентів ця перспектива відкриває можливості відкриття світу франкофонії, надбання навичок спостереження, декодування, інтерпретації тексту, можливості для подальших наукових розробок, а також доступ до інтелектуального, естетичного задоволення. Робота над текстом може без сумніву проводитися на всіх рівнях, тому що тексти та рекомендації можуть бути адаптовані для будь-якого рівня володіння французькою мовою. Щодо викладачів, йдеться про розвинування дидактичних навичок. Постає питання: для чого існує механізм виявлення стилістичних фігур, складання лексичних полів, ідентифікації віршів, вивчення розповідних маркерів тощо.

Інтерес використання літературних текстів, зокрема пояснення їх внутрішнього функціонування різноплановий. Мотивації, що спонукають викладача, та мета його роль на занятті зводяться до п'яти наступних позицій:

1. Використання літературних текстів у навчальному процесі рекомендовано відповідними установами, інструкціями, програмами, підручниками. Літературні тексти виступають певною мірою носіями лінгвістичних, культурних, естетичних здобутків. Відповідно до встановлених завдань та в безпосередньому зв'язку з планом навчання, практичні заняття з дискурсивного аналізу тексту можуть бути запропоновані студентам. Викладач має за мету допомогти студентам ґрунтовно висловити те, що вони спостерігають або відчують завдяки своїм набутим знанням.

2. На практичних заняття з дискурсивного аналізу літературного тексту необхідно також використовувати різні методи: плани, таблиці, формулювання змісту, стратегії анкетування. Таким чином розвинуті здібності можуть бути використані у вищій школі (професійному середовищі) й прямо застосовані у навчанні FLE (французької як іноземної).

3. Доступ до змісту літературних текстів іноді вважається складним. До того ж, їх вивчення не відповідає миттєво комунікативним завданням. Це судження притаманно викладачам, які готувалися до викладання FLE, тому їх подальше формування повинно враховувати спеціалізацію FLS, розвивати французькою навички спостереження, інтерпретації та формування когерентності. Аналіз будь-якого літературного тексту включає пошук змісту та не має жодного зв'язку зі схемою „Oheric”, де: O – observation (спостереження), h – hypothèse (гіпотеза), e – expérience (), r – résultats (результати), i – interprétation (інтерпретація), c – conclusion (висновок), тому що його зміст більш складний [7, с. 23–24]. Літературний текст пропонує можливість гри між гіпотезою та сприйняттям. У межах цієї перспективи, стилістичне пояснення, завжди адаптоване для кожного рівня та є своєрідною щаблюною для залучення майбутніх студентів ВНЗ до наукових пошуків, розробок, дисертаційних робіт тощо.

4. Якщо наслідки аналізу вважаються складовою соціокультурного контексту, то він сприяє виходу на франкомовну культуру, на світогляд світу та міжкультурні відносини, запозичені з галузі сприйняття. Аналіз текстів дозволяє таким чином відкрити інші країни та доповнити існуючі методики роботи з нехудожніми текстами.

5. Розробка когерентності знаходиться в прямому зв'язку з розвитком естетичного смаку. Загалом, ми читаємо літературні тексти з метою отримання задоволення, потім зусилля сприйняти дозволяє наблизитися до підвищеного смаку, в стилі Монтеня, абсолютно щасливого від того, що прокинувся, щоб зрозуміти, що він спав, та від бажання смакувати сон знову засинаючи. Аналіз тексту має на меті стати

для студента основою для досягнення найбільшого задоволення перед мистецтвом автора.

Педагогічна мета всім відома та визнана всіма, однак залишає за викладачем підсилення його методичного вміння інтерпретації тексту. Щоб його вдосконалити, необхідно пам'ятати та застосовувати на практиці, до якої висувається все більше вимог, наступні десять постулатів:

1. Вивчати не враховуючи джерела літературної історії. Сентиментальність, самотність часто використовуються для підтвердження романтичного настрою таких відомих французьких поетів, як Гюго, Ламартін, Мюссе, Віні. Цей крок є суперечним, тому що походить від ідеального читання. Дискурсивний аналіз не відмовляється повністю від контексту, без якого такий невідомий культурний елемент складатиме перешкоду, архаїчний зворот або подвійне значення. Але його врахування повинно бути суворим для внутрішнього сприйняття, що дозволило б обґрунтувати потім на наступних заняттях знання про автора та культурологічний аспект.

2. Текст – конструкція – що відновлює літературне значення відповідно до його архітекtonіки, сплетенню слів й значень. Так, наприклад, поема Г. Мішо „Les sentiers de la création”, чи відповідає вона певній техніці, своєму внутрішньому фону? Постає питання: чи зробив це письменник навмисно. Автор і читач керуються своїми знаннями з мови та літератури, якість письма або читання відомо кожному.

3. Аналіз повинен адаптувати широту поглядів, які сприяють розумінню. Потім важливим буде описати, яким чином використовуються текстові ресурси. Надання текстові своєї когерентності додає смислу діяльності. Завдяки синтезу студенти присвоюють свої відкриття. Отже, якщо написати означає збудувати, то прочитати – зрозуміти цю конструкцію, тобто декодувати інформацію. Дискурсивний аналіз потребує відкриття свого розуму, розуміння та синтезу.

4. Суб'єктивність виконує особливу роль. Чуттєвість кожного є своєрідною, але це відправна точка, яка дозволяє, наприклад, сприймати денотативні та конотативні значення. Робота також індивідуальна у вигляді селекції та формулюванні ремарок, суб'єктивні погляди готують підґрунтя для кожного класу. Завдяки аналізу кожний читача опиняється в епіцентру свого власного кола.

5. Визначення глобального сенсу – незважаючи на впливовість полісемії на різні текстові рівні, аналіз спочатку знаходить первинне значення. У поемі „Toi qui râlis au nom de Vancouver” М.Тірі студенти зійшлися на думці, що побачили ідеалізацію щасливого спогаду.

6. Методична техніка – пропонується дві методики: лінійне та вертикальне читання, або методичне. Перший тип встановлює дискурсивний характер тексту і притаманний коротким текстам,

відповідаючи за смислову прогресію. Так, наприклад, для опису міста Т'е, що відкриває твір „Les bouts de bois de Dieu” С. Усман використовує об'єктив. Лінійне читання буде більш кращим, якщо його проводити поетапно. Вертикальне читання має на меті відібрати основні напрямки та інструменти аналізу для читача. Так, наприклад, аналізуючи пісню „Je vous aime premièrement” можна сконцентрувати увагу на описі коханої, а потім на ритмі пісні.

7. Перифраза або трансформація текстових відрізків сприяє сприйняттю змісту, в той час як аналіз демонструє функціонування тексту.

8. Смилова траєкторія залишає за собою пріоритетну позицію. Щодо текстових інструментів (фігур, звуків, ритму, рими, морфологічних аспектів, типів фраз тощо), їх беруть до уваги, коли вони сприяють визначенню текстового змісту. Разом з викладачем студенти розглядають так званій „мотор” тексту, тобто прийоми, що є своєрідними складовими цього „мотору”. Постають наступні питання: який прийом я знайшов, і для чого він слугує. Або навпаки: який ефект я відчув, і як він виражається в тексті.

9. Лексичне поле повинно бути доступним. Необхідно висловлювати свої думки точно та стримано. Навички метамови сприяють ефективності дискурсивного аналізу.

10. Студент володіє обмеженою методикою дискурсивного аналізу, що пояснюється його теоретичними здобутками. Він розглядає текст без заздалегідь визначеної траєкторії, тобто готовий для глобального сприйняття. Він може легко висловити свої думки.

Таким чином, з метою виконання різних видів діяльності, що реалізуються в комунікативних ситуаціях, до яких залучаються студенти, вони застосовують певні компетенції, набуті упродовж їхнього попереднього досвіду. І навпаки, участь в комунікативних актах сприяє подальшому розвитку компетенції студента як короткочасного, так і довготривалого вжитку.

Література

1. **Загальноєвропейські** Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання. – К. : Ленвіт, 2003. – 273 с.
2. **Lesot A.** La lecture méthodique / A. Lesot. – P. : Hatier, 1992. – 96 с.
3. **Désalmand P.** Bonnes copies. Dissertation. Essai / P. Désalmand, P. Tort. – P. : Hatier, 1996. – 158 с.
4. **Canvat K.** Types de textes et genres textuels / K. Canvat // Enjeux? – 1996. – №37–38. – P. 5–29.
5. **Bellenger L.** Les méthodes de lecture / L. Bellenger. – P. : Presses Universitaires de France, 1978. – 127 с.
6. **Gicquel B.** L'explication de textes et la dissertation / B. Gicquel. – P. : Presses Universitaires de France, 1979. – 128 с.
7. **Astolfi J.-P.** La didactique des sciences / Que sais-je? / J.-P. Astolfi, M. Devaley. – P. : Presses Universitaires de France, 1998. – 123 с.

Статье рассматриваются лингвометодические аспекты изучения литературного текста в рамках обучения французскому языку как иностранному.

Благодаря дискурсивному анализу текста студенты овладевают стратегией жанрового восприятия.

Ключевые слова: литературный текст, дискурсивный анализ, жанр, компетенция, интерпретация.

Стаття присвячена сучасним методикам проведення дискурсивного аналізу літературного тексту, завдяки чому студенти набувають навичок жанрового сприйняття.

Ключові слова: літературний текст, дискурсивний аналіз, жанр, компетенція, інтерпретація.

The article deals with the problem of linguistic and methodical aspects of literary text's studying. The paper focuses on modern methods of discursive analysis. The analysis brings us to the conclusion that the text analysis allows to master the strategy of any genre's perception.

Keywords: literary text, discursive analysis, genre, competence, interpretation.

УДК 81.38:389

М. В. Слизкова

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКАЛА ЗВУКА (к построению лингвистической метрологии)

Проблема соотнесения денотативной информации (того, что воспринимается органами чувств или регистрируется специальными приборами) и информации вербальной (того, какими словами выражается почувствованное или зафиксированное) становится особенно актуальной сегодня. Это определяется как парадигмой современного языкознания (бурным развитием когнитивной лингвистики), так и прикладными задачами (теорией перевода, роботизацией). Данная проблема может быть решена с помощью экстралингвистической шкалы. С ее помощью исследуются соотношения объективных характеристик (например, звука в Дб) и лексических характеристик. Применение экстралингвистической шкалы необходимо в переводческой практике для точного понимания лексики разноязычными специалистами. Она может использоваться для детального изучения семантического поля (например, «звук» (sound), «цвет» (colour)).

Актуальность данной проблемы подтверждается историей ее развития. В 1856 году К. Хейзе [7, с. 48] опирался на лингвистическую шкалу звука и анализировал соответствующие этим характеристикам группы слов. Р. Г. Карунц [2, с. 43] и Н. П. Сидорова [5, с. 67] исследовали слова-звукообозначения русского языка, относящиеся к лексико-семантической категории глаголов. И. А. Сколотова [6, с. 10] изучала глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными. Л. М. Васильев [1, с. 45] выявлял роль глаголов звучания в семантической системе глагола в целом. Но в этих работах не были рассмотрены

соотношения лексических характеристик с количественными, то есть не учитывались объективные экстралингвистические данные.

Исследование соотношения денотативной и вербальной информации дает начало новому научному направлению – лингвистической метрологии. Идея создания лингвистической метрологии принадлежит моему первому научному руководителю профессору, доктору филологических наук Т. Г. Хазагерову, далее она исследовалась в кандидатской диссертации автора [3]. По замыслу, лингвистическая метрология изучает соотношение между объективными показателями, зафиксированными точными приборами, и лексическими характеристиками.

Задача данной статьи – описать построение экстралингвистической шкалы звука, установить соответствие «экстралингвистическое» (объективные характеристики звука в дБ) – «лингвистическое» (лексические характеристики громкости звука в английском, русском и французском языках).

В современном мире не существует такой области науки и техники, такой сферы практической деятельности людей, где одним из решающих факторов прогресса не были бы измерения, где можно было бы обойтись без количественных оценок, получаемых в результате измерений. Измерения являются единственным источником объективной количественной информации об окружающем нас мире. Метрология – учение об измерениях, приводимых к эталонам [4].

Хотя в лингвистике тоже наблюдается множество измерений, например, семиологическое измерение языковых единиц или измерение информативной емкости языков, измерения точности лексических характеристик (с помощью соотношений с точными показателями) не проводилось. Поэтому стало необходимым создание нового научного направления – лингвистической метрологии.

Лингвистическая метрология – это раздел лингвистики, который изучает способ измерения какой-либо величины с помощью лексических характеристик. Лингвистическая метрология позволяет доказать правильность определенной лексической характеристики. Она необходима при переводе. Например, экстралингвистическая шкала в нашем эксперименте строится на трех языках, следовательно, мы узнаем соотношение точных величин и лексических характеристик на английском, французском и русском языках.

В развитии языка действуют разные часто противоположные тенденции, и ни одну из них нельзя считать единственно господствующей, кроме одной общей – все совершается в языке для того, чтобы средство общения было более совершенным и удобным для коммуникантов и отвечало особенностям человека [4]. Поскольку информация в коммуникативном процессе в буквальном смысле не передается, а воссоздается адресатом, у которого представления о мире

могут отличаться от соответствующих представлений говорящего, то для адекватного понимания необходима лингвистическая метрология.

Известна постановка проблемы в аспекте особенностей семантической системы языка. Такая система во многом специфична для каждого народа, отражая его языковую картину мира: языковое членение, систематизацию, категории. Так, в русском языке словесно различается *голубой* и *синий* цвет, а в других языках этим словам соответствует одно – нем. *blau*, англ. *blue*, фран. *bleu*. Русское слово *рука* обозначает всю верхнюю конечность человека – от плеча до кончиков пальцев (слово *кисть* как обозначение части руки ниже запястья употребляется редко), а в других языках значение русского *рука* распределено между двумя регулярно употребляемыми словами: нем. *Hand* «кисть» и *Arm* «часть руки от плеча до кисти». Только в славянских языках есть грамматическая категория вида, но в русском языке нет грамматической категории, выражаемой артиклями. Такие примеры свидетельствуют о том, что в семантической системе проявляется культурно-исторический опыт народа, но они не свидетельствуют о разном «видении мира» разными национальностями через призму только своих языков. Лингвистическая метрология нужна для того, чтобы узнать точные соответствия лексических характеристик разных языков.

В данном исследовании мы выделили метрологическое поле звука. Полученные измерения объективированы и являются результатом эксперимента с соблюдением валидности, надежности, четкости. Лексические единицы должны быть сопоставлены с точными измерениями (в данном исследовании величинами звука).

Проведен эксперимент «Определение реакции людей на звук лингвистическими средствами» («Determination of people reaction to the sound by the linguistic means»), который демонстрирует актуальность лингвистической метрологии при соотнесении точных и лексических характеристик. Новизна данного исследования в том, что до сих пор не проводилось изучение семантических полей в английском, русском и французском языках с помощью эксперимента, учитывающего объективные и субъективные показатели. В ходе эксперимента регистрировались реакции девяти испытуемых (носителей русского, английского и французского языков) на громкость звука. Эксперимент проводился в городе Ля-Валетт (Франция) и в городе Пятигорске (со студентами-американцами Пятигорского государственного лингвистического университета). Цель эксперимента: 1) определить реакцию людей на звук, то есть то, какими лингвистическими и паралингвистическими средствами они его характеризуют, 2) проверить предлагаемую автором методику усреднения результатов, 3) выработать практические рекомендации, 4) построить экстралингвистическую шкалу звука, привязать к ней данные английского, французского и русского языка. Объект исследования – лексические единицы с семой «звук» на

русском, английском и французском языках. Источником звука являлся генератор сигналов, при помощи которого испытуемые слышат звук. Уровень громкости (от 20 до 90 дБ) контролировался интегрирующим прецизионным шумомером 00 026 с микрофоном 1 дюйм. Лингфонный кабинет с комфортным освещением, с удобными креслами и рабочими местами был изолирован от шума. Испытуемыми являлись студенты, лаборанты, преподаватели (физики, филологи, математики). Их возраст – от 17 до 60 лет. В ходе эксперимента была учтена валидность: она показывает, насколько по результатам эксперимента можно судить об интересующем нас аспекте поведения индивида. Валидность была проверена так: выполнения задания эксперимента соотнесли с критерием, то есть с непосредственной и независимой мерой того, что должен предсказать эксперимент. Он должен был ответить на вопрос: какие реакции на громкость звука дают люди с помощью лингвистических и паралингвистических средств. Была определена надежность теста: согласованность показателей, полученных у тех же самых испытуемых при повторном тестировании тем же самым тестом или эквивалентной его формой. Испытуемым были показаны лексические единицы со значением «звук», «звучать», «звучащий». Предварительно они анализировались автором и классифицировались по определенным параметрам. Это помогло яснее и правильнее охарактеризовать звук.

Заранее была составлена объективная шкала звука. На этой шкале расположились в порядке возрастания физические величины в дБ (от 1 дБ до 100 дБ). Каждую величину испытуемый должен был охарактеризовать с помощью лингвистических и паралингвистических средств. В результате получилось триста лингвистических шкал: сто – на русском языке, сто – на французском, сто – на английском. Триста шкал надо объединить в одну. Для выстраивания лингвистических шкал в экстралингвистическую шкалу автором был разработан метод усреднения результатов.

1. Если большинство испытуемых охарактеризовало звук одинаково, например, как *громко* (*loudly, bruyant*) – на шкалу заносим лексическую характеристику *громко*.

2. Если испытуемые охарактеризовали звук по-разному, но лексические единицы принадлежат одной лексико-семантической группе (например, звук 80 дБ был охарактеризован: *гудящий, громкий; loudly, rumble; tumulte, grand*. Звук 26 дБ – *тихий, слабо звучащий, негромкий, слабый, чертовски слабый; still, calm, soft, gentle; faible, a mi-voix, pas sonore*), распределим их по шкале произвольно: свойство шкалы оценок – неопределенность, нельзя установить относительное место признаков.

3. Если громкость звука охарактеризована совершенно по-разному, например, *громко* и *тихо* (*loud – quiet, thunder – doux*), об этом дается знать на шкале и выясняются причины (менталитет, болезнь, настроение, возраст и т. д.). В настоящем эксперименте подобной ситуации не наблюдается.

ЭКСТРАДИНТВИСТИЧЕСКАЯ ШКАЛА ГРОМКОСТИ ЗВУКА

Интвисти- ческая шкала на француз- ском языке	Интвисти- ческая шкала на англий- ском языке	Интвисти- ческая шкала на русском языке	Объектив- ная шкала громкости в децибелах	Громкость	
				Порог слышимости	Шепот низкой громкости
ne pas un mot	soundless	ни звука	0		
sans bruit	silent	безмолвно			
sourdement	mute	беззвучно	2		
inaudible	leaves fall	падают листья			
maximum doucement	faintly	неслышимый	4		
extremement doucement	absolutely quiet	абсолютно тихо			
n'avoir pas les forces	maximum quietly	предельно тихо	6		
diablement doucement	quiet faintly	совсем тихо			
trop doucement	very quietly	крайне тихо	8		
legerement	Oh, too quietly	как кладбище			
faiblement	like a desert	как пустыня	10		
leger	Like a cat	как кошка			
etouffe	devilishly calm	невмоготу тихий	12		
voix blanche	It presses	Ангел пролетел			
tres doux	very calm	чересчур тихий	14		
darts le calme	like at night	как ночью			
paix et quieude	like in the grave	как в могиле	16		
silence	like in the coffin	как в гробу			
Oh! Tranquillite	angel has flown	ангел пролетел	18		
tout bas	at the examination	на экзамене			
paisiblement	extraordinary soft	чрезвычайно тихий	20		
Ouf! Il n'ya pas de bruit	like in Paradise	как в раю			
un bois silencieuse	soft	мягкий	22		
une nuit silencieuse.	Incredibly soft	неимоверно тихий			
serein	like in the forest	как в лесу			
comme dance paradis	exclusively quiet	исключительно тихо	24		
chute de feuilles	quiet	бесшумно			
comme dans la foret	amazing quiet	удивительно тихо			
ange	tranquil	спокойно			
comme dans la biere	very calm	слишком тихо	26		
parler avoix basse	too calm	очень тихо			
a mi-voix	still	тихо			
faible	gentle	очень слабо	28		
son pur	pacific	чертовски слабо			
pas sonore	blessed	ничуть не звучно			
nuit noire	gently in alow	как в склепе			
doux	rather faintly	несколько не звучно			
morte-saison	It can't be heard well	не очень слышно	30		
le doux murmure	extremely faintly	тихонько			
silencieusement	noiseless	бесшумный			
un bois silencieux	rather faintly	глухой	35		
d'une maniere precise	expectionally faintly	сдавленный			
pas clair	very faintly	средней громкости	40		
sourd	Not a bit clear	приглушенный			
monotone	monotone	монотонный			
pas briut	not loudly	не ахти как громко	50		
clairement	It can be heard well	хорошо слышно			
normal	normal	нормально			
on entend bien	sonorous	благозвучный			
sonore	sonority	полнозвучный	55		
sonorite	clear	отчетливый			
voix etouffee	harmonious	мелодичный	60		
timbree	melodious	звучно			
fracas	very sonorous	весьма звучно			
haute voix	resonant	завонисто	65		
eclatant	voiced	телефон			
retentissant	rather sonorous	достаточно звучно	70		
tonnant	bell	колокол			
tonitruant	ringing	очень звучно			
voix grele	hard	гулко	75		
brouhaha	boom	трубный			
grand	loudly	громко			
Oh la la! Tumulte	rumble	гудящий	80		
bruissement	windy	Сильно звучащий			
avec fracas	noisy	оглушительный	86		
impetueux	very loudly	ярый			
sane frein	din	зычный			
detonation	tady	истощный	82		

Порог слышимости Шепот низкой громкости В тихом у-чреждении Тихий разговор Разговор в доме средней громкости Разговор ор шум В шумном работающего двигателя

voix grele	hard	гулко	75	Улица, шум работающего двигателя
brouhaha	boom	трубный		
grand	loudly	громко		
Oh la la! Tumulte	rumble	гудящий	80	
bruissement	windy	Сильно звучащий		
avec fracas	noisy	оглушительный	86	
impetueux	very loudly	ярый		

В результате эксперимента построена экстралингвистическая шкала звука (включает 210 слов). Она построена на оппозиции убывание – норма – нарастание. На шкале наблюдается связь субъективного (отношение субъекта к объекту) и объективного (свойства объекта). На шкале нет крайней точки, то есть ее положительный полюс беспредельный. На ней находятся положительная, нейтральная и отрицательная зоны. В результате анализа лексических характеристик звука, а также в результате работы с русско-английским, англо-русским, франко-русским, русско-французским, англо-французским и франко-английским словарями, выяснено, что лексические варианты лексических единиц со значением «звук» в русском языке не всегда соответствуют вариантам английского и французского языков: наблюдаются незначительные расхождения. Одно английское слово, например, может иметь множество синонимов. Поэтому возникают сложности с точными переводами. Например: *quiet* (*тихий, спокойный, бесшумный, неслышимый*) – *hushed, muffled, noiseless, still, mute, soundless, dumb, speechless, taciturn*. В словаре *calm* переводится как *тихий, спокойный, бесшумный, неслышимый*. На шкале выясняются следующие соотношения: *бесшумный* – *noiseless* – 30 дБ, *неслышимый* – *faintly* – 4 дБ. При определении различий английских слов *noisy, loudly*, на основе экстралингвистической шкалы громкости звука, имеются основания для следующего наблюдения: лексема *noisy* расположена ближе к концу шкалы, следовательно, имеет более отрицательную характеристику.

Поскольку соотношения между численными описаниями (на объективной шкале) и лексическими единицами (на лексической шкале) являются точными, поэтому экстралингвистическая шкала громкости звука (на материале русского, английского и французского языков) может употребляться в переводческой практике.

Экстралингвистическая шкала, полученная в результате эксперимента, является новым методом в переводческой практике. Она решает проблему несоответствий лексических единиц в разных языках. Новое понятие «лингвистическая метрология», главная идея которого – исследование соотношения точных физических показаний приборов и лингвистических характеристик, способствует точному переводу, более детальному изучению функционально-семантических полей, в частности поля громкости звука.

Литература

1. **Васильев Л. М.** Семантика русского глагола: глагола речи, звучания и поведения / Л. М. Васильев. – Уфа, 1981.
2. **Карунц Р. Г.** Семантизация глаголов временных способов действия в толковых словарях русского языка / Р. Г. Карунц. – Ташкент, 1989.
3. **Попова М. В.** Функционально-семантическое поле «звук» в современном русском языке : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М. В. Попова. – Ростов-н/Д., 2002.
4. **Серебrenиков Б. А.** О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебrenиков. – М., 1983.
5. **Сидорова Н. П.** Системная организация лексико-семантических групп глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами / Н. П. Сидорова. – М., 1996.
6. **Сколотова И. А.** Звукообозначения в русском языке / И. А. Сколотова. – М., 1980.
7. **Хейзе К.** Звукообозначения в английском и немецком языках / К. Хейзе. – М., 1976.

Статья посвящена исследованию нового научного направления – лингвистической метрологии. Это раздел лингвистики, который изучает способ измерения какого-либо явления с помощью лексических характеристик, позволяет доказать правильность определенной лексической характеристики, расширяет ряд методов построения функционально-семантического поля, способствует более точному переводу.

Ключевые слова: лингвистическая метрология, экстралингвистическая шкала, лексические характеристики, функционально-семантическое поле.

Стаття присвячена дослідженню нового наукового напрямку – лінгвістичної метрології. Цей розділ лінгвістики, який вивчає спосіб виміру будь-якого явища за допомогою лексичних характеристик, дозволяє довести правильність визначення лінгвістичної характеристики, розширює низку методів побудови функціонально-семантичного поля, сприяє більш точному перекладу.

Ключові слова: лінгвістична метрологія, екстралінгвістична шкала, лексичні характеристики, функціонально-семантичне поле.

The article is given up to examination of a new scientific trend, devised by the author of the work, called linguistic metrology. It is part of Linguistics that studies the way of measuring a phenomenon with the help of linguistic characteristics. It helps to prove the accuracy of a definite linguistic characteristic. It broadens the number of methods of making up a functional and semantic field, promotes more correct translation.

Keywords: linguistic metrology, extralinguistic scale, lexical characteristic, functional and semantic field.

УДК 37

Е. Э. Спичак

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ (личность и творчество М. А. Максимовича)

В. И. Даль был наделен универсальным, поистине уникальным талантом. Все области и отрасли знаний, которых касался его острый ум, обогащались новыми идеями, опытами, открытиями. Универсальность

дарований и многогранность интересов была присуща и другому замечательному ученому далевской поры, нашему соотечественнику Михаилу Александровичу Максимовичу, ботанику, историку, филологу, фольклористу, этнографу. Он был другом Н. В. Гоголя, прямым потомком святителя Иоанна Тобольского и предком блаженного Иоанна (Максимовича), архиепископа Сан-Франциско. Имя это, к сожалению, вспоминается редко как впрочем, и многие другие имена, составившие гордость нашей отчизны.

М. А. Максимович родился 3(15) сентября 1804 г. на хуторе Тимковщина Полтавской губернии. Окончив Новгород-Северскую гимназию, поступил в Московский университет. Получил образование сразу на двух факультетах – словесном и естественном, затем преподавал ботанику и заведовал ботаническим садом того же университета. Защитив магистерскую диссертацию «О системах растительного царства», Михаил Александрович получает должность адъюнкта и отбывает в длительную командировку на Кавказ. Результатом этой поездки стали богатейшие ботанические коллекции и целый ряд работ по естественным наукам: «О системах растительного царства», «Основания ботаники», «Главные основания зоологии», «Размышления о природе». «Книга Наума о великом Божием мире» стала первым опытом популярного издания для народа и до 1851 г. она выдержала 6 изданий. Главная особенность всех этих трудов – прекрасное изложение материала, стремление автора к систематизации и упорядочению, интереснейший иллюстративный материал. Стараниями Максимовича многое из иностранной научной терминологии было заменено русской.

В 1833 г. Максимович избирается профессором ботаники. Казалось бы, успех и признание очевидны, но Михаил Александрович чувствует упадок сил, его снедает тоска по родине, он рвется в Киев. Вот что пишет Н. В. Гоголь М. А. Максимовичу в письме от 20 декабря 1833 г.: «Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! Там, или вокруг него, деялись дела старины нашей. А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость?» И далее в письме от 7 января 1834 г.: «Что ж ты не пишешь ни о чем? Ох, эти земляки мне! Что мы, братец, за лентяи с тобою! Однако наперед положить условие: как только в Киев – лень к черту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город!» [2, с. 67–68].

Так к Максимовичу приходит решение перейти в недавно открывшийся Киевский Свято-Владимирский университет. Вопрос о назначении в Киев решился не сразу – Московский университет не хотел терять возвращенного в своих же стенах замечательного ученого. Дело затягивалось, но у Максимовича, по свидетельству того же Гоголя были такие заступники! Из письма от 26 марта 1834 г.: «Во-первых, твое дело не клеится как следует; несмотря на то что и князь Петр и Жуковский

хлопотал об тебе. И их мнение, и мое вместе с ними есть то, что тебе непременно нужно ехать самому. За глаза эти дела не делаются, да и Мекка любит поклонение. Теперь поется, что ты-де нужен Московскому университету, что в Киеве место почти занято уже, и прочее. Но если ты сам прибудешь лично и объявишь свои резоны, что ты бы и рад, дескать, но твое здоровье и прочее, тогда будет другое дело; князь же с своей стороны и Жуковский не преминут подкрепить, да и Пушкин тоже. Приезжай! Я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись в дилижанс и валяй! потому что зевать не надобно: как раз какой-нибудь олух влезет на твою кафедру» [2, с. 76–77]. Так в неполные 30 лет Максимович становится ректором Киевского университета и возглавляет кафедру русской словесности. Парадокс? Ничуть! Во-первых, таково было категорическое требование министра графа Уварова, который преследовал скорее политические нежели образовательные цели, желая создать российский университет в ополченном тогда крае. Максимович подходил для этой цели как никто другой – пламенный патриот Украины, он во всех своих актовых речах проводил идеи народности. Во-вторых, к этому времени Максимович был уже известным филологом и этнографом. Еще в 1827 г. он издал «Малороссийские песни» с комментариями. В 1834 г. вышел в свет следующий сборник под заглавием «Украинские народные песни» а также «Голоса украинских песен» (25 напевов, положенных на ноты А. А. Алябьевым).

В Киеве он начал еще более обширное издание – «Сборник украинских песен» (ч. 1, Киев, 1849). Украинские народные песни были для Максимовича и Гоголя общей страстью. Оба собирали их бережно и трепетно, обменивались ими и переписывали друг для друга, делясь каждой новой находкой. В письме от 9 ноября 1833 г. Гоголь пишет: «Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен и собрании Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью. Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!

Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними прелести. Я вам их спишу. Не так скоро, потому что их очень много. Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько песен, и вместе с тем не знаю. Это все равно, если б кто перед женщиной сказал, что он знает секрет, и не объявил бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу в тетрадь in quarto на мой счет. Я не имею терпения дожидаться печатного; притом я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтобы у вас не было двух сходных дублетов» [2, с. 66].

С 1830 г. Максимович издавал альманах «Денницу», в котором мы

находим имена Пушкина (начало «Бориса Годунова»), Веневитинова, кн. Вяземского, Дельвига, Хомякова, Баратынского, Языкова, Мерзлякова, Ив. Киреевского; в 1831 г. появилась 2-я книжка «Денницы», в 1834 г. – 3-я, опять с целым рядом громких литературных имен. Изучение памятников фольклора привело Михаила Александровича к исследованию русского (в особенности южнорусского) языка и словесности. Его вступительная лекция в Киевском университете была посвящена вопросу «О значении и происхождении слова». Результатом сравнительного анализа русской речи с западнославянской стало «Критико-историческое исследование о русском языке»; сюда же нужно отнести его «Начатки русской филологии». Впоследствии, под влиянием оживления, внесенного в этот вопрос трудами И. И. Срезневского и П. А. Лавровского, Максимович снова вернулся к исследованиям по истории русского языка и происхождении украинского и выступил горячим защитником существования «южно-русского» языка и противником мнений своего «северного» друга М. П. Погодина; так возник известный спор между «южанами» и «северянами» о древности украинского языка.

Переезд в Киев был для Максимовича огромной радостью. Михаил Александрович как никто знал город, его древности и вообще топографию Южной Руси. Его статьи по этим вопросам составляют особый отдел в собрании его сочинений – 2-й, к которому тесно примыкает 3-й, посвященный археологии Украины. Здесь особенно выдается статья о стрелах, найденных на Днепровском побережье, в которой он блестяще применил свои способности к классификации, приобретенные благодаря занятиям естественными науками.

Киев питал Максимовича духовно, окрылял и восторгал. Однако физически Михаил Александрович чувствовал себя плохо, угнетало его и отсутствие близких друзей и однодумцев. По-видимому, он посетовал на это одному из самых дорогих своих друзей – Н. В. Гоголю, который, как никто другой, умел утешить его и подбодрить: «Посылаю тебе «Миргород». Авось-либо он тебе придется по душе. По крайней мере, я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твоё расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей-богу, мы все страшно отделились от наших первоначальных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?»

Послушай, брат: у нас на душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это черт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее должна быть новая веселость» [2, с. 89–90].

В 1835 г. Максимович сложил с себя звание ректора, а в 1841 г., вследствие усилившейся болезни – и звание профессора. Несколько отдохнув, еще два года (1843–1845) читал лекции в качестве частного

преподавателя. Тогда же он активно работа во «Временной комиссии для разбора древних актов» и редактировал материалы для ее издания («Памятники»).

Поселясь в своей усадьбе «Михайлова гора» (на берегу Днепра, в Золотоношском уезде Полтавской губ.), Михаил Александрович изредка посещал Москву, для свидания с Погодиным, Гоголем и другими московскими друзьями.

В 1857 г. он около полугода заведовал редакцией «Русской беседы» и содействовал возрождению «Общества любителей российской словесности».

В области истории русской словесности Максимович интересовался, с одной стороны, древним периодом словесности, в особенности «Словом о Полку Игореве», с другой – памятниками южнорусской письменности. Вот далеко неполный перечень его трудов в этой области: «История древней русской словесности», «О народной исторической поэзии в Древней Руси», «Песнь о Полку Игореве», «К объяснению и истории Слова о Полку Игореве», «Книжная старина южно-русская», «О начале книгопечатания в Киеве» и др.

Работа над «Словом о полку Игореве» стала для Максимовича делом всей его жизни. Вклад Михаила Александровича в изучении «Слова» огромен. Он – автор первого полного перевода памятника на украинский язык. Литературоведческая и лексикографическая работа Максимовича над «Словом» была предопределена всем кругом его предыдущих научных интересов. Он подчеркивал отражение в нем исконно славянских представлений о мире, теснейшие связи «Слова» с восточнославянским фольклором, обратил внимание на особенности поэтики памятника, решительно возражая против попыток сближения «Слова» со скандинавскими сагами. Первым серьезным обращением к «Слову о полку Игореве» явилась рецензия Максимовича на издание А. Ф. Вельтмана [1]. В ней он, в частности, остановился на характеристике языка «Слова», в котором, по его убеждению, «видно большое влияние тогдашнего книжного, церковнославянского языка; но с этим вместе видно беспрестанное отступление от его форм... Такое отступление основывалось на стремлении к языку природному, живому». Подобно этому и современный поэт, продолжает Максимович, «для точнейшего выражения своей мысли избирает слова областные или почитаемые обветшалыми» [1, с. 90–91]. Язык «Слова», согласно Максимовичу, – «это местное наречие певца Игоря, южнорусское, из коего впоследствии вышел язык малороссийский»: этот язык, продолжает Максимович, «сохранил много слов и форм, встречаемых в древних наших славянских памятниках и утраченных в великорусском языке». Из этого следует, что для понимания «Слова» нужно привлекать украинский язык, а само «Слово» есть «начало той южнорусской эпопеи, которая потом звучала и звучит еще в думах бандуристов и во многих песнях украинских» [1, с. 93–94]. Эти идеи определяют дальнейшее

направление исследований Максимовича, считал, что особенности древнерусского языка лучше сохранились в украинском языке сравнительно с великорусским, неоднократно обращал внимание на непосредственную связь поэтики «Слова» именно с украинской исторической поэзией. Чрезвычайно плодотворным оказался его интерес к присущим «Слову» элементам поэтики восточнославянского фольклора и к отражению в нем народного мировосприятия.

Те же идеи развиты Максимовичем в его наиболее значительной работе о «Слове» – публикации курса лекций, прочитанных им в Киевском университете. Решительно выступая против скептиков и против поисков иноязычных источников, Максимович утверждал, что оно «первородный, изящный образец собственно русской настоящей исторической поэмы» (Песнь о полку Игореве. Из лекций...) [3, с. 19], тут же подчеркивая, что «новыми явлениями и так сказать продолжением сего рода поэзии были потом южнорусские или украинские песни и думы былевые (исторические)... ближайшие и однороднейшие с Песнею о полку Игореве» [3, с. 20]. Отсюда и проистекает необходимость рассмотреть «Слово» «в совокупности с другими памятниками древней нашей словесности и народной поэзии нашей и других славян» [3, с. 21]. Максимович считал, что в «Слове» отразилось сочетание двух главнейших начал: «любви к земле русской и ее славе, и веры в жизнь природы и глубокого с нею сочувствия» [3, с. 440].

Энтузиаст изучения «Слова», Максимович делился своими размышлениями о нем с Н. В. Гоголем и А. С. Пушкиным, оба они в свою очередь высоко отзывались о деятельности Максимовича. Прозаический перевод «Слова», помещенный Максимовичем в издании 1837 г., лег в основу перевода памятника на сербский язык П. П. Негоша.

Работы Максимовича, посвященные памятнику, пронизаны мыслью о принадлежности «Слова» духовной культуре древних русичей, тесных связей его мироощущения и самой системы художественных средств с народной культурой. Мысль Максимовича об использовании в «Слове» тех же, что и в фольклоре, средств художественной изобразительности нашла свое продолжение в работах А. А. Потебни, В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, Ф. Я. Приимы и других ученых.

О личности М. А. Максимовича можно говорить долго. Его вклад в науку огромен и неоспорим. Но вряд ли можно написать о нем лучше и теплее чем это сделал В. И. Даль:

«С.П.б. 12 Ноября 1848

Слышавъ тутъ и тамъ нѣсколько случайныхъ словъ о выходѣ книги: Начатки Русской словесности филологіи, Максимовича, безъ всякаго положительнаго отзыва объ ней, я зашелъ вчера къ Баденсдоку и взялъ книгу эту у Н.А. Неволина, потому что у насъ купить въ книжныхъ лавкахъ не здѣшнюю книгу трудно. Севодня всталъ я часу въ пятомъ

утра и принялся съ жадностію за Начатки. Сочинитель ея, писавшій бытописанія, тоже о наукахъ естественныхъ и наконецъ о языкѣ нашемъ и словесности – конечно, какъ увѣряеть, охотнѣе пишетъ или печатаетъ первые томы чѣмъ вторые и третьи – что и называется заманихою – но и неконченныя сочиненія его, во всѣхъ родахъ, носятъ на себѣ печать своеродности и убѣжденія; въ нихъ всегда высказываются задушевные думки – вотъ почему они теплы.

Съ первыхъ страницъ меня поразило знаніе дѣла; предмета близкаго мнѣ по чувству, по любви къ нему; часто рождались догадки, ложились на бумагу намеки, то вопросами, то отвѣтами – но другіе рядители вводили въ сомнѣніе, а у самого не доставало познаній, чтобы выпутаться. Трудъ Вашъ, который во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно мнѣ по сердцу, воспламенилъ меня, придавъ опять духа и охоту заниматься. На пустырьѣ нашемъ такой дѣлатель есть добрый слуга въ вертоградѣ Господнемъ.

Примитежь дружелюбно это заочное знакомство, вызванное искреннимъ признаніемъ достоинствъ честно трудящагося человѣка и уваженіе къ нему подслѣповатаго сотрудника» [4, с. 1].

Литература

1. Вельтман А. Ф. Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / А. Ф. Вельтман // Молва. – 1833. – №23, 24.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – Т. VIII.
3. Максимович М. А. Песнь о полку Игореве. Из лекцій о русской словесности, читанных в 1835 г. в Университете св. Владимира / М. А. Максимович // ЖМНП. – 1836. – №4. Отд. 2. – № 6.
4. Даль В. И. Письма Максимовичу М. А. / В. И. Даль. – ИРЛИ, 14553 6 л.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1896. – Т. 18А.

В статье рассматриваются личность и творчество современника В.И. Даля, М.А. Максимовича, выдающегося этнографа, филолога, фольклориста.

Ключевые слова: фольклор, этнография, словесность, филология, национальная культура.

У статті досліджуються життя та наукова спадщина сучасника В.І. Даля, М.О. Максимовича, видатного етнографа, філолога, фольклориста.

Ключові слова: фольклор, етнографія, словесність, філологія, національна культура.

The article deals with life and scientific heritage of Dal's contemporary M.A. Maksimovich, outstanding ethnographer, philologist, folklorist.

Keywords: folk-lore, ethnography, literature, philology, national culture.

А. В. Тарлева

**СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ
«СИБИРСКИХ РАССКАЗОВ» В. Г. КОРОЛЕНКО**

«Мышление человека, будучи явлением идеальным, не поддается прямому наблюдению и его рассмотрение возможно лишь как реконструкция на основе изучения результатов той или иной осмысленной деятельности [1, с. 14].

Когда-то сам Короленко определил свой жизненный путь — исследование окружающей действительности средствами литературы. «Мне остается выступить партизаном, защищая право и достоинство человека всюду, где это можно сделать пером» [2, с. 7].

Творчество В. Г. Короленко не является тайной за семью печатями. Об идиостиле писателя довольно много писали и говорили как литературоведы, так и лингвисты.

Целью предлагаемой статьи является попытка через исследование авторских лексических единиц определить своеобразие и архетипичность мышления писателя, эксплицировать авторскую модель мира. Материалом для анализа послужил ограниченный круг рассказов, объединенных в цикл «Сибирских».

Как утверждал Р. О. Якобсон, чтобы дать наиболее полное описание поэтического текста (который мы будем рассматривать как произведение словесного творчества в общем виде), необходимо вступить в «сферу действия семиотики, науки более широкой, чем лингвистика, ведь последняя — всего-навсего одна из основных частей семиотики» [3, с. 81]. В данном случае на нас работает интуиция, позволяющая извлечь постоянные, «инвариантные» составляющие произведения (или цикла) [3, с. 146]. Насколько присущи этим элементам черты общечеловеческого, архетипичного позволит определить анализ их как культурных концептов, т. е. компонентов, входящих в слой ментальных структур.

Известно, что тема бродяжничества стала одной из ведущих тем творчества писателя. Она обустроила вокруг себя модель мира В. Г. Короленко и смогла во многом объяснить внутренний взгляд на мир русского писателя, у которого само по себе понятие «русскости» проступает благодаря «поэзии вольной волюшки» («Соколинец») — «бродяжьей эпопее».

Выбор Сибири в качестве места действия рассказов Короленко обусловлен многими факторами. Сибирь, окутанная неким таинственным романтическим ореолом, связанным со ссылкой декабристов, поэтизировалась и предопределяла соответствующее культурно-психологическое восприятие и изображение. Урал воспринимался как территориально-культурная граница двух областей, несмотря на то, что

реальной границы не существовало — и по эту, и по ту сторону Уральского хребта была Россия,— культурный стереотип оказывался сильнее логики. Семантически мы сталкиваемся с различием в восприятии рассматриваемого пространственно-временного континуума (хронотопа): топографического (реального); психологического, связанного с субъективным восприятием мира персонажами; а также метафизического — мира восприятия писателя, т. е. перед нами предстают три образа мира: «изображенный или представляемый мир, переживаемый мир и осмысляемый мир» [4, с. 21]. Сам текст выступает как полисистемная структура.

Как было замечено исследователями, «во многих рассказах Короленко образ... границы и острота ее ощущения воссоздаются и выражаются в одном слове — Россия. Короленко, как правило, воспроизводит в рассказах сцены сибирской жизни, оставляя позади или обходя стороной пиковый момент пересечения границы. В рассказе «Последний луч» сюжетобразующей становится оппозиция «Россия — Сибирь», и фразы «Так вы, говорите, тоже из России?», «Впоследствии, вернувшись в Россию <...>», «<...> декабрист Захар Григорьевич Чернышов вернулся в Россию...», задавая динамику перемещений, вводят в рассказ драматический образ границы и воссоздают ощущение именно культурно-психологической дистанции. Сам писатель встает на точку зрения персонажей, как бы «принимает» миф в качестве «инварианта» и задает тем самым дуалистический подход к анализу.

Граница, разделяющая два мира внешне, проходит достаточно жесткой линией через судьбы героев рассказов Короленко. Она становится символом не столько физической, сколько духовной несвободы человека. Вполне понятно поэтому, что главными героями «Сибирских рассказов» становятся бродяги — люди, которые оказались в сибирских местах не по своей воле, в силу сложившихся обстоятельств, отвергнутые далекой, любимой родиной. Здесь человек начинает понимать, что «это — не Расаея: это «гиблое место» («Ат-Даван»); «Наша-то сторона, Расаея... Здесь все не по-нашему, что ни возьми» («Соколинец»).

Семантика оппозиций мифологической картины мира актуализирует противопоставления «своего – чужому», соотносимого с оппозицией «живого – мертвому» (в свою очередь, мертвое, умирающее — это страшное). Аналогичную ситуацию наблюдаем в рассказах В. Г. Короленко: пространство Сибири приобретает черты умирающего — «<...> черная тайга, точно заклятая, дремала неподвижно, не шелохнув ни одной веткой» («Убивец») или уже мертвого антропоида — «<...> всюду глаз упирался в бесформенную, безжизненную серую массу» («Соколинец»); «трупы деревьев, запорошенных снегом, с вырванными из почвы, судорожно скрюченными корнями. Упавшие деревья кажутся <...> иглами, <...> а между ними, еще живые, <...> тянутся <...> тонкие и жалкие лиственницы, пытающие счастье над трупами предков. И только на <...> вершине <...> лес <...> тянется траурной каймой над белым скатом берега»

(«Соколинец»). Небо в Сибири «сплошь покрыто угрюмыми тучами», а человека не покидает чувство уныния и тоски — все в этих краях чужое и страшное: «мертвящий якутский мороз» («Соколинец»); «холодно и жутко» («Соколинец»); «на небе висели тучи, а на сердце у всех такая же темная, такая же мрачная нависла тоска» («Соколинец»).

Ю. Д. Апресян высказывает предположение, что в художественных текстах семантически «каждая телесная система <...> копируется в парной к ней духовной системе и наоборот. <...> Восприятию соответствует интеллектуальное состояние и деятельность; физиологическим состояниям (потребностям) — желания, физиологическим реакциям — эмоции, физическим действиям — речь» [5, с. 49]. По мнению Ю. Д. Апресяна, подобные сближения позволяют определить глубинный параллелизм лексических единиц разного уровня, т. е. унифицировать семантическое исследование.

Обратимся к семантике лексических единиц «Сибирских рассказов». «Дремала» — состояние, «скрюченные» — состояние, «пытающий счастья» — состояние, «холодно и жутко» — состояния, «тоска» — состояние. Таким образом, сибирское пространство пронизано желаниями, семантизирующимися посредством описания его физиологических состояний.

В то же время рядом с человеком живет некое живое существо — чувство грусти («Становилось и жутко, и грустно при виде этой огромной ледяной пустыни»). Грусть также наделяется человеческими чертами, имеет свой характер: обаятельная, снисходительная, очаровательная, захватывающая: «Поддавшись какому-то грустному обаянию, я стоял на крыше <...>. <...> от всей этой молчаливой, объятый холодом картины веяло в душу снисходительной грустью» («Соколинец»); «Я остался на берегу, привлекаемый грустным очарованием»; «Я еще раз окинул взглядом окружающую картину, полную захватывающей грусти». В соответствии с градацией, предложенной Ю. Д. Апресяном, грусть *воспринимается*, т. е. соответствует интеллектуальным состояниям и деятельности. Это можно проследить в соответствующих контекстах. Грусть обладает также чисто физической силой, способной ломать привычные линии: «Река <...> искривилась под <...> грустным светом луны».

Бродяга в Сибири испытывает, с одной стороны, страх, ужас, холодную безысходность, с другой стороны, чарующую грусть. Переходы от ужаса к грусти, от напряжения к усталости и безысходности — это борьба и смирение: «Казалось, неуклюжий пенат якутского жилья простирает навстречу тьме широко раздвинутые руки, точно в молчаливой борьбе<...>» («Соколинец»), «<...> туманные сопки <...> надвигались на нас хмурые и холодные» («Ат-Даван»), но затем происходит смена настроений: «незаметно подкрался тот роковой час, когда тоска так властно овладевает сердцем, когда „чужая сторона” враждебно веет <...> всем своим мраком и холодом. Когда перед встревоженным воображением грозно встают неизмеримую, неодолимою далью все эти горы, леса, бесконечные степи, которые залегли

между тобой и всем дорогим, далеким, потерянным, что так неотступно манит к себе и что в этот час как будто совсем исчезает из виду, рея в сумрачной дали слабым угасающим огоньком умирающей надежды, но все же неотвязное горе, спрятанное далеко-далеко в глубине сердца, смело подымет теперь зловещую голову и среди мертвого затишья во мраке так явственно шепчет ужасные роковые слова: „Навсегда <...> в этом гробу, навсегда!”» («Соколинец»). Проследим лексико-семантическое наполнение представленного отрывка: *простирает руки в молчаливой борьбе, надвигались, подкрался, властно овладевает, враждебно веет, грозно встают, неотвязное горе смело подымет зловещую голову, шепчет ужасные роковые слова*. Бескрайние ледяные просторы как нечто неизбежное, неотвратимое и сильное, которое невозможно преодолеть, подавляют и поглощают человека, вбирают в себя, заставляют почувствовать себя незащищенным и, в конце концов, хоронят его.

Человек, живущий на грани отчаяния и смирения, приобретает определенные черты, выдающие в нем бродягу: «беспокойную напряженность внутренней борьбы», «выражение страдания», «сдержанность человека, очевидно не желавшего показаться навязчивым» («Соколинец»); в его лице можно заметить «какую-то странность <...> по временам нижняя часть лица как-то нервно вздрагивала и блеск глаз потухал. <...> что-то как будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только напряжением воли... Теперь я уже знаю: привычный бродяга обманывал себя, уверяя, что он доволен своим спокойным существованием <...> В глубине души он сознавал <...>, что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой и неприветливой, не про него» («Соколинец»). Человек, подавляемый неизбежностью ужасной своей участи-судьбы, страдает, стараясь смириться с якобы «спокойным» существованием, которое на поверку оказывается «могилой» (ср. русское: «на том свете отдохнем»), обманывает себя. «Серая» — обесцвеченная, как бы несущественная, «постылая» жизнь — чужая для бродяги.

Для русского языкового и, шире, культурного контекста типичны «стереотипы» сознания: «концепты душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось» [5, с. 38]. В текстах рассказов В. Г. Короленко актуализируются стереотипы *души, судьбы, воли, дали*, немаловажное место занимает символика русского «авось», т. е. надежды на неожиданность, случай, который сможет изменить судьбу.

Жизнь бродяги представляется как дорога, по которой он идет. Несмотря на то, что сибирские просторы необъятно широки, в семантике картины мира Короленко они имеют резко очерченную границу, вытягиваясь всего лишь в узкие линии, перемежающиеся между собой.

Линейность как ограниченность, как определенность в мире бескрайнего, бесконечного однообразного мрака ледяной пустыни. Изменения в судьбе связываются с переменами линий, сами же линии приобретают значение почти роковое. «Стоял я, могу сказать, на лучшей линии» («Ат-Даван»); «Продаю [коня] — подошла линия!» («Соколинец»);

«Какая может быть моя жизнь? <...> Такая уж моя линия! <...> Говорю тебе: линия такая. Вот теперь я с тобой беседую как следует быть, аккуратно. А доведись в тайге-матушке или хоть тот раз, в логу, — тут опять разговор был бы иного рода <...> Потому — линия другая...» («Убивец»).

Передвижение по линиям жизни приобретает в картине мира, изображаемой Короленко, черты судьбы, которая понимается как путь в пространстве, очерченном заранее определенными границами. Притом, путь этот — узкий, поскольку линия может тянуться только от начала до конца. Человек, который не может расширять свой путь в пространстве, старается, меняя линии, передвигаться к цели — освобождению. Так, встав на определенную линию, он изменяет всю свою судьбу: «Назвался бродягой — и посадили. Вроде крест на себя наложил» («Убивец»). Линия всегда имеет направление, она ведет к единственно возможной цели. Если рассматривать линию как линию жизни (что, несомненно, имел в виду Короленко), то это всего лишь однонаправленное движение от рождения к смерти. Границы линий упираются, как видится бродягам либо в ничто, либо в свет — «огоньки», к которым и устремляются гонимые тоской люди. Остановимся подробнее на рассмотрении каждого из возможных положений дел, на том структурировании пространства, которое, помимо географических характеристик, «находит себя в вещи» [6, с. 238], организуется, приобретая «значение и значимость (семантическое обживание пространства)» [6, с. 239].

«Ничто» — это неизбывная тоска, серая, обманчивая, постылая, безнадежная жизнь-существование, которая заканчивается «в гробу».

Бродяга «с измалетства на тюремном положении», бьется «только понапрасну»: «Горькая <...> жизнь, ох, горькая!». «Чего горше: едим прошеное, носим брошенное, помрем — и то в землю не пойдем. Верно! Не всякому ведь бродяге и могила-то достанется. Помрешь в пустыне — зверь сожрет, птица расклюет... Кости — и те серые волки растащут. Как же не горькая жизнь?», но обнаруживается в нем и «пылкость страстной натуры <...> сердце закипает <...>, размышление одолевает», «Да я бы смолу <...> кипящую пил, ежели бы мог иной раз себе облегчение получить, — забвение горести» («Ат-Даван»), «что-то прорывается наружу»: «из глубины души поднимались в нем призывы тайги, его манила уже от серых будней безвестная, заманчивая и обманчивая даль» («Соколинец»); «Так бы, кажись, птицей снялся и полетел». Тоска с отчаянием сменяется то безнадежностью, то надеждой на «авось»: «Не избыть острова!» Это была постоянная фраза, в которой выливалась безнадежная уверенность неудачника-бродяги — «Дай бог уйдем».

В стремлении обрести освобождение от тоски, страха своего существования, бродяги устремляются к воле, к истинному простору, который может простираться вширь и вдаль. Человек старается избежать разрушающего действия времени и обращается к пространству — структурированному, сакрализованному конструкту действительности. «В

традиционной русской модели мира с пространством связывалась именно воля <...>, предполагающая экстенсивную идею, лишенную целенаправленности и конкретного оформления (туда! прочь! вовне!) — как варианты одного мотива «лишь бы уйти, вырваться отсюда» [6, с. 239].

Картины вольной жизни в рассказах В. Г. Короленко являются героям в сновидениях. Сон — освобождение от плена, открывает *просторы* в образах безграничных, неохватных структур тайги, моря, степи: от тесноты, мрака, от «серых будней» в даль. С образом воли, освобождения в картине мира В. Г. Короленко связывается свет — «огонек»: «белую стеною реет горный орел, тихо взмахивая свободным крылом. И мечта уносила меня все дальше и дальше от безнадежного мрака тесной юрты. Казалось, меня обдавал свободный ветер. <...> на меня пахнуло призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи. <...> Край неба отсвечивает <...> лучами зари да где-то далеко, под задумчиво синееющими горами, стоит огонек...

Что это: родное пламя давно оставленного очага или блудящий огонь над ожидающею во мраке могилой?» («Соколинец»);

«Ну, нет того сна лютее, как отец с матерью приснятся. Лежу будто в горенке родительской, и мать мне волосы чешет и гладит. А на столе свечка стоит» («Соколинец»);

«Много огней и раньше и после манили не одного меня своей близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки <...> все-таки впереди — огни!» («Огоньки»).

«Огонек» в модели мира В. Г. Короленко — это: «лучи зари» как начало новой жизни; связан с рассветом; «родное пламя ... очага» как символ дома, родины; «свечка» в родном доме, связана с матерью, женщиной-хранительницей очага.

Бродяга, как правило, не имеет дома, семьи и живет только ожиданием, надеждой, плохо представляя себе, что может принести ему будущее. В этом прослеживается мотив возможности обмана судьбы, которая не зависит от воли человека, делит жизнь на полосы, и изменить что-либо оказывается не в силах человеческих. Можно только смириться, терпеть и ждать. «Жизненные установки проявляются в ключевых концептах, отражающих мировосприятие. В русском языке оно концентрируется в связанных с жизненным временем словах *выжидать* — *терпеть* — *надеяться* — *смириться* — *судьба*. Преобладание пассивно-эмоционального над рационально-волевым в раскрывающих их сущность понятиях: *жить в нужде, тоска, мучение, участь, година, лихолетье, незадача, наперекосьяк, конченный, горевать, перебиваться, мыкаться, натерпеться, прозябать, загубить...*) — свидетельствует о склонности русского характера к подчинению обстоятельствам, смирению, выжидательности, упованию на случай. Как считает А. Вежицкая, это связано, в одной стороны, с воплощением русского православного идеала смирения, а с другой — с традиционной в истории России автократической и деспотической властью. Знаменитые *авось, погодить* и *повременить* (как

и *судьба, душа и тоска*), не имеющие точных и прямых эквивалентов в других языках, — стали своеобразным символом русского характера и склада ума. Такую установку можно назвать пассивно оптимистичной: «пассивно ждать, пока пройдет время и возможно, все само собой образуется» [7, с. 88–89].

Бродяга в творчестве В. Г. Короленко — это «журавль в небе», человек которого не поймать и не посадить в клетку: «Уйду <...> в тайгу <...> Что на меня так смотришь? Бродяга я, бродяга!..». «Его можно было бы назвать красавцем, если бы не тусклость точно задернутого чем-то взгляда. <...> Во всей фигуре чувствовалось что-то уже как бы надломленное, не вполне нормальное, хотя и сильное». Была в нем «<...> и тоска о пропадающей удали, и глубочайшая нетронутая уверенность, что, каковы бы там ни были еще люди и взгляды, все-таки наиболее стоящий человек тот, кто смело носится по самым крутым стремнинам жизни <...> только оступись <...> попадешь прямо на каторгу». «Глаза его были тусклы, точно чем-то завешены. <...> Мне показался он странным, как будто даже больным. — Ветер, — сказал он с тем же малоосмысленным выражением и вдруг посмотрел на меня взглядом, полным глубокой тоски. — Трудно здесь жить, господин...»

Бродяга понимает, что ему нельзя опять подаваться в бродяжью жизнь, иначе его ожидает полная гибель: «Нет, господин... Это нельзя <...> Это уже значит <...> кончено...». Однако «враждебные чары пустыни произвели уже <...> глубокие опустошения в буйной и требующей сильных движений душе» («Марусина заимка»).

Несмотря на то что сам автор испытывает «к настроению» бродяги чувство «наиболее близости и симпатии», понятно, что судьба его никогда не сможет измениться к лучшему. В тексте это проявляется в семантике слов: *надломленное, не вполне нормальное, опустошение*.

Само по себе движение в пространстве «линий», на которые настроен герой-бродяга, не предполагает *преодоления*, добывания ценностей, новых знаний: «без пользы всякой живут люди, без работы» («Убивец»), это всего лишь одна из возможных *параллельных* дорог, которые ведут к смерти. Здесь нет понятия центра и периферии, нет движения от одной точки к другой. Сила героев — бесцельна, потому что она не имеет точки приложения. Они «играют», «смело носятся по самым крутым стремнинам жизни» в страхе остановиться (Степан, «Марусина заимка»), не имея уверенности в правильности пути, потому что сам путь неясен: «... Я видел в нем только молодую жизнь, полную энергии и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?...».

«Короленко <...> настойчиво подчеркивает практическую бесплодность стремлений своих <...> героев. Он воспринимает их <...> как носителей тех свойств и стремлений человеческого духа, которые живут вопреки противодействующим обстоятельствам и никогда не могут заглухнуть окончательно. <...> Создавая образы бродяг, героев «дурного общества» и больших дорог, Короленко <...> ищет те разбросанные зерна

свободолюбия, непокорства и надежды, которые когда-нибудь дадут свои всходы» [8, с. 76].

Невозможность определиться, внести в свою жизнь уверенность, найти «стержень» в семантике «Сибирского» цикла рассказов В. Г. Короленко связана с установкой на поиск «воли», в противовес поиску «свободы» — единственно возможному средству самоопределения: «свобода <...> понятие интенсивное и предполагающее целенаправленное и хорошо оформленное самоуглубляющееся движение. <...> свободу обретают внутри себя, через серию последовательных ограничений, повторных возвращений к своему Я — в том локусе, где свобода и необходимость лишь ипостаси друг друга. При таком понимании свободы ей соответствовало бы некое внутреннее, самосвертывающееся, сгущающееся пространство» [6, с. 240].

Жизнь бродяги направлена на безостановочное движение вовне, перемещение без цели, без личностных волевых усилий, по велению внешней по отношению к человеческой жизни силы судьбы.

В творчестве В. Г. Короленко периода написания цикла «Сибирских рассказов» формируется авторская модель мира, описываемая через лексические единицы, которые имеют значение, с одной стороны, как авторские знаки, с другой — как концепты культуры, являющиеся маркированными в русской языковой картине мира. Они эксплицируются в психологическом, «переживаемом» персонажами и созвучном автору хронотопе в понятиях *души, тоски, грусти, воли, дали, ожидания, терпения, смирения, судьбы и т. д.* В модели мира В. Г. Короленко лексемы, передающие различные состояния, преобладают над лексемами восприятия. В результате в лексико-семантическом поле действия текстов положение героев характеризуется как пассивно созерцательное, осмысляемое как мир желаний, а не интеллектуального состояния или деятельности. Неоформленность сознательно-волевой направленности на созидание, уступка внешнему (воле) за счет подавления внутреннего (свобода) определяет семантику модели мира В. Г. Короленко как неустойчивую, непродуктивную, фактически неразрешимую, т. е. как открытую систему, требующую интеллектуального и эмоционального переосмысления.

Литература

1. **Маковский М. М.** Язык — миф — культура. Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. — М., 1996. — 330 с.
2. **Петропавловская Н. Д.** «В нас входят другие, и мы входим в других ...» (о морально-этической позиции В. Г. Короленко) / Н. Д. Петропавловская. — М. : Знание, 1988. — 64 с.
3. **Якобсон Р. О.** Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1987. — 460 с.
4. **Тороп П.** Тотальный перевод / П. Тороп. — Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 1995.
5. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37–67.
6. **Топоров В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — М. : Наука, 1983. — С. 227–285.
7. **Рябцева Н. К.** Аксиологические модели времени /

Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время. — М. : Изд-во «Индрик», 1997. — С. 38–95. 8. **Бялый Г. А.** В. Г. Короленко: Исследование творчества писателя / Г. А. Бялый — 2-е изд., перераб. и доп. — Л. : Худож. л-ра. Ленингр. отд-ние, 1983. — 350 с.

В статье рассматриваются смыслообразующие компоненты модели мира В. Г. Короленко, которые дают возможность охарактеризовать её как личностно авторскую, а также типичную для русского склада мышления.

Ключевые слова: идиостиль, хронотоп, семантика, концепт, картина мира.

У статті розглядаються змістовмісні компоненти моделі світу В. Г. Короленка, які надають можливість охарактеризувати її як особову авторську, а також типову для російського складу мислення.

Ключові слова: ідіостиль, хронотоп, семантика, концепт, картина світу.

The article deals with the sense making components of V. G. Korolenko peace model. Analysis give an opportunity to characterize peace model both as a personal author's and typical Russian.

Keywords: idiostyle, semantics, concept, model of world.

УДК 81'367.4: 81'373.611

В. И. Теркулов

О СУЩНОСТИ «ИНВАРИАНТНОГО (ОБЩЕГО) ЗНАЧЕНИЯ»

Понимание семантического тождества как ономазиологической сущности обычно основывается на мнении, что у номинативной единицы (в нашей терминологии – номинатемы) может быть только одно инвариантное языковое значение, изменение которого автоматически ведет к распаду её тождества. Например, В. М. Марков утверждал: «Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [1, с. 8]. Следует сказать, что в большинстве случаев сложившаяся в истории науки трактовка предложенной теории как теории абсолютной однозначности все же не соответствует действительности и обусловлена неправильным пониманием её основополагающих принципов. Сущность понимания соотношения значения и лексико-семантического варьирования в рассматриваемой теории состоит в том, что понятие «значение» переносится в сферу языка и определяется как некий семантический языковой (мы акцентируем внимание именно на этом слове) инвариант, реализуемый в речи в своих лексико-семантических вариантах. Именно так интерпретирует процесс номинации В. А. Звегинцев, обозначивший языковой инвариант термином «общее значение». По мнению ученого, «слово не может иметь нескольких «значений», напоминая некоторую совокупность синонимов, связанных известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплён результат определенного обобщения, и этот

процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живет и развивается язык, в одном слове не может происходить одновременно нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое. <...> Эти типовые потенциальные сочетания в описанном смысле правильнее назвать лексико-семантическими вариантами (термин А. И. Смирницкого) единого значения слова. В соответствии с этим собственно лингвистическое определение лексического значения слова должно принять следующий вид: значение слова – это совокупность его лексико-семантических вариантов» [3, с. 125–126]. Именно в работе В. А. Звегинцева явно семасиологическая сущность – лексико-семантическая вариативность – определяется через процесс номинации (от общего значения к типовым семантическим сочетаниям), то есть ономастиологически. Правда, ученый не рассматривал общее инвариантное значение в проекции противопоставления языковой и речевой номинаций, не определил его как языковой обобщенный феномен в отличие от речевого актуализированного феномена – лексико-семантического варианта. Именно это, вероятно, и послужило для некоторых лингвистов, чьи убеждения строились на основе абсолютизации анализа речевых модификаций значения (теория семантической деривации), основанием для отождествления такого инварианта с его речевой реализацией, что, в свою очередь, стало поводом для того, чтобы считать его «отвлеченной теоретической фикцией». Убежденность противников теории общего значения в ее неприемлемости основывается на сложности трактовки в ней «так называемых метафорических значений, когда последние связаны с «первичными», «основными» значениями не какими-либо существенными «элементами смысла», а так сказать, ассоциативно, на основе тех признаков, которые не являются семантически значимыми при определении первичных значений» [4, с. 83], например: *В брате кипело возмущение* (в противоположность – *В чайнике кипела вода*), *Спор разгорелся* (в противоположность – *Костер разгорелся*) и т. д. Мы оставим в стороне тот факт, что для утверждения того, что данные единицы действительно находятся в пределах тождества номинатемы, сторонниками теории семантической деривации, в сущности, был выдвинут только тезис, имеющий формальные основания, – данные значения образованы от других, прямых значений, соотносимых с такой же звуковой оболочкой. Другими словами, они связаны с базовым значением через форму, поэтому-то, по мнению ученых, и могут быть признаны лексико-семантическими вариантами одной номинативной единицы. Такая трактовка, повторим, объясняющая лексическое через нелексическое, методологически неверна. Мотивировка убежденности в

таких случаях базируется не на осознании глубинных механизмов номинации, а только на сложившейся традиции. Мы же убеждены, что такие употребления номинатемы, не нарушающие, кстати, ее семантического тождества, ни в коем случае не противоречат пониманию ее языкового значения как инварианта.

Мы исходим из того, что основой тождества слова является тождество его лексического значения, реализованное по следующей схеме: «инвариантное общее значение» – «актуализированное общее значение» («частное значение»). Для понимания того, каким образом осуществляется актуализация общего (инвариантного, языкового) значения необходимо определение того, что же оно собой представляет. Сейчас уже трудно согласиться с логической концепцией, согласно которой «в основе значения каждого знаменательного слова лежит <...> **понятие** (выделено нами. – В. Т.), содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности, то есть такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы» [4, с. 60]. Такое понимание значения очень удобно для сторонников теории семантической деривации, потому что позволяет перевести интерпретацию семантических процессов в область логических формул. Однако как раз именно такая трактовка делает невозможным определение приведенных выше коннотативных значений номинатем *кипеть*, *разгореться* как лексико-семантических вариантов их прямых значений. У слов *кипеть* и *разгореться* в этом случае другие «общие существенные признаки»: у *кипеть* вместо «бурлить при нагревании жидкости» – «нарастать, развиваться с силой», у *разгореться* вместо «загореться, начать гореть» – «развиваясь, усиливаясь, дойти до высокой степени развития». Логическое определение значения вынуждает нас трактовать такие единицы именно как омонимы, с чем, повторяем, трудно согласиться.

Решением проблемы в этом случае будет использование представления о значении слова как о концепте, что, кстати, и является доминантным мнением современного языкознания. См., например, у М. В. Никитина: лексическое значение – «концепт, связанный знаком» [5, с. 70]. Наше понимание статуса концептов в языке совпадает с пониманием, предложенным Л. П. Бабушкиным, который рассматривал их «не в виде когнитивных процессов, а в качестве основного содержания тех или иных семем», которые, в сущности, являются «содержанием слова» [6, с. 30].

Здесь нет необходимости давать развернутый анализ теорий концепта в языкознании. Этому посвящено огромное количество работ. Тут наиболее важным представляется определение сущности и структуры концепта, поскольку у нас нет никаких сомнений в том, что «в основе концепта лежит исходная, прототипическая модель основного значения слова (т. е. **инвариант всех значений слова**)» [7, с. 2] (последнее выделено нами. – В. Т.).

Самое важное в трактовке концепта то, что он реализуется в сознании как комбинированный онтологически-индивидуально-этнический «квант знаний» [8]. С одной стороны, «концепт всегда выступает как часть целого, которая содержит в себе отражение системы <...> Концепт – микромодель культуры, а культура макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ей» [9, с. 41]. Это формирует онтологический и этнический компоненты инвариантного значения номинатемы. С другой стороны, как писала Н. Ф. Венжинович, «концепты индивидуальны и кодируются в сознании единицами универсального кода, в основе которых лежат индивидуальные чувственные образы, которые формируются на базе личного чувственного опыта человека» [10, с. 9]. В силу этого в инвариантном значении номинатемы реализуются как онтологические, так и, что самое главное, прагматические аспекты идентификации референта (референции). Следовательно, структуре концепта, «с одной стороны, принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [11, с. 45]. Все эти компоненты реализуются в инвариантном значении-концепте в виде сем. Структура концепта – инвариантного значения, следовательно, представляет собой семный комплекс. Под семой понимается предельно минимальная часть элементарного значения, в составе которой выделяется **семантический множитель**, то есть параметр существования того или иного аспекта значения, и **семный конкретизатор**, то есть реальное наполнение этого параметра. Например, в значении слова *стул* «предмет мебели для сидения» реализуется сема «для сидения», в которой репрезентирован семантический множитель «назначение» и семный конкретизатор «для сидения».

Процесс речевого означивания на базе языкового инвариантного значения всегда имеет вид актуализации последнего в связи с целями номинации. Именно различие целей и формирует лексико-семантическую вариативность. Существует два типа актуализации инвариантного концептуального значения номинатемы в ее лексико-семантических вариантах: **семная актуализация** при сохранении тождества денотата / референта и **абсолютизированная семная актуализация**, приводящая к **замещению денотата / референта**.

Сущность семной актуализации состоит в том, что «поскольку проявления могут быть у объекта обозначения самыми разнообразными, так как он «поворачивается» к воспринимающему лицу своими разными сторонами, то за одним и тем же обозначением могут скрываться различные аспекты поведения данного объекта» [12, с. 87]. Эти «аспекты поведения объекта» реализуются в процессе номинации в виде так называемого «актуального смысла номинатемы», под которым понимается «актуально значимая часть системного значения языкового

знака, актуализировавшаяся (через актуализацию коммуникативно значимых сем инварианта. — В. Т.) в данных коммуникативных условиях» [13, с. 14]. Например, значение слова *иголка* «заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья» может быть реализовано в конкретных контекстах и с актуализацией семы «употребляемый для шитья» («дай мне *иголку*, мне надо пришить пуговицу») и с актуализацией семы «заостренный металлический стержень (представляющий опасность)» («смотрите, ваш ребенок взял *иголку*») и т. д.

С другой стороны, в тех ситуациях, «когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую связь, с новым денотатом» [14, с. 19], что отмечается, например, в случае сосуществования значений «животное семейства ластоногих» и «человек, занимающийся зимним купанием» у слова *морж*, речь идет о **замещении денотата (референта)**. Есть соблазн определить возникновение нового значения в последнем случае как деривационный перенос по семе «купание в холодной воде», однако сущность процесса означивания здесь значительно глубже. Нужно помнить, что «концепт — это многомерное смысловое образование, имеющее **образное** (фреймовое), описательное (понятийно-дефиниционное) и ценностное измерение» [15, с. 148] (выделение наше. — В. Т.).

Однако образ, как известно, «дает знание не об отдельных изолированных сторонах (свойствах) действительности, а представляет собой целостную мысленную картину отдельного участка действительности» [16]. Иначе говоря, образ возникает как представление, созданное путем замещения, при котором один из отрезков действительности (в нашем случае — «человек, занимающийся зимним купанием») воспринимается как другой отрезок действительности (в нашем случае — как «северное животное») **целостно** — он не в реальности, но в нашем сознании, детерминированном нашим образным мышлением, *как бы* морж. Конечно же, такое образное отождествление осуществляется в результате актуализации семы «купающийся зимой», однако это не перенос по сходству функций, декларируемый семантическим словообразованием, а образное осознание одного через другого, представление одного другим, мотивированное семной актуализацией с замещением денотата (референта). Можно утверждать, что образное отождествление референтов через замещение денотата имеет в своей основе аналогизацию референтов.

Ситуации актуализации сем без замещения денотата (референта) мы будем называть **денотацией**, имеющей своей целью определить коммуникативно значимые аспекты существования и функционирования обозначенного номинатомой через глоссу референта, а с замещением — **коннотацией**, представляющей собой коммуникативно значимое образное отождествление референтов. Инвариантное значение номинатомы реально настроено на денотацию и фактурно, целостно отождествляемо с денотатом. Коннотация же заложена в нем

потенциально и проявляется в глоссах только в определенных речевых ситуациях.

Следует отметить, что мы ни в коем случае не отрицаем возможности семасиологического описания лексико-семантического варьирования. Оно должно быть, и более того, оно и составляет сущность собственно языкового подхода к этому явлению. Однако оно должно опираться на несколько иные методологические основания. Например, мнение А. А. Тараненко, определявшего метафору как «семантический процесс, при котором форма языковой единицы или оформление языковой единицы переносится с одного референта на другой на основе того или иного сходства последних при отражении в сознании говорящего» [17, с. 108], требует корректировки в том смысле, что данный семантический процесс имеет не доминанту **переноса по сходству**, а доминанту **коннотативного отождествления в «образе» двух референтов**, основанного на их сходстве в тех или иных референтных признаках. И поэтому блестящая семасиологическая трактовка моделей «лексико-семантической деривации», предложенная Л. А. Кудрявцевой [18, с. 49–105], должна быть несколько откорректирована не в фактурном плане, к которому, повторяем, никаких претензий нет, а в методологическом.

Во-первых, она должна быть определена не как система моделей «лексико-семантической деривации», а как система моделей лексико-семантического варьирования в пределах тождества номинатемы;

Во-вторых, в ее основе должен лежать не фактор «переноса», а факторы актуализации и отождествления, и поэтому модели лексико-семантического варьирования, как в их метафорических, так и метонимических разновидностях, должны быть распределены между процессами денотации и коннотации. Например, «расширение значения с сохранением архисемы» может быть трактовано как денотация, которая, кстати, иногда ошибочно воспринимается как коннотация. Это происходит тогда, когда инвариантное значение обладает высокой степенью обобщенности и используется для обозначения разнородных референтов. Например, инвариантное значение номинатемы **двор** реализуется и в лексико-семантическом варианте «участок земли между домовыми постройками одного владения, одного городского участка», например, *Детская площадка во дворе*, и в лексико-семантическом варианте «крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство», например, *Деревня в сто дворов*, и в лексико-семантическом варианте «отгороженный от улицы участок земли с надворными постройками при отдельном доме, усадьбе», например, *Сарай во дворе*» и т. д. Однако во всех этих случаях оно реализует одно и то же значение – «отграниченное от улицы пространство, включающее дом», что и позволяет предположить, что в указанных вариантах происходит только актуализация периферийной

семь «статус» единого инвариантного значения номинатемы (*городской двор, крестьянский двор, сельский двор*), то есть акт денотации. В некоторых ситуациях такое варьирование может иметь на первом этапе своей реализации статус коннотации, например, в приведенных Л. А. Кудрявцевой случаях употребления номинатемы **всеобуч** в значении «широкое, повсеместно проводимое обучение чему-либо». Первоначально употребление глосс данной номинатемы в значениях «родительский всеобуч», «экономический всеобуч», «строительный всеобуч» имело своей целью образное отождествление указанных конкретных типов всеобщего обучения с «всеобщим обучением грамоте». Однако устойчивость и регулярность таких употреблений привела к коррекции инвариантного значения – вместо «всеобщее обучение грамоте» оно приобрело вид «широкого, повсеместно проводимого обучения чему-либо», и поэтому его реализации «обучение грамоте», «обучение строительному делу», «обучение родительским обязанностям» и т. п. стали фактами денотации с актуализацией семы «предмет обучения».

С разных точек зрения общее (языковое) значение номинатемы может быть определено по-разному. С точки зрения его места в дихотомии «язык – речь» оно определяется как языковое и противопоставляется речевым значениям глосс, с точки зрения структуры номинатемы оно определяется как инвариантное и противопоставляется реализованным в речи вариантным, с точки зрения его вхождения в языковую картину миру – как общеконцептуальное и противопоставляется конкретным, актуализированным, а с точки зрения процесса референции – как сигнификативное и противопоставляется денотативно-коннотативным. Иными словами, стержень номинатемы – это языковое, инвариантное, концептуальное, сигнификативное значение, реализующееся в речевых, вариантных, конкретных денотативно-коннотативных значениях её глосс. Именно такой подход к значению номинатемы позволяет полноценно определить параметры тождества последней, что и составляет цель наших последующих исследований.

Литература

1. **Марков В. М.** О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 1984. – С. 3–21.
2. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974.
3. **Звегинцев В. А.** Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 322 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова).
4. **Шмелев Д. Н.** Современный русский язык : Лексикология : учеб. пособ. [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»]. – М. : Просвещение, 1977. – 253 с.
5. **Никитин М. В.** Лексическое значение в слове и словосочетании / В. М. Никитин. – Владимир : Изд-во ВГУ, 1974. – 160 с. – (Владимирский гос. ун-т).
6. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та

1996. – 104 с. – (Воронежский гос. ун-т). 7. **Тазетдинова Р. Р.** Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии / Р. Р. Тазетдинова // Межкультурный диалог на евразийском пространстве : междунар. науч. конф., Уфа, Башкир. гос. ун-т, 30 сент. – 2 окт. 2002 г. : материалы. – С. 1–3. – Режим доступа : http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf. – Заголовок с экрана. 8. **Попова З. Д.** Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1999. – 186 с. 9. **Зусман В. Т.** Концепт в культурологическом аспекте / Зусман В. Т. // Межкультурная коммуникация : сб. науч. тр. – Н. Новгород : Изд-во НГУ, 2001. – С. 38–53. 10. **Венжинович Н. Ф.** Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів / Н. Ф. Венжинович // Лінгвістичні студії : зб. наук. пр. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – Вип. 14. – С. 8–12. 11. **Степанов Ю. С.** Константы : словарь русской культуры. опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40–76. 12. **Ахманова О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 296 с. 13. **Васильев Л. М.** Современная лингвистическая семантика : учеб. пособ. [для лингвистов] / Л. М. Васильев. – М. : Высш. Шк., 1990. – 176 с. 14. **Вандриес Ж.** Язык. Лингвистическое введение в историю : пер. с франц. П. С. Кузнецова / Ж. Вандриес. – 3-е изд. – М. : УРСС, 2004. – 408 с. 15. **Дмитриева О. А.** Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Дмитриева Ольга Александровна. – Волгоград, 1997. – 202 с. 16. **Образное мышление** // Социально-гуманитарное и политологическое образование. – М. : РУДН, 2004. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/70066>. – Заголовок с экрана. 17. **Тараненко А. А.** Языковая семантика в ее динамических аспектах / А. А. Тараненко. – К. : Наук. думка, 1989. – 254 с. – (АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни). 18. **Кудрявцева Л. А.** Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. – (Киевский нац. ун-т).

Работа посвящена анализу структуры инвариантного значения номинативной единицы. Автор считает, что явление однозначности характеризует языковой уровень семантической структуры номинатива, а многозначности – речевой. Процесс речевого обозначения реализуется в двух тактиках актуализации языкового значения – денотации и коннотации.

Ключевые слова: денотация, значение, инвариант, коннотация, лексико-семантическое варьирование.

Роботу присвячено аналізу структури інваріантного значення номінативної одиниці. Автор вважає, що явище однозначності характеризує мовний рівень семантичної структури номінатива, а багатозначності – мовленнєвий. Процес мовленнєвого позначення реалізується в двох тактиках актуалізації мовного значення – денотації і конотації.

Ключові слова: денотація, значення, інваріант, конотація, лексико-семантичне варіювання.

The work is devoted to the analysis of the structure of invariant meaning of nominative unit. It appears to the author that the phenomenon of monosemy characterizes the language level of semantic structure of nominatheme, and polysemy characterizes speech level. The process of speech nomination is realized in two tactics of actualization of the

language meaning – denotation and connotation.

Keywords: denotation, meaning, invariant, connotation, lexico-semantic varying.

УДК 81-11

И. В. Фирсова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОФОРМЛЕНИЯ КОНЦЕПТА
«ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале предлогов с пространственным значением)**

Современное языкознание характеризуется пристальным вниманием лингвистов к вопросам содержательной стороны языка. Это обусловливается тем, что без разработки семантического аспекта языка невозможно глубокое понимание его природы, закономерностей его функционирования и развития, его связи с мышлением и поведением человека, его особенностей отображения окружающей действительности.

Пространство, наряду со временем является основной формой существования материи. Понятие «пространство» в терминологии имеет несколько больший семантический потенциал, чем просто организованная среда как совокупность природных или иных условий существования. В работе «Пространство и текст» В. Н. Топоров пишет о двух пониманиях пространства: по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...». Во втором случае пространство – « нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [1, с. 228].

Пространство – это сложное языковое явление, в котором отражаются событийные сферы реальной действительности, субъективное восприятие ее человеком, многообразие параметрических характеристик предметов, особенности ландшафта, своеобразно преломляющиеся в языке. Совокупность данных пространственных параметров образует один из важнейших аспектов языковой картины мира.

Принимая за основу определения О. П. Флоренского «...действительность есть особая организация пространства» [2, с. 198], следует признать всю сложность и многообразие данного понятия и можно говорить о сложности и многообразии отражения этого понятия в языке. Язык непосредственно участвует в формировании языковой картины мира. Понятие «языковая картина мира» позволяет глубже решать задачу о соотношении языка и действительности, «отображения» действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира.

Изучая языковую картину мира, Е. С. Яковлева утверждает, что она «является безусловным отражением действительности, её реалий, понятий, категорий в языке. В качестве фрагмента, составляющего данную языковую картину наряду с такими понятиями, как время и восприятие, на наш взгляд, следует рассматривать и языковое отражение понятия пространства» [3, с. 196].

Категория пространства может оформляться в языке различными языковыми средствами: предлогами, наречиями, предложно-падежными формами имён существительных и глаголами с пространственной семантикой

Цель настоящей публикации – проследить за рядом языковых способов выражения категории пространства в русском и французском языках на примере одной из лексико-грамматических категорий, выявляя основные лингвистические средства, которые служат для воплощения некоторых из пространственных значений. Данная публикация выполнена в рамках изучения проблемы исследования категории пространства с точки зрения её основной характеристики - трёхмерности: изучить горизонтальную, вертикальную её плоскости и пространство как «точку пересечения» всех плоскостей в языковом аспекте; установить состав и структуру лексико-семантических групп лексем с пространственной семантикой; выяснить роль отдельной пространственной лексемы в структуре общей пространственной модели.

Практическая значимость работы состоит в том, что в ней представлены языковые модели пространства, описанные с помощью предлогов во французском и русском языках.

Проанализировав во французском и русском языках первичные значения пространственных предлогов, можно отметить значительное сходство понятийной стороны данного концепта. Рассмотрим семантические функции предлогов, выражающих пространственные отношения во французском и русском языках, анализируя их с применением комплексного подхода, сочетающим когнитивные и внутрилингвистические способы изучения предлогов, с последующим сравнительным анализом их значений и способов представления пространственных объектов окружающего мира носителями каждого из языков, отраженных в семантике этих предлогов.

Проблема значения пространственных предлогов на сегодня изучена мало. В то же время детальное рассмотрение предлогов, передающих пространственные отношения, дает возможность выявить закономерности пространственного восприятия мира, преломленного в значениях этих языковых единиц, и как следствие позволяет глубже изучить систему понятий, с помощью которой человек осмысляет окружающий мир. Пространство является основополагающим понятием, существующим в сознании человека, чем объясняется важность его изучения. Осмысление и описание пространственных отношений в

разных языках представляет особый интерес как в когнитивном, так и в лингвистическом плане.

Материалом для исследования послужила выборка пространственных предлогов из «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой, «Толкового словаря» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Le Robert micro poche » rédaction dirigée par Alain Rey.

Проанализировав предлоги современного русского языка, взятые из «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой [4], и «Толкового словаря» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [5] можно отметить, что в выражении пространственных отношений, наиболее употребляемыми являются 16 (у, из, до, с, возле, около, за, перед, на, в, по, от, мимо, к, под, над). Французский словарь «Le Robert micro poche» [6] дает более 25 пространственных предлогов. В данном случае в поле нашего внимания попали основные из них: à, de, en, par, près de, sur, devant, dans, chez, vers, entre, jusqu'à, depuis, pour, à travers, à partir de, derrière, sous и т. д.

Сопоставим наиболее распространенные способы выражения пространственных отношений в русском и французском языках.

1. При обозначении **местонахождения лица, предмета в пределах определенного пространства** употребляют предлоги, которые отвечают на вопрос где?

В русском языке это предлоги: «в» + предл. п., «на» + предл. п., «у» + род. п.: в тумбочке, на стуле, у мамы.

Во французском языке соответственно употребляются предлоги «à», «sur», «dans»: dans l'armoire, sur la chaise, à la mère.

2. Для обозначения **местоположения внутри предмета** употребляется: в русском языке группа «в» + предложный падеж: в ящике, в доме. Во французском языке предлог «dans» указывает обычно на более конкретное или более ограниченное пространство, в котором происходит действие или находится предмет (внутри пространства): dans le tiroir.

Но некоторые существительные, обозначающие здания, помещения, а также определенные пространства, в этом значении в русском языке могут употребляться в предложном падеже с предлогом «на». Например: на почте (ср: в магазине); на заводе (в мастерской) и т.д. При выражении пространственных отношений используются определенные группы имен существительных, требующих употребления предлогов «в» и «на»: названия учебных заведений, организаций, учреждений, объектов, населенных пунктов, географических объектов: в школе, в городе, на улице, на катке, на юге, в Австрии, в Киеве.

Во французском языке в этих случаях употребляют предлоги «en» и «à». Эти предлоги употребляют в случаях, когда говорящий передает в речи менее конкретное представление о пространстве:

Le bateau est en mer !

Il reste en ville.

Je fais mes études à l'école.

Il aime se reposer au Sud de notre pays.

Перед названиями городов употребляется предлог «à»: à Paris.

Если при названиях городов имеется определение, то употребляется предлог «dans»: dans le nouveau Moscou.

Перед названиями государств женского рода употребляется предлог «en»: en Ukraine.

Перед названиями некоторых государств, преимущественно мужского рода или употребляющихся во множественном числе, употребляется «à» + определенный артикль: au Japon.

3. При указании **конечного пункта движения предмета** (названия объемных предметов, помещений, зданий, сооружений, географических понятий, одушевленные существительные) в русском языке употребляются предлоги «в» + вин. п., «к» + дат. п., «на» + вин. п. (вопрос куда?): в стол, к сестре, на диван.

Во французском языке дательному падежу при одушевленном существительном соответствует предлог «chez»: chez ma mère.

А горизонтальность положения, при указании конечного пункта движения предмета требует употребление предлога «sur»: sur la table.

4. На **исходный пункт движения** (названия объемных предметов, зданий, помещений, сооружений, географических понятий, одушевленные существительные) указывают в русском языке предлоги «из» + род. п., «с» + род. п., «от» + род. п. (вопрос откуда?): из магазина, с кровати, от бабушки.

Таким образом, если в русском языке данное пространственное значение выражено при помощи двух синонимичных предлогов, во французском языке для реализации данных коммуникативных целей используют один предлог «de», который переводится существительным в родительном падеже и отвечает на вопрос откуда?: du magasin, du lit, de la grand-mère.

5. При обозначении **пути движения в пределах определенного пространства** в русском языке употребляют предлоги «по» + дат. п., «на» + предл. п., «в» + предл. п., «через» + вин. п.: гулять по улице; ездить на улице; ходить в парк; идти через лес.

Во французском языке русским предлогам «по», «на», «в» соответствует один предлог «dans», а предлогу «через» соответствует предлог «par»: par la porte.

6. При указании **конечного пункта движения** (куда направлено движение?) употребляются предлоги в русском языке «за» + вин. п., «перед» + твор. п.; а во французском «derrière», «devant»: за дом, перед зданием, derrière la maison, devant l'immeuble.

7. При указании **пути движения относительно какого-либо предмета** в русском языке употребляют предлоги «мимо» + род. п., «около» + род. п., «возле» + род. п.: мимо дома, около магазина, возле церкви.

В отличие от групп с предлогом «около», «возле» и т.д. группа с предлогом «мимо» не предполагает обязательной непосредственной близости расположения предмета.

Во французском языке в этих случаях употребляются предлоги «devant», «près de», «auprès de»: devant la maison, près de la maison, auprès de l'église.

На непосредственную близость предмета указывает предлог «auprès de», но для выражения данного значения чаще используется предлог «près».

Таким образом, мы видим, что в двух языках возможно полное семантическое соответствие, но возможны и семантические различия. Функции французских предлогов значительно шире, чем русских, что связано с отсутствием склонения во французском языке. Французские предлоги выполняют несколько функций, одна из которых – это выражение грамматических отношений, соответствующих косвенным падежам в русском языке, а вторая – это соединяя между собой слова в предложении, предлоги устанавливают между ними не только грамматические, но и смысловые связи: пространственные, временные, причинные и т.д. Но установить полное соответствие между употреблением падежей в русском языке и употреблением предлогов во французском нельзя, так как один и тот же предлог может передавать отношения, выражаемые различными русскими падежами, и различные предлоги могут передавать отношения, выражаемые одним и тем же падежом.

Литература

1. **Топоров В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. – М., 1983. – 128 с.
2. **Иванов В. В.** П. А. Флоренский и проблема языка / В. В. Иванов // Механизмы культуры. – М., 1990. – 215 с.
3. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (моделей пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 196 с.
4. **Золотова Г. А.** Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
5. **Толковый словарь русского языка** / под ред. С. И. Ожегова, И. Ю. Шведовой. – М., 2000. – 728 с.
6. **Rey A.** Le Robert micro poche / A. Rey. – P., 1993. – 1470 p.

Современное языкознание характеризуется пристальным вниманием лингвистов к вопросам содержательной стороны языка. Пространство, наряду со временем является основной формой существования материи. Категория пространства может оформляться в языке различными языковыми средствами: предлогами, наречиями и т.д. Проанализировав во французском и русском языках первичные значения пространственных предлогов, можно отметить значительное сходство понятийной стороны данного концепта.

Ключевые слова: пространство, категория, предлог, местонахождение, движение.

Сучасне мовознавство характеризується пильною увагою лінгвістів до питань змістовної сторони мови. Простір, поряд з часом є основною формою існування матерії. Категорія простору може оформлятися в мові різними мовними засобами: прийменниками, прислівниками і т. д. Проаналізувавши у французькій і російській мовах первинні значення просторових прийменників, можна відзначити значну схожість понятійної сторони даного концепту.

Ключові слова: простір, категорія, прийменник, місцезнаходження, рух.

The modern linguistics is characterised by steadfast attention of linguists to the questions of the substantial party of language. The space, along with time is the basic form of existence of a matter. The space category can be made out in language by various language means: pretexts, adverbs etc. Having analysed primary values of spatial pretexts in French and Russian, it is possible to note considerable similarity of the conceptual party of given concept.

Keywords: space, category, pretext, location, movement.

УДК 81'23

С. В. Чевычалова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Актуальность данной темы состоит в том что, психология перевода имеет относительно небольшую историю своего развития в сравнении с психологическими особенностями процесса изучения иностранных языков. В литературе очень часто подчеркивается ошибочность отождествления процессов обучения иностранным языкам и переводу, т.к. эти процессы имеют разноплановую природу и структурно-процессуальные отличия.

К сожалению, психологические особенности деятельности переводчика отображены в научной литературе весьма фрагментарно. Целью нашей статьи является необходимость обобщения и осмысления психологических особенностей деятельности переводчика. В литературе часто подчеркивается психологический характер деятельности переводчика, т.к. эта деятельность дает актуализацию мыслительно-речевых процессов человека в контексте двух разных речевых систем. Как справедливо отмечает Н. К. Рябцева «Переводя текст с одного языка на другой, переводчик мыслит как бы два раза, сначала на одном языке, а потом на другом. В результате соединения этих двух мыслительных процессов рождаются не только тексты перевода, а и неповторимые факты деятельности интеллекта» [5, с. 46–47].

На мыслительный характер овладения иностранным языком указывает И. Д. Пасечник. Ученый отмечает, что овладение иностранным языком основывается на таком мыслительном процессе, как систематизация. «Система повинна стати результатом вивчення конкретних мовних та мовленнєвих явищ, представлених у такій

послідовності, яка визначається закономірностями навчання і структурною логікою іноземної мови» [4, с. 217].

Психологическим особенностям перевода посвящена целая серия работ Л. В. Засекиной. Основными признаками психологической модели перевода она считает simultанность, вариативность и обусловленность когнитивным стилем переводчика. Анализ работ, посвященных психологическим проблемам переводческого процесса, свидетельствует о разнообразии взглядов и основных позиций. С целью обобщения основных идей о психологических основах переводческой деятельности, необходимо найти отправной пункт для такого обобщения. Отправным моментом в этом контексте может служить психологическая структура какой-либо деятельности, в том числе и переводческой. Поэтому крайне важно изучать перевод с позиции психологической структуры переводческой деятельности.

К основным компонентам какой-либо деятельности относятся цель, способы, субъект и объект. Рассмотрим компоненты в контексте переводческой деятельности.

Цель переводческой деятельности заключается в рождении текста перевода с сохранением основного смыслового содержания выходного текста.

Цель перевода обозначается нами как максимально адекватная передача смысловой и речевой формы выходного текста, подчиненная действию когнитивных механизмов и процессов переводчика, сопровождается его соответствующей мотивацией и спецификой строительства внутренней речи и семантической схемой будущего общения.

В трактовании способов переводческой деятельности выделяются работы С. В. Засекиной, В. Н. Комисарова, Г. О. Мирама, Т. О. Фесенко, Х. Шмидта. Исследователи настаивают на том, что семантические, когнитивные и коммуникативные способы должны быть синтезированы в одно целое, обеспечивая интересы трех сторон переводческой деятельности: автора-переводчика-адресата. Это требует нахождения такой переводческой деятельности, которая позволила бы удовлетворить потребности каждого члена этой триады.

На наш взгляд, такой основой может служить обозначение психологической структуры переводческой деятельности, которая рассматривается нами в поэтапном раскрытии речевой деятельности субъекта. Так, способы переводческой деятельности можно рассмотреть как циклическое движение, соответствующее всем этапам развития речи: мотивация переводчика – речевое значение выходного текста – активизация речевой организации, которая предоставлена всей совокупностью знаний о мире, и рождение рецептивного смысла выходного текста в образе внутренней речи – построение семантической схемы будущего текста – рождение текста – перевода.

Важным моментом в этом процессе есть то, что рожденный автором смысл текста никогда не совпадает с тем рецептивным смыслом, который рождается у переводчика. Причина кроется в разности их мотивационных особенностей, знаний и видения мира и соответственно особенностей течения их речи.

Другим центральным компонентом психологической структуры какой-либо деятельности является субъект. Субъектом переводческой деятельности является переводчик, который, по словам С. В. Засекиной, может быть или творцом или имитатором [2, с. 144]. Переводчик всегда стоит перед проблемой принятия и обработки чужого ментального пространства, т. к. в своем переводном тексте, он высказывает не свои собственные мысли, а лишь вербализирует идеи, сформулированные автором оригинала. Но случаются ситуации, когда переводчик, проектирует выходной текст в свое ментальное пространство, находит неидентичность личных ментальных структур со структурами автора. Это обуславливает появление специфичных когнитивных операций, которые трактуются как когнитивные стратегии.

Сущность когнитивных стратегий лежит в характере мышления, памяти, внимании переводчика. Тогда как интуиция дает возможность ассоциировать ситуации, отображенные в выходном тексте, со знаниями и опытом переводчика. Результаты теоретического анализа литературы по проблемам переводческих стратегий дают возможность сделать такие теоретические заключения:

- переводческие стратегии – это процессуальная характеристика мыслительно-речевой деятельности, которые обозначается всеми уровнями речевого генеза субъекта: конативным, когнитивно-лингвистическим, личностным;
- переводческие стратегии являются аналогом начальных познавательных стратегий субъекта, поэтому в полной мере обозначаются индивидуальными способностями к понятийному мышлению, мыслительного и речевого прогнозирования, четкости и яркости выражений;
- переводческие стратегии, в отличии от коммуникативных умений и навыков, характеризуют не только исполнительный, а и ориентировочно-исследовательский этап познавательной деятельности, что усложняет процесс их эмпирического изучения;
- переводческие стратегии имеют гибкую и эвристическую природу, что дает возможность целенаправленного их изучение и обуславливает необходимость их дальнейшего исследования.

Последним выделенным нами компонентом психологической структуры переводческой деятельности есть объект. Объектом является выходной текст, с которым работает переводчик для его трансформации в текст перевода.

В психологической литературе представлено огромное количество параметров текста как важной психологической категории. К

ним относятся целостность и связанность текста, герменевтические трактовки текста как одного из видов коллективного интеллекта, виды информации текста и их влияние на индивидуальное и массовое сознание.

Итак, изучение психологических особенностей деятельности переводчика базируется на выявлении психологической структуры этой деятельности и обозначении ее компонентов: целей, способов, субъекта и объекта деятельности. Результаты анализа этих компонентов в контексте переводческой деятельности дали возможность сделать такие теоретические заключения:

- Особенности переводческого процесса детерминируются психологической структурой деятельности переводчика, спецификой цели, способов, субъекта и объекта переводческой деятельности.
- Цель деятельности переводчика заключается в создании смысла выходного текста с максимальным сохранением его речевой формы.
- Способы переводческой деятельности реализуются на всех этапах перевод как вида мыслительно-речевой деятельности – формирование мотива, особенностей процесса внутренней речи, создание семантического замысла будущего текста.
- Центральным компонентом психологической структуры переводческой деятельности является субъект, который характеризуется необходимой совокупностью знаний для интерпретации текста и соответствующими переводческими стратегиями. К основным переводческим стратегиям относятся конативные, когнитивно-лингвистические и личностные стратегии.
- Текст как объект переводческой деятельности определяет основные ее направления в таких аспектах: рождение текста, особенности его построения через реализацию категорий целостности и связности, функционирование текста в социальном пространстве и этапы интерпретации текста – семантического, когнитивного и смыслового понимания.

Перспективы развития данной темы, состоят в дальнейшем изучении аспектов психолингвистических особенностей переводческого процесса и практического применения и использования переводческих стратегий.

Литература

1. **Залевская А. А.** Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 382 с.
2. **Засєкіна Л. В.** Психолінгвістичні аспекти перекладу / Л. В. Засєкіна. – Луцьк : ВІСМ, 2006. – 144 с.
3. **Леонтьев А. А.** Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2005. – 288 с.
4. **Пасічник І. Д.** Психологія поетапного формування операційних структур систематизації / І. Д. Пасічник. – Острог : Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія», 2004. – 217 с.
5. **Рябцева Н. К.** Теория и практика

перевода: когнитивний аспект / Н. К. Рябцева // Перевод и коммуникация. – М. : ИЯРАН, 1997. – С. 46–47.

В данной статье рассматриваются психолингвистические особенности переводческого процесса. Обозначается цель переводческой деятельности, способы, субъект и объект переводческой деятельности. Обозначается набор и использование переводческих стратегий – когнитивно-лингвистических, личностных, конативных.

Ключевые слова: психолингвистический, переводческий процесс, переводческая деятельность, когнитивный, конативный, переводческие стратегии.

У статті розглядається психологічна структура перекладацької діяльності. Визначається мета, засоби, суб'єкт та об'єкт перекладацької діяльності. Визначається набір та застосування перекладацьких стратегій – когнітивно-лінгвістичних, особистісних та конативних.

Ключові слова: психолінгвістичний, перекладацький процес, перекладацька діяльність, когнітивний, конативний, перекладацькі стратегії.

The following article is devoted to the work of the interpreters that complines a lot of different topical and operational components that create a base for the science interest to study. The translation in general like a process of fundamental interpretation of the text and it's author's personality is a subject of interest for philosophers and psychologists The variety of speech techniques while translating in national culture reliques makes the translating the object of linguistic studyrooms.

Keywords: psycholinguistic, translation process, interpreter's activity, cognitive, conative, translating strategies.

УДК 377. 44:504

В. В. Червонецький

СИСТЕМА ПІДВИЩЕННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КВАЛІФІКАЦІЇ ШКІЛЬНИХ УЧИТЕЛІВ У ГАЛУЗІ ЕКОЛОГІЧНОЇ ОСВІТИ В КРАЇНАХ ЄВРОАТЛАНТИЧНОГО РЕГІОНУ

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими та практичними завданнями. Ефективність навчально-виховного процесу в школі безпосередньо залежить від професійної компетентності вчителя, готовності забезпечувати його на високому рівні якості. Перманентне поповнення, і вдосконалення фахових знань, опанування сучасними технологіями навчання, постійний пошук поліпшення його використання є основною вимогою до особистості вчителя, як знавця своєї дисципліни і вихователя молодого покоління. Гармонійне поєднання педагогічної майстерності вчителя з високими моральними принципами і духовними переконаннями, відповідальною громадянською позицією, розвиненою національною свідомістю й інтеріоризованими загальнолюдськими ідеалами є тією височиною, на якій сьогоденне суспільство хотіло б бачити наставників своїх дітей. Широкомасштабність поглядів і високі людські якості вчителя здатні забезпечити виховання молоді генерації, просиченої

гуманними ідеалами, налаштованої на добродійність, на конструктивне розв'язання нагальних проблем, в числі яких екологічні проблеми набули домінуючого значення.

У країнах євроатлантичного регіону питання підвищення еколого-професійної компетентності вчителя кваліфікується як першочергове, оскільки від його розв'язання залежить якість екологічної освіти і виховання школярів – майбутніх дорослих громадян, які мають навчитися приймати відповідальні рішення щодо природного довкілля, керуючись новою етикою у взаємостосунках людини з природою. Її сутність полягає в тому, що збереження природного середовища та існуючого у ньому розмаїття життя є запорукою не тільки покращення фізичних і матеріальних параметрів буття людини, а й перспектив виживання. У зв'язку з цим в країнах, що входять до євроатлантичної спільноти, значна увага приділяється підвищенню еколого-професійної підготовки вчителя, яка здійснюється як на рівні окремих держав, так і на рівні міждержавних угод і домовленостей, чинних в країнах євроатлантичного регіону. Звертання до досвіду цих країн буде сприяти поліпшенню і подальшому вдосконаленню еколого-професійної підготовки шкільних учителів у системі післядипломної педагогічної освіти в Україні.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор. Висвітленню даного питання сприяли матеріали міжнародних конференцій з екологічної освіти, дослідження українських вчених щодо організації підвищення кваліфікації шкільних учителів у окремо взятих країнах євроатлантичного регіону (Г. Марченко, Я. Полякової, І. Бороною, І. Костицькою та ін.), публікації вчених і педагогів, що мешкають в країнах даного геополітичного регіону (Д. Кваснічкової, Чехія; Д. Цихі, Польща; П. Беррі, Велика Британія; Р. Киплан, США; Р. Лоб, Німеччина). У роботах цих авторів дається ґрунтовий фантологічний матеріал, в якому висвітлюється стан і тенденції підвищення еколого-професійної компетентності вчителя, дається аналіз діяльності післядипломних закладів освіти.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячена означена стаття. Малодослідженими на сьогоднішній день залишаються питання організації післядипломної екологічної освіти шкільних учителів, форми підвищення кваліфікації, їхньої змістовної наповненості. Викликають інтерес навчальні технології активізації отримань знань і умінь еколого-професійного характеру, що використовуються в системі підвищення кваліфікації учителів у країнах євроатлантичного регіону.

Формулювання цілей статті (постановка завдань). Мета статті полягає в тому, щоб висвітлити і узагальнити досвід підвищення кваліфікації учителів з екологічної освіти і виховання учнів у школах країн євроатлантичного регіону.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Підвищення кваліфікації є важливою ланкою в системі безперервної екологічної освіти, яка забезпечує можливість своєчасно реагувати на зміни, що відбуваються як у підходах до розв'язання проблем довкілля, так і способах й формах передачі екологічних знань молодому поколінню, виховання його в дусі гуманістичних ідеалів [9, с. 132; 6, с. 280].

Вдосконалення еколого-професійної підготовки учителів відбувається у різних формах організації: проводяться конференції і семінари, присвячені питанням теорії та методики екологічного виховання школярів, відкриваються факультети післядипломної освіти і започатковуються курси з різним терміном навчання (від одного-двох тижнів до декількох місяців) при університетах, науково-дослідних закладах, коледжах та інших освітніх установах. При цьому враховуються можливості вчителя щодо відвідування. Вчителі, що обтяжені викладацькою роботою або з інших причин не можуть навчатися на стаціонарних курсах, мають змогу звернутися до послуг заочного або дистанційного навчання [5; 7; 8, с. 8].

У Чехії, наприклад, при провідних вищих навчальних закладах відкриваються спеціалізовані курси для різних категорій учителів, – як для початківців, так і тих, хто має тривалий стаж роботи (від 10 років і більше). Для першої категорії учителів діють короткотермінові курси (два-три тижні). Для другої – програма навчання розрахована на два роки. Вчителі, які успішно опановують академічним курсом і проходять тестові випробовування, отримують свідоцтво, що надає їм право працювати в системі підвищення кваліфікації з екологічної освіти своїх колег за місцем роботи або в існуючій мережі неформальної освіти (постійно діючих або літніх екологічних школах, семінарах, короткотермінових курсах тощо).

Програма дворічних курсів передбачає забезпечити:

- систематизацію й поглиблення знань учителів у галузі захисту довкілля та екологічної освіти;
- ознайомлення із загальними питаннями та провідними концепціями екологічної освіти;
- обізнаність у дидактичних проблемах екологічної освіти в базовій і середній школі та в системі підвищення кваліфікації;
- ознайомлення з можливостями неформальної екологічної освіти, а саме: робота в екологічних клубах, хобі-групах тощо;
- опанування практичними вміннями й навичками екологічної освіти;
- формування вміння передавати набуті знання та досвід колегам, серед яких працюють ті вчителі, що навчаються на курсах;

- опанування досвідом впливати на свідомість батьків учнів та широких верств населення з метою переорієнтації їхнього споживацького ставлення до природного довкілля на відповідальне [9].

Як відзначають автори цієї спеціалізованої програми для вчителів, вона складається із двох частин. Перша передбачає ознайомлення з теоретичними питаннями сучасних екологічних проблем, друга частина присвячується розгляду дидактичних проблем екологічної освіти. Кожна частина програми в обов'язковому порядку передбачає залучення вчителів до практичної роботи.

Це передусім участь у польових екологічних практикумах, а також у викладацькій діяльності. Набуті знання й досвід з еколого-професійної підготовки відпрацьовуються в різних формах занять, серед яких домінуючими є семінари й лабораторні роботи. Еколого-професійна підготовка вчителів здійснюється на мультидисциплінарній основі, враховуючи сучасні підходи до розв'язання екологічних проблем та забезпечення екологічно небезпечного розвитку суспільства. У процесі навчання слухачі курсів виконують різноманітні дослідницькі проекти, беруть участь у методичних і наукових семінарах і конференціях, що забезпечує активізацію набутих ними еколого-професійних знань і навичок. Після закінчення курсу навчання випускники захищають підготовлені ними дипломні роботи за обраною тематикою.

Наведений приклад підвищення кваліфікації вчителів з екологічної освіти за стаціонарною формою навчання в Чехії не є винятковим. Він може слугувати за узагальнюючий. Подібна практика набула поширення в багатьох країнах.

Довготермінові програми з підвищення кваліфікації учителів, що передбачають різні види і форми організації навчальної діяльності як в умовах стаціонарної освіти, так і у позаробочий час, також отримали поширення у багатьох країнах світу. Типовою в цьому відношенні є програма Ченстоунського нового коледжу у Вустерширі (Велика Британія). Там запроваджено односеместровий курс підвищення кваліфікації, який ставить за мету навчити вчителя використовувати природне довкілля як дидактичний матеріал. Програмою передбачається досить велика кількість годин для проведення польових практикумів, щоб ознайомити з проблемами довкілля та дослідити їх як в умовах міста, так і сільської місцевості [4, с. 151].

Інший приклад пов'язується з дворічною програмою навчання, підготовленою коледжами-членами Організації підготовки спеціалістів району Ліверпуля. Ця програма розрахована на вчителів, які вже мають досвід роботи в школі не менше року і працюють з учнями віком від 9 до 13 років. Ті слухачі, які успішно пройшли курс навчання і склали відповідні іспити, отримують диплом спеціаліста з екологічної освіти.

Вчителі, які поєднують навчання з викладацькою діяльністю, мають можливість присвятити рік підвищення своєї кваліфікації за програмою, що пропонується педагогічним коледжем в Поултон-м-

Файлд. Ця програма також розрахована на вчителів, які працюють з учнями 9–13 років. Вони поглиблюють свої знання в галузі вікової й педагогічної психології, опановують формами й методами роботи, що сприяють оптимізації навчально-виховній роботи з дітьми [4, с. 151].

За рекомендаціями ЮНЕСКО-ЮНЕП вчителі, які з певних причин не в змозі підвищувати кваліфікацію протягом навчального року, мають отримати можливість задовольнити свою потребу в цьому через навчання у спеціалізованих літніх школах, участь у теоретико-методичних семінарах, організованих у вільний від роботи час та інші форми неформальної екологічної освіти, що пропонуються вищими педагогічними навчальними закладами [4, с. 151].

Потреба у підвищенні еколого-професійної підготовки вчителів ініціювала пошуки до її поширення і вдосконалення не тільки в межах вищих навчальних закладів, переважно в університетах, але й за рахунок створення спеціальних програм у мережі неформальної освіти при існуючих природничих та природоохоронних центрах, об'єднаннях, товариствах, науково-дослідних установах тощо. Одним із таких центрів є Центр екологічної освіти Національного парку «Великі озера» (США). Його робота спрямована на підготовку програм і дидактичних матеріалів для шкільних учителів, які зацікавлені у своєму професійному рості, виявляють занепокоєність станом навколишнього середовища, принаймні, якісним станом води у Великих озерах, бажання брати активну участь у розв'язанні проблем довкілля і захисті цих водоймищ [5, с. 2]. Найбільший внесок у подолання екологічної кризи, визначають експерти Центру, вчитель може зробити, навчаючи й виховуючи молодь у дусі поваги до природи, розвиваючи в неї почуття відповідальності за будь-які дії у природному середовищі [Там само]. У зв'язку з цим фахівці Центру намагаються максимально враховувати попит на програми підготовки вчителя до екологічної освіти учнів у школі відповідно до профілю обраної ним спеціальності, стажу педагогічної роботи, зацікавленості в поглибленні своєї професійної компетентності. Такі програми створюються й для студентів – майбутніх учителів, які спеціалізуються у галузі шкільної екологічної освіти і намагаються отримати вчений ступінь бакалавра або магістра.

Заслуговує на увагу еколого-професійна підготовка вчителів-лідерів, тобто тієї категорії учительства, яка виявила особливу зацікавленість у педагогічних проблемах довкілля, пройшла відповідне тестування й тренінг за запропонованою програмою.

Після закінчення курсу навчання учителі-лідери отримують сертифікат на право проводити еколого-професійну роботу не тільки з учнями, а й зі своїми колегами-учителями. «Лідери впливають на інших учителів у межах школи, презентуючи їм методичні розробки, рекомендації, організаційні матеріали, а також надаючи їм консультації, поради, проводячи семінари та різноманітні тренінги» [Там само].

Удосконалення еколого-професійної підготовки вчителів здійснюється не тільки за програмами стаціонарних занять при центрах екологічної освіти, а й через систему дистанційного навчання, що забезпечує можливість заочно розширити контингент бажаючих підвищити рівень компетентності у галузі екологічної освіти. Дистанційна форма екологічної освіти набула поширення не тільки у США, але й у багатьох інших країнах євроатлантичного регіону. На сучасному етапі здійснюються пошуки вдосконалення такої форми навчання. Якщо традиційно дистанційні курси були менш гнучкими в тому плані, що навчальний матеріал мав бути засвоєний слухачами протягом певного терміну, а потім перевірений викладачем, то зараз, завдяки комп'ютерним мережам зв'язку, цей процес стає набагато мобільнішим і варіативнішим. Прикладом організації й упровадження дистанційного навчання з екологічної освіти на сучасному рівні зв'язку може слугувати одна з італійських дослідних установ під назвою «Рената Бряно і Вітторіо Мідоро» [5, с. 3]. Їхні співробітники підготували навчальний курс для підвищення кваліфікації учителів з екологічної освіти, розподіливши його на кілька стадій, кожна з яких передбачає виконання завдань, побудованих на модульній основі. Це надає можливість скласти більш стабільний розклад занять, забезпечує регулярність у спілкуванні консультанта зі слухачем, підвищує контроль за завданнями, що ним виконується. Одночасно модульна організація курсу навчання дозволяє більшою мірою враховувати пізнавальні й інтелектуальні потреби слухача, відповідність професійним запитам, і що особливо важливо, знімає обмеженість у часі, необхідному для опанування навчальним матеріалом та звітування за результати роботи. Комп'ютерна мережа зв'язку забезпечує можливість повідомити консультанта (тьютора) про готовність до академічного звіту або залишити йому повідомлення на відведеному сайті. У такий спосіб консультант має змогу спілкуватися із слухачем, залишаючи для нього навчальні завдання або повідомляючи йому про результати виконаної роботи. Переваги поєднання комп'ютерної техніки з такою організацією занять полягають у тому, що не тільки створюються умови для спілкування в системі консультант-слухач і навпаки, але й можливість оцінювати знання, виходячи за межі традиційного спілкування «учитель-учень». У даному разі стає можливою організація тематичних диспутів, дискусій, у яких бере участь від 3 до 5 слухачів, які складають академічну групу, закріплену за консультантом. Кількість учасників може бути розширеною, якщо з аналогічної тематики звітуються й інші академічні групи. Форму звіту становить тематична конференція, колоквиум, обговорення дослідних проектів слухачів тощо [5, с. 6]. Таким чином, з'являється можливість органічно поєднати індивідуальні, колективні й масові форми навчальної роботи з екологічної освіти вчителів, беручи до уваги їхній рівень фахової підготовки та потреби в його підвищенні.

Удосконаленню професійної компетенції учителів з екологічної освіти сприяють і засоби масової інформації. Активну просвітницьку роботу здійснюють телебачення, радіо, професійні журнали і газети. Засобами мас-медіа стає можливим охопити значну кількість учителів, які зацікавлені в удосконаленні своєї еколого-професійної підготовки. Для того, щоб вона була більш системною і цілеспрямованою, центрами з екологічної освіти, що утворюються при вищих навчальних закладах, громадських та державних організаціях, розробляються спеціальні програми, зміст яких передбачає висвітлення різноманітних питань, пов'язаних з навчанням і вихованням учнів у галузі охорони природи та розв'язання екологічних проблем. Такі програми набули поширення у США та в багатьох європейських країнах. Так, у Сполучених Штатах Америки на приватні кошти видається щомісячна публікація «Звіт з питань освіти у галузі навколишнього середовища» [4, с. 151]. У ньому висвітлюється досвід роботи з екологічної освіти не тільки американських учителів, а й інших країн.

Як відмічається у публікаціях ЮНЕСКО, це видання становить приклад всесвітнього накопичення фондів: проектів, дидактичних матеріалів, пропозицій для викладачів та інших працівників освіти, які займаються питанням педагогічної екології [4, с. 151]. Цікаві в науковому й корисні у професійно-педагогічному відношенні університетські видання, присвячені проблемам екологічної освіти. Так при університеті Боулінг Грін Стейт (штат Огайо) видається спеціалізований бюлетень «Еко-Центрик», який виходить два рази на місяць. У цьому виданні узагальнюються методи навчання у галузі екологічної освіти і у кожному випуску публікується один завершений план уроку. У Сполучених Штатах Америки видається фаховий журнал під назвою «Освіта у галузі навколишнього середовища» (Environmental Education), в якому висвітлюються як теоретичні питання, так і узагальнюється практичний досвід роботи з екологічної освіти в школі й у вищих навчальних закладах не тільки в США, а й в усьому світі. Еколого-педагогічна інформація висвітлюється і в різноманітних педагогічних виданнях типу «Шкільне природознавство і математика» (School Science and Mathematics), «Американський учитель біології» (The American Biology Teacher), «Природознавство та діти» (Science and Children), «Журнал з естетичного виховання» (Journal of Aesthetic Education) та ін. Такі періодичні видання існують і в інших країнах євроатлантичного регіону. Позитивним прикладом досвіду періодичних видань у США є те, що вони приймають участь у системній екологічній освіті вчителів за спеціально складеною програмою з підвищення кваліфікації.

Телевізійні й радіо програми з екологічної освіти практикуються фактично в усіх країнах євроатлантичного регіону. Вони розраховані як на учнів різних типів шкіл, студентську молодь, так і вчителів, бажаючих підвищити свою кваліфікацію. Їм пропонуються матеріали для розробки

навчальних планів, використання інноваційних технологій навчання та форм його організації. Майже необмежені можливості в цьому плані мають комп'ютерні програми, закладені в систему Internet, які дозволяють учителям ознайомитися з досвідом екологічної освіти й виховання школярів як у власній країні, так і за кордоном.

Заслугове на увагу ще одна форма екологічного всеобучу вчителів, яка набула поширення у країнах євроатлантичного регіону. Це організація клірингхаузів – своєрідного банку даних про стан та тенденції розвитку екологічної освіти, які оприлюднюються в різноманітних публікаціях та мережі Internet. Клірингхауз може складатися із друкованого довідника, що періодично видається, або центру обслуговування, персонал якого несе відповідальність за надану вчителям інформацію. Прикладом «друкованого клірингхауза» може слугувати альманах «ДЕЛЬТА» (Довідник з літератури та навчальних посібників у галузі навколишнього середовища). Це видання є керівним органом для вчителів Великої Британії, яке публікується школою педагогіки при університеті. Воно виходить із додатками і регулярно висвітлює найновіші досягнення у галузі екологічної освіти [4, с. 152]. У Канаді аналогічним виданням є «Каталог навчальних планів з екологічної освіти», розрахований на широке коло шкільних учителів, студентів педагогічних спеціальностей та викладачів вищих навчальних закладів [4, с.152].

Створюються клірингхаузи, які намагаються забезпечити вчителів різноманітною інформацією з екологічної освіти, дати консультацію та оцінити дидактичні матеріали й програми з педагогічних аспектів екології. Проте організація роботи клірингхаузів на такому рівні скоріше становить виключення, ніж правило. Це пов'язується з браком коштів, недостатністю спеціалістів, які б могли кваліфіковано виконувати таку роботу. Разом з тим клірингхауз як форма підвищення еколого-професійної компетентності вчителів може вважатися перспективною і бути рекомендованою до використання в системі педагогічної освіти і підвищення кваліфікації вчителів в Україні.

Висновки й перспективи подальших розвідок у даному напрямку. Таким чином, у країнах євроатлантичного регіону активно розвиваються і підтримуються різноманітні форми підвищення кваліфікації: створюються належні умови для його здійснення без відриву від виробництва за місцем роботи, або через мережу заочного та дистанційного навчання; організуються спеціальні курси на базі вищих навчальних закладів, науково-дослідних центрів, природоохоронних асоціацій, товариств, об'єднань, котрі займаються розробкою програм з підвищення кваліфікації учителів та їхньої практичної реалізації на діючих при них короткострокових (від двох-трьох тижнів до одного року) та довгострокових (від одного до трьох років) курсах, семінарах, школах. Професійному вдосконаленню вчителів у галузі екологічної освіти сприяють конференції, навчальні сесії, круглі столи, симпозиуми

тощо, присвячені питанням педагогічної екології. Такі форми підвищення кваліфікації надають їм можливість поглибити екологічні знання, здійснювати обмін думками, набутою інформацією, налагоджувати творчі зв'язки й співпрацю з колегами й однодумцями, збагачувати власний досвід із різних аспектів педагогічної екології. Заслугує на увагу в цьому плані й практика взаємного обміну вчителів для проходження стажування за кордоном, як форма підвищення кваліфікації.

Перспективними уявляються подальші розвідки теорії і практики підвищення кваліфікації шкільних учителів, аналіз і узагальнення позитивного досвіду в цій галузі освітньої діяльності в країнах євроатлантичного регіону.

Література

1. **Марченко Г. В.** Діяльність громадських природоохоронних організацій з екологічного виховання школярів / Г. В. Марченко // Освіта і управління. – 1999. – Т. 3. – Число 3. – С. 164–171.
2. **Полякова Я. В.** Використання національних традицій природокористування в екологічній освіті Великої Британії / Я. В. Полякова. – Донецьк : БСГ. – 2001. – 112 с.
3. **Сбруєв А. А.** Порівняльна педагогіка : навч. посіб. / А. А. Сбруєв. – 2-ге вид., стер. – Суми : ВТД «Університетська книга», 2004. – 320 с.
4. **Тенденции** в образовании по вопросам окружающей среды : пер. с англ. – М. : ВИНТИ, 1979. – 272 с.
5. **Advancing Education and Environmental Literacy** // <http://www.greatlakesed.org/programs.htm>.
6. **Kvasničova D.** Environmental Education in the Basic and Secondary Schools in Chechoslovakia / D. Kvasničova, J. Homuba // International Training Course on Environmental Education. – Part III. – UNESCO – UNEP, 1983. – P. 286–293.
7. **National Association for Environmental Education UK** // <http://www.Naee.org.uk>.
8. **Pemberton D. A.** Strategy for a National Network for Environmental Education / D. A. Pemberton // The Journal of Environmental Education. – 1988. – V. 19. – №4. – P. 8–11.
9. **Summary of Research in Environmental Education: 1971–1982.** Monographs in Environmental Education and Environmental Studies / A. Luis(ed.). – Columbus : Eric Clearinghouse for Science, Mathematics and Environmental Education. – 1984. – December. – 159 p.
10. **Teachers Interested in the Environment** // index.html.index.ptml

Статья посвящена освещению и обобщению опыта повышения квалификации школьных учителей в области экологического образования в различных формах последипломного образования в странах евроатлантичного региона, характеризуются наиболее типовые программы усовершенствования эколого-профессиональной подготовки учительских кадров.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое воспитание, усовершенствование экологично-профессиональной подготовки учителя, очная, заочная и дистанционная формы повышения квалификации учителей, страны евроатлантичного региона.

Стаття присвячена висвітленню і узагальненню досвіду підвищення кваліфікації з екологічної освіти шкільних учителів у різних формах післядипломної

освіти в країнах євроатлантичного регіону, характеризуються найбільш типові програми вдосконалення еколого-професійної підготовки учительських кадрів.

Ключові слова: екологічна освіта, екологічне виховання, вдосконалення еколого-професійної підготовки вчителя, очна, заочна та дистанційна форми підвищення кваліфікації учителів з екологічної освіти в школі, країни євроатлантичного регіону.

The article is devoted to reporting and generalization of experience in promotion of qualification of school teachers in the field of environmental education in various forms of further education in the countries of Euro-Atlantic Community. The most typical programmes of improvement of ecological and professional competency of school teachers are characterized here too.

Keywords: ecological education, typical programmes of improvement of ecological and professional competency, the countries of Euro-Atlantic Community, various forms of further education.

УДК 81'272:303.832.2

Г. А. Черненко

СФЕРИ МОВНОГО КОНФЛІКТУ В УКРАЇНІ (за результатами експертного опитування)

Бути чи не бути російській мові другою державною – так виглядає ключове питання, що ножем гільйотини зависло над мовним простором України. У такому формулюванні воно постало під час виборів 1994 р., коли в конкуренцію вступили Л. Кравчук і Л. Кучма. У таку жорстку дихотомічну форму загнало думки багатьох небайдужих до президентських виборів 2004 р. Ця дихотомічність може розцінюватися як рецидив звички до консервативного, традиційного мислення «або – або», на відміну від модерного багатоваріантного.

Мовний конфлікт, мусимо визнати, згідно з теорією конфліктології, – лише один із виявів, якщо не сказати евфемізм, конфлікту міжнаціонального. Ескалація такого конфлікту веде до «насильства, що не відає страху власної смерті: людина культури втрачає сенс життя разом з можливою загибеллю власного культурного світу» [1, с. 128]. Та якими б не були наслідки, уникнути загострення цього конфлікту нам навряд чи вдасться. «Разом з демократизацією суспільства, його державних органів і культури посилюється важливість мовних проблем, і мовні конфлікти, котрі стають предметом відкритого обговорення, можуть навіть загострюватися», – вирок авторитетного каталонського соціолінгвіста Ніньолеса (цит. за: [2, с. 105]).

Проте в Україні межа між російськомовними і україномовними опонентами та етнічними росіянами й українцями не співпадає. Дихотомія ускладнюється наявністю українців-русофонів, або, як іменує їх М. Рябчук, носіїв «креольського» малоросійського націоналізму [3, с. 128]. Завдяки їм міжмовний конфлікт в Україні дивним чином не

набуває усієї гостроти міжнаціонального. Він утримується переважно в межах конфлікту «дискурсивного»: між колоніальним та антиколоніальним дискурсами, де антиколоніальний позиціонується також як антирадянський і антитоталітарний, що потенційно може надавати йому привабливості в очах українців-русофонів. Проте ця привабливість зберігається лише доти, доки вони самі не стають об'єктом його нападок. М. Рябчук, характеризуючи цей дискурс, лише констатував очевидний усім факт безплідності його риторики для вирішення конфлікту на свою користь (*запроданці, яничари, національні кастрати* тощо) [3, с. 122].

Тож, на жаль, ескалації конфлікту запобігає не стільки культура його ведення, скільки певна дифузність позицій зацікавлених сторін. Видима толерантність до опонентів, на думку того ж М. Рябчука, це не так властивий сучасним демократіям плюралізм, що «передбачає наявність певного суспільного діалогу, певних агентств та інституцій, механізмів, через які цей діалог здійснюється», як своєрідний український еkleктизм, що «ґрунтується... на ідеологічній плутанині (зокрема в голові кожного окремого індивіда) та на тому, що ніхто нікого не слухає, не розуміє і, тим більше, не прагне якось узгодити власну позицію з іншими» [3, с. 122]. Інакше кажучи: «Ми отримали можливість говорити усі разом, щоб ніхто нікого не чув».

Особливо це стає помітно, коли спостерігати за дискусіями філологів, присвяченими мовному питанню. На них практично ніколи не бувають присутні представники двох різних поглядів. Небажання опонентів відкрито дискутувати між собою можна виправдати законом комунікативного самозбереження – небажанням ставити під удар своє «я», адже фахівці, які публічно виступають з мовних питань у засобах масової інформації, на конференціях, форумах тощо, нерідко висловлюються надто конфронтаційно. Образ вороже налаштованого опонента стає підставою для породження конфліктогенних текстів. Утворюється замкнене коло. Бодріяр назвав би це симуляцією діалогу, кінцевий результат якої – відстрашення: від самої проблеми так само, як і від її вирішення [4].

Між тим, важливий чинник розв'язання будь-якого конфлікту з мінімальними втратами і максимальним вирашем – це вміння подумки моделювати діяльність опонента («Деякі шахісти, зробивши хід, встають і заходять за спину партнера, намагаючись подивитися на дошку його очима» [5, с. 61]). Для цього необхідно мати в першу чергу уявлення про його картину світу, адже «конфлікт з точки зору стороннього дослідника, який фіксує рефлексивні структури, виступає як результат несумісності картин оточуючого людей світу, відображеного в їхніх головах, точніше проєктів майбутнього, які будують гравці. Несумісність, протилежність проєктів, що виявляється через несумісність цілей, – в цьому полягає внутрішня природа будь-якого конфлікту» [5, с. 16]. Таким чином, до вирішення конфлікту можна наблизитися лише з'ясувавши, що насправді

являють собою конкуруючі картини світу, тобто цілі. В нашому випадку це значить зрозуміти, **які насправді потреби стоять за майже міфологізованою вимогою надати російській мові особливий юридичний статус і до яких реальних дій готові носії антиколоніального дискурсу.**

Першим кроком до вирішення такого масштабного завдання могло би стати з'ясування позицій чи не найактивніших опонентів з мовного питання – філологів-русистів та україністів (зважаючи на численність публікацій з цієї проблеми, ми наводимо лише деякі, за часом найближчі до згаданих подій: [6–9 та ін.]). Метод експертного опитування видається найефективнішим для досягнення зазначеної мети. До нього вдавалися А. Залізник і Л. Масенко, коли досліджували мовну ситуацію у Києві [10]. Однак вони спиралися на думки переважно україномовних респондентів. Ми ж задля поставленого завдання залучили до свого опитування однакову кількість експертів-русистів і експертів-україністів, таким чином доповнивши названу методику елементами порівняльного аналізу.

Найважливішою проблемою було формулювання питань анкети. Вони мали зосередитися навколо об'єкта конфлікту, у володінні яким зацікавлені конфліктуючі сторони, оскільки він, на їхню думку, дасть їм можливість задовольнити деякі важливі потреби. Що є таким об'єктом у випадку мовного конфлікту в Україні? Перша відповідь, яка спадає на думку, – особливий юридичний статус для російської мови. Безумовно, якщо вважати що суть конфлікту в тому, що одна сторона перешкоджає іншій оволодіти бажаним об'єктом – офіційним статусом для певної мови, – то компроміс здається неможливим.

Логіка вирішення будь-якої складної проблеми передбачає розтин цієї проблеми на складові (на те вона, власне, й **складна** проблема). На які складові можна розкласти проблему статусу державної мови? З чого складається цей статус? Очевидно, з тих функцій, які виконує мова, що його має. Звернувшись до мовних функцій, ми тим самим зможемо спрямувати у майбутнє навколомовну дискусію, зосереджену головним чином на фактах минулого (історія переслідувань української, з одного боку, заклики зберегти двомовність, яка *історично* склалася, з іншого – подібну заангажованість минулим О. Забужко називає культурним некрофільством і вважає ознакою української провінційності та колоніальності [11]). Адже зміна суспільних функцій різних мов – це ті процеси, прогнозуванням яких і має займатися перспективна соціолінгвістика [12, с. 20].

Таким чином, **об'єктом мовного конфлікту в Україні є сфери функціонування.** Бажання носіїв однієї мов захопити якнайбільший функціональний простір наштовхується на аналогічне бажання носіїв іншої мови. Конфлікт виникає, коли дві мови претендують на одну сферу, в якій не можуть „поміститися”: де їхнє паралельне функціонування фізично неможливе (не можна двома мовами одночасно

віддавати накази в армії) чи обмежене законодавчо. Роботи з соціології мови [2; 13; 14], аналіз законодавчих документів та проектів таких документів з мовних питань, зокрема проектів Закону про мову, зареєстрованих у Верховній Раді України, дають підстави говорити, що для характеристики мовної ситуації в сучасному українському суспільстві доцільно розглядати такі соціолінгвістичні сфери: офіційно-ділову, мас-медійну, наукову, освітню, сферу послуг, рекламу.

Формулюючи питання анкети ми враховували ще й такий нюанс. Під час відомих нам опитувань щодо статусу російської мови організатори цікавилися бажанням респондентів: «Чи хочете ви... ?» В кращому разі ставилося питання: «Должна ли... ?», – де червоним вогником блимала незаповнена актантна позиція: «должна» – для чого і кому? У нашому експертному опитуванні ми заповнили цю пусту позицію. Респонденти повинні були давати відповіді з огляду на потреби держави Україна. Одна справа – відповідати на питання «чи хочеш ти сплачувати податки» або «чи потрібно сплачувати податки» (хтось може сказати, що в разі фінансових труднощів від сплати податків можна й ухилитися). Зовсім інша справа – сказати, чи потребує сплати податків держава. Тож загальне питання до всієї анкети формулювалося так: **«Який розподіл сфер функціонування між українською та іншими мовами, поширеними в Україні, ви вважаєте найсприятливішим для успішного розвитку держави?»** Конкретизувалося воно у 41 питанні стосовно різних комунікативних ситуацій, приналежних до названих соціолінгвістичних сфер.

Ось ці питання.

1. Якою мовою *представник центральної влади* повинен спілкуватися з громадянами в ситуації *усного спілкування*?
2. Якою мовою *представник місцевої влади* повинен спілкуватися з громадянами в ситуації *усного спілкування*?
3. Якою мовою *громадяни* повинні звертатися до представників *центральної влади* в ситуації *усного спілкування*.
4. Якою мовою *громадяни* повинні звертатися до представників *місцевої влади* в ситуації *усного спілкування*?
5. Якою мовою *громадяни* повинні *писати* свої заяви, клопотання тощо, які подаються до *центральных органів влади*?
6. Якою мовою *громадяни* повинні *писати* свої заяви, клопотання тощо, які подаються до *місцевих органів влади*?
7. Якою мовою повинна вестися *внутрішня документація* в *центральных органах влади* й інших державних установах?
8. Якою мовою повинна вестися *внутрішня документація* в *місцевих органах влади* й інших державних установах?
9. Якою мовою повинні оформлятися *документи, що засвідчують* особу громадян, їхнє право на власність тощо?
10. Якою мовою повинні видаватися *державні акти* України?
11. Якою мовою повинні друкуватися *бюлетені* для президентських, парламентських виборів, референдумів тощо?
12. Якою мовою повинна вестися *агітаційна компанія* під час президентських,

парламентських та ін. виборів? 13. Якою мовою повинно здійснюватися *інформаційно-обчислювальне забезпечення* державних установ і закладів? 14. Якою мовою повинне здійснюватися *судочинство*? 15. Якою мовою повинна здійснюватися робота *правоохоронних* органів та органів *прокуратури*? 16. Якою мовою повинні *послугуватися збройні сили*? 17. *Центральні друковані засоби масової інформації* (ЗМІ) повинні бути? 18. *Регіональні друковані засоби масової інформації* повинні виходити? 19. *Радіо- та телемовлення на центральних каналах* повинне бути? 20. *Мовлення на регіональних радіо- та телеканалах* повинне вестися? 21. Якою мовою повинні публікуватися *результати українських наукових досліджень в центральних наукових виданнях*? 22. Якою мовою повинні публікуватися *результати українських наукових досліджень у регіональних наукових виданнях*? 23. Якою мовою повинні подаватися *основні результати дослідження в центральних наукових виданнях* (у тому числі в електронних бібліографічних довідниках)? 24. Якою мовою повинні подаватися *основні результати дослідження в регіональних наукових виданнях* (в тому числі в електронних бібліографічних довідниках)? 25. Якою мовою повинен проходити *захист дисертацій*, а також оформлятися й здійснюватися вся документація, пов'язана із захистом дисертацій? 26. Які мови повинні бути робочими мовами *конференцій, форумів, симпозіумів* тощо? 27. Які мови повинні бути робочими мовами *міжнародних конференцій, форумів, симпозіумів* тощо, які проходять на території України? 28. Якою мовою потрібно здійснювати виховання в *дошкільних закладах*? 29. Якою мовою потрібно вести викладання в *середніх школах*? 30. Яким повинне бути викладання *російської літератури в українських школах*? 31. Чи вважаєте ви, що російська мова повинна стати обов'язковим предметом в усіх школах України? 32. Якою мовою слід приймати *вступні іспити* до середніх спеціальних та вищих навчальних закладів? 33. Якою мовою слід вести викладання у *професійно-технічних та середніх спеціальних навчальних закладах*? 34. Якою мовою слід вести викладання у *вищих навчальних закладах*? 35. У яку школу і чому ходить ваша дитина – російську чи українську? 36. Чи задоволені Ви тим, що зробили саме такий вибір і чому? 37. Якою мовою слід обслуговувати відвідувачів *закладів культури: музеїв, театрів, виставок* тощо (за виключенням екскурсій для іноземних громадян)? 38. Якою мовою повинні спілкуватися зі своїми клієнтами представники *сфери обслуговування* (торгівля, перукарні, транспорт тощо)? 39. Якою мовою повинні друкуватися та заповнюватися *поштові бланки, конверти* тощо? 40. Якою мовою повинні спілкуватися зі своїми пацієнтами *медичні працівники*? 41. Якою мовою потрібно здійснювати *маркування товару*? 42. Якою мовою слід виконувати *зовнішню рекламу*? 43. Якою мовою повинна друкуватися і транслюватися *рекламна продукція в засобах масової інформації*?

Відповіді передбачали такі типи мовної політики (регіональний, комбінований та персональний типи мовної політики описані за

Ніньолесом [2, с. 117]): монополія української мови (відповіді «тільки українська»); українсько-російська коофіційність (відповіді «українська і/або російська»); українсько-англійська коофіційність (поодинокі відповіді «українська і англійська», зокрема на питання про інформаційно-обчислювальне забезпечення, мову документів, що засвідчують особу, мову маркування товару); регіональна мовна політика, яка «дає право користуватися мовою лише на території, де вона поширена і вважається престижною» (відповіді «мова, прийнятна для більшості населення регіону»); персональна мовна політика, яка гарантує індивіду право користуватися своєю мовою у певних ситуаціях незалежно від його місцезнаходження (відповіді «будь-яка мова, обрана за згодою сторін», «мова, якою зручно спілкуватися відвідувачу», «українська та/чи найбільш розповсюджена в певному регіоні», «українська та/чи мови національних меншин України», відповіді «українська та/чи міжнародні»; комбінована мовна політика, яка означає застосування в різних ситуаціях і на різних територіях різних принципів мовної політики (відповіді «у державних закладах – українська, у приватних – не регламентується», «для громадян України обов'язкове використання української, для іноземців – за вибором»).

В опитуванні взяли участь 57 експертів, поділені на три групи – русистів, україністів та нейтральну групу, яка складалася з філологів інших спеціальностей, а також деяких інших фахівців, у чію компетенцію входять питання, пов'язані з мовною ситуацією. Серед опитаних – переважно працівники вищих навчальних закладів та НАН України, головним чином з науковими ступенями, з усіх регіонів України. Опитування проводилося протягом 2005 р.

Український монолінгвізм посів перші позиції в офіційно-діловій сфері (51%) та освіті (39%). Персональна мовна політика – в засобах масової комунікації (73%), сфері послуг (42%), рекламі (53%). У сфері науки різниця між кількістю голосів, відданих за політику українського монолінгвізму (36%) та персональну мовну політику (38%), коливається на межі статистичної похибки. Варто зважати на значну особисту зацікавленість у цьому випадку експертів-філологів.

У підсумку можемо сказати, що в більшості випадків конфлікт виникав там, де україністи давали відповідь «тільки українська», русисти – «будь-яка (за згодою сторін, за бажанням автора тощо)», тобто **вибір постав між українським монолінгвізмом (у сумі – 39%) і персональною мовною політикою (37%), а не між українським монолінгвізмом і українсько-російською коофіційністю чи регіональною мовною політикою**, як можна було би очікувати, зважаючи на публічні виступи філологів. При цьому у групі русистів на користь монополії української мови віддали голоси 18% респондентів, у групі україністів – 58%, у нейтральній групі – 41%. На користь персональної мовної політики віддали голоси 49% русистів, 23% україністів і 36% респондентів нейтральної групи. Що стосується

особливого статусу російської мови, загалом на його підтримку отримано 7% відповідей: 15% – від русистів, 1% – від українців, 6% – від нейтральної групи. Комбінована мовна політика набрала – 6% голосів, при цьому у групі русистів – 2%, у групі українців – 9%, у нейтральній групі – 6%. Голоси на користь регіональної мовної політики склали 4% відповідей: 8% – у групі русистів, 1% – у групі українців і 2% – у нейтральній групі.

Сфери, щодо яких українці висловилися за монополію української мови, а русисти за персональну мовну політику, тобто насправді конфліктні сфери, знаходяться на межі поділу на приватну, неформальну і на офіційну, формальну комунікацію. Це сфери послуг, ЗМІ та освіти. Сферу послуг можна потрактувати, з одного боку, як формальне спілкування, з іншого, як побутове – близьке до міжособистісного. Мас-медіа, з одного боку, межують з офіційно-діловою сферою, оскільки завдяки ним влада доносить до суспільства свої думки, але, з іншого боку, ЗМІ виконують функцію розважальну, культурно-просвітницьку, функцію заміщення міжособистісного спілкування для самотніх людей. Щодо освіти, слід брати до уваги, що філологи швидше за інших схильні сприймати її не лише як підготовку до професійного, ділового спілкування, але й спосіб трансляції культури. Названі, по-справжньому конфліктні, сфери і повинні стати об'єктом подальшого ретельнішого дослідження й обговорення філологами-соціолінгвістами.

Література

1. **Герасіна Л. М.** Конфліктологія / Герасіна Л. М., Осіпов Н. П., Панова М. І. – Х. : Право, 2002. – 256 с.
2. **Нарумов Б. П.** Соціолінгвістика в Іспанії / Б. П. Нарумов // Зарубежна соціолінгвістика. Німеччина. Іспанія. – М. : Наука, 1991. – С. 73–158.
3. **Рябчик М.** Від Малоросії до України. Парадокси запізненого націєтворення / М. Рябчик. – К. : Критика, 2000. – 304 с.
4. **Бодріяр Ж.** Симулякри і симуляція / Ж. Бодріяр. – К. : Основи, 2004. – 230 с.
5. **Лефевр В. А.** Алгебра конфлікту / **В. А. Лефевр, Г. Л. Смолян.** – М. : Знання, 1968. – 68 с.
6. **Інтелектуали палеоліта об українському виборі** // Дикое поле. – 2004. – №6. – С. 80–91.
7. **Кудрявцева Л. А.** Російський мовний в Україні: до і після «оранжевої революції» / Л. А. Кудрявцева // Інф. бюллетень УАПРЯЛ. – Київ : УАПРЯЛ, 2005. – Вип. 11. – С. 1–5.
8. **Меншиков І. І.** Російський мовний в сучасному українському суспільстві / І. І. Меншиков // Інф. бюллетень УАПРЯЛ. – Київ : УАПРЯЛ, 2005. – Вип. 11. – С. 5–10.
9. **Тараненко О. О.** Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні / О. О. Тараненко // Мовознавство. – 2001. – №4. – С. 3–19.
10. **Залізник Г.** Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та майбутній. Г. Залізник, Л. Масенко. – К. : Вид. дім «КМ Академія», 2001. – 96 с.
11. **Забужко О. С.** «Психологічна Америка» і азіатський ренесанс, або знову про Карфаген / О. С. Забужко // Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. – К. : Факт, 2001. – С. 197–236.
12. **Крючкова П. Б.** Соціолінгвістика в Німеччині / П. Б. Крючкова // Зарубежна соціолінгвістика. Німеччина. Іспанія. – М. : Наука, 1991. – С. 7–66.
13. **Шумарова Н. П.** Мовна компетенція

особистості в ситуації білінгвізму / Н. П. Шумарова. – К. : ВЦКДЛУ, 2000. – 283 с. 14. **Micewicz T. M.** Bilingualism in Upper Silesia. Its Psycho- and Sociolinguistic Problems / T. M. Micewicz. – Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1975. – 141 с.

Автор считает, что объектом языкового конфликта в Украине является не юридический статус русского языка, а функциональные сферы, на которые претендуют разные языки. Такая позиция позволяет принять во внимание различные точки зрения на проблему и решить языковой конфликт мирным путем. В статье приводятся также результаты экспертного опроса по языковой ситуации в Украине, в котором приняли участие филологи-русисты, филологи-украинисты, а также ряд других специалистов-гуманитариев (политологи, историки, юристы и т.п.). Анализируются расхождения во взглядах разных групп экспертов.

Ключевые слова: функциональные сферы общения, языковой конфликт в Украине, экспертный опрос.

Автор вважає, що об'єктом мовного конфлікту в Україні є не офіційний статус російської мови, а функціональні сфери спілкування, на які претендують різні мови. Така позиція дає можливість взяти до уваги різні точки зору на проблему і вирішити мовний конфлікт мирним шляхом. У статті наводяться також результати експертного опитування стосовно мовної ситуації в Україні, в якому взяли участь філологи-русисти, філологи-україністи, а також деякі інші фахівці-гуманітарії (політологи, історики, юристи тощо). Визначається різниця у поглядах різних груп експертів.

Ключові слова: функціональні сфери спілкування, мовний конфлікт в Україні, експертне опитування.

The author supposes that an object of a language conflict in Ukraine is not a legal status of Russian language but the communication spheres, where different languages may be used. This position makes it possible to take different vies of the problem into account and to decide a language conflict peacefully. The results of Delphi method investigation concerning the language situation in Ukraine are presented. The Russian philologists, the Ukrainian philologists and some other humanitarian specialists (historians, lawyers etc) have been polled. The difference between opinions of these groups is defined.

Keywords: the language conflict in Ukraine, communication spheres, Delphi method.

УДК 821.161.1.09

Л. В. Черниенко

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Женщины все делают иначе, по-другому:
думают, чувствуют, страдают — и лгут...*

Л. Улицкая

Проблема героя относится к числу «вечных» в литературоведении. Она одна из самых интересных и самых спорных, ибо именно в герое заложен сущностный смысл творчества любого

художника. Известная народная мудрость «каковы веки, таковы и человеки» отражает и главный принцип создания литературного персонажа.

Применительно к литературе современной (и не только русской) слово «герой» потеряло свою многозначность и чаще всего воспринимается как синоним термина «персонаж», т.к. герой в значении исключительной личности в наши дни употребляется преимущественно в ироническом контексте. Появление в 1995-ом году романа А. Кабакова «Последний герой» весьма показательно. В 1999-ом персонаж пьесы «Одуванчик» Ю. Эдлеса назвал свою деградацию «прогрессом в обратном направлении», в 2003-ем лирический субъект цикла стихов Т. Кибирова «Нищая нежность» в исповеди антигероя обозначил траги-ироничность современного «мыслящего индивидуума». И, наконец, как итог — бестселлер С. Минаева (2006 год) «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке». Уже не только негерой, но и человек суррогатный, «ненатуральный».

Процесс дегероизации человека в литературе обозначился давно. Многие литературоведы ведут отсчет от «Смерти героя» Р. Олдингтона, «Человека без свойств» Р. Музиля, «Степного волка» Г. Гессе, но это в «ближнем прошлом». Ретроспективно необходимо обратиться и к Бальзаку, и к Достоевскому, и к Чехову: имен может быть названо немало.

В последние годы писатели стараются не только констатировать факт дегероизации (в начале перестройки это было главным), но проникнуть в процесс превращения человека в человечка, «рядового обывателя», «человека как все». В этом плане обращают на себя внимание не только произведения известных авторов: В. Маканина («Андеграунд, или Герой нашего времени»), Ю. Полякова («Грибной царь»), В. Пьецуха («Бог в городе»), Е. Сазанович («Улица вечерних услад»), Л. Зорина («Опечатка»), Н. Коляды («Уйди-уйди») и др., но и новичков. Так, в 2008 году появилась интересная по жанру (автор определил его как «эпизоды: I, II, III, IV») и остропроблемная по содержанию книга Валерия Зеленогорского «В лесу было накурено...», где уже в первом авторском комментарии определена суть отношения повествователя к персонажам: «... мои персонажи вовсе не герои, они не совершают подвигов, не получают наград и не претендуют на то, чтобы вести народы в будущее. Они просто жили или живут среди нас...» [1, с. 5].

Конечно, писатели не исключают того фактора формирования (деформации), который в XIX — нач. XX ст. именовали «социальной средой», а сейчас называют «социумом». Характеризуя персонажей В. Пьецуха, О. Богданова пишет о том, что у него «нет картинных злодеев и намеренных убийц. Тщательно разрабатывая линию поведения каждого героя, Пьецух показывает, что его герои — нормальные, обыкновенные люди, которые ведут себя соответственно сложившейся

жизненной ситуации (ср. у М. Булгакова: «Люди неплохие, но квартирный вопрос их испортил»), проявляя добрые и не-добрые — разные — качества и свойства характера. Грубая и жестокая реальность накладывает отпечаток на их мировоззрение и поведение, формирует их эгоистами — индивидуалистами, лишенными личностного начала. В этом смысле, если герой Достоевского пытался утвердить в себе личностность (не «тварь дрожащая»), то герои Пьецуха (поистине «твари дрожащие») утратили ее безвозвратно» [2, с. 74].

Тема социальной и нравственной свободы (*не* анархии) тесно связана в проблемой самоидентификации человека. Довольно часто эта проблема трагически неразрешима, потому что мысли и чувства персонажа похожи на «лоток с макулатурой» (Л. Зорин), он не в состоянии привести их хоть в какую-то систему: нет ориентира, нет сопричастности к подлинной жизни. Болезненная иллюзорность личности, неписанность в реальность — знаковое заболевание многих персонажей конца XX — начала XXI вв., что нередко отражается уже в названиях: «Тепло одетые в жаркий день» В. Славкина, «Нелегал» В. Тетерина, «Второе лицо» Л. Улицкой, «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Насущные нужды умерших» И. Сахновского, «Инопланетянин» Е. Унгарда.

До недавнего времени разговор о персонажах (героях), как правило, сводился к группировке, оценке, анализу мужских персонажей (если речь шла не о системе образов одного произведения, а о проблеме в *целом*). Сейчас в решении этой проблемы невозможно обойти гендерный аспект. Чем в принципе отличаются женские и мужские персонажи в современной литературе? Тем же, чем реальные мужчины и женщины в современной жизни.

Прежде всего тем, что персонажам-мужчинам в высшей мере свойствен «синдром недеяния» (Т. Тайганова). Она выжидают, размышляют рефлексиируют, предполагают, но не делают. Сатиновский тип (по имени известного горьковского героя) — один из самых частотных в современной прозе и драматургии. И не только у «этой феминистки Арбатовой». В двух пьесах конца 90-х мужчин-драматургов (Ю. Эдлис «Одуванчик», О. Таск «Паучок»), в романах Ю. Полякова «Козленок в молоке» и А. Мелихова «Роман с простатитом» «синдром недеяния» представлен в гротескном варианте.

Можно, конечно, трактовать ситуацию и так, как это делает А. Мережинская, замечая, что современный «нереализованный» мужчина — это «Обломов в мире победивших штольцев» [3, с. 202], но это только часть проблемы. Многие современные герои (мужчины) не могут самореализоваться *в принципе*. Перемена социума и микросреды не затрагивает сути. Дима (он же «дама» по имени Дин) из «Визита нестарой Дамы М. Арбатовой (2003 г.), оставив «разлюбленную» жену и «постылую», полуразрушенную Родину, пишет бывшей супруге по прошествии нескольких лет: «В Америке мне *все время непонятно*, как

показывать людям свою ценность, особенно бабам. Успеха у меня нет, а тонкая душа их не канает. Наши там завоевывают все через *какой-то успех* (выделено мной — Л.Ч.) в жизни» [4, с. 216]. Мужчина осознает свою нереализованность, страдает из-за нее, но (еще одна особенность большинства современных мужских персонажей) ищет причины *не в себе*: «Я — плохой сын, плохой муж, плохой специалист, плохой любовник... Я словно все время *обижен на жизнь* (выделено мной — Л.Ч.), как на женщину, и мне хочется все время делать ей назло» [5, с. 336]. Поэт-авангардист Иван Ахметьев говорит устами своего лирического героя о том же:

как все это грустно грустно
за окошком грязно грязно
город тысяча проблем

я запутался совсем (Пунктуация автора стихов. — Л. Ч.)

Самой сложной темой, в которой реализуют себя мужские и женские персонажи, продолжает, естественно, оставаться тема любви (или шире — любовно-семейных отношений). И мужчины, и женщины понимают значимость и ценность этого чувства, как говорит Юрий Ильич из «Блужданий» А. Образцова, «того единственного, ради чего только и стоит жертвовать, терпеть лишения, даже умирать» [6, с. 62], но «ужас бесчувствия», отравляющий и мужчин, и женщин, приводит к тому, что любовь в сюжете некоторых произведений низводится либо до уровня физиологических функций, либо превращается в игру, спектакль. «Грешны» и писатели, и писательницы. И персонажи обоих полов выглядят в этих «отношениях» не лучшим образом. Так, в пьесе Н. Коляды «Тутанхамон» (2002 г.) вполне зрелые люди (по авторской характеристике, им 35-40 лет), три женщины и двое мужчин, устраивают «репетицию несыгранной свадьбы» (Н. Малыгина), в которой *все* выглядят комично и жалко. Характеризуя ситуацию, одна из участниц «балагана» Тамара говорит (вернее, истерически орет): «Шуму, гаму... Ни тебе, ни мне, ни им пользы никакой, зачем это было, зачем? Как подкидные до купола прыгали, а зачем, зачем, зачем, зачем, зачем, зачем?» [7, с. 19]. С. Минаев в романе «The телки» (2008 г.) как бы поводит печальный итог деформации отношений женщины и мужчины подзаголовком «Повесть о ненастоящей любви» [8].

Женщины и мужчины в современной жизни осваивают новые социальные роли, причем женщина это делает быстрее и успешнее, как полагают психологи и социологи.

Женщины ищут, совершают поступки. Ощупью пытаются выйти на «свою колею». Не случайно уже упоминавшаяся пьеса А. Образцова называется «Блуждания (из жизни женщин)». В своих исканиях они могут обретать разные облики: «бескорыстной оторвы», «праздника непослушания» (М. Арбатова), «женщины-бульдога» (Ю. Трифонов), «наивной хамки» (В. Токарева), «дурочки» (С. Василенко), «тристаны» и «прекрасной мельничихи» (Е. Сазанович), «русской красавицы»

(Вик. Ерофеев) и т. д., но наблюдения над русской литературой последних двух десятилетий позволяет сделать вывод, что время *некоторой идеализации* женщины в произведениях (особенно женской литературы) начала перестройки уже прошло. Елена Сазанович, например, в своей сюрреалистической «печали» (авторское ощущение жанра) «Тристана» с большим сочувствием рисует Призрака и Федора, нежели Анну, вызывающую у читателя чувство брезгливости. То же — во многих последних произведениях В. Токаревой, Н. Катерли, К. Драгунской, Л. Разумовской.

Появление в литературе (и не только русской) множества талантливых писателей-женщин изменило лицо литературы в целом и, конечно же, *в первую очередь* — систему персонажей, их типологию.

Иногда, говоря о «женской литературе», исследователи особо подчеркивают только специфику проблематики: у женщин и в литературе свои проблемы. В плане проблемно-тематическом в женской литературе нет ничего принципиально нового, чего не касалась бы «мужская рука». Другое дело — *выбор угла зрения и качество ощущения темы*, выделение в ней таких нюансов, о которых и не подозревали художники-мужчины.

Темы женской судьбы, «социального функционирования» женщины, драмы женского одиночества и т. п., конечно же, рассматривались писателями-мужчинами, и трактовка их иногда была оригинальной, глубокой и детальной (как замечали женщины-читатели, «как будто автор в бабьей шкуре побывал»), особенно у таких авторов, как Э. Радзинский, В. Мережко, А. Галин — в драматургии, С. Залыгин, Д. Гранин, Ю. Трифонов, Ю. Бондарев, В. Маканин — в прозе.

Однако писательницы представили в своем творчестве *иной масштаб жизни, иные бытийные координаты*, дали картины «апокалипсиса на бытовом уровне» (М. Громова), который большинство мужчин, в том числе и художников, просто не замечает, т.к. мужчины и мыслят, и чувствуют иначе, чем женщины (этими проблемами на медико-биологическом уровне давно занимаются ученые многих стран, в том числе Кембриджского университета, где достигли видимых успехов). Л. Петрушевская, Т. Толстая, Н. Горланова, М. Арбатова, Л. Улицкая, Н. Садур, О. Кучкина, Е. Катасонова, М. Аввакумова, Е. Исаева, И. Кабыш, Е. Сазанович и многие другие прозаики, поэты, драматурги, представительницы «женской литературы» через «апокалипсис на бытовой уровне» доносят до читателя (зрителя, слушателя) трагигротескность нашей *повседневности* и одновременно *бытийные* знаки эпохи.

Мужские и женские персонажи современной литературы в каких-то своих проявлениях схожи, так как и мужчины, и женщины существуют в одной реальности (социальной, экономической, культурной), но почти незаметный, уже ставший привычным *трагизм повседневности* легче поддается женскому перу, ибо, как говорит герой

О. Кучкиной, «они (женщины. — Л. Ч.) эластичнее. Возможно, привычка к страданию. У мужчин привычка к радости и победе» [9, с. 87].

Тема *женской самодостаточности и тема любви* в самой парадоксальной трактовке, с точки зрения устоявшихся житейских (патриархальных) понятий в центре внимания женской литературы последней четверти прошлого столетия. Причем, что показательно и даже символично, в конце XX века это не две самостоятельные темы, а одна *тема-бинарма*. Ситуация объясняется современными психологами и философами вполне аргументированно: «Биархатные перевороты — это коренная перестройка всех женских ролей... При патриархате смысл жизни женщины — быть матерью, женой, домохозяйкой. Главная арена — дом, главное дело — растить детей, обслуживать мужа... С рождением биархата у женщины начинает рождаться новый смысл жизни — *сдвоенный*... Рост личности начинает рождать в женщинах *новые душевные* потребности: в развитии своего "Я", в уважении к себе, в *свободе* поведения, *выбора*... Эти новые потребности встают рядом со старыми (в замужестве, материнстве, домохозяйстве), теснят их, а часто отодвигают на другой план» [10, с. 181; выделено мной. — Л. Ч.]. Это наука. А писатели чаще всего используют полемический диалог для художественной реализации тех же постулатов. Так, в пьесе М. Яблонской «Плюшева обезьянка в детской кроватке», увидев мужчину у двери гинеколога (Дмитрий пришел поддержать жену в решении сохранить довольно позднюю беременность), женщины затевают дискуссию по этому поводу, и одна из участниц спора, именуемая «Вторая», говорит: «А что? Может, он вовсе не мужик, а девка. мужики-то нынче и волосья по пояс носят, и побрякушки всякие, и брюки на них, как на девках, и на работе смирные — перед начальством рта не раскроют, и дома кроткие. А бабы теперь и на должностях, и заработок имеют, они и на работе когда задержатся, мужики враз и за детьми доглядывают, и картошки наварят, и белье замочут, и что другое там по хозяйству. Теперь, вишь, все по-новому. Может, и природа сжалилась и за все их бабьи качества вполне женскими приспособлениями наградила?» [11, с. 190].

Такой прием утрированной ироничной полемики нередок у Л. Петрушевской (например, в «Сырой ноге...»), К. Драгунской («Мужчина, брат женщины»), М. Арбатовой («Взятие Бастилии», «Пробное интервью на тему свободы»), Н. Птушкиной («Пизанская башня», «При чужих свечах», «Овечка») и других авторов.

Героиня современных женских произведений «по дороге к себе» (таково название одного из произведений М. Арбатовой) борется не столько с бытом, моральными штампами, эмоциональными стереотипами взаимоотношений с мужчиной, она преодолевает в себе инерцию «рабы любви» не только поведенчески, но *на уровне подсознания*. «Необъяснимым счастьем» называет героиня Н. Птушкиной («Мало секса») тот факт, что муж оставил ее и наконец-

то, перешагнув сорокалетие, она может быть свободной по-настоящему. Елена начинает видеть и ощущать мир иначе — ярче, глубже, многомернее (причем по сюжету жили супруги вполне пристойно: громко не ссорились, заботились друг о друге, дом вели «на уровне»).

Женщины хотят, жаждут любви и не скрывают этого (или почти не скрывают), но любовь не должна быть антонимом свободы. Любовь должна потрясать душу. «Егомир» и «Своймир» (И. Цунский) должны пересекаться, но не уничтожать друг друга. «А мужчины смеются или пугаются, они не понимают, что они не созданы для такой любви» [12, с. 181].

«Мой божество, моя кумир» - не только название пьесы Л. Евгеньевой (1991 г.), но и некий знак существенной деформации социально-эмоциональных ролей мужчины и женщины, которая прежде всего отражена в типологии героинь женских произведений. «Мужчина-хозяин», «мужчина-кормилец», «мужчина-лидер» (руководитель, человек, принимающий решения), «мужчина-опора женщины» — эти типы (и в жизни, и в литературе) стали достаточно редкими, равно как «женщина-хранительница очага», «женщина-мать семейства» и под.

В первые годы XXI столетия пока преобладают «растерянные» герои, «утратившие ориентиры самоидентификации» (А. Мережинская), зараженные «депрессивным синдромом», которые, независимо от материального благосостояния, живут «бедно, убого, одноклеточно» (Н. Агишева) и при этом жестоко страдают от такой жизни, независимо от того, осознают ли до конца свое страдание. Как замечает герой пьесы П. Гладилина «Другой человек»: «Вы смотрите, как люди живут: они же не живут, они же корчатся» [13, с. 71].

Очень многих персонажей современной русской литературы объединяет «бомжовое» мировосприятие, ощущение *духовного бездомья*, даже если в реальной жизни у тебя многоэтажные хоромы. Беда в том, что не построен дом в душе, как рассуждал герой романа «Дом» Ф. Абрамова Михаил Пряслин, один из немногих персонажей современной литературы, не страдающий синдромом бездомья. Нет идеи Дома как личностнообразующей категории. На наш взгляд, симптомы тотального бездомья обнаружили еще в 20-е годы прошлого века М. Булгаков, А. Платонов, Б. Пильняк, Л. Леонов. Сейчас это уже *духовная эпидемия*. Марго М. Арбатовой («Пробное интервью на тему свободы») думает, что жизнь — «одна длинная гостиница», а герой «Блужданий» А. Образцова так рекомендует себя новой знакомой: «Я — Голицын Павел Петрович. Скиталец... Ищу место для своей души. И не нахожу» [6, с. 57]. Но еще трагичнее то, что новая знакомая, вполне благополучная внешне особа, в ответ на предсказание дома и семьи отвечает: «Я уже не хочу. Не хочу дома» [6, с. 58]. Ей вторит 28-летний Виктор Служкин («Географ глобус пропил» А. Иванова): «Я сам не знаю, где я дома» [14, с. 330].

Характеризуя наших современников и в жизни, и в литературе, представители многих гуманитарных наук (в разной форме и помощью различных средств) отличают в них как одну из главных черт «*скорбное бесчувствие*» (А. Сакуров). Это деформирует *традиционную для нашей литературы тенденцию*, но для деловых мужчин и женщин рубежа тысячелетий чувство — это помеха, досадное отвлечение от «главного». Равно, как для задерганных жизнью, суетящихся в поисках хлеба насущного. В своем ироническом романе «Козленок в молоке» Ю. Поляков рассказывает несколько занятных историй о том, как чувства современных мужчин и женщин трансформируются в «ужас бесчувствия» (Л. Гинзбург). Один из героев, в частности, не найдя подлинного чувства у других женщин, решил обратиться к дамам мира искусства — поэтессам, но оказалось, что они настолько окунулись в свою профессию, что даже «трахаются как-то яблом» [15, с. 155]. «Главное — *нынешнее время отучило сострадать* (выделено мной. — Л. Ч.), как и люди страдающие оказались отнесены у нас к отбросам общества и неприличным для словесности темам» [16, с. 7]. Когда-то, в первые послереволюционные годы, один из самых странных русских писателей А. Ремизов рассуждал о том, что в XX веке наиболее популярной формулой «гуманизма» станет не «человек человеку волк» или «человек человеку друг, товарищ и брат», «а человек человеку бревно». Оригинальный мыслитель оказался прав. Последнее суждение легло в основу «философии пофигизма», которая определяет явно или скрыто существование многих и в жизни, и в литературе. «Мне все по фигу. ВСЕ по фигу — это такая форма свободы...», — говорит героиня М. Арбатовой [17, с. 8].

«Деловые женщины», «деловые мужчины» — наиболее частотные образы современной литературы. Деловитость сближает представителей разных полов и порождает тенденцию некоего «социального унисексизма» (прекрасно отражают эту тенденцию Ю. Поляков и Е. Катасонова). Советская действительность создала некое «существо среднего пола» (Н. Хамитов), поэтому и «секса у нас не было», и отношение к женственным женщинам и джентльменам-мужчинам официальной идеологией формулировалось «соответствующее» (осуждающе-сочувственное, презрительное, уничижительное и под.). Та же опасность сейчас проявляется в иной форме. Бизнесмен и базнесвумен — также нередко являют собой «существа среднего пола», даже когда оказываются в постели.

Не менее интересны психологически (и очень неприятны, и нравственно опасны в жизни) такие типы, как мужчина-альфонс и женщина-стерва. Что важно: современные авторы не столько выделяют поведенческие модели таких типов (внешние проявления этих типов давно описаны), сколько исследуют *психологию альфонсизма и стервозности*, представляя ее как *основу мировидения, даже мироощущения* (А. Слаповский, Г. Щербакова, Н. Катерли, Т. Толстая,

С. Минаев, Д. Быков, Л. Зорин — как драматург и прозаик, Р. Солнцев, Н. Коляда, М. Арбатова — как драматург и прозаик и др.). Пьеса «Сыщица» Л. Зорина (2004 г.) и роман «The телки» С. Минаева (2008 г.) — классические примеры талантливого воплощения подобных персонажей.

В 80-ые — нач. 90-х гендерный аспект проблемы героя в художественной литературе и критике страдал неким «бытовизмом»: характеристики персонажей по половому признаку часто были окрашены скандально-кухонными спорами: «кто умнее, кто глупее», «кто в доме хозяин» и т.п. В последнее десятилетие наблюдаются попытки гендерной гармонии и максимальной объективности в подходе к «разнополым персонажам». Этому способствуют многие факторы. В первую очередь — *перемена объекта и субъекта повествования* (женщины — от имени мужчин, а мужчины — от имени женщин), как, например, в психологическом детективе Александры Марининой со знаковым названием «Замена объекта» (2005 г.) или в романе А. Тосса «Американская история» (2005 г.), а также значительной *активизацией исповедальности* (прямой или опосредованной).

Серьезные филологические исследования гендерного аспекта проблемы героя в современной литературе только начинаются. Работы М. Липовецкого, М. Ремизовой, О. Богдановой, Н. Лейдермана, А. Мережинской, А. Немзера, С. Чуприна, Е. Стрельцовой, И. Цунского и некоторых других ученых, безусловно, интересны, глубоки, оригинальны во многих трактовках, но вопросов пока больше, чем ответов.

Литература

1. **Зеленогорский В.** В лесу было накурено... Эпизоды: I, II, III, IV / В. Зеленогорский. — М.: АСТ, 2008. — 475 [5] с.
2. **Богданова О.** Современный литературный процесс / О. Богданова. — СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2001. — 252 с.
3. **Мережинская А.** Ориентиры самоидентификации героя в русской прозе 90-х годов XX в. / А. Мережинская // Динамизм социальных процессов постсоветском обществе. — Луганск—Цюрих—Женева: Альма-матер, 2002. — Вып. II. — Ч. 2. — С. 203–208.
4. **Арбатова М.** Визит нестарой дамы / М. Арбатова. — М.: ЭСМО-Пресс, 2003. — 512 с.
5. **Арбатова М.** Драг нах вестен / М. Арбатова // Арбатова М. Мобильные связи. — М.: ЭСМО-Пресс, 2000. — 464 с.
6. **Образцов А.** Блуждания. Из жизни женщин / А. Образцов // Современная драматургия. — 2001. — №4. — С. 55–67.
7. **Коляда Н.** Тутанхамон / Н. Коляда // Современная драматургия. — 2002. — №2. — С. 4–19.
8. **Минаев С.** The телки. Повесть о ненастоящей любви: роман / С. Минаев. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 535 [9] с.
9. **Кучкина О.** Синицы в октябре / О. Кучкина // Современная драматургия. — 1983. — №3. — С. 85–91.
10. **Рюриков Ю.** По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале эпохи биархата / Ю. Рюриков // Новый мир. — 1986. — №7. — С. 176–195.
11. **Яблонская М.** Плюшевая обезьянка в детской кроватке / М. Яблонская // Современная драматургия. — 1986. — №2. — С. 179–198.
12. **Вишневская И.** Ненормальная?.. / И. Вишневская // Современная

драматургия. – 1988. – №4. – С. 178–182. 13. **Гладилин Г.** Другой человек / Г. Гладилин // Современная драматургия. – 1998. – №3. – С. 74–81. 14. **Иванов А.** Географ глобус пропил / А. Иванов. – М. : Вагриус, 2003. – 367 с. 15. **Поляков Ю.** Козленок в молоке / Ю. Поляков. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, ОНИКС, 1997. – 464 с. 16. **Павлов О.** Остановленное время / О. Павлов // Русский мир. – 2002. – №7. – С. 7. 17. **Арбатова М.** Пробное интервью на тему свободы / М. Арбатова // Современная драматургия. – 1999. – №4. – С. 7–29.

Статья посвящена одному из актуальных направлений в современной гуманитарной науке. Проблема героя рассматривается в целом (основополагающие принципы) в русле развития русской литературы рубежа XX — нач. XXI вв., а также в свете новых подходов к героям и героиням произведений последних лет.

Ключевые слова: гендер, герой, типология персонажей, личностнообразующие факторы, женское и мужское начало в литературе, биархат, ирония, исповедальность, быт, бытие.

Стаття присвячена одному з актуальних напрямів в сучасній гуманітарній науці. Проблема героя розглядається в цілому (фундаментальні принципи) в руслі розвитку російської літератури порубіжжя XX — нач. XXI ст., а також в світлі нових підходів до героїв і героїнь творів останніх років.

Ключові слова: гендер, герой, типологія персонажів, особостворюючі чинники, жіноче і чоловіче в літературі, біархат, іронія, сповідальність, побут, буття.

The article is devoted to one of actual directions in modern humanitarian science. The problem of a hero is examined on the whole (fundamental principles) in the course of development of Russian literature in border of XX — beginning of XXI century, and also in the light of new approaches to the heroes and heroines in works of the last years.

Keywords: gender, hero, typology of characters, person forming factors, womanish and masculine elements in literature, biarchy, irony, confessioning, way of life.

УДК 81'374:[811.161.2+811.161.1+811.111]

К. В. Чубенко

ДО ПИТАННЯ ПРО СТАН ГЛОСОГРАФІЇ НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ РОЗВИТКУ

У будь-якій мові існують слова та стійкі вирази, значення яких залишаються не до кінця зрозумілими для носіїв мови, незважаючи на їх актуальність або частотність вживання. Такі одиниці зустрічаються й у соціально значимих, облігаторних текстах. Необхідність їх детального тлумачення була усвідомлена ще у давні часи, в результаті чого з'явилися перші словники – глосарії. Такі зібрання складних для розуміння слів заклали початок практичної лексикографії, але поступово їх витісняли академічні видання, спрямовані на опис усього лексичного складу мови. Орієнтовані на пояснення семантично затемненої лексики, глосарії продовжували існувати разом із системною лексикографією.

Досліджуючи практику створення глосаріїв у світовій лексикографії від давніх часів до 90-х років XX ст., Н. П. Матвеева

створила теорію глосографії, згідно з якою, під *глосографією* слід розуміти «теорію та практику створення особливого жанру навчальних словників антропоцентричного типу, що складаються з потенційно незрозумілих слів та виразів, які використовуються у різного роду писемних текстах» [1, с. 277]. Відповідно такі словники отримали назву *глосографічних*.

Сьогодні проблема правильного розуміння семантично затемнених лексичних одиниць залишається актуальною. Їх використання у текстах широкого призначення, зокрема, у масовій періодиці, позначається на адекватності сприйняття інформації. Очевидно, що така лексика вимагає спеціального тлумачення, яке забезпечують саме глосографічні словники. Оскільки аналіз словників цього жанру завершується 90-ми роками ХХ ст., існує необхідність подальшого вивчення глосографічної практики у різних мовах. *Мета статті* полягає у тому, щоб з'ясувати, яке місце посідають глосографічні словники у лексикографії української, російської та англійської мов на сучасному етапі розвитку (з 90-х років ХХ ст.), а також проаналізувати, наскільки повну лексикографічну інтерпретацію отримують у них семантично складні одиниці.

Специфіка глосографічних словників виявляється, перш за все, у тому, що реєстр слів у них складається тільки з тих лексико-фразеологічних одиниць, які створюють семантичні труднощі у писемних текстах, будучи при цьому культурологічно цінними. Такі одиниці у теорії глосографії отримали назву *глосем*, це ліва частина словникової статті, тобто сама заголовна одиниця у глосографічних словниках. Відповідно права частина словникової статті позначається терміном *глосограма*, це комплексна інтерпретація заголовної одиниці [1, с. 277]. Комплексність є основним принципом лексикографування глосем. Цей підхід зумовлює специфіку структури словникової статті, в якій поєднано лінгвістичну та енциклопедичну (а ширше – довідкову) інформацію з метою кращого розкриття семантики заголовної одиниці.

Авторка теорії Н. П. Матвеева розробила мікроструктуру глосографічного словника для опису глосем текстів художньої літератури. Вона виділяє в ній 7 зон: 1) лексична одиниця у вихідній формі; 2) система граматичних, стилістичних та інших позначок; 3) філологічна дефініція лексичної одиниці; 4) ілюстративний матеріал писемного тексту у вигляді розгорнутого контексту; 5) можливий перелік творів, у яких функціонує заголовна лексична одиниця; 6) зона етимології, де фіксується послідовний перехід слова з однієї мови до іншої та час його запозичення даною мовою; тут також представлені основні гнізда однокореневих слів, споріднених як з точки зору синхронії, так і діахронії; 7) довідковий відділ, у якому подано необхідну додаткову енциклопедичну, культурно-історичну інформацію про лексичну одиницю [1, с. 303]. Залежно від кожної конкретної одиниці, що лексикографується, кількість представлених у словникової статті зон,

так само як і обсяг інформації, що подається у кожній зоні, може варіюватися.

Отже, словник слід вважати глосографічним, якщо він комплексно описує семантично складну лексику. Таких словників небагато у лексикографії усіх трьох мов – української, російської та англійської. Однак існує чимало таких, які наближаються до глосографічних у деяких аспектах.

Повністю ідею глосографічного словника втілено у «*Словаре лексических трудностей художественной литературы*» (1989), який сьогодні має два перевидання (1993, 1998). Реєстр слів у словнику представлений тільки тими словами та виразами, що містять лексико-семантичні труднощі. У випадку полісемантичного слова, в першу чергу тлумачиться те його значення, яке є семантично складним, після чого наводяться інші. Такий опис семантики глосем дозволяє користувачу сформулювати повне уявлення про слово, пов'язати знайомі йому значення із недостатньо відомими. Культурологічно значима інформація подається у довідковому відділі, який завершує словникову статтю. Як правило, це етимологічні відомості, перелік однокореневих слів, енциклопедична інформація, залежно від кожного конкретного випадку.

Близьким за концепцією до глосографічного є змодельований у монографії В. В. та А. В. Морковкіних «*Словарь агнонимов русского языка*» [2, с. 151–187]. Реєстр слів у ньому складають агноніми – лексичні та фразеологічні одиниці рідної мови, невідомі, незрозумілі або малозрозумілі багатьом її носіям [2, с. 86]. Словник орієнтований на комплексну інтерпретацію заголовних одиниць. Серед відомостей, які автори монографії пропонують включати у словникову статтю, цікавими для глосографії, на наш погляд, є наступні: 1) наведення синонімів і антонімів дозволяє визначити місце заголовної одиниці у лексичній системі мови, тим самим краще засвоїти її значення; 2) словник змодельований як такий, що має подвійну організацію: алфавітну та систематичну, яка містить ідеографічну класифікацію представлених у словнику агнонімів. Така організація зумовлює додатковий компонент словникової статті – вказівку на місце заголовної одиниці в ідеографічній класифікації, що допоможе користувачам правильно визначити її зв'язки із семантично близькими одиницями.

До словника «*Лексические трудности русского языка*» (2000) увійшли слова, що вживаються у художній, публіцистичній та спеціальній літературі і можуть бути не до кінця зрозумілими для читачів; отже, він уявлявся як посібник, до якого зверталися б з метою уникнення нерозуміння смислу літературних творів, періодики, теле- та радіоповідомлень, зумовленого незнанням семантики окремих слів [3, с. 6]. Цінність цього довідника полягає у тому, що відібраний до нього лексичний матеріал пройшов експериментальну перевірку серед учнів та студентів як семантично складний. Такий принцип добору матеріалу наближає словник до глосографічних. Однак структура словникової

статті у ньому не повністю відповідає вимогам глосографічного словника. Комплексний характер інтерпретації забезпечує етимологія, синоніми й антоніми, зона словотвору. З іншого боку, тлумачення отримують усі значення заголовного слова, при цьому семантично складне з них ніяк не виділяється.

Цікавим для глосографії є «*Словарь русских историзмов*» (2005). Він спрямований на опис семантично складної лексики, оскільки специфіка історизмів полягає у тому, що їх часто розуміють неправильно через недостатнє знання культури. Словникова стаття поєднує відомості лінгвістичного та енциклопедичного характеру: тлумачення історичного значення слова містить культурологічно цінну інформацію, наводиться сучасне значення (якщо таке є), розкривається етимологія слова. Оскільки у словнику поєднано лінгвістичну характеристику історизмів та закладену в них культурологічну та країнознавчу інформацію, описано слова з точки зору їх існування у певних історичних умовах, його можна віднести до жанру глосографічних.

Інші словники застарілої лексики, хоча і складаються переважно з глосем, мають досить спрощену структуру словникової статті. В результаті цікавий з культурологічної точки зору мовний матеріал не отримує необхідного пояснення. Серед таких словників слід назвати «*Словарь устаревших слов*» (1997), «*Словарь редких и забытых слов*» (2006), «*Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков*» (1998).

За структурою словникової статті до глосографічних словників наближається «*Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический*» (2003). У ньому представлено культурологічно цінну лексику, незалежно від того, чи є вона семантично складною. У цілому, однак, до реєстру слів увійшло чимало глосем (наприклад, (рос.) *Гестия, Марена, мартиролог, харизма*). Мікроструктуру словника визначає принцип комплексної лексикографічної інтерпретації заголовної одиниці. Своєрідністю словникової статті є перелік стійких словосполучень, прислів'їв та приповідок з коротким тлумаченням за потребою, які подають культурологічно значиму інформацію про слово. Винесений в окрему зону статті розгорнутий енциклопедичний коментар розкриває відомості історико-культурного, наукового, технічного характеру про позначуваний елемент дійсності.

Близькими до глосографічних є лінгвокраїнознавчі словники, орієнтовані, як правило, на іноземців. Їх близькість зумовлена культурологічною маркованістю матеріалу, що лексикографується. Інформацію лінгвокраїнознавчого характеру для носіїв мови представляють так звані «вітчизнознавчі словники», які побудовані за аналогією до лінгвокраїнознавчих, але враховують специфіку мовної особистості адресата. Значення цих словників для підвищення загального культурного рівня носіїв мови зазначала, зокрема, Н. П. Матвєєва [1, с. 270–272].

В українській лексикографії першим виданням, у якому представлено збережену в мові культурну спадщину народу, є мовокраїнознавчий тематичний словник-довідник «Україна в словах» (2004). У ньому представлено національно-культурну лексику української мови, відібрану відповідно до низки критеріїв, головним з яких була культурологічна значимість слова [4, с. 4]. Основна увага приділялася тим назвам, що відображають традиційну українську культуру, тому серед заголовних одиниць багато історизмів та етнографізмів, поширених у навчальних, художніх, публіцистичних та науково-популярних текстах. Крім філологічного тлумачення, словникова стаття розкриває символіку назв, подає українознавчі відомості, наводить типові означення, порівняння, загадки, народні прикмети, у складі яких функціонують заголовні одиниці. Інколи наводяться синоніми, а також сталі вислови (останні об'єднують фразеологізми, стійкі словосполучення, прислів'я та приказки). Тлумачення часто спрощені та осучаснені для полегшення їх розуміння читачами. Словник «Україна в словах» є глосграфічним: по-перше, він описує національно-культурний шар лексики української мови, а отже, ті лексеми, які можуть викликати труднощі у розумінні через нерозкритий фоновий зміст; по-друге, словникові статті у ньому подають комплексну характеристику заголовних одиниць, поєднуючи інформацію лінгвістичного та енциклопедичного характеру.

Серед словників англійської мови слід згадати довідник «100 Words Every Word Lover Should Know» (2005), у якому зібрано переважно книжні та запозичені слова, значення яких вимагають пояснення. За принципом добору матеріалу, він наближається до глосграфічних, однак словникові статті у ньому не відповідають критерію комплексного опису. Слово отримує філологічне тлумачення усіх своїх значень, деякі з них ілюструються прикладами з літературних творів, розкривається етимологія слова.

В англійській лексикографії досить поширені так звані «словники лексичних труднощів» (dictionaries of difficult words). Словникова стаття у них тлумачать значення заголовної одиниці та в окремих випадках коментує її вживання у мовленні. Хоча у цих словниках представлено семантично складну лексику, вони не орієнтовані на розкриття її культурологічної цінності. Це такі видання, як «Wordsworth Dictionary of Difficult Words» (R.H. Hill, 1993), «Dictionary of Difficult Words» (S. Batra, 2002), «The Oxford Essential Dictionary of Difficult Words» (2001), «The New American Dictionary of Difficult Words» (C.-J. Cassidy, P. Heacock, 2001), «Bugaboos, Chimeras & Achilles' Heels: 10, 001 Difficult Words and How to Use Them» (J.L. Dusseau, 1993).

Близьким до таких словників є «The Browser's dictionary of foreign words and phrases» (2001), у якому представлено складні для розуміння лексеми і стійкі словосполучення іншомовного походження, що активно використовуються у текстах газет, у теле- та радіопрограмах,

але при цьому залишаються не повністю засвоєними носіями мови. Це слова, які порівняно недавно увійшли до англійської мови і ще зберігають іншомовну форму. Словникові статті, однак, розкривають тільки філологічні значення слів.

Цікавим для глосографії є «*The Oxford Dictionary of New Words: A popular guide to words in the news*» (1999). Це словник соціально значимої лексики окремого періоду, що має на меті не просто розкрити значення нових слів (як це роблять словники неологізмів), але надати детальну інформацію про них, зокрема, висвітлити події, завдяки яким вони з'явилися і закріпилися у словниковому складі мови. У ньому зібрано ті лексеми, лексико-семантичні варіанти та стійкі звороти, які активно використовувалися або були модними у 80–90-ті роки ХХ ст. і пізніше були включені до Оксфордського словника або залишилися поза увагою лексикографів. У словниковій статті розкривається філологічне значення заголовної одиниці, джерело її походження, іноді наводяться похідні слова та стійкі звороти, до складу яких вона входить, а також ілюстративні приклади – цитати із сучасних літературних творів, газетних і журнальних текстів. Цінним компонентом словникової статті є зона «Історія та вживання», в якій описано обставини, за яких слово з'явилося у мові та набуло популярності, а також проілюстровано перші фіксації слова у мові.

Іншим широко представленим в англійській лексикографії типом цікавих для глосографії словників, є так звані «словники алюзій» (dictionaries of allusions), які описують ті елементи лексико-фразеологічного складу мови, що відсилають до вихідного тексту або до конкретних культурно-історичних фактів. Така знакова функція цих одиниць позначається на їх семантиці: окремий компонент значення слова активізує у свідомості носія мови відповідний текст або факт. Спираючись на концепцію прецедентних текстів Ю. М. Караулова, ми використовуємо термін «прецедентна одиниця» на позначення таких мовних одиниць (слів, словосполучень, фраз або висловлювань), які відсилають до прецедентного тексту. Прецедентні одиниці вводяться у текст, зокрема, з метою надання йому експресивності, однак цього можна досягти тільки у випадку, коли читач/ слухач розуміє вкладений у них смисл. Втрата смислу відбувається, якщо адресат забув або ніколи не знав того, до чого відсилає мовна одиниця.

Одним з таких словників є «*Merriam-Webster's Dictionary of Allusions*» (1999), у якому зібрано основні прецедентні одиниці, що їх повинен розуміти сучасний читач, наприклад: *Four Horsemen of the Apocalypse*; *B movie*; *Peter Pen*; *Sentence First, Verdict Afterwards*; *Strangelove*. Основним компонентом словникової статті є тлумачення переосмисленого значення заголовної одиниці, у якому вона функціонує у сучасній мові. Крім того, детально розкривається вихідний контекст для слова чи виразу (у випадку літературного твору подається короткий зміст тексту в цілому або того його фрагменту, до якого відсилає

заголовна одиниця). Ілюстративний матеріал демонструє використання прецедентних одиниць у письмовому та усному мовленні (текстах газет і журналів, літературних творах, виступах на радіо і телебаченні); при цьому не тільки вказується джерело цитати, а й описується ситуативний контекст, що забезпечує повноцінне засвоєння заголовної одиниці у її соціально важливому значенні.

На відміну від попереднього, «*The Oxford Dictionary of Allusions*» (2001) побудований за тематичним принципом. Концепція словника та принцип опису матеріалу в них аналогічні. Реєстр слів представлений мовними одиницями, що відсилають до Біблії, античної міфології, відомих легенд, фольклору, класичних літературних творів, казок для дітей, витворів візуального мистецтва (живопису, скульптури), а також до таких сучасних джерел, як кіно, мультфільми, популярні телепередачі.

Вважаємо, що словники цього типу відносяться до глосографічних, оскільки за задумом вони відповідають концепції глосографії: тлумачать культурологічно цінну лексику, яка може викликати труднощі лексико-семантичного характеру під час читання соціально значимих текстів; при цьому словникові статті у них поєднують філологічні тлумачення та інформацію енциклопедичного характеру, розкривають соціокультурний контекст для заголовних одиниць.

Таким чином, серед проаналізованих словників, у яких повністю або частково представлена семантично складна лексика, умовно можна виділити такі групи: 1) власне глосографічні словники, орієнтовані на комплексний опис складної для розуміння лексики; 2) словники, орієнтовані на опис складної для розуміння лексики, які обмежуються її філологічним тлумаченням без подання культурологічно цінної інформації; 3) словники, в яких частково представлена складна для розуміння лексика, але подаються культурологічно цінні відомості про неї. Додатково можна виділити ті словники, в яких частково представлена семантично складна лексика, але які обмежуються її філологічним тлумаченням. Такі словники у статті не розглядалися.

Проведений аналіз дозволяє зробити висновок про те, що проблема лексикографування семантично складної лексики сьогодні залишається актуальною в українській, російській та англійській мовах, оскільки спрямовані на опис цієї лексики словники продовжують створюватися у лексикографії трьох мов. З іншого боку, обмежена інтерпретація глосем у них свідчить про недостатнє усвідомлення необхідності поєднання лінгвістичних та енциклопедичних відомостей у межах словникової статті з метою представлення повноцінного опису культурологічно цінних мовних одиниць.

Ми обмежилися тільки тими словниками, які описують переважно лексичний матеріал; словники фразеологізмів (у широкому розумінні фразеології) у межах статті не розглядалися. Наш аналіз не

претендує на всеосяжність; очевидно, що практика глосографії на сучасному етапі вимагає як її подальшого вивчення, так і безпосереднього створення нових словників цього типу для розробки оптимальної моделі словникової статті.

Література

1. **Матвеева Н. П.** Лексико-семантические трудности письменного текста и их лексикографическая интерпретация : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.15 / Н. П. Матвеева. – Киев, 1997. – 400 с. 2. **Морковкин В. В.** Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина / Институт русского языка им. А. С. Пушкина; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с. 3. **Лексические** трудности русского языка : Словарь-справочник / Семенюк А. А., Городецкая И. Л., Матюшина М. А., Невжинская А. М., Позднякова Г. И., Фоменко Т. А. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2000. – 586 с. 4. **Україна в словах** : Мовоукраїнознавчий словник-довідник / Н. Данилюк (упоряд. і керівник авт. колективу). – К. : Вид. центр «Просвіта», 2004. – 704 с.

В статье анализируется украинская, российская и английская глоссография современного периода (с 90-х годов XX в.), выясняется, какие словари описывают семантически трудную лексику и насколько полную интерпретацию она получает. Толкуются основные термины теории глоссографии, раскрывается понятие «глоссографического словаря».

Ключевые слова: глоссография, глоссографические словари, энциклопедическая информация, лексикографическая интерпретация, семантически трудная лексика.

У статті аналізується українська, російська та англійська глоссографія сучасного періоду (з 90-х років XX ст.), з'ясовується, які словники описують семантично складну лексику і наскільки повну інтерпретацію вона отримує. Тлумачаться основні терміни теорії глоссографії, розкривається поняття «глоссографічного словника».

Ключові слова: глоссографія, глоссографічні словники, енциклопедична інформація, лексикографічна інтерпретація, семантично складна лексика.

The article focuses on the analysis of the Ukrainian, Russian, and English glossography of the modern period (since 1990s); it answers the question of what dictionaries describe semantically difficult lexis and to what extent this interpretation is complete. It provides explanation of the main terms in the theory of glossography, in particular, the notion of glossographic dictionary.

Keywords: glossography, glossographic dictionaries, encyclopedic information, lexicographic interpretation, semantically difficult lexis.

И. В. Шаповалова

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МАКСИМИЛИАНА
ВОЛОШИНА КАК ПЕРЕВОДЧИКА
(на материале переводов с французского произведений А. де Ренье)**

Наряду с другими проявлениями *многоликого* творчества личности Максимилиана Волошина, следует выделить его переводческую деятельность, и в первую очередь поэтические переводы с французского¹. В них нашли свое отражение художественные принципы перевода, которые были присущи поэту как при отборе произведений, так и в их словесно-образном «отображении» на русском языке. Цель настоящей статьи – на примере переводов с французского языка произведений А. де Ренье выявить особенности проявления языковой личности Волошина-переводчика. Работ, в которых рассматривался бы данный аспект творчества поэта с лингвопрагматических и лингвокультурологических позиций, не много (см., например, [4]), что и обуславливает его актуальность.

Следует отметить, что М. Волошину был чужд подход к переводу, свойственный многим его предшественникам и современникам, как к попытке «точно переводить отдельные *элементы* поэзии иностранных авторов и даже отдельные элементы чужих языков, их своеобразные речевые обороты, по самой их сути непередаваемые» [1, с. 45]. Волошин был убежден, что художественный перевод не может быть подстрочником, так как «калька» не дает полного представления об оригинале. Для переводчика важны художественное чутье, необходимость сохранения содержания и формы произведения, а самое главное — стремление уловить и отразить *впечатление*.

Обращает на себя внимание тот факт, что авторский отбор для перевода (и, соответственно, предпочтение тех или иных художников слова) всегда не случаен. Это всегда духовно и художественно-эстетически близкие Волошину личности, творчество которых становится поводом не только для поэтических переводов, но и для литературно-критического осмысления (например, в книге «Лики творчества», в отдельных статьях для периодических изданий, в письмах). Первоначально многие из переводов (прежде всего с французского²) были включены поэтом, наравне с собственными лирическими произведениями, в первую книгу стихов «Стихотворения. 1900–1910» (М. : К-во «Гриф», 1910).

Ярким примером такой близости, созвучности может служить творчество Анри де Ренье (1864–1936), поэта-неореалиста (по определению самого Волошина), бывшего «ликом действительности», чьи произведения могли стать *«мостом»* между французской

отбор глаголов по семантическому значению. Так, у Ренье и Волошина песок *вытекает* или *течет*, придавая, таким образом, статическому веществу свойства вещества изменяемого. Это позволяет создать более яркую и глубинную ассоциацию с устойчивым образом, тесно связанным с образом времени — *река времени*. В формирующихся на всем пространстве лирического текста у обоих поэтов образных системах возникает образ уходящего, как песок сквозь пальцы, времени жизни человека (решаемый посредством разных способов — в разных вариациях). Тему взаимоотношений (соотношения) между понятиями Вечность, Мгновение и Человек поэты олицетворяют в образах *вечно песчаного берега* (у А. Р.), *песчинки* (у А. Р. и М. В.) и *горсти песка* (у М. В.).

Интересно, на наш взгляд, рассмотреть особенности трансформации текста-оригинала в переводе и сквозь призму интертекстуального взаимодействия как на уровне «автор – переводчик», так и на автоинтертекстуальном, что, в свою очередь, позволяет расширить возможности для обнаружения глубинных связей между творчеством двух поэтов.

Уже отмечалось, что интерес М. Волошина к творчеству Анри де Ренье не ограничивался только переводом его поэтических произведений; на пути к Ренье был и доклад в литературном «Салоне» Петербурга (март 1909 г.), и статья в «Ликах творчества», отдельные суждения в статьях и письмах (например, «Le passé vivant», «Русь», 20 апреля 1905 г.).

Одним из проявлений автоинтертекстуальности может послужить рассматриваемое стихотворение «На отмели», которое включено Максимилианом Волошиным в статью «Анри де Ренье» («Лики творчества») в качестве иллюстрации к одной из основных тем его поэзии, причем темы, которая в то время была близка и Волошину. В первую же книгу «Ликов творчества» входит и статья «Аполлон и мышь», продолжающая и развивающая мысли, высказанные в предыдущей. Тема Времени, Вечности и Мгновения присутствует и в поэтических произведениях М. Волошина (например, в цикле «Когда время останавливается» или «Дом поэта»).

В переводе М. Волошина можно обнаружить и другие «сигналы» автоинтертекстуальности. Так, например, строки «...и долго слушай речь / Журчащих волн морских, да ветра трепет пленный» перекликаются с заключительными строками «Дома поэта»:

*Будь прост, как ветр, неистоим, как море,
...Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*

Это дает основание предположить, что автоинтертекстуальные переклички, свойственные миропониманию Волошина, помогают

раскрыть и развить близкую обоим поэтам тему, поскольку позволяют использовать различные подходы и способы выражения на протяжении всего творчества.

Автоинтертекстуальность не менее интересна и у А. де Ренье — этот прием отчетливо реализуется в рассматриваемом лирическом стихотворении. (Кстати, именно этот интертекстуальный «сигнал» М. Волошин приводит в статье «Анри де Ренье» перед собственным переводом.) Это известные слова автора «Sur la grève», своего рода четверостишие в прозе, которые можно воспринимать и как своеобразный эпиграф, и как один из возможных переводов данного поэтического текста: «Воистину мудр лишь тот, кто строит на песке, сознавая, что все тщетно в неиссякаемых временах и что даже сама любовь так же мимолетна, как дыхание ветра и оттенки неба» [3, с. 61]. В поэтическом переводе Волошина вместо образов моря и неба (как у Ренье) возникают образы моря и ветра, что позволяет максимально сблизить текст стихотворения и данную цитату.

Сравнивая тексты оригинала и перевода, нельзя не остановиться и на отличиях, которые, как нам кажется, наиболее активно «работают» на взаимное дополнение, сближение, переплетение смыслов.

Так, на интонационно-смысловом уровне (что закреплено и синтаксически) стихотворение Ренье организовано как одно сложное предложение, две смысловые части которого отделены друг от друга точками с запятой, что «намечает переход к характеристике новых предметов» [5, с. 35], новых действий, тем. У Волошина мы, на наш взгляд, можем достаточно четко выделить три интонационно-смысловые части, что поддержано использованием более «отграничивающего», «отделяющего» знака — точки, свидетельствующего о смысловой законченности мысли:

*Приляг на отмели. Обеими руками
Горсть русого песку, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев тихо течь. (I)
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Журчащих волн морских, да ветра трепет пленный,
И ты почувствуешь, как тает постепенно
Песок в твоих руках. И вот они пусты. (II)
Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты
Лишь горсть песка, что жизнь порывы воль мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных. (III)*

Используя композиционно-семантическую модель лирического произведения Т. Сильман, первые две части можно отнести к эмпирической части, третью — к обобщающей. Таким образом, композиционно-семантическое устройство поэтического произведения «поддерживает» тематическое развитие лирического сюжета, где «происходит перелом от чувственно-конкретного, единичного к общему, от внешнего к внутреннему, от случайного к закономерному», то есть к

непосредственному моменту «постижения истины» [6, с. 13]. В то же время в данном случае переход от внешнего к внутреннему осуществляется на границе между первой и второй частью (что совпадает с делением стихотворения у Ренье), когда происходит «отключение» от внешнего мира зрительных ощущений лирического героя и «включение» его внутреннего зрения. Для обоих поэтов характерно отображать «субъективные ощущения... „внутреннего я“... впечатления от внешнего мира, те мгновения, которые... являются только „переходящими знаками“» [2, с. 76]: важным является не сам сюжет, а «переживание этого сюжета лирическим „я“, почему оно в идеале и способно по краткости приближаться к *мгновению* (выд. мною. — *И. Ш.*)» (то есть вновь возникает тема, принципиально важная для понимания творчества обоих поэтов). На лексическом уровне движение от ощущения к мысленному его осознанию передается парой глаголов, которые совпадают и у автора, и у переводчика: (закрыв глаза) *почувствуй — подумай*.

Продолжая рассматривать отличия, возникшие при переводе, следует обратить внимание и на некоторое «цветовое» изменение. Так, песок из «прекрасного белого песка, который заставляет блестеть солнце» превращается в «русый, зажженный лучами». При сохранении авторского общего значения, выраженной семой ‘блеск’, ‘сияние’, у Волошина оно усилено использованием глагольной формы от глагола «зажечь», что подразумевает изменение не только внешнее, но и внутреннее. При этом наименование источника света отсутствует, указано только средство — лучи. Эпитет «русый» уже в самом себе содержит элемент солнечного сопричастия в цвете, наделяя в определенной степени песок и «человеческим» качеством, так как определение «русый» обычно используется при описании волос человека. (Заметим, что данный цвет более свойственен и цветовой палитре самого Волошина, и как художника, и как поэта.)

Речь *волн морских* (еще один случай использования приема олицетворения) приобретает у переводчика несколько непривычный звук — они *журчат*, а не *шумят* (как, например, в «Доме поэта»), что более традиционно. На наш взгляд, здесь можно говорить об использовании второго, переносного значения слова «журчать»: не то, которое используется, когда говорят «о воде (или, скорее, даже о бегущей воде — ручье, небольшой реке): течением производить легкий монотонный шум», а «тихо звучать» [7, с. 191]; происходит некое объединение, слияние разных водных стихий. Обращает на себя внимание и тот факт, что у Ренье звук моря отсутствует; а Волошин «подключает», помимо зрительного и тактильного анализаторов, еще и слуховой, что помогает создать более объемную картину воспринимаемой через ощущения жизни.

У Волошина отсутствует образ жизни, дающей взаймы, из стихотворения А. де Ренье; но возникает образ человека — горсти песка,

ассоциативно тесно связанный с образами и уходящей жизни, и песочных часов как символа уходящего времени. И жизнь у русского поэта не «*перемешивает* свой скоротечный песок на вечном песчаном берегу», в «смешивает, как пески на отмелях прибрежных». Приставка пере-, как известно, может образовывать глаголы со значениями «осуществления действия заново», «распространения действия на множество, на все» [7, с. 490], деления пополам, на части»; приставка с- — со значениями «движения с разных сторон к одной точке, соединения в одном месте» [7, с. 680]. Некоторое различие в значениях приставок придает глаголу «мешать» различные оттенки смысла, несмотря на то, что в целом их значения синонимичны: *перемешать* — «мешая, соединить разное или переместить беспорядочно» [7, с. 497]; *смешивать* — «соединять, составлять смесь» [7, с. 725], то есть «совокупность чего-то разного, разнородного, собранного вместе» [7, с. 725]. Однако в индивидуально-авторском стиле М. Волошина приставка с- часто используется с глаголами, передающими значение нераздельности, слитности, единения (например, *сплавиться*, *слиться*, *срастись*, *сплестись* и т. п.). Это дает основание предположить, что и в данном случае имеется в виду именно нераздельность жизни и человека, вечности и мгновения. У Анри де Ренье это «перемешивание» важных философских понятий подкреплено также посредством пары эпитетов, относящихся к словам «песок» и «берег»: *скоротечный* песок и *вечный* песчаный берег. По мнению М. Волошина, «вечный и неизменный мир, таинственно постигаемый душою художника, ...находит себе отображение лишь в текущих и преходящих формах: люблю человека за то, что он смертен, ибо смертность его здесь — знак бессмертия, люблю мгновение, потому что оно свидетельствует о вечности, люблю жизнь, потому что она меняющийся, текущий, неуловимый образ той вечности, которая сокрыта во мне» [3, с. 61].

Таким образом, лирический сюжет произведения «*Sur la grève*» («На отмели») и у автора (Анри де Ренье), и у переводчика (Максимилиана Волошина) отличается вневременным, обобщающим, философским смыслом. В лирическом дискурсе, понимаемом как отдельное мгновение, можно увидеть отпечаток вечности. И именно на пересечении этих хронотопов (вечности и мгновения) возникает тот глубинный смысл, который прежде всего воплощает в конкретных текстах (и у автора, и у переводчика) их объединяющее начало, несмотря на некоторые различия в вербальном, передаваемом на разных языках, выражении: стремление запечатлеть в гармоническом единстве исчезающее впечатление, получая в переводе некоторый единый — *сплавленный* — отпечаток душ и создателя текста, и его «воссоздателя» на другом языке. Произведение французского поэта приобретает на русском языке многоликость, где сквозь лик автора просвечивается лик переводчика.

В переводах, также как и в собственном творчестве, находит отражение особенности воплощения языковой личности Максимилиана Волошина. Таковы, на наш взгляд, основные черты соотношения волошинского мироощущения и миропонимания с мироощущением и миропониманием французского поэта, произведение которого он избрал для перевода.

Литература и примечания

1. **Вильмонт Н.** Предисловие / Н. Вильмонт // Зарубежная поэзия в русских переводах. От Ломоносова до наших дней. — М. : Прогресс, 1968. 2. **Адамантова В.** Анри де Ренье в восприятии М. А. Волошина: к вопросу о неореализме / В. Адамантова // Вестн. Моск. ун-та. — Серия 9. Филология. — 1996. — № 5. 3. **Волошин М.** Анри де Ренье / М. Волошин // Лики творчества. — Л. : Наука, 1988. 4. **Куприянов И. Т.** М. Волошин — перекладач / И. Т. Куприянов // Рад. літературознавство. — 1977. — № 5. 5. **Валгина Н. С.** Русская пунктуация: принципы и назначение: Пособие для учителей / Н. С. Валгина. — М. : Просвещение, 1979. 6. **Сильман Т. И.** Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л. : Сов. писатель, 1977. 7. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : АЗЪ, 1995.

¹ Также известны переводы М. Волошина с немецкого языка, выполненные, в основном, в студенческие годы (1897—1899 гг.). Это переводы немецких поэтов Г. Гейне, Н. Ленау, Л. Уланда, Ф. Фрейлиграта, стихотворные диалоги из пьесы Г. Гауптмана «Ганнеле», а также статья, посвященная переводу пьес Г. Гауптмана К. Бальмонтом.

² Это переводы произведений французских и бельгийских поэтов, среди которых в первую очередь следует назвать имена Ж. М. де Эредиа, Э. Вернхарна, С. Маллармэ.

В статье рассматриваются особенности проявления языковой личности автора и переводчика, их взаимовлияние и взаимодействие (на материале перевода М. Волошиным лирического текста А. де Ренье).

Ключевые слова: перевод, языковая личность автора и переводчика, аполлинизм, интертекстуальность, автоинтертекстуальность.

У статті розглядаються особливості мовної особистості автора й перекладача, їхній взаємний вплив одне на одного та взаємодія (на матеріалі перекладу М. Волошином ліричного тексту А. де Реньє).

Ключові слова: переклад, мовна особистість автора й перекладача, аполлінізм, інтертекстуальність, автоінтертекстуальність.

The article deals peculiarities of language person author and translator, their influence (for example translation lyrical work by A. Renyae made M. Voloshin).

Keywords: translation, language person, author and translator, apollinizm, intertextuality, autointertextuality.

К. Н. Шевченко

**АКТУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ
ГРУПП ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ
(для этимологических дублетов английского и русского языков)**

Этимологическими дублетами называются «актуально различные слова, находящиеся в отношениях этимологического тождества, то есть раздельного исторического тождества актуально тождественному самому себе слову-источнику» [1, с. 83], такие, например, как рус. *канцона* и *шансон*, восходящие, соответственно, через итальянское (ит. *canzone* «песня») и французское (фр. *chanson* «песня») посредничество к лат. *cantionem* «песня», англ. *army* и *armada*, связанные со ср.-лат. *armata* «армия» через фр. *armée* «армия» и исп. *armada* «армия».

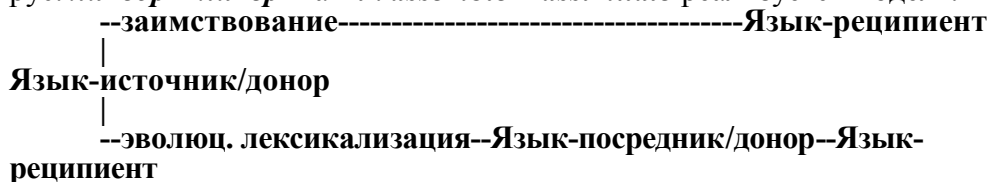
Анализ этимологических дублетов осуществляется по трем параметрам.

Во-первых, необходимым условием описания является установления исходных отношений между глоссами слова-источника, ставшими прототипами для компонентов группы этимологических дублетов (ГЭД). Например, для ГЭД рус. *мателот* – *мамрос* и англ. *depot* – *deposit* отмечается идентичная модель исходных отношений между глоссами слова-источника: **ФИ+СВ+ГВ**:

русские *мамрос* и *мателот* восходят через голландское (голл. *matroos* > рус. *мамрос*) посредничество и непосредственно (фр. *matelot* > рус. *мамрос*) к разным грамматическим формам французского *matelot* (ед. ч. *matelot* и мн. *matelots*), не различающимся фонетически;

английские *depot* – *deposit* восходят через французское (фр. *dépôt* > англ. *depot*) посредничество и непосредственно (лат. *depositum* > англ. *deposit*), соответственно, к фонетически абсолютно идентичным аккумулятиву и номинативу латинского слова (аккуз., номин. *depositum*).

Во-вторых, формирование отношений дублетности описывается через модель лексикализации, определяющую, как связаны между собой язык-источник и язык-реципиент ГЭД. Например, при образовании ГЭД рус. *ликвор* – *ликёр* и англ. *assemble* – *assimilate* реализуется модель:

(Язык-источник/донор) лат. *liquor*, *-orem*; а) лз – *liquor* – номинатив ед. ч. – (Язык-реципиент) рус. *ликвор* «спинномозговая

жидкость»; б) эл – аккузатив ед.ч. – *liquorem* – (Язык-посредник/донор) фр. *liqueur* «спиртной напиток» – (Язык-реципиент) рус. *ликёр*;

(Язык-источник/донор) лат. *assimulare* / *assimilare* а) лз. – *assimilatus* от *assimilare* – причастие прошедшего времени – (Язык-реципиент) англ. *assimilate*; б) эл – инфинитив – *assimilare* – (Язык-посредник/донор) фр. *assembler* – (Язык-реципиент) англ. *assemble*

Третий уровень анализа ГЭД – уровень установления статуса компонентов группы по отношению друг к другу в современной лексической системе языка. Именно построение классификации возможных актуальных отношений между дублетами и составляет цель предлагаемой статьи.

В ряде исследований этимологических дублетов говорится о том, что «этимологические дублеты должны рассматриваться как самостоятельная группа слов наравне с синонимами, омонимами и другими категориями лексикологии» [2, с 81]. Такой же статус приписывают этимологическим дублетам и М. С. Айрапетян, утверждающий, что они «как самостоятельная лексико-грамматическая категория (выделено нами.– К. Ш.) и должна рассматриваться самостоятельно» [3, с. 22], а также Е. Ф. Дмитриева, писавшая об **особой лексической группе** (выделено нами. – К. Ш.) – этимологических дублетах» [4, с. 3].

Как справедливо отмечал В. И. Теркулов, этимологическая дублетность и упомянутые лексико-семантические классы имеют разные основания для выделения. Если для дублетов определяющей является характеристика «тождество источника», то есть «этимологическое тождество», то для синонимов, омонимов и т.п. – «актуальные сходства/различия в звучании/значении» [1, с. 14]. Более того, «эти категории на самом деле не противопоставляются, а взаимопроникают» [1, с. 14]. во многих исследованиях говорится об этимологических дублетах – синонимах, например, рус. *виголь* – *викунья* «парнокопытное из семейства лам», восходящие, соответственно, через французское посредничество (<фр. *vigogne* тж < исп.) и непосредственно к исп. *vicuña*, англ. *sample* – *example* «пример, образчик», восходящие, соответственно, через др.-франц. *essample* и непосредственно к лат. *exemplum*, дублеты-омонимы, например, рус. *класс*, англ. *class* «разряд» и рус. *класс*, англ. *class* «учебная группа», восходящие непосредственно к разным значениям фр. *classe*. Именно конечные лексические отношения между компонентами ГЭД и определяют, на наш взгляд, конечную стадию их описания.

Мы используем на данном этапе методику, предложенную В. И. Теркуловым. По мнению ученого, последний уровень анализа этимологических дублетов имеет в качестве матрицы шкалу сходств/различий между компонентами. Он определяет граничные и промежуточные точки данной шкалы на всех уровнях словесной структуры – фонетическом, грамматическом и собственно лексическом:

«Последний компонент описания, входящий в модель оформления, – характер актуальных отношений между ЭД в языке-реципиенте, имеет в своей основе шкалы степеней сходств/различий, которые в каждом случае, при построении фонетических, семантических и грамматических моделей оформления, приобретают свой особый вид. Общими для всех этих моделей являются только начальный (абсолютное тождество) и конечный (абсолютное различие) фрагменты. Однако и эти фрагменты для разных аспектов структуры слова имеют разное конкретное содержание: если на шкале семантического состояния абсолютное тождество – абсолютная синонимия, то на шкале фонетического состояния – абсолютная омонимия» [1, с. 125].

Наш анализ ГЭД английского и русского языков позволил установить следующие шкалы указанного типа.

1. Шкала сходств/различий для фонетического уровня

Шкала сходств/различий строится на базе определения соотношения количества сходных/несходных компонентов звучания у ЭД:

- абсолютное тождество, то есть полная омонимия ЭД: рус. *класс* «школьная комната» – *класс* «разряд», англ. *caprice* «прихоть» – *caprice* «музыкальная пьеса»;
- частичная омонимия, отмеченная нами в виде омофонии: рус. *канприз* «прихоть» – *канприз* «музыкальная пьеса», англ. *cask* «бочка» – *casque* «каска» и омографии: *артикул* – *артикул*;
- максимальное сходство, когда количество совпадающих компонентов превышает количество различающихся: *регистр* – *реестр* (различие касается только двух компонентов [g – j] и [i – e]), англ. *flush* – *flux* (различие касается только финали [ks] – [ʃ]);
- среднее сходство, когда количество сходных компонентов тождественно количеству различающихся компонентов: *келья* – *целла* (сходство [e] – [e], [a] – [a], место ударения; различие [k] – [c]; [l'] – [l]; [j] – [ʃ]: 3 – 3), англ. *bawd* – *bold* (сходство [b] – [b], [d] – [d], различие [əu] – [ɜ:], [l] – [ɒ], 2 – 2);
- минимальное сходство, когда количество различающихся компонентов превышает количество совпадающих: *ген* – *жанр* (сходство [n] – [n]; различие [g] – [ʒ]; [e] – [a]; [ø] – [r]), англ. *ditch* – *dike* (сходство [d] – [d]; различие [i] – [ai]; [tʃ] – [k]);
- полное различие, когда между компонентами ГЭД нет никаких сходств: англ. *cipher* – *zero*.

2. Шкала сходств/различий для грамматического уровня

Шкала сходств/различий строится на базе определения соотношения количества сходных/несходных грамматических значений у ЭД:

- абсолютное тождество предполагает полное совпадение наборов грамматических значений у ЭД: *круг* – *ринг* (существительное,

второе склонение, мужской род, неодушевленное и т. п.). В английском языке нами отмечены только ситуации абсолютного тождества грамматических значений;

- максимальное сходство, когда количество совпадающих значений превышает количество различающихся: *алкать* – *лакать* (совпадающие значения: глаг., совершенный вид; несовпадающие значения: непереходный – переходный);

- среднее сходство, когда количество совпадающих значений тождественно количеству различающихся: *фольга* – *фолио* (совпадающие: существительные, неодушевленные; различающиеся: жен. р. – ср. р.; первое склонение – несклоняемое; 2 – 2).

Случаев минимального сходства и полного различия для ЭД русского языка нами не отмечено.

3. Шкала сходств/различий для семантического уровня

Шкала сходств/различий строится на базе определения объема совпадения значений у ЭД.

Абсолютное или частичное совпадение значений определяет отношения **синонимии**, например у ЭД *манера* «способ» – *манер* «способ». По количеству совпадающих семем и сем в этих семемах различают:

- **абсолютные синонимы**, когда реализуется полное совпадение всех семем (СВ) этимологических дублетов, например рус. *вигонь* – *викунья* «парнокопытное из семейства лам»; англ. *acajou* – *cashew* «анакард»;

- **неполные точные синонимы**, когда отмечается полное совпадение сем только части семем или одной семемы, например у рус. *каденция* – *каданс*, где для первого отмечается набор значений а) «гармонический оборот, завершающий данное произведение, его часть или отдельное построение»; б) «виртуозный пассаж или большая вставка импровизационного характера», а единственное значение второго описывается в словарях следующим образом: «*каданс* – то же, что и *каденция* в первом значении», англ. *adventure* «приключение» – *venture* «рискованное предприятие»;

- **гипо-гетеронимия**, то есть отношение рода и вида, например рус. *бабуин* – *навиан*, англ. *history*—*story*;

- **сортные имена**, дифференциальные семы которых имеют идентичные семантические признаки, но различные семные конкретизаторы: *виола* «струнный смычковый музыкальный инструмент» (ит. *viola* тж – пров.) – *виуэла* (исп. *viuela* тж – пров.) «струнный щипковый музыкальный инструмент», восходящие к пров. *viula*, являются сортными именами, поскольку при тождестве архисемы («музыкальный инструмент») различаются семными конкретизаторами семантических признаков «форма» («похожий на альт» *виола* – «похожий на виолончель» *виуэла*) и «способ игры» («смычковый» *виола*

– «щипковый» *виуэла*), англ. *asphodel* «асфодель (*растение из семейства лилейных*)» – *daffodil* «бледно-желтый нарцисс»;

- тождество **семантического поля**, когда этимологические дублиеты относятся к одному тематическому классу, например рус. *коллеж* – *колледж* – *коллегия*, относящиеся к семантическому полю «учебные заведения», англ. *aggrieve* – *aggravate*, относящиеся к тематическому полю «приносить страдания»;

- **абсолютное различие**, когда ЭД не имеют общих сем, например *óрган* «часть тела» – *оргáн* «музыкальный инструмент», англ. *allocate* «назначать» – *allow* «разрешать».

Таким образом, любая группа ЭД, например, уже упомянутые нами ЭД *эшафот* – *катафалк*, по актуальным характеристика входящих в нее слов может быть описана следующим образом:

1. Фонетический уровень: минимальное сходство [a], [f] при регулярных различиях [š] – [к] (ср. *Шанито* – *Капитель*), [отсутствие исконного предударного слога] – [наличие исконного предударного слога] /закон Дармстетера/ (ср. *каДанс* – *каДенция* – *шанс*) и уникальных различиях [e] – [ø], [o] – [al], [t] – [к].

2. Семантический уровень: условно можно отнести к 4 типу «тождество семантического поля», поскольку данные слова можно отнести к семантическому полю «смерть».

3. Грамматический уровень: полное тождество [сущ., муж. р., 2 склонение и т.д.].

Задача как раз и состоит в том, чтобы описать все дублиеты английского и русского языков на основе указанных параметров.

Литература

1. **Теркулов В. И.** Этимологические дублиеты латино-романского происхождения в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Донецк, 1994. – 202 с. 2. **Фадеев В. И.** Этимологические дублиеты и смежные категории / В. И. Фадеев // Рус. яз. в шк. – 1973. – № 3. – С. 76–81. 3. **Айрапетян М. С.** Этимологические дублиеты в системе французского языка : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.05 «Романские языки» / М. С. Айрапетян. – М., 1953. – 25 с. 4. **Дмитриева Е. Ф.** Из истории этимологических дублиетов латино-французского происхождения в английском языке / Е. Ф. Дмитриева // Романо-германская филология. – М., 1956. – Вып. 2. – С. 3–23.

Статья посвящена определению параметров описания конечного состояния отношений между компонентами группы этимологических дублиетов. Автор предполагает, что матрицей описания является шкала сходств – различий между дублиетами. Данная шкала распространяется на все уровни словесной структуры компонентов группы.

Ключевые слова: гипо-гетеронимия, омонимия, синонимия, сортное имя, тематическое поле, этимологические дублиеты.

Статтю присвячено визначенню параметрів опису кінцевого стану відносин між компонентами групи етимологічних дублетів. Автор припускає, що матрицею опису є шкала подібностей – розходжень між дублетами. Ця шкала поширюється на всі рівні словесної структури компонентів групи.

Ключові слова: гіпо-гетеронімія, омонімія, синонімія, сортне ім'я, тематичне поле, етимологічні дублети

The article focuses on how the parameters of the final state of the relations between the components of etymological doublets groups can be defined. The author supposes (suggests) that the matrix of the description is the similarity – dissimilarity scale between the doublets. The given concerns all the levels of the verbal structure of group components.

Keywords: hypo-heteronomy, homonymy, synonymy, quality name, thematic field, etymological doublets.

УДК 811.161.1-36

О. Г. Шерстюк

УСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность данной статьи на сегодняшний день вызвано тем, что современное состояние русского языка характеризуется необычайно активными процессами заимствования обширных пластов лексики, относящихся к различным областям нашей жизни: экономике, политике, спорту, искусству и т. д. Порой заимствуются целые лексические ряды, оформленные однотипно (например, гамбургер, чисбургер, копбургер, йогурт, фругурт, эмигурт, клипмейкер, имиджмейкер, ньюсмейкер, хитмейкер, плеймейкер). Такое обилие заимствованных слов неизбежно приводит к тому, что количество перерастает в качество: в таких рядах слов начинают выделяться определённые структурные элементы и параллельно с этим формироваться более или менее конкретное значение выделяемых отрезков. Таким образом, происходит становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке, иными словами, осуществляется процесс морфемизации. (ср.: «Если какой-либо язык заимствует ряд слов, морфологически членимых в языке-источнике и принадлежащих в нем к одному словообразовательному типу, то при определенной типологической близости языков весьма вероятно, что и носителями заимствующего языка эти слова будут осознаны не как монолиты, но как слова, распадающиеся на части» [1, с. 18]). Понятно, что это процесс долговременный, постепенный, предусматривающий ряд этапов и стадий приобретения иноязычным структурным элементом морфемных свойств в русском языке.

На первой, начальной, стадии иноязычные элементы выделяются лишь как регулярно повторяющиеся отрезки в ряде слов. Например, русским языком в последнее время заимствуется большой поток

английских слов с суффиксом -инг- (маркетинг, холдинг, кастинг, боулинг, лизинг и т. д.). Однако, на русской почве этот отрезок еще не сформировался как полноценный суффикс, так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы (ср.: «Словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, не только формально, но и семантически. Для активизации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные вместе с производящими, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [2, с. 53]). В лингвистической литературе слова со структурным элементом -инг- квалифицируются как «слова с инговым элементом».

Фактором, способствующим развитию способности некоторых таких слов к членению в русском языке, служит заимствование соотносительных пар слов: скайсерфинг – скайсерфер, кикбоксинг – кикбоксер, бодибилдинг – бодибилдер. Однако говорить в этом случае о наличии словообразовательной структуры слова не приходится, так как в русском языке отсутствует производящая база для этих слов.

Лишь в единичных случаях на основе заимствования ряда однокоренных слов слова с иноязычным элементом начинают развивать свою словообразовательную структуру. Например, в слове тренинг уже выделяется суффикс -инг-, так как слово воспринимается как производное от тренировать(ся) и включается в ряд однокоренных слов тренер, тренироваться, тренировка, тренаж. Здесь суффикс еще не обладает четко оформленным значением в силу единичности примеров, когда словообразовательная структура слова с иноязычным элементом складывается уже в русском языке; в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой этот структурный элемент трактуется как «нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом».

На окказиональном уровне слова с подобными структурными элементами также могут восприниматься как образованные по определенной модели со значением действия по глаголу. Так, слова лизинг и маркетинг, характеризуют человека, который заклеивает конверты и наклеивает марки; в шутовском контексте «А это наш ведущий специалист по лизингу и маркетингу» воспринимаются как производные от глагола лизать и существительного марка с помощью суффикса -инг-. А окказионализм жабинг, образованный по модели «основа существительного + суффикс -инг-», характеризует издержки процесса омоложения лица. Пока еще небольшой материал

оказионального характера предоставляет возможность наблюдать, как происходит расширение сферы действия иноязычного словообразовательного элемента, который присоединяется уже к русским основам, и не только глагольным, но и субстантивным.

Таким образом, происходит первый «прорыв» иноязычного структурного элемента в систему русского языка, завоевание себе места в ней как самостоятельной морфемы.

На втором этапе иноязычный структурный элемент уже начинает формироваться как самостоятельная морфема в русском языке, так как слова, включающие данный компонент, уже четко осознаются в языке с точки зрения их состава, структуры. Они еще не получили широкого распространения в русском языке, но тем не менее уже сформировалось их словообразовательное значение, выделяется и четко осознается в русском языке производящая база. Кроме этого, они начинают в определенной степени развивать свою словообразовательную активность, что считается важным фактором усвоения иноязычных морфем заимствующим языком (ср.: «Освоенные суффиксы вступают в словообразовательные связи с иноязычными и русскими основами или только с иноязычными» [3, с. 5]). Например, суффикс -аж- в вышеупомянутом словаре Т. Ф. Ефремовой характеризуется как «достаточно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, которая выделяется в именах существительных мужского рода, которые обозначают действие, названное мотивирующим глаголом, как процесс» (дубляж, зондаж, инструктаж, массаж, монтаж, пилотаж, саботаж, фиксаж).

Четкую структурную выделимость и значение получил и иноязычный элемент -мейкер- (плеймейкер (в футболе), ньюсмейкер, хитмейкер, клипмейкер, имиджмейкер), хотя в ряде слов в русском языке отсутствует производящая база для создания производного слова (плеймейкер, ньюсмейкер).

Структурный элемент -гейт- уже начинает утверждаться в русском языке как самостоятельная морфема – суффикс, поскольку имеет структурную выделимость и четко оформленное значение «скандал, связанный с каким-либо лицом или государством» (Уотергейт, ирангейт, Кремлегейт, Кучмагейт, Моникагейт, Путингейт, Панамагейт).

В русском языке довольно часто и легко образуются новые слова со структурным элементом -мания-, имеющим значение «чрезмерное почитание кого-либо или чего-либо или приверженность к кому-либо, чему-либо» (битломания, курникомания, шпиономания, покемономания, евромания).

Однако словообразующая функция таких элементов еще недостаточна, они присоединяются по преимуществу к иноязычным основам. Переходными случаями следует считать образование производных слов на базе русских фамилий, но и оно происходит по образцу словообразования на базе иноязычных основ.

Третий этап характеризуется дальнейшим функционированием иноязычной морфемы в русском языке. На этом этапе морфема является многозначной. В качестве иллюстрации можно привести иноязычный суффикс -ант-, который в русском языке функционирует в нескольких значениях: 1) лицо по производимому действию или по роду деятельности (диверсант, квартирант, симулянт), 2) лицо по объекту занятий или владения (дипломант, диссертант, музыкант, фабрикант), 3) лицо – объект действия (арестант), 4) лицо – участник совместного действия (дуэлянт, конкурсант, концертант, экскурсант), 5) лицо по отношению к месту работы или учебы (курсант, лаборант), 6) лицо – член коллектива (оркестрант, сектант), 7) лицо по отношению к тому, кем оно готовится стать (докторант, магистрант). Но сфера действия таких морфем ограничивается пока только иноязычными основами (за исключением единичных случаев окказионального характера – содержант).

Четвертая ступень освоения иноязычных структурных элементов характеризуется определенной словообразовательной активностью иноязычных морфем в русском языке, когда становятся возможными единичные образования на почве русского языка с участием русских производящих основ, нередко окказионального характера. Так, элемент -дром- присоединяясь к иноязычным основам (велодром, танкодrom, космодром), начал проявлять свою активность и на русской почве (смеходром, стиходром, скачкодром, скалодром). Также иноязычный суффикс -бельн-/-абельн-/-ибельн- присоединяется преимущественно к иноязычным основам (комфортабельный, презентабельный, рентабельный, транспортабельный, диссертательный), однако в последнее время сфера действия данного структурного элемента расширилась: возник ряд производных слов на базе русских глагольных основ (рентабельный, смотрибельный, промокабельный, рисовабельный, читабельный). Так же «ведут себя» и некоторые другие иноязычные морфемы: -фоб- (урбанофоб, женофоб, человекофоб); -фил- (англофил, русофил, славянофил).

На пятой стадии иноязычный структурный элемент уже прочно завоевывает свои позиции в системе русского языка. Это полноценная морфема, которая четко выделяется в русском языке как структурный элемент слова, имеет вполне определенное значение и функционирует в языке как продуктивный словообразующий формант, образуя новые слова и на базе русских основ. Прежде всего это относится к некоторым приставкам, поскольку именно приставкам присуща способность легко присоединяться к различным основам, не вызывая каких-либо изменений. Так, приставка анти- считается в русском языке регулярной и продуктивной морфемой, она образует новые слова как с иноязычными, так и с русскими основами со значением противоположности, противодействия или враждебности тому, что названо мотивирующим словом (антитеррор, антигуманный, антивирус - антивещество,

антиискусство, антиток). То же самое можно сказать и о приставке супер- (суперэффективный, суперэластичный, супернегативный, суперрепортаж, супераншлаг, суперкомпьютер, суперновый, супермодный, супержвачка, супермама, супербомба, суперличность, супергерой). Особенно активизировалось действие этой приставки в русском языке в связи с развитием рекламы: «Супержевачка по суперцене. Сиперхит сезона – это «Крокус» (обувная марка). Суперобложка супермодного журнала – место для вашей рекламы. Суперминимаркет «Вета» – это находка для Вас!»

На шестом этапе морфемы иноязычного происхождения начинают развивать свою словообразующую активность, становятся все более продуктивными, притягивая к себе все большее число основ для образования новых слов, в том числе и на русской почве, тем самым расширяя свое значение и развивая многозначность. Например, суффикс -ист- прочно утвердился в русском языке, поскольку является чрезвычайно продуктивной словообразовательной единицей, с помощью которой образуются названия лиц, характеризующиеся с различных сторон, что послужило основой для развития многозначности морфемы. Также в сферу действия данной морфемы активно включаются русские основы. Так, в «Толковом словаре словообразовательных: единиц русского языка» эта морфема описывается следующим образом: «Регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные мужского пола с общим значением лица, которое характеризуется отношением к определенной сфере занятий, общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, а также к предмету, отвлеченному понятию, бытовому явлению, предприятию или учреждению. Образования обозначают: 1) лицо по отношению к объекту занятий или орудию деятельности (гитарист, гуслист, журналист, металлист, танкист), 2) лицо по сфере деятельности (вокалист, гигиенист, массажист, связист, шахматист), 3) лицо по действию или склонности (бойкотист, скандалист, шантажист), 4) лицо по отношению к общественно-политическому, научному или религиозному учению (дарвинист, идеалист, коммунист), 5) лицо по принадлежности к учреждению, учебному заведению (гимназист, курсист, лицеист, семинарист), 6) лицо по принадлежности к группировке лиц (квартетист, хорист), 7) лицо по объекту изучения (болгарист, иранист, пушкинист, шекспирист)».

Этот суффикс остается продуктивным и в настоящее время при образовании неологизмов и окказионализмов, например: юморист, иронист, сарказмист, ехиднист, сумоист, галерист (художник, выставляющийся в галерее), пофигист, прогнозист.

Таким образом, процесс усвоения иноязычных структурных элементов в русском языке – процесс длительный и многоступенчатый. Ему способствует целый ряд лингвистических факторов: 1) наличие «пустой ячейки» для выражения определенного значения (в качестве

примера можно привести морфемы -дром- со значением «площадка для проведения соревнований или испытаний», -гейт- со значением «скандал, связанный с каким-либо государством или лицом» и под.); 2) необходимость синонимичного выражения определенных отношений (ср., например, суффиксы со значением отвлеченного действия -нщ-, -н(я)-, -б(а)- и -инг-, приставки со значением противоположности, противодействия – против- и анти- и под.); 3) наличие ряда однокоренных слов как основы для формирования у заимствованного слова словообразовательной структуры; 4) развитие словообразовательной активности иноязычного элемента с участием как иноязычных, так и русских производящих основ; 5) развитие многозначности иноязычных морфем в русском языке как результат их высокой словообразовательной продуктивности.

Литература

1. **Красильникова Е. В.** Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования (на примере морфемы – ДРОМ) / Е. В. Красильникова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – 345 с. 2. **Адливанкин С. Ю.** К вопросу о явлении заимствования в области словообразования / С. Ю. Адливанкин // Учен зап. Перм. Ун-та. – 1965. – Т. 137. – Вып. 1 – 213 с. 3. **Гимпелевич В. С.** Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском литературном языке : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук / В. С. Гимпелевич. – Баку, 1966. 4. **Ефремова Т. Ф.** Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 1996. – 427 с. 5. **Кузьмина Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург; Омск, 1999. – 240 с.

В данной статье рассматривается усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке. Целью данной статьи является анализ целого ряда лингвистических факторов: синонимичные выражения, однокоренные и заимствованные слова. Кроме того, в статье рассматривается развитие многозначности иноязычных морфем в русском языке как результат их высокой словообразовательной продуктивности.

Ключевые слова: иноязычный, словообразовательный, заимствованный, суффикс, аффикс, структура, морфема, элемент, лингвистика, формировать.

У даній статті розглядається засвоєння іншомовних структурних елементів в російській мові. Метою даної статті є аналіз цілого ряду лінгвістичних чинників: синонімічні вирази, однокорінні і запозичені слова. Крім того, в статті розглядається розвиток багатозначності іншомовних морфем в російській мові як результат їх високої словотворчої продуктивності.

Ключові слова: іншомовний, словотворчий, запозичений, суфікс, афікс, структура, морфема, елемент, лінгвістика, формувати.

The following article is devoted to the process of mastering foreign structural elements in the Russian language. The analysis of great variety of linguistic factors such as: a synonymic expression, cognate words is a subject of interest for us. Moreover, the following article deals with foreign morphemes multiple meaning development in the Russian language as a result of the high level of their derivation productivity.

Keywords: foreign, borrowing, word-building, suffix, structure, morpheme, element, linguistic, form.

УДК 811.11'253

И. М. Шлапак

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ ПОЭТОНИМОВ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Проблемы переводимости / непереводимости, так же как и перевода вообще, издавна привлекали внимание лингвистов. Мощным стимулом для активизации научных исследований в этой чрезвычайно важной, интересной и еще до конца не познанной области, послужили, с одной стороны, потребности современного общества, в котором перевод играет все более значительную роль. С другой стороны — новые достижения языкознания в таких областях, как лингвистика текста, синтаксическая семантика, коммуникативная лингвистика, социо- и психолингвистика, ономастика и другие лингвистические направления.

Вопрос о статусе перевода, который был четко сформулирован еще В. фон Гумбольдтом в 1796 г., остается актуальным и в наши дни. Ученый утверждал: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно» [1, с. 31]. Подобный взгляд на переводимость самым непосредственным образом связан с одним из важнейших постулатов Гумбольдта о языке как форме выражения народного духа, об индивидуальной своеобразии языков, определяемом духовным своеобразием народа, о несводимости языков друг к другу.

Идеи Гумбольдта, как известно, получили дальнейшее развитие в неогумбольдтианском направлении, в частности в трудах Л. Вейсгербера, в которых утверждалась детерминирующая роль языка, образующего «промежуточный мир» (*Zwischenwelt*), сквозь который человек воспринимает действительность. Различное членение языкового содержания в специфичных для отдельных языков семантических полях свидетельствует, согласно Вейсгерберу, о том, что каждый родной язык содержит «обязательный для данного языкового коллектива промежуточный мир», формирующий его картину мира [2, с. 67].

Известно, что существуют лексические единицы такого «промежуточного мира», которые находятся за гранью перевода. К таким единицам можно отнести онимы, рассматриваемые как определенные ассоциативные словесные образы, играющие важную роль в языке

художественного текста. Подобные единицы языковой непереводимости Кетфорд, например, рассматривает в качестве особой категории *культурной непереводимости* [2, с. 102–103].

Полагаем, что категорией такой культурной непереводимости можно считать и так называемые «говорящие имена», т.е. имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой. С. Влахов и С. Флорин различают среди них такие, которые:

1) обычно не подлежат переводу, поскольку их назывная функция все же преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания);

2) подлежат переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание;

3) требуют такого перевода или такой подстановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение (каламбуры) [3, с. 216].

За гранью переводимого, как представляется, находятся поэтонимы, которые играют важную роль в языке художественного текста, с их сложной ассоциативной связью.

В этом аспекте творчество Джеймса Джойса, особенно его последняя книга «*Finnegans Wake*», является уникальным материалом. Обратим внимание на аллюзийную и ассоциативную связь антропонимов в книге Джойса «*Finnegans Wake*».

Полагаем, что латентная семантика поэтонимов является весьма существенным элементом поэтики.

Известно, что собственные имена в художественном произведении являются носителями определенной информации, передают национальные и социальные особенности, различные идеологические характеристики объектов номинации. Каждый поэтоним, генетически принадлежащий языковой системе, несет в литературный текст весь спектр сем, закрепленных за ним сознанием носителя языка. Такие имена собственные становятся информативными и говорящими, «промежуточным миром», о котором говорил Л. Вейсгербер. Культурная непереводимость онимов Джойса связана со своеобразным языковым кодом, существующим исторически и дополненным самим Джойсом.

Рассмотрим этот внутренний код на примере антропоэтонимов главных героев книги Джойса.

Поэтоним **Финнеган (Finnegan)**, очевидно, «пришел» из ирландской мифо-эпической традиции: Финн – ирл. *fis*, «тайное знание».

Этим именем в кельтской мифологии был наречен герой, мудрец и провидец (Finn MacCool или Fionn MacCumhail).

Культурная традиция относит подвиги Финна и его фиана (отрядов воинов-охотников) к III в. н.э., однако окончательно повествования о нем сложились позднее сказаний о древних правителях Ирландии и Кухулине, а оформились они только к XII в. К этому времени образ Финна в значительной степени демифологизировался,

хотя и сохранил немало древних представлений. Финн наделен сверхестественной мудростью, которую он приобрел (еще нося юношеское имя Демне) от капли чудесного напитка, попавшей на его большой палец. С тех пор, положив его в рот, он приобщался к скрытым тайнам (помним, что джойсовский Финнеган воскрес от пролитого на его тело «чудесного напитка» – виски). По другим версиям, он отведал лосося мудрости, после чего получил имя Финн [4, с. 88]. В тексте книги Джойса кельтский «прообраз» получает несколько наименований: Fenn Mac Call, Fianna's, Mac Cool Finn, MacCumhal [5, с. 47, 75, 202, 243].

Есть связи и более глубокого уровня. Отмечается, например, что имя созвучно с ирландским *fionn* (**white**, *fair*) – русск. «белый», «справедливый», *fiön* (*wine*) – русск. «вино», а один из основателей Дублина носит имя **Olaf the White**. Таким образом, имя джойсовского героя Финнеган объединяет мифический и исторический код. В тексте встречаем такие варианты: *Olaf*, *Olaf the Hide*, *Olaph*, *Olaf*, *Oliver White* [5, с. 11, 99, 200, 294, 334].

Возможно и другое прочтение имени героя. Ведь *Finn* – это **Fingal**, шотландский герой, который приехал в Ирландию для борьбы с датчанами. С тех пор некоторых северных завоевателей называли *fingal*, *fingall* (*fair stranger*) – русск. «справедливый чужеземец». В «*Finnegans Wake*», главный герой – чужестранец, прибывший в Ирландию: *Fingal*, *Findool* [5, с. 329, 371].

В тексте джойсовской книги есть еще один вариант именования героя, **Huckleberry Finn**, который отсылает нас к герою романа Марка Твена. Вместе с Томом Сойером они побывали на собственных похоронах. Возможно, Гек Финн – это детство Финна, Финнегана: *Hurdlebury Fenn*, *Sawyer*, *Tuppeter Sawyer* [5, с. 297, 210, 372].

Иногда создается впечатление, что латентная семантика антропонима Финнеган поистине безгранична. Так, **Finn** созвучно с английским *fin* «плавник», *fan* «веер» или «энтузиаст», *fen* «болото, топь», *fun* «веселье, радость». Подтверждение находим и в тексте: *Fin for fun*, *Fen!*, *Finnfannfawners*, *Fanagan's weak*, *Fine again*, *Fenegans*, *finn*, *the Fenn*, *Finn*, *Fuinn* [5, с. 297, 309, 276, 332, 358, 362, 376, 388, 427].

Инициалы героя, *Humphrey Chipden Earwicker*, трактирщика дублинского проигорода *Chaplizod*, **HCE**, в разных вариантах в «*Finnegans Wake*», встречаются около десяти тысяч раз. Аббревиатура раскладывается на три автономные части, каждая из которых обладает собственной латентной семантикой.

Humphrey

2. *harm free* – русск. «без вреда» или
3. *home free* – русск. «без дома»;
4. *Humphrey*, *Duke of Gloucester* (1341–1447), *Good Duke* – английский граф, младший сын Генри IV, был набожным, поддерживал образование и литературу, также, герой цикла пьес

Шекспира о Генри (Henry VI, part II, III) – [6, с. 494]. В тексте встречаем: good Dook Umphrey, Duke Humphrey [5, с. 31, 405];

5. Humpty Dumpty – русск. Шалтай Болтай (...свалился во сне): Humpty Dumpty, Humpty, Humpy's, Humpsea dumpsea, Hump to dump, numptywumpty, Hunphydunphyville'll [5, с. 44, 11, 199, 317, 352, 374, 375];

6. Hamlet – русск. Гамлет, герой пьесы Шекспира;

7. Harold – русск. Гарольд, герой Байрона или

8. Harold II (1022-1066), английский король, «последний саксонец»: Humphrey or Harold, Haromphreyld [5, с. 29, 30].

Chimpen – англ. «chimpanzee», «den» – русск. «шимпанзе» и «берлога», «клетка для диких зверей» [5, с. 29, 32, 46, 119, 583].

Earwicker:

1. ear, wicker - рус. «ухо» и «прутья для плетения» или wick - русск. «фитиль»;

2. ever waker – русск. «вечно бодрствующий», «недремлющий»;

3. earwig – русск. зоолог. «уховертка»;

4. Ear, Er – прагерманский бог войны;

5. Ea – вавилонский бог-рыба;

6. Earwig, Jacob - герой пьесы Ch. Selby «Boots About the Swan», поставленной в 1890 году.

Подтверждением нашей теории являются одни из немногих вариантов именования: Н. С. Earwicker, Earwicker, ear wag, Jockit Mic Erewaker, Irewick, Eelwick, Н. С. Endersen, Н. Е. Chimneys', Erewig, Erewaker [5, с. 32, 35, 33, 34, 69, 72, 106, 118, 97, 125, 133, 137, 140, 301, 421].

В связи с общей концепцией книги Джойса (повторяемость, цикличность жизни и истории), как представляется, имя Финнеган ассоциативно связано с именем Феникс (**Phoenix**) [5, с.3, 16, 23, 26, 54, 79 Phornix Park, 84, 87, 127, 129, 135, 195, 196, 204, 218, 220, 264, 282, 310, 320, 321, 323, 324, 330, 331, 345, 381, 405, 453, 460, 472, 519, 533, 552, 563, 575, 586, 589, 607]. Птица Феникс изображена на гербе семьи Джойса. В ФП она также символизирует возрождение и ассоциируется с Финном-Финнеганом и Феникс Парком (одним из самых больших в мире) на берегу Лиффи (Liffey). Во времена правления Елизаветы там находился театр и таверна.

Не менее интересным, на наш взгляд, является поэтоним **Liffey (Livia)** и образ реки, которые играют в книге Джойса важнейшую роль. Это – река в Дублине, которая делит город на две части. У Джойса главная героиня, Анна Ливия, – воплощение воды, реки, нимфы. Она – Всерека, любая река, бесконечность. Древнее название реки – Life (русск. «жизнь»), поэтому в «Finnegans Wake» героиня олицетворяет саму жизнь, цикличность, бесконечность и необратимость. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются такие модификации имени: Levey, Liffey, Leafy,

Livvy, Lifay, Levy, Liv's, ...and Lif, my lif!, Liffey, Liff, Laffey, Lief [5, с. 49, 171, 173, 203, 224, 273, 289, 328, 380, 382, 420, 425].

Имя главной героини – **Anna Livia Plurabelle**. Также как и имя героя, оно состоит из трех самостоятельных компонентов.

Anna: ирл. «вода», «река» или богиня – мать (то же что и Dana). По Джойсу, Анна – ивр. «грация», «привлекательность», «изящество»; Анна – Мария (Mary Ann), Marian, Marion (ср. Molly Bloom – «Улисс»), Дева Мария, мать самого Джойса Mary Murray, Lucia Anna Joyce, Св. Анна, королева Анна, Anna Liffey(Livia). Наиболее часто встречаем такие варианты: Ann, Mary, Maria, Nancy, Anna, Ante Ann, AL, Ana, Anna Liv, ...A is for Anna, L is for liv..., Aha with his cosin Liv..., An-Lyph, Anne Lynch [5, с. 138, 206, 302, 422, 205, 213, 411, 244, 422, 277, 293, 294, 311, 199, 293, 298, 355, 392, 406].

Обратим внимание как «речная», «водная» тема имени героини графически изображена в тексте. Первые строки главы о героине книги образуют речную дельту, Δ:

О

tell me all about

Anna Livia! I want to hear all

about Anna Livia. Well, you know Anna Livia? Yes, of course, we all know Anna Livia. Tell me all. Tell me now. You'll die when you hear [5, с. 195].

Plurabelle: англ. plural – «множество» и фр. belle – «красивая»; или множество лиц: Belle, Isabel, Laura; лат. abella – «яблоко», Ева (**Eve**) – ивр. «жизнь», мать всего живого [5, с. 2, 82, 251, 293, 366, 377, 379 Evas, 396 Ewe].

Инициалы героини встречаем в нескольких вариантах: **ALP**, LAP, PAL, PLA, APL, LPA – [5, с. 7, 8, 17, 57, 65, 66, 85, 102, 113, 119, 148, 177, 201, 209, 256, 264, 297–300, 318, 332, 340, 348, 349, 362, 393, 441, 451, 478, 523, 528, 534, 549, 553, 564, 577, 597, 624, 625], A.L.P [5, с. 101, 297], Alp [5, с. 420], AL [5, с. 294], Apple («яблоко», см. **Eve**), [5, с. 106, 126, 314], Lamp [5, с. 594].

Полное, нетрансформированное имя встречается единожды [5, с. 215]. В основном – Anna, Anne, Ann, An, Nann, Nancy, Livia, Livy, Liv, Lif, Liffey, Life, ALP. Инициалы часто встречаются в форме акростиха: addle liddle phifie, Arrive, likkypuggers in a poke!, addle liddle phifie, Arrive, likkypuggers in a poke!, appy, leppy and playable, Any lucans, please?, Annah the Allmaziful, Annis Limina Permanent, Anna-na-Poghue's, Annushka Lutetiavich Pufflovah (ср. русск. Pavlova и Lutetia, романское название Парижа), Anna was, Livia; is, Plurabelle's to be; analectual pygmyhop, appia lippia pluvaville, analytical plausible, Anna Lynchya Pourable, anny living plusquebelle, Auld Letty Plussiboote, Annabella, Lovabella, Pullabella, Appia Lippia Pluviabilla, annamation...livlianness...plurity of bells, Alla tingaling pealabells, Alma Luvia, Pollabella, allaniuvia pulchrabelled [5, с. 4, 613, 40, 79, 103, 152, 202, 206, 214, 267, 297, 298, 325, 327, 415, 511, 547, 567, 568, 618, 626].

Интересным, на наш взгляд, является топоним **Chapelizod** – пригород Дублина, расположенный на берегу реки Лиффи (Liffey), примыкающий к Феникс Парку (Phoenix Park). Там находился винокурный завод, часть которого принадлежала Джону Джойсу. Герой ФП, НСЕ, содержит трактир, постоялый двор (inn), который, как и Глобус (The Globe) стоит на берегу реки на окраине большого города. По всей видимости, название Chapelizod произошло от названия церкви (**chapel**) Св. Изольды (**Isolde**) Ирландской. Несколько раз встречается название Lukalizod (Chapelizod и Lucan, расположенного также на берегу Лиффи). В тексте встречаем такие модификации: Lukalizod, Chapelizod, Issy-la-Chapelle!, Any lucans, please?, Now for la bella! Icy-la-Belle!, the belle of La Chapelle, Izd-la-Chapelle [5, с. 31, 61, 5, 6, 25, 28, 79, 86, 95, 109, 110, 126, 235, 254, 264, 289, 322, 324, 333, 369, 373, 381, 394, 395, 409, 443, 458, 486, 559, 570, 606, 100, 106, 177, 79, 246, 290, 334].

По другой версии, слово chapel составлено из инициалов НСЕ и ALP [5, с. 5, 6, 25, 28, 79, 86, 95, 109, 110, 126, 235, 254, 264, 289, 322, 324, 333, 369, 373, 381, 394, 395, 409, 443, 458, 486, 559, 570, 606].

Видоизмененный, но, тем не менее, угадываемый антропоним **Isolde** встречаем в таких вариантах: Trustan with Usolde (Тристан и Изольда), Hear, O hear Iseult la belle! Tristan, sad hero, hear! [5, с. 383, 398]. Встречаются и такие версии, как Isolde La Belle, Isolde the Fair – Изольда Прекрасная, И. Златовласая, в честь которой был назван пригород Чапелизод (Chapelizod).

Таким образом, анализ антропонимов в книге Джойса «Finnegans Wake» свидетельствует о наличии латентной семантики, которая является своеобразным кодом как самого имени так и влияет на художественный строй всего произведения. Выявление этой семантики может открыть более глубокое понимание текста и картины мира самого писателя.

Литература

1. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : для ин-тов и ф-тов иностр. яз. : учеб. пособ. – 4-е изд., перераб. и доп. / А. В. Федоров. – М. : Высш. шк. 1983. – 303 с. 2. **Швейцер А. Д.** Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 215 с. 3. **Влахов С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 340 с. 4. **Ireland: F Cultural Encyclopedia / Gen. ed. B. de Breffny.** – NY : Facts on File, 1983. – 256 p., ill. 5. **Joyce J.** Finnegans Wake, Suhrkamp / J. Joyce. – Germany, 1975 – 631 p. 6. **Brewer's Dictionary of Phrase and Fable / revised Edition by Ivor H. Evans.** Cassel. – London. 1981 – 1213 p.

В статье рассматриваются специфические лексические единицы книги Дж. Джойса «Finnegans Wake», которые, на наш взгляд, находятся за гранью перевода. К таким единицам относятся, в первую очередь, онимы. Автор рассматривает их как определенные ассоциативные словесные образы, играющие важную роль в языке художественного текста. Подобные единицы мы относим к особой категории культурной непереваемости.

Ключевые слова: лексическая единица, оним, перевод, образ, текст.

У статті розглядаються специфічні лексичні одиниці книги Дж. Джойса «Finnegans Wake», що, на наш погляд, знаходяться за межами перекладу. До таких одиниць відносимо, в першу чергу, оніми. Автор розглядає їх як асоціативні словесні образи, що грають важливу роль у мові художнього тексту. Такі одиниці ми відносимо до особливої категорії культурної неперекладності.

Ключові слова: лексична одиниця, онім, переклад, образ, текст.

The article deals with the exceptional lexical units of J. Joyce's «Finnegans Wake», which we consider to be beyond translation. These are, first of all, onyms. The author takes them as the particular associational verbal images, which play an important role in the language of the literary text. These units comprise the category of impossible-to-interpret cultural ones.

Key-words: lexical unit, onym, translation, image, text.

УДК 811.161.1'25 : 821.111 – 2.09

Е. А. Щепкина

**АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
(на материале трилогии Д. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»)**

Д. Р. Р. Толкиен создал и продумал собственный потусторонний мир — Средиземье, который, будто Зазеркалье, и похож, и непохож на реальный. Автор описывает в своих произведениях определенный временной отрезок жизни своего мира — далекое, уже свершившееся прошлое — с поразительной достоверностью. Толкиен определил традиции жанра *фэнтези*, имеющего на сегодняшний день множество своих приверженцев. Повествование в жанре, вобравшем в себя черты исторического романа, летописи, хроники, эпоса, сказки, рыцарского романа, столь достоверно, что мы видим нереальный мир во всех его красках.

Толкиен создал образы вымышленных существ, населяющих его мир. Автор наделил своих персонажей реалистичностью, которая создаёт иллюзию того, что подобные существа действительно существовали. Эти существа имеют черты персонажей, встречающихся в германской, скандинавской и кельтской мифологиях точно так же, как Средиземье имеет общие черты с реальным миром в эпоху Средневековья. Они вовсе не списаны с мифологических существ полностью, а у некоторых героев и вовсе нет аналогов в мифологиях. Мифологические прототипы персонажей Толкиена обычно второстепенны и примитивны, о них сказано не много. Главными действующими лицами в мифологиях, как правило, являются боги или люди-герои. У Толкиена же это — разработанные образы, играющие в трилогии главную роль; каждая раса — продуманный *тип* персонажей, обладающий такими определёнными

качествами, как места обитания, обычаи и традиции, внешность, поведение, характер, психология и, конечно же, речь.

Наиболее значимые расы, населяющие Средиземье, можно разделить на две категории: 1) народы, изначально обращённые к добру и не творящие зла: хоббиты, маги, эльфы, гномы, люди и др.; 2) народы, однозначно принадлежащие злу (назгулы, орки (гоблины) и тролли), в которых полностью отсутствует доброе начало. Следует оговориться, что обращённость к добру или злу в нашем понимании определяется стороной, на которой находится тот или иной народ относительно основного отрицательного персонажа трилогии — Саурона, который также именуется в произведении Врагом, олицетворяющим абсолютное зло и разрушение. Обращённость народа к добру в данном случае не исключает моральных недостатков их представителей, а лишь говорит об активном противостоянии Саурону либо отсутствии сотрудничества с ним. Иногда отдельные представители некоторых рас, обращённых к добру, становились в трилогии на противоположную сторону, но это было исключением из правил. Мы будем учитывать изначальную и основную позицию типов персонажей. В то же время обращённость ко злу исключает какие-либо положительные качества, перемену позиции, и всегда означает активное осуществление зла. В данной статье мы рассмотрим первую категорию персонажей. Толкиеновскую расу *людей* можно назвать наиболее неоднозначной расой, т. к. если такие типы персонажей, как эльфы или гномы, никогда не сотрудничали с представителями народов второй категории, то представителей человеческой расы, стоящих на стороне зла, мы можем встретить в трилогии немало. Но всё же отнесём людей к первой категории на том основании, что главные герои-люди эпопеи — положительны, а отрицательным персонажам этого типа не уделяется много внимания.

Толкиеновских *людей* нельзя однозначно причислить к вымышленным существам. Как правило, они ничем не отличаются от реальных людей, кроме отдельных персонажей, например, Арагорна, который обладает невероятным долгожительством. Но стоит отметить, что, в отличие от последних, люди у Толкиена живут в мире, населённом сказочными существами, где возможна магия и волшебство, где существует нечисть, олицетворяющая абсолютное зло. Это не могло не сказаться на их мировосприятии и психологии.

Отметим, что эльфы и гномы имеют аналоги в различных мифологиях. Согласно энциклопедии Кирилла и Мефодия и словарей Ожегова и Крысина, эльф — «в древнегерманской и скандинавской мифологии: дух природы, легкое воздушное существо в человеческом облике, обычно благожелательное к людям» [7], «сказочное существо, дух. Светлые эльфы (духи воздуха). Тёмные эльфы (гномы, подземные кузнецы, хранители горных сокровищ)» [6], «Эльфы — ...духи природы, населяющие воздух, землю, горы, леса, жилища людей и обычно благожелательные к людям» [1]. Гном — «в западноевропейской

мифологии уродливый карлик, охраняющий подземные сокровища» [1], «...олицетворение сил земли» [6]. По Толкиену, эльфы — «Перворожденные, ... первыми пришедшие в мир. Считалось, что эльфы бессмертны; они жили долго и были вечно юны, а умирая, не уходили из круга мира, но возрождались» [4, с. 410], гномы — «племя, ... рудокопы и рудознатцы, искусные камнерезы, ювелиры и кузнецы... Вспыльчивы, алчны, упрямы, но всегда воевали с Врагом» [4, с. 377]. Часто в мифологиях гномы тоже называются эльфами, только темными эльфами; у Толкиена связь между эльфами и гномами отсутствует, даже происхождение у них разное. Из мифов Толкиен заимствовал для гномов внешность (маленький рост, приземистость, борода), место обитания — под землей, занятия — ремесла, в которых они очень искусны, а также добыча полезных ископаемых, хранение сокровищ. О гномах Толкиен сообщает следующее: «Они тверды, как камень, стойки, скоры на дружбу и вражду и выносят тяжкий труд, голод и телесные раны лучше, чем все иные владеющие даром речи народы; живут они долго, много дольше людей...» [4, с. 37].

Что касается толкиеновских эльфов, то среди черт, общих для них и их мифологического аналога, отметим красоту, легкость, ореол очарования, бессмертие, любовь к природе, способность к магии и то, что они обычно не враждебны людям. Но существуют и различия. В мифах эльфы — духи природы, легкомысленные низшие существа; у Толкиена это высшие и мудрые существа, они материальны. Эльфы трилогии живут в сказочно прекрасных потаенных краях, недоступных для зла, занимаются ремеслами и искусствами. Они выполняют своеобразную роль бардов, менестрелей в Средиземье, им принадлежат баллады и песни. Толкиен всячески подчеркивал в своих произведениях или говоря о них, что у его эльфов высокий рост (например, употребляется эпитет «высокий» по отношению к ним) и нет крыльев, в отличие от сказочных.

Общим для эльфов и гномов является то, что оба народа направлены к добру. Многие эльфы, реже гномы, участвовали в войнах с темными силами. У хоббитов нет аналога в мифологии. Толкиен создал их сам: «Я корпел над школьным аттестатом и вдруг отложил его в сторону и на чистом листе бумаги написал: “В земле была нора, и в этой норе жил хоббит”» [5, с. 514]. Происхождение слова «хоббит» неизвестно. Однако в «Приложениях» (Appendixes) к трилогии «Властелин колец» Толкиен предполагает, что «...это редуцированная форма слова, сохранившегося в более полном виде в Рохане: “холбитла” — “строитель нор”» [8] (многие хоббиты живут в норах). Уточним, что язык Рохана является вариантом так называемого всеобщего языка или вестрона, а именно более «древний язык, более формальный и выразительный» [8]. Важно отметить, что в трилогии вестрон передается английским языком.

Особенности образов вымышленных существ, несомненно, отображаются и в их речи. Перейдём к характеристике их языкового своеобразия и различных коммуникативных аспектов.

Хоббиты ассоциируются с простонародьем, сельскими жителями, а также с детьми, занимая в иерархии Средиземья низкую ступень. Они используют простой разговорный язык, обладающий образностью, как у народных пословиц и поговорок. Эти персонажи не используют возвышенного языка, тем более, что читать или заниматься искусствами у них не принято, а песни у них простые, обычно шуточные, напоминающие народный фольклор. Речь хоббитов экспрессивна, что выражается, в частности, в восклицательных предложениях и в использовании эмоционально окрашенных слов и выражений:

“I saw a log with eyes!”

“Trust me to arrange things better than that!”

“Yes we shall!” cried Pippin.

“They’re mine!” said Frodo. “Given to me by Mrs. Maggot, a queen among farmers’ wives. Take your greedy hands away, and I’ll serve them.”

“But I can hear fireside-*tales* and children’s *stories* at home...” (ирония).

“Now come, you filth!” (гнев).

Хоббиты часто используют сокращенные формы слов, что характерно для разговорного языка, например, в таких фразах: “Who’s they?”, “he’s seen things”, “there ain’t no elm tree”, “I’ve heard”, “many’s the talk I had with him”, “’Twas the eyes”. Однако необходимо отметить, что речь более знатных хоббитов несколько иная, нежели у простонародья, в частности, в ней встречается меньше разговорных слов и сокращённых форм. Иногда она даже имеет высокий стиль:

“Little service, no doubt, will so great a lord of Men think to find in a *hobbit*, a halfling from the northern Shire; yet such as it is, I will offer it, in payment of my debt” (высказывание Пиппина, обращённое к Денетору). В данном предложении можем выделить такие, присущие высокому стилю, качества, как инверсия, развёрнутость предложения, употребление такой характеристики адресата, как “so great a lord of Men”.

Реплики хоббитов, как правило, короткие. Внутренняя речь по стилю не отличается от внешней и так же обладает всеми вышеперечисленными качествами.

‘I shall be drowned!’ he thought. It will find its way in, and then I shall drown.’

‘Walking for pleasure! Why didn’t I drive?’ he thought, as he usually did at the beginning of an expedition. ‘And all my beautiful feather beds are sold to the Sackville-Bagginses! These tree-roots would do them good.’

Речезобразительные слова разнообразны — said, cried, asked, answered, stammered, begged, shouted. К ним часто прибавляются описывающие наречия или причастные обороты:

“Wait a minute!” cried Sam, struck by an idea suggested by firewood. “We might do something with fire!”

“We might,” said Frodo doubtfully. “We might succeed in roasting Pippin alive inside”

“We might try to hurt or frighten this tree to begin with,” said Sam fiercely. “If it don’t let them go, I’ll have it down, if I have to gnaw it”; “What a foul thing to happen!” cried Frodo wildly. “Why did we ever come into this dreadful Forest? I wish we were all back at Crickhollow!”; “Elves!” exclaimed Sam in a hoarse whisper. “Elves, sir!”. Это подчеркивает выразительность речи хоббитов, ее живость.

Существуют некоторые различия в речи хоббитов, связанные с высшим социальным положением её адресата:

1. Хоббиты используют различные обращения к вышестоящим — Mr Frodo (обращение Сэма к Фродо), Master Peregrin (обращение Мэггота к Пиппину), Lady Goldberry (обращение Фродо к Златенике), lord (обращение Мерри к Теодену)

2. Вежливые формулы, обращённые к вышестоящим: Begging your pardon (реплика Сэма, обращённая к Фродо)

3. Использование высокого стиля речи (см. пример высказывания Пиппина, обращённого к Денетору, описанный выше) Хоббиты заслужили звание «вежливого» (courteous) народа:

“The Halflings are courteous folk, whatever else they be,” said Faramir. “Farewell!”; “Sam sighed audibly; and not at the courtesies, of which, as any hobbit would, he thoroughly approved”; “I see that strange tales are woven about you,” said Denethor, “...I accept your service. For you are not daunted by words; and you have courteous speech, strange though the sound of it may be to us in the South”. С нижестоящими по социальному положению хоббиты общаются так же, как с равными себе. Особенности речи в таких коммуникативных ситуациях не выявлено.

Манера общения персонажей данного типа часто изобилует шутками, добродушными подтруниваниями:

“No doubt you can,” retorted Sam, “and I daresay there’s more truth in some of them than you reckon. Who invented the stories anyway? Take dragons now.

“No thank ’ee,” said Ted, “I won’t. I heard tell of them when I was a youngster, but there’s no call to believe in them now. There’s only one Dragon in Bywater, and that’s Green (таверна «The Green Dragon». – *Е. III.*),” he said, getting a general laugh”; “What did you blush for, Sam?” said Pippin. “You soon broke down. Anyone would have thought you had a guilty conscience. I hope it was nothing worse than a wicked plot to steal one of my blankets”; “Which order shall we go in?” said Frodo. “Eldest first, or quickest first? You’ll be last either way, Master Peregrin”. В речи хоббитов встречаются пословицы и поговорки, например: «Short cuts make long delays», «Go not to the Elves for counsel, for they will say both no and yes», «Live and learn!»

Хоббиты говорят на всеобщем языке вестроне, точнее на его «деревенском диалекте» [8]. Они «...перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду... Впрочем, кое-какие свои древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, очень многие имена собственные» [3, с. 8]. Это может означать как слабую развитость культуры этой расы, так и готовность к общению и относительное отсутствие такой замкнутости, которая присутствует у некоторых других народов, например, у эльфов.

Образы гномов отличаются грубостью, силой, замкнутостью, отрешенностью от забот внешнего мира. Для их речи, по видимому, не является характерной явная поэтичность, присущая речи эльфов. Так, Леголас говорит после поэтичной речи Гимли о красоте пещер: 'You move me, Gimli,' said Legolas. 'I have never heard you speak like this before', показывая тем самым, что подобный стиль высказываний не является типичным для гномов. Тем не менее, гномы величавы и обладают чувством собственного достоинства и гордостью, и в речи эти качества реализуются с помощью высокого стиля:

Гимли: "None of Durin's race would mine those caves for stones or ore..." (употребление парафразы слова «гномы»).

Глоин: "Moria! Moria! Wonder of the Northern world! Too deep we delved there, and woke the nameless fear. Long have its vast mansions lain empty since the children of Durin fled. But now we spoke of it again with longing, and yet with dread; for no dwarf has dared to pass the doors of Khazad-dûm for many lives of kings..." (возгласы, инверсия, парафраз имени чудовища Балрога, употребление слова *for* вместо *because*, эпитеты).

В коммуникативном поведении гномов проявляются такие качества, как откровенность, безыскусность, прямота. Они способны на резкие высказывания, обращённые непосредственно к собеседникам или в присутствии объектов высказываний:

Глоин: "You were less tender to me", said Glóin with a flash of his eyes as old memories were stirred of his imprisonment in the deep places of the Elven-king's halls". Гимли: "The words of this wizard stand on their heads,' he growled, gripping the handle of his axe. 'In the language of Orthanc help means ruin, and saving means slaying, that is plain. But we do not come here to beg".

Гномы вспыльчивы и часто бывают эмоциональны. Их речь обычно экспрессивна; наряду с высоким стилем, гномы также активно используют и разговорный:

"Praised be the bow of Galadriel, and the hand and eye of Legolas!" said Gimli, as he munched a wafer of *lembas*. "That was a mighty shot in the dark, my friend!"; "And what about your companions? What about Legolas and me?" cried Gimli, unable to contain himself longer. 'You rascals, you woolly-footed and wool-pated truants! A fine hunt you have led us! Two

hundred leagues, through fen and forest, battle and death, to rescue you! And here we find you feasting and idling-and smoking! Smoking! Where did you come by the weed, you villains? Hammer and tongs! I am so torn between rage and joy, that if I do not burst. it will be a marvel!”.

У гномов есть свой язык, однако в трилогии он представлен лишь географическими названиями (Kheled-zâram, Khazad-dûm, Zirak-zigil) и военными кличками (*Baruk Khazâd! Khazâd ai-mênu!* 'Khazâd! Khazâd!'). Можно предположить, что имена персонажей этого типа также «гномские» (Gimli, Fundin, Balin).

Речеизобразительные слова — стандартные “said” и “cried”. Иногда встречаются описания манеры произнесения — «said Gimli eagerly», «said Gimli sadly». Мысли гномов почти не описываются, кроме тех, которые высказываются вслух, что ещё раз подтверждает прямоту их природы и в то же время отсутствие сильно выраженной экстраверсии.

Следующая раса, действующая в трилогии, которую мы рассмотрим, — это эльфы. Они бессмертны, для них характерны такие качества, как мудрость и красота, магические навыки. Эльфы являются основными носителями культуры в Средиземье, их авторству принадлежат баллады и песни. Другие названия этого народа: Перворожденные (т. к. они появились раньше прочих рас), Дивный Народ и другие. После таких персонажей, как Илуватар, валары и майары (в т. ч. маги), эльфы — наивысшая раса. Из этого обстоятельства вытекают такие черты характера, как высокомерность, гордость и замкнутость, что, конечно, проявляется при коммуникации. Эльфы общаются чаще всего только между собой. Стиль их речи — высокий, часто они употребляют устаревшие, поэтические слова (например, *for* в значении *because*) и конструкции (параллелизмы и т. д.), тропы:

“And now at last it comes. You will give me the Ring freely! In place of the Dark Lord you will set up a Queen. And I shall not be dark, but beautiful and terrible as the Morning and the Night! Fair as the Sea and the Sun and the Snow upon the Mountain! Dreadful as the Storm and the Lightning! Stronger than the foundations of the earth. All shall love me and despair!” (инверсии, сравнения, гиперболы, восклицания). “So it was indeed,” answered Elrond gravely. “But my memory reaches back even to the Elder Days. Eärendil was my sire, who was born in Gondolin before its fall; and my mother was Elwing, daughter of Dior, son of Lúthien of Doriath. I have seen three ages in the West of the world, and many defeats, and many fruitless victories” (характеристика высказывания “gravely”, употребление поэтического слова “sire”, уточнения, большие по объёму развёрнутые предложения). “I was the herald of Gil-galad and marched with his host. I was at the Battle of Dagorlad before the Black Gate of Mordor, where we had the mastery: for the Spear of Gil-galad and the Sword of Elendil, Aiglos and Narsil, none could withstand. I beheld the last combat on the slopes of Orodruin, where Gil-galad died, and Elendil fell, and Narsil broke beneath

him; but Sauron himself was overthrown, and Isildur cut the Ring from his hand with the hilt-shard of his father's sword, and took it for his own”.

Как видно в одном из примеров, близость эльфов к природе, их почтение к ней автор в некоторых случаях показывает с помощью употребления заглавной буквы в начале слов, обозначающих её объекты (Sun, Sea, Snow и др.). Этот же приём также возвышает стиль речи этих героев.

Особенно поэтичен и архаичен язык посланий эльфов:

“To Gimli son of Glóin”, she said, “give his Lady's greeting. Lock-bearer, wherever thou goest my thought goes with thee. But have a care to lay thine axe to the right tree!”

...she also sends word to you: *The days now are short. Either our hope cometh, or all hopes end. Therefore I send thee what I have made for thee. Fare well, Elfstone!*”.

Особенности, проявляющиеся в речи эльфов, воспринимаются как неотъемлемая часть ореола возвышенности, мудрости, таинственности, который окружает эльфов. Речеизобразительные слова стандартные — said, cried, laughed. Внутренняя речь эльфов в трилогии не встречается, что, по-видимому, также может свидетельствовать о том, что они — непостижимые для всех существа. Эльфы говорят либо на всеобщем, либо на эльфийском языке. Черты последнего, исходя из его характеристики, даваемой автором и героями, — красота (характерный для него эпитет fair — прекрасный), песенность, древность, недоступность. Эти качества, очевидно, повторяют черты и самих персонажей данного типа. Толкиен в некоторых источниках дает значение многих эльфийских слов, корней, создавая впечатление, что этот язык — настоящий. Низшие расы, кроме некоторых людей высокого происхождения, как правило, им не владеют. Эльфы назвали на своем языке многие географические объекты (Lothlórien, Celebdil, Moria), а также дали вторые имена некоторым значимым личностям (например, Гэндальфа они называют Митрандир). Эти эльфийские вторые имена стилистически более возвышенны, чем основные, употребляющиеся в трилогии.

Эльфийский язык представлен в тексте именами собственными — Glorfindel, Celeborn, Arwen, названиями нескольких растений, металлов, предметов и т. п., несколькими фразами (“*Elen síla lúmenn’ omentielvo*”, “*noro lim, noro lim, Asfaloth!*”, “*Arwen vanimelda, namárië*”, “*Yrch*”) и целыми песнями (см., например, песню Галадриэли).

Эльфы — единственные, кто полноценно говорит на своем языке. Другие народы, как видно из текста трилогии, общаются исключительно на всеобщем языке. Возможно, это предполагает большую развитость эльфийского языка, самобытности культуры эльфов, а также об их замкнутости и отчужденности.

Эльфы и гномы в качестве письменного языка используют руны, примеры которых встречаются в тексте — надгробная надпись на могиле

гнома Балина, подпись Гэндальфа, надпись на Кольце. Руны имеют аналог в реальной жизни. Согласно энциклопедии Кирилла и Мефодия, это – «знаки германского алфавитного письма» [1], ещё одна параллель с германской культурой.

Итак, в данной статье были рассмотрены основные черты речи трёх главных типов персонажей трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», которые относятся категории положительных героев, обращённых к добру. Каждый из этих трёх типов самодостаточен и обладает своими характеристиками, которые, несомненно, находят своё выражение в речи их представителей. Задача анализа упрощалась тем, что автор использует собственно-прямую речь в трилогии.

Литература

1. **БЭКМ** (электронный вариант).
2. **Современный** словарь по культурологии. — Минск : Совр. Слово, 1999. — 736 с.
3. **Толкиен Дж. Р. Р.** Властелин колец : трилогия. — М. : Эксмо, Яуза, 2003. — 992 с.
4. **Толкиен Дж. Р. Р.** Сильмариллион: — М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 428, [4] с.
5. **Толкиен Дж. Р. Р.** Хоббит, или Туда и обратно : избр. произведения. — М. : Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2004. — 608 с.
6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова (электронный вариант).
7. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин (электронный вариант).
8. **Толкиен Дж. Р. Р.** Приложения и комментарии к «Властелину колец» / Дж. Р. Р. Толкиен (электронный вариант).

В данной статье были рассмотрены основные черты речи трёх главных типов персонажей трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», которые относятся к категории положительных героев.

Ключевые слова: собственно-прямая речь, трилогия, персонаж.

У статті були розглянуті основні риси мовлення трьох головних типів персонажів трилогії Дж. Р. Р. Толкієна «Володар кілець», які належать до категорії позитивних героїв.

Ключові слова: власно-пряма мова, трилогія, персонаж.

In the article analysis main characteristics of speech of three main types in trilogy by G. R. R. Tolkein «Lord of Rings» that belonging to category of positive heroes.

Keywords: direct speech, trilogy, character.

Н. Л. Юган

**МОЛДАВСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ
В. И. ДАЛЯ И А. Ф. ВЕЛЬТМАНА**

В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана сближают возраст, образование, служба в российской армии, литературные и научные интересы.

Впервые проблема творческих отношений Даля и Вельтмана была поставлена в работе А. Ю. Сорочана. Он отметил сходство в творческой эволюции авторов, близость сюжетов ранних произведений В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана («Русские сказки Казака Луганского» и вельтмановские романы «Странник», «Кощей Бессмертный»), а также указал на то, что оба писателя в произведениях 1830-х гг. своеобразно подходят к сказочной мотивировке характеров [1]. Безусловно, этими наблюдениями и выводами проблема не исчерпывается. Цель нашей работы – проанализировать произведения молдавской тематики, их место в творчестве каждого писателя. В центре внимания в статье – далевская «Цыганка» и вельтмановский «Странник».

Даль и Вельтман познакомились во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Пути писателей постоянно пересекаются (Силистрия, Шумла, Кулевчи, Яссы). В 1829 г. на перевале через Балканский хребет, сойдясь отдохнуть, они достали из походных сумок одну и ту же книгу – «Фауст» Й.-В. Гете [2, с. 102]. Так и началась их долгая дружба.

На протяжении всей своей жизни писатели поддерживали личные и творческие контакты. Даль постоянно интересовался работой Вельтмана. Этот интерес мы можем увидеть в 6 письмах В. И. Даля к М. П. Погодину 1842 – 1848 гг. Даль советовал привлечь Вельтмана к сотрудничеству в «Москвитяине», покупать «все, что у него есть», его интересовало мнение друга о своих сочинениях [3, с. 335, 371, 382]. Вельтман бережно хранил в своей библиотеке одну из книг Даля [4].

Дополнительные штрихи к истории творческих взаимоотношений Даля и Вельтмана дает их переписка. Известно 4 письма от Даля, 3 письма от Вельтмана, датированные 1846 – 1857 гг. Вельтман осведомлен о житейских хлопотах Даля, он принимает участие в «Москвитяине» (1849) и приглашает к сотрудничеству Даля [5, с. 529–530]. Казак Луганский в своих дружеских посланиях анализирует художественные и научные труды Вельтмана [5, с. 528, 530–531]. Он – глубокий, знающий и непредвзятый его критик. Писатель восхищается трудами Вельтмана и в то же время показывает отдельные их недостатки. Интересы авторов близки.

В критических статьях, анализирующих творчество Даля 1830 – 1840-х гг., наблюдается устойчивое сближение двух писателей. Так, в

рецензиях 1839 г. на 4 книгу «Былей и небылиц» при рассмотрении пьесы «Ночь на распустье» А. А. Краевский и Ф. В. Булгарин сопоставили далевские и вельтмановские опыты. Экспериментаторство в драматургии Даля видится критиками как продолжение и смелое удачное развитие вельтмановских традиций [6, с. 1; 7, с. 135–137]. И. С. Тургенев, анализируя сборник «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», видит сближения и отталкивания в прозаических произведениях Даля и Вельтмана, в их творческой манере [8, с. 413].

Даль в критической статье «Полтора слова о нынешнем русском языке» отмечал романы Вельтмана «Кощей бессмертный», «Святославич, вражий питомец». Он говорил о подлинной народности, истинном русском духе данных произведений, ставил их в один ряд с «Горе от ума» А. С. Грибоедова, баснями И. А. Крылова, произведениями А. С. Пушкина, «Рудым Панько» Н. В. Гоголя [9, с. 413].

В литературу писатели вступили практически одновременно. Их первые стихотворные опыты были опубликованы в журналах второй половины 1820-х гг. Вельтман стал известен как автор романа «Странник», первый отрывок из которого был напечатан в № 20 за 1830 г. «Московского телеграфа». Первая часть романа издана в марте 1831 г., вторая – осенью 1831 г., третья – в декабре 1832 г. [10, с. 302–303].

Даль в том же журнале («Московский телеграф». – 1830. – Ч. XXXV. – №21–22) опубликовал повесть «Цыганка», которая привлекла внимание читателей. Вероятно, Вельтман был знаком с этой журнальной публикацией. Более того, наличие дружеских контактов позволяет предположить, что, создавая и публикуя отдельные части романа в 1831–1832 годах, Вельтман знал о существовании далевской «Цыганки», и некоторые сюжетные совпадения обоих произведений отнюдь не случайны. С другой стороны, и Даль, переделывая журнальную редакцию повести, ориентировался на «Странника» Вельтмана.

Частично переработанный, текст «Цыганки» вошел в состав первой книги «Былей и небылиц Казака Владимира Луганского» (1833) [11, I, с. 99–201]. Переработка касалась распределения материала по главам, восстановления купированных мест, введения эпитафий, переименования глав, расширения этнографических комментариев [12; 13].

Во второй редакции «Цыганки» появляется посвящение «Тебе», которое перекликается с соответствующим вельтмановским посвящением «Вам». Выраженное здесь ведущее, состоящее из полутонов и оттенков настроение проецируется на все повествование в целом. Примечательны уже первые строки «Благослови, моя Милета, / С того, где ты витаешь, света / И были и мечты поэта!» [11, I, с. 99]. Здесь тонко воссоздается смысловая двойственность: с одной стороны с того света, т. е. из потустороннего мира (в промежуточной редакции так и

было «Улыбкой райской с того света»), с другой стороны, через значения глагола «витать», т. е. «обитать, жить» [15, I, с. 207] и существительного «свет», т. е. «род людской, высшее общество» [15, IV, с. 157], возможно другое понимание – среди житейских забот, в светской суете. Под неприятельным, но изящным именем Милета, понятно, подразумевается поэтическая муза автора.

Стихотворение-посвящение «Вам» помещено во 2 часть романа «Странник», в главу СХVIII [14, с. 68]. Оно подразумевает возлюбленную писателя Екатерину Павловну Исупову. В главе СХХIII автор от этого посвящения отказывается [14, с. 302].

Несмотря на то, что Даль в своем стихотворном послании обращается не к читателям, а к музе, мы можем указать на сходство семантики, настроения, пронизывающего оба текста, функции в произведении (лиризация повествования, введение и поддержка романтических мотивов).

«Цыганка» Даля повествует о взаимоотношениях просвещенного повествователя и крепостной цыганки. В ней жанровые признаки популярной в русской литературе XVIII – первой половины XIX в. формы путевого очерка (фактографичность, автобиографичность, документальность) значительно трансформированы. Отбросив дневниковый принцип, Даль разделил произведение на главы. В тексте нет фабульной раздробленности, эпизодичности, хроникальности, отбор информации подчинен повествовательной концепции. Не маршрут путешествия с его впечатлениями развивает авторский сюжет, все сюжетные ходы здесь прямо или косвенно оказываются связанными с рассказом о судьбе цыганки.

Жанрово-стилевая специфика вельтмановского «Странника» – пародийно-фантастическое повествование, основанное на реальных и военно-исторических эпизодах. У Вельтмана рассказ следует прихотливому движению мысли повествователя: «законная причина: моя воля» [14, с. 18]. Действие разделено на 45 дней, по 15 дней в каждой из трех частей. Вельтман все время подчеркивает, что перед читателем путешествие. В нем три уровня, пласта повествования. Стилевая особенность произведения – соединение прозы и стихотворной речи.

Сложная архитектура романа позволила рассказать о становлении личности героя на протяжении долгих лет, отмеченных крупными историческими событиями. Роман написан в форме кратких монологов и стремительных диалогов, с введением в текст риторических вопросов, обращенных к читателю. Все произведение пронизано комизмом и сарказмом [10, с. 289].

Сходство произведений Даля и Вельтмана можно увидеть в сатирическом изображении бессарабского светского общества. У Вельтмана это кишиневский свет, у Даля – ясский. Кроме того, в «Цыганке» сильны антикрепостнические мотивы: повествователь

сочувствует закрепощенному цыганскому народу Бессарабии и всячески стремится облегчить существование отдельных его представителей.

Повествователей-путешественников обоих писателей отличает благородство душевных порывов, неприятие фальши и лицемерия окружающей среды, стремление понять смысл жизни.

Сближает произведения общность обстановки, в которой происходит действие. Ряд композиционных особенностей позволяет говорить о литературной связи «Странника» и «Цыганки». Некоторые эпизоды, как, например, сцена поисков квартиры повествователя в произведениях разительно похожи. У Вельтмана путешественник просит везти себя в заездный дом, в дело вмешиваются «жиды»-факторы, которые тянут лошадей героя в разные стороны. У Даля – суруджи везет героя на постоянный двор Хан-Курой, «жиды»-факторы пытаются его обмануть, назвав завышенный курс ассигнаций [11, I, с. 126; 14, с. 25]. Сходство определяется во многом одинаковым характером службы обоих писателей в одной местности.

Без труда напрашивается сравнение таких сюжетных ситуаций, как поломка брички, знакомство с местными красавицами – заглядывание в открытые окна домов [11, I, с. 111–117, 130–132; 14, с. 30, 136]. Правда, эти эпизоды играют разную роль в произведениях Даля и Вельтмана. В романе «Странник» – это лишь отдельные мимолетные впечатления путешественника. В «Цыганке» Даля в первом случае эпизод мотивирует появление кузнеца Радукана, впоследствии оказавшегося возлюбленным главной героини; во втором – повествователь после заглядывания в окна становится объектом сплетен и насмешек светского яесского общества, это способствует его отходу от светской жизни и более тесному сближению с простой цыганкой.

Путешественник Вельтмана рассматривает достопримечательности бывшей Бессарабской Татарии. В «Страннике» он описывает близкие далевской «Цыганке» реалии и события.

Этнографические описания у Вельтмана гораздо шире, чем у Даля. В «Цыганке» путешественник рассказывает о жизненном укладе г. Яссы, и только в последней главе он мельком наблюдает Бухарест. У Вельтмана, кроме Ясс, описываются окрестности Хотина, Сороки, дорога в Кишинев и его окрестности, быт города, кишиневский сад, местность около Бендер, Тирасполя, река Прут, движение русских войск (крепость Браилов, от Исакчи до г. Бабадага) и их пребывание в Базарджике, Козлуджи, Шумле [14, с. 11–12, 15, 20, 26–27, 35, 37–40, 75–77, 85, 92–93, 102, 125–128, 133–135].

Вместе с тем, в произведениях обоих писателей много сходных описаний реалий Бессарабии – господарский дворец в г. Яссы, поездка в Копо, арбы и каруцы, щербет, дульчец, одежда и быт валахского бояра, кукон и кукониц и др. [14, с. 16, 27, 83–84, 160, 162–163, 167, 169; 11, I, с. 109–110, 118–125, 129–131, 135, 140, 155–156].

Интересно, что некоторые описания и впечатления авторов полностью совпадают. Например, путешественники одинаково оценивают загородные прогулки местной знати по праздникам и воскресеньям в Копо [14, с. 160, 167, 169; 11, I, с. 124]. Они видят в этом некоторую обязанность, моцион от скуки и сопоставляют со столичными гуляниями.

Сравним описания одних и тех же реалий у Даля и Вельтмана – арбы и каруцы. В «Страннике» читаем: «Народные экипажи в Молдавии называются каруцами; их два рода: конские и воловьи. Первые так малы, как игрушки, а другие построены не на шутку и так велики, что две съехавшиеся могут загородить не только обыкновенную дорогу, но и дорогу в Тартар, которой будет сделано, со временем, особое описание, ибо Мильтон и Данте не представили маршрута, составленного Орфеем» [14, с. 16]. Даль пишет: «Повозки здешние – арбы и каруцы. Первые поражают неуклюжею огромностию своею и тяжелыми, дубовыми колесами на тонких буковых осях, которые никогда не смазываются, и потому режут несносно; вторые, каруцы, собственно почтовый экипаж, перекладные, имеют полтора аршина длины и едва ли более вышины от земли; почему и походят почти на ручные повозки. Вы садитесь, согнув ноги, или подвернув их под себя, ямщик верхом, на левой коренной, и четверка с выносом мчит вас через пень, через колоду, едва переведя дух на половине дороги, где суруджу, с замечанием: «джематати друм» - слезает с голого своего арчака» [11, I, с. 110]. У Вельтмана описание лаконично, подробности отсутствуют, автор погружен в литературный мир (Тартар, Орфей, Мильтон, Данте). Описание сменяется рассказом о других делах путешественника. У Даля наблюдается установка на детализированное повествование, описание органично входит в сюжет (поездка героя и поломка брички).

Объединяет два произведения также описание исторических реалий. Герои видят знаменитый Рымник, в котором погибла турецкая армия и утонул сын Суворова. У путешественников возникают одинаковые ассоциации и дается сходная оценка водоему – ручей. Оба героя указывают на несоответствие значимости и трагичности события и размера речки [14, с. 123; 11, I, с. 198].

В «Страннике» и «Цыганке» часто встречаются сноски. В романе Вельтмана мы видим два рода примечаний: переводы иностранного слова или диалогов («каруцы», «кукона», «куконица», «суруджи», «качула», «мититика», «улица-маре» и др. [14, с. 7, 8, 25, 27, 30–31, 54, 55, 79–80, 112, 163, 167]), а также краткие определения иноязычных слов («мешти», «кушмы», «кочковал», «дульчец», «бутки», «фермелэ» [14, с. 27, 49, 82, 163]). У Даля мы можем наблюдать тоже самое («чубук», «кукона» [11, I, с. 122, 140]). Но в «Цыганке» есть сноски, которые значительно больше по объему, расширяющие представление или дополняющие сведения, данные в основном тексте («щербет», «дульчец», пояснение об окнах, о чоклах [11, I, с. 120, 136,

168, 180]. Таким образом, здесь Даль вновь проявляет себя как этнограф и бытописатель.

«Странник» – пестрая картина, объединяющая множество лиц: строевых офицеров и квартирмейстеров, солдат и крестьян, молдавских и валашских бояр и трактирщиков, бессарабских дам и слуг. Это в свою очередь вызывает языковую пестроту: на страницах романа звучит немецкая, греческая, молдавская, турецкая речь [14, с. 25, 30–31, 49, 74–75, 79, 82]. То же мы можем видеть в повести Даля «Цыганка» [11, I, с. 120, 122, 136]. Иноязычные слова выполняют в текстах одинаковые функции: они характеризуют героев – представителей других национальностей, способствуют созданию экзотического колорита.

И у Даля, и у Вельтмана повествователи размышляют о лингвистических особенностях иностранной речи. «О приятностях выражений молдавского языка я не могу сказать ни слова, но мне всегда казалось, что хозяин рубил дубовые дрова, а щепки летели прямо мне в уши», – пишет вельтмановский путешественник [14, с. 31]. У Вельтмана подобные высказывания – попутные замечания, особенности восприятия повествователя. Далевский герой указывает: «Природный язык крайне беден и необработан: волошский и молдавский суть наречия, коих корнем почитается латинский; выговор иных слов весьма сходен с итальянским, а посему славянская грамота и печать весьма некстати принята молдаванами, и не соответствует вовсе ни произношению, ни правописанию языка. Приличнее было бы в сем отношении поменяться молдаванам и полякам, которые весьма удобно могли бы писать нашими славянскими буквами» [11, I, с. 160]. Даль дает профессиональный комментарий, он вплетен в широкие размышления о культуре, о своеобразии и путях развития нации.

В других произведениях Даля мы можем увидеть некоторые этнографические реалии, изображенные в «Страннике» Вельтмана. В повести «Нападение врасплох», опубликованной в той же первой книге «Былей и небылиц», и «Сказке про жида вороватого и цыгана бородатого» из второй книги цикла изображены события, произошедшие на юге Украины, в Подольской губернии.

Авторы говорят о шабаше евреев, во время которого они отказываются работать [14, с. 125; 11, II, с. 108, 100–101]; отмечают повадки «жидов»-факторов: «жестокое внимание», «насильственное угождение» [14, с. 164; 11, II, с. 160–161], их назойливость, навязчивость, находчивость и изворотливость [14, с. 26; 11, II, с. 160–161, 167–168]. Стремясь к обогащению, евреи налетают на прохожего или проезжающего, все сметают на своем пути [14, с. 26; 11, I, с. 21–25]. Подобная близость описаний и оценочных суждений при характеристике евреев юга Малороссии и Молдавии позволяют говорить об объективном изображении национального характера.

Интересно, что Даль и Вельтман одинаково подходят к анализу национального уклада через народный танец. Вельтман собирается

«судить об обычаях, о нравах, об уме, о способностях молдавского народа» по джоку [14, с. 12]. В «Нападении врасплох» главные герои – кавалеристы, рассуждают о национальном характере разных народностей, отраженном в танцах [11, I, с. 57–60].

В «Страннике» и в «Нападении врасплох» есть сходный эпизод, где военному предлагается выпить чай с ромом (у Вельтмана) или просто чай (у Даля). Герой с гневом отвергает этот напиток, предпочитая коньяк и пунш [14, с. 76; 11, I, с. 6]. Данные рассуждения поданы в стихотворной форме, и призваны охарактеризовать армейских офицеров. Понятно, что подобное единодушие в оценке героев у Даля и Вельтмана связано со сходными условиями службы писателей.

Важно указать место молдавской темы в творчестве Даля и Вельтмана. У Даля «Цыганка» – единственное произведение, написанное на молдавском материале. Вельтман же многократно к нему обращается. В рассказе «Костешские скалы» (1840), в повести «Урсул» (1841), в рассказе «Два майора» (1848), романе «Счастье – несчастье» (1863) действие происходит в молдавских землях, автор вводит описание реалий, которые мы встречаем и в «Страннике»: «каруцы», «арнаут», «чубук», «жиды-факторы», «дульчиц», «суруджи» [14, с. 228, 236, 241–244].

«Цыганка» и «Странник» занимают сходное место в творческой эволюции писателей. Оба произведения созданы в начале их творческого пути. В них можно увидеть становление творческого метода, стиля. У Даля это, прежде всего, этнографизм, установка на раскрытие национальных черт характера, наблюдение реалий народной жизни, бытописание, сатиричность, интерес к живому народному слову; у Вельтмана – легкость перехода от одной темы к другой, введение широкого культурного фона, веселость и остроумие, затейливая фантазия, оригинальность и сложность композиции, и в то же время некоторая калейдоскопичность и отрывочность смеси в стихах и прозе.

И сюжетно-композиционное сходство произведений, рассказы-вающих о познании молодыми офицерами чуждой им культуры, и внутреннее, психологическое родство героев, пристально наблюдающих жизнь в ее критических ситуациях, напряженно старающихся разобраться в жизни людей незнакомого им края, – все позволяет считать «Странника» литературным современником «Цыганки».

В широком сопоставлении творчества Даля и Вельтмана, анализе их взаимовлияния видится нам дальнейшее развитие данной темы.

Литература

1. Сорочан А. Ю. В. И. Даль и А. Ф. Вельтман. (Из истории творческих взаимоотношений) / А. Ю. Сорочан // Далевский сборник. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 89–91.
2. Порудоминский В. И. Даль / В. И. Порудоминский. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 384 с.
3. Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. – Ч. I / публ. А. А. Ильина-Томича // Лица:

Биографический альманах. 2. – М.; СПб. : Феникс : Atheneum, 1993. – С. 287–388. 4. **Акутин Ю. М.** Из книг А. Ф. Вельтмана / Ю. М. Акутин // Лит. Россия. – 1974. – № 34. – С. 16. 5. **Переписка В. И. Даля с А. Ф. Вельтманом** / Публ. Ю. М. Акутина // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – №6. – С. 527–532. 6. **[Краевский А. А.]** Были и небылицы Казака Владимира Луганского / А. А. Краевский // Отечественные записки. – 1839. – Т. IV. – №6–7. – Отд. VII. – С. 1–7. 7. **[Булгарин Ф. В.]** Были и небылицы Казака Луганского. – Кн. IV. 1839 / Ф. В. Булгарин // Сын Отечества. – СПб., 1839. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 135–139. 8. **Тургенев И. С.** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб., 1846 / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. : в 30 т. – М. : Наука, 1978. – Т. 1. – С. 278–280. 9. **Даль В. И.** Полтора слова о нынешнем русском языке / В. И. Даль // Даль В. И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. – Оренбург : Оренб. книжн. изд-во, 2002. – С. 409–431. 10. **Акутин Ю. М.** Александр Вельтман и его роман «Странник» / Ю. М. Акутин // Вельтман А. Ф. Странник. – М. : Наука, 1978. – С. 247–300. 11. **Даль В. И.** Были и небылицы Казака Владимира Луганского : в 4 кн. / В. И. Даль. – СПб., 1833–1839. – Кн. 1–2. 12. **Погребенная Н. Л.** К творческой истории повести В. И. Даля «Цыганка» / Н. Л. Погребенная // Вісн. ЛДПУ імені Тараса Шевченка : філол. науки. – 2000. – №5 (25). – С. 133–140. 13. **Юган Н. Л.** О некоторых особенностях работы В. И. Даля над художественным произведением (на материале реалистических повестей 1830-х гг.) / Н. Л. Юган // Наук. зап. ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. – 2005. – Вип. 2 (42). – С. 3–9. 14. **Вельтман А. Ф.** Странник / А. Ф. Вельтман. – М. : Наука, 1978. – 344 с. 15. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989.

В статье изучаются творческие взаимоотношения В. И. Даля и А. Ф. Вельтмана. В работе проведена литературная параллель: повесть Даля «Цыганка» и роман Вельтмана «Странник». Указано место произведений молдавской тематики в их творческой эволюции.

Ключевые слова: творческие взаимоотношения, этнографизм, рассказчик, жанр «путешествие».

У статті вивчаються творчі взаємини В. І. Даля та О. Ф. Вельтмана. У роботі наведено літературна паралель: повість Даля «Цыганка» та роман Вельтмана «Странник». Вказано місце творів молдавської тематики у їх творчій еволюції.

Ключові слова: творчі взаємини, етнографізм, оповідач, жанр «подорож».

The moldavian theme in creativity of the artistic relationship of V. I. Dahl and A. F. Veltman. The article of N. Yugan is devoted to the artistic relationship of V. I. Dahl and A. F. Veltman. The article suggests literary parallels of the works of both writers: the story of V. I. Dahl “The gypsy girl” and the novel of A. F. Veltman “The wanderer”. The place of the works on moldavian subject is shown in their creative evolution.

Keywords: artistic relationship, ethnographizm, the story-teller, “The Travels” ganre.

В. Д. Янченко

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

В условиях модернизации системы российского высшего образования особую значимость приобрели вопросы совершенствования современных средств обучения и развития студентов-филологов. В связи с этим в педагогическом вузе стали применяться такие нововведения, как мультимедийная лекция, в которой наглядность обеспечивается с помощью видеоряда; получили распространение учебные CD с видео- и аудиофайлами, игровые формы обучения (деловая игра), проводятся уроки-экскурсии (в том числе виртуальных); применяются в обучении на практических занятиях по методике видеозаписи уроков с последующим анализом и т. п.

Одним из наиболее эффективных инструментов подготовки и проведения мультимедийной лекции является программа Microsoft PowerPoint. «Это инструмент ... , позволяющий четко структурировать, хорошо иллюстрировать и профессионально представлять идеи и достижения» [1, с. 158]. С помощью программы Microsoft PowerPoint успешно реализуется принцип наглядности в обучении. Вместе с тем данная программа дает возможность студенту изучать материал индивидуально, с учетом своих возможностей и способностей: «С помощью специальных стрелок (навигационных маршрутов) обучаемый способен осваивать материал индивидуально, переключаться с одной страницы на другую, возвращаться к структуре текста, миновать целые параграфы и перейти к другим частям или разделам текста» [1, с. 159]. Заметим, что учебная информация подается на слайдах в системе, что позволяет предостеречь пользователя от фрагментарности восприятия и «от возможности потери связующей текст нити, имеющей место в данной обучающей программе» [1, с. 159].

Использование программы Microsoft PowerPoint на лекционных и практических занятиях по методике преподавания русского языка открывает новые возможности в подаче материала, в организации учебного процесса.

Инновации первого десятилетия XX века окажутся поверхностными, если не будет изучена **история науки**, извлечен полезный и многогранный опыт.

Проблему историзма правомерно назвать одной из ключевых научных проблем на грани веков. Философское осмысление истории – примета нашего времени. Историзм стал ключевым направлением и в современной методике преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. Принцип историзма способствует обобщению опыта,

наработанного методистами-русистами, выявлению рационального зерна, полезного в будущем. Сегодня мы обращаемся к истории и в ней черпаем силы для решения современных задач инновационного развития науки. В новых исторических условиях модернизации российского высшего образования для повышения результативности научных исследований формирование у студентов мотивации инновационного поведения должно стать приоритетом, но при этом необходимо опираться на богатые традиции.

История науки – необходимый компонент высшего образования. Соединение опыта дает качественно новые ресурсы, материал для конструирования и производства знаний. Правомерно отметить рост интереса современных ученых к историческим исследованиям в целом, в том числе в области методики, и это не случайно: в XX веке десятки крупнейших ученых-филологов, таких как С. И. Абакумов, Н. Н. Алгазина, П. О. Афанасьев, М. Т. Баранов, С. Г. Бархударов, Е. А. Баринова, В. А. Добромислов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, И. Р. Палей, Е. Н. Петрова, Н. С. Поздняков, Н. Н. Прокопович, М. А. Рыбникова, А. В. Текучев, М. В. Ушаков, Л. П. Федоренко и многие другие трудились в педагогике, в области методики преподавания русского языка, всесторонне обогатили науку.

Мы предлагаем соединить историческое содержание вузовского курса методики преподавания русского языка с возможностями модуля Microsoft PowerPoint.

В процессе разработки инновационной образовательной программы по истории лингвометодики источниками стали учебники, программы, словарно-энциклопедическая, научно-популярная литература, архивные материалы, периодика, а также ресурсы сети Интернет:

- <http://www.mprus-mpsu.nm.ru>;
- <http://www.gramota.ru>;
- <http://www.examins.ru/otvet/9/11/626.html>;
- <http://www.tpi.ru/users/sgpu/sloves04.htm>;
- <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200302309>;
- <http://rus.1september.ru/2003/23/8.htm>.

Изучение в педагогическом вузе истории методики преподавания русского языка помогает осуществлять передачу духовных ценностей от поколения к поколению, реализуя идею преемственности. Обращение к трудам великих ученых, экскурс в историю методики преподавания русского языка воспитывает у студентов-словесников чувства уважения к предшественникам и ответственности перед будущими поколениями.

Современный компетентный, грамотный специалист не должен забывать историю науки, которая выполняет систематизирующую функцию, интегрирует, приводит разнообразные идеи к общему знаменателю, способствует концентрации мыслей, воспитывает любознательность. История методики преподавания русского языка

обеспечивает системность и преемственность в подготовке студентов-филологов, развитие профессиональных качеств будущих русистов.

Существует неразрывная связь развития образования, науки и культуры с общественно-политической жизнью государства. Влияние социальных факторов на развитие науки в нашей стране было всегда сильным и своеобразным.

Методика преподавания русского языка создавалась усилиями многих ученых. С периодом последней трети XX столетия и связана научная деятельность Н. Н. Алгазиной, М. Т. Баранова, Е. А. Бариновой, Н. Г. Гольцовой, Л. Т. Григорян, А. В. Дудникова, И. И. Кулибабы, Л. Ю. Максимова, В. Е. Мамушина, Е. И. Никитиной, В. П. Озерской, Н. А. Плёнкина, М. М. Разумовской, А. В. Текучева, Н. Н. Ушакова, Л. П. Федоренко, Г. А. Фомичевой, Н. М. Шанского, а также других методистов-русистов, продолжающих научную деятельность в начале XXI века. Среди них А. Д. Дейкина, Т. К. Донская, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов, Л. А. Тростенцова и мн. др. Их научное наследие поражает богатством и разнообразием, опровергая мнение неспециалистов, полагающих, будто в последние годы в науке не появилось ничего принципиально нового.

Для обучения студентов-словесников достижениям в области истории лингвометодики целесообразно использовать современную технологию презентации PowerPoint, заимствованную нами из методики преподавания иностранных языков и других смежных дисциплин.

В качестве примера представим фрагмент презентации Microsoft PowerPoint «МГПИ – МПГУ. История методики преподавания русского языка последней трети XX века», разработанной нами и внедренной в практику преподавания на филологическом факультете Московского педагогического государственного университета:

- Доктор педагогических наук, профессор Михаил Трофимович Баранов (1924–1999) – крупнейший педагог и методист-русист второй половины XX века, автор учебников для школы и вуза, создатель научно-методической школы на кафедре методики преподавания русского языка МГПИ–МПГУ.
- Профессор М. Т. Баранов возглавлял кафедру методики преподавания русского языка в МГПИ имени В. И. Ленина в 1988–1998 гг.
- М. Т. Баранов – автор более трехсот научных работ.
- Книги М. Т. Баранова для средней школы.
- Труды М. Т. Баранова для вуза: учебник «Методика преподавания русского языка» (1990, 2000), школьные словари, составленные М. Т. Барановым.

В 2005 году был издан сборник «М. Т. Баранов: ученый и человек» (сост. А. Д. Дейкина и др.).

В процессе систематического изучения истории науки студенты-филологи видят связь языка и культуры с историей, у них формируется система знаний, **взгляд¹ на методику преподавания русского языка**. В результате обучения обращается внимание учащихся к именам, ставшим достоянием российской науки, повышается интерес студентов к методическим дисциплинам.

Опыт работы показал эффективность применения программы PowerPoint в процессе изучения истории науки. Таким образом, осуществляется синтез, соединение исторического и инновационного содержания в вузовском курсе методики преподавания русского языка.

Литература и примечания

1. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа : учеб. пособ. для студ. / О. В. Шлыкова. – М., 2004. – 416 с.

¹**Взгляд** как понятие методической науки оформился в 90-е гг. XX века в трудах мировоззренческой методической научной школы профессора А. Д. Дейкиной.

В статье представлены материалы, способствующие формированию у студентов-филологов системы знаний об истории науки, которая дает опору в современных инновациях.

Ключевые слова: история методики преподавания русского языка, мультимедийная лекция, Microsoft PowerPoint.

У статті подано матеріали, що сприяють формуванню в студентів-філологів системи знань про історію науки, яка є основою в сучасних інноваціях.

Ключові слова: історія методики викладання російської мови, мультимедійна лекція, Microsoft PowerPoint.

The article deals problem which forms at students-philologists system of knowledge about history of science that is basis in modern innovations.

Keywords: history of Russian language methodic, multimedia lecture, Microsoft PowerPoint.

УДК 82/821.0

Т. В. Рачинская, О. Д. Шевчук

РЕЦЕПТИВНАЯ ЭСТЕТИКА КАК МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Исходя из мысли, что в основе интерпретации литературных произведений лежит живой процесс его восприятия, Ганс Роберт Яусс считал необходимым учитывать общественно-коммуникативные функции литературы. В книге «Уже не изящные искусства: Пограничные феномены эстетического» (1968) отмечал распад традиционных критериев прекрасного в современной литературе, неуклонное расширение сферы эстетического освоения действительности [4, с. 789].

С конца 70-х Яусс разрабатывал центральное для рецептивной эстетики понятие эстетического опыта. В книге «Эстетический опыт и литературная герменевтика» (1977) Яусс выделил в искусстве как эстетической практике три области: творческую деятельность, восприятие и коммуникативно-сообщающую деятельность, каждая из которых по-своему воплощает идею эстетического наслаждения. Основу эстетического наслаждения читателя находил в его способности отождествлять себя с героем литературного произведения [5, с. 248–320].

С конца 80-х («Пути понимания», 1994; «Проблемы понимания», 1999) Яусс активно полемизировал с новым историзмом и деконструктивизмом. Разрабатывал проект литературной герменевтики как науки о понимании произведения, которое становится возможным на

пересечении эстетического опыта в его историческом развитии и читательских практик, также обусловленных исторически.

Рецептивная эстетика – направление в критике и литературоведении, исходящее из идеи, что произведение «возникает», «реализуется» только в процессе «встречи», контакта литературного текста с читателем, который благодаря «Обратной связи», в свою очередь, воздействует на произведение, определяя тем самым конкретно-исторический характер его восприятия и бытования. Таким образом, основным предметом изучения рецептивной эстетики является рецепция, т. е. восприятие литературных произведений читателем или слушателем.

По своему происхождению рецептивная эстетика – это реакция на имманентную эстетику, идею автономности искусства, одностороннюю ориентацию литературоведения на анализ «самодовлеющего произведения». Рецептивная эстетика порывает с представлениями о независимости искусства от общественно-исторического контекста, вводя в сферу исследования читателя и общество, представляя литературный текст как продукт исторической ситуации, зависящей от позиции интерпретирующего читателя. Отсюда – особый интерес рецептивной эстетики к явлениям массовой культуры (развлекательно-тривиальной литературе, газетно-журнальной продукции, комиксам и т. п.), ее связь с социологическими исследованиями, педагогикой, прикладными литературными дисциплинами.

Для рецептивной эстетики характерен отказ от классических канонов и норм в качестве литературных и литературно-критических критериев. Основной критерий оценки произведения – общественная практика, социальная действенность искусства в той мере, в какой она проявляется в читательской реакции. Спектр исследования рецептивной эстетики исключительно широк – в него входят практически любые литературные тексты. «Высокая» литература из центра рассмотрения последовательно перемещается на периферию, а маргинальные жанры – в обратном направлении, к центру.

Среди источников рецептивной эстетики, основные идеи которой восходят к тезису йенских романтиков о «живом, идущем навстречу писателю, активно участвующем в творчестве читателе», - герменевтика, опирающаяся на «философию жизни» В. Дильтея и феноменология Э. Гуссерля, пражский структурализм, русская формальная школа 10–20-х гг. XX века, социология литературы, изучающая воздействие литературы на читательскую аудиторию. Стремясь к четко выраженному функциональному изучению произведения, рецептивная эстетика развивалась в русле общего для западной и русской науки о языке и литературе процесса, ведшего исследователей от восприятия искусства как автономного, самодовлеющего феномена к проблеме его понимания и прочтения (эта линия, впитав идеи Дильтея, дала начало современным

герменевтическим подходам), и далее к осознанию восприятия и оценки литературно-художественных текстов как сложного процесса взаимодействия и коммуникации социально-эстетических структур, образующих диалектически противоречивую и открытую систему «искусство – общество».

Одним из основных предшественников современной рецептивной эстетики был польский философ и литературовед Р. Ингарден, выдвинувший ряд концепций, ставших краеугольными для современных исследователей. Ему принадлежит (в работе «О познании литературно-художественного произведения» 1968) разработка понятий «конкретизация» и «реконструкция», составляющих две стороны восприятия произведения адресатом. В своей теории структуры художественного произведения Ингарден испытал сильное влияние феноменологии Э. Гуссерля. Это, прежде всего, выразилось в идее интенциональности, ставшей основополагающей для всех последующих сторонников рецептивной эстетики. Именно эта идея явилась философским обоснованием коммуникативной сущности искусства, объясняющим активный, творческий характер читательского восприятия. Как известно, интенциональность – это направленность личности создавать, а не только пассивно воспринимать окружающий вещный мир, наполняя его своим содержанием, смыслом и значением. Принцип интенциональности, восходящий к средневековой схоластике, получил систематическое выражение в работах Франца Brentano и Эдмунда Гуссерля [4, с. 57]. Согласно Brentano, психика человека интенциональна по своей природе, ибо не существует без отношения личности к любым – реальным и вымышленным – явлениям. По Гуссерлю, субъект поэтапно конституирует мир, выстраивая объекты, доступные его пониманию и исследованию. Иными словами, без мирообразующего сознания для личности не существует внешней (равно как и внутренней, психологической) реальности: «Нет объекта без субъекта». Именно эту идею о творческой личности в познании мира восприняла рецептивная эстетика, поставившая в центр внимания проблему бытия произведения как результата коммуникации между автором и читателем, как выстраивание смысла произведении читателем.

Своей целью Яусс видит обновление и расширение литературоведческого анализа путем введения в схему литературно-исторического процесса новой самостоятельной инстанции – читателя. Центральным является тезис, согласно которому эстетическая ценность, эстетическое воздействие и литературно-историческое воздействие произведения основаны на том различии, которое существует между горизонтом ожидания произведения и горизонтом ожидания читателя, реализующемся в виде имеющегося у него эстетического и жизненно-практического опыта [5, с. 27–35].

Яусс выдвигает на первый план процесс коммуникации, осуществляющийся между произведением и его реципиентом в рамках

эстетического опыта, где особую роль приобретают нормообразующая и вероутверждающая функция литературы.

Яусс исходит из факта происходящей замены трех культурно-эстетических парадигм – классицистско-мистической (берущей за норму и образец искусство античности), позитивистской (во главу угла ставящей исторически-поступательное развитие литературы в контексте единой мировой литературы) и формально-эстетической (отдающей приоритет исследованию структуры произведения в отрыве от его социальных связей) – на четвертую, которая должна восполнить недостатки всех предыдущих. Основные требования: 1) дополнить формально-эстетический анализ историко-рецептивным подходом, учитывающим социально-исторические условия существования искусства; 2) объединить структуралистский и герменевтический подходы; 3) значительно расширить сферу эстетического освоения действительности, включив в нее наряду с «высокими» жанрами и «сублитературу».

Яусс строит свой подход на стыке несовместимого – крайностей материалистической (в том числе и марксистской) методологии и структуралистско-формалистических направлений.

Главную роль в его системе исследования играет позиция реципиента, ранее недооценивавшаяся. Актуальную потребность литературоведения Яусс видит в том, чтобы в споре между марксистским и формалистическими методами вновь рассмотреть остающуюся открытой проблему истории литературы. Он начинает свою попытку перебросить мост через пропасть, разделяющую литературу и историю, историческое и эстетическое познание, там где остановились обе школы.

Горизонт ожидания – центральное для теории Яусса понятие дифференцируется на горизонт ожидания закодированный в произведении, и горизонт ожидания читателя, основанный на его представлениях об искусстве и обществе [2, с. 20]. Горизонт ожидания – комплекс эстетических, социально-политических, психологических и прочих представлений, определяющих отношение автора и – в силу этого – произведения к обществу (и к различным видам читательской аудитории), а также отношение читателя к произведению, обуславливающий, таким образом, как характер воздействия произведения на общество, так и его восприятие обществом.

В ходе взаимодействия двух горизонтов осуществляется рецепция произведения и формирование эстетического опыта читателя. Горизонт ожидания произведения стабилен, в отличие от постоянно меняющегося, способного к трансформациям горизонта ожидания реципиента.

Новый текст вызывает в читателе (слушателе) знакомый по прежним текстам горизонт ожидания, который варьируется, корректируется, видоизменяется или только воспроизводится. Вариации и корректуры изменяют пространство художественного действия, а

изменения и воспроизводство – границы жанровой структуры. Идеальный случай способности к объективизации представляют собой произведения, которые сначала вызывают в читателе горизонт ожидания, проникнутый представлениями о давно знакомых формах, жанрах и правилах чтения и понимания, а затем шаг за шагом разрушают сложившийся у читателя горизонт ожидания – с тем, однако, чтобы вызвать не критическую реакцию последнего, а глубоко поэтическое чувство, рождающееся из встречи с подлинно новым.

Специфическая предрасположенность читателя к определенному жанру, которую автор так или иначе учитывает, может возникать и без наличия эксплицитных сигналов со стороны произведения. Этот процесс происходит на основе трех факторов: 1) известных норм или имманентной поэтики жанра; 2) имплицитных связей с уже известными произведениями, вошедшими в историю литературы; 3) на основе противоречия между вымыслом и реальностью, возможность сравнить которые и сопоставить всегда существует для рефлектирующего читателя. Третьим фактором обусловлено то обстоятельство, что читатель может воспринимать новое произведение как в рамках узкого горизонта своих ожиданий, так и в широком русле своего жизненного опыта.

Литературное произведение может нарушить ожидания своих читателей с помощью необычной эстетической формы и поставить их перед вопросами, решения которых не обеспечила мораль, санкционированная религией или государством. Не только Бертольд Брехт, но еще писатели эпохи Просвещения прокламировали «конкуренцию» литературы с канонизированной моралью. Шиллер провозгласил девизом буржуазной драмы лозунг «Законность сцены начинается там, где кончается область мирских законов» [4, с. 546].

Яусс подчеркивает, что отношение между эстетическим и практическим опытом не предопределяет вопроса о превращении содержания опыта из фиктивного, неопредмеченного, в опредмеченный, реальный горизонт или схему действия. В гораздо большей степени в эстетической установке тематизируется скрытый (латентный) горизонт уже или еще не осознаваемых ожиданий жизненной практики, и тем самым отдельному читателю открывается возможность воспринять мир, в которой «уже живут» другие. Коммуникативная и общественно-созидающая функция искусства начинается не с того момента, когда отдельный читатель благодаря ассоциированию с другими индивидуумами, имеющими те же надежды и устремления, становится «исторической силой», а с момента имплицитного восприятия ожиданий, норм и воззрений других людей и включения их в собственный личный опыт.

Рассматривая эстетический опыт, прежде всего, в рецептивно-коммуникативном аспекте, Яусс отмечает, что с точки зрения рецепции он отличается от прочих видов социального функционирования личности

специфическим отношением ко времени. Благодаря ему реципиент может видеть вещи в новом свете и посредством этой первооткрывательской функции может наслаждаться зримой реальностью, творящейся на его глазах. Это свойство эстетического опыта позволяет человеку, использующему его, переселяться с помощью фантазии в иные миры, избавляясь тем самым от гнета времени.

Эстетический опыт позволяет забегать вперед, прорываться в будущее, открывая человеку новые горизонты, новые возможности. Это свойство оживляет прошлое, исчезнувшее или втесненное из памяти, возвращая таким образом утраченное время. В коммуникативном плане эстетический опыт позволяет человеку, занявшему позицию созерцателя, установить специфическую ролевую дистанцию по отношению к изображаемому, равно как и дает ему возможность, приняв участие в своеобразной игре, отождествить себя с тем, что представляется ему идеальным, образцовым. Эстетический опыт позволяет также наслаждаться тем, что в реальной жизни невозможно осуществить или трудно внести. Он создает пространство для ситуаций и ролей, которые сможет пережить или сыграть не только тот, кто движим безотчетной потребностью в подражании, но и тот, кто способен сделать сознательный выбор. Эстетический опыт позволяет человеку воспринимать «самоосуществление» собственного «я» в ходе проигрывания всех ролей и переживания ситуаций как процесс эстетического воспитания.

Эстетический опыт свидетельствующий о продуктивных, творческих возможностях человека, с самой глубокой древности одновременно давал представление о границах этих возможностей и о том сопротивлении, которое приходилось преодолевать художникам и поэтам в процессе творчества. До того как была создана эстетика гениальности, в качестве границы и идеальной нормы художественного творчества выступила природа, исчерпать которую художнику было не дано, не говоря уже о попытке превзойти ее – он мог лишь подражать ей или, в крайнем случае, совершенствовать те образцы, которые природа оставила недоработанными.

С победой принципов эстетики, утверждающей в искусстве приоритет автономного гения, эстетический опыт, которым располагает художник, стал мыслиться не только как творчество по законам субъективной свободы, осуществляемое без оглядки на какие-либо правила или образцы, или как сотворение воображаемых миров за пределами повседневности, но и как способность гения воссоздать знакомый, давно привычный и вновь ставший чужим мир в его изначальной неожиданности и полноте. Как считает Яусс, глубинная сущность эстетического опыта не в обостренном восприятии нового и не в том ошеломляющем впечатлении, которое несет с собой знакомство с иным миром; она – в возвращении утраченного времени, в обретении

давно забытого прошлого, путь к которому лежит через «врата повторного узнавания» [2, с. 48].

Поэт-модернист, выполняющий посредническую функцию в процессе обновления эстетического восприятия путем повторного узнавания вытесненного опыта прошлого, делает всеобъемлющую силу воспоминания высшей инстанцией эстетического производства. В отличие о платоновского «анамнеза» произведению здесь не приписывается обладание вневременными качествами абсолютного Прекрасного: в процессе самого припоминания о прошлом эстетическая деятельность сама создает себе цель, «телос», благодаря которому несовершенный мир и бранный, преходящий опыт обретают в произведении совершенную форму и вечный, непреходящий характер.

Отличительная особенность эстетического опыта – добровольный характер эстетического познания мира. Именно то обстоятельство, что искусство не требует принудительного внедрения своих ценностей и возвещаемая им истина не может быть опровергнута с помощью догм, ни фальсифицирована посредством логики и составляет суть его общественной функции. Именно этот фактор придает искусству освобождающий, раскрепощающий характер, именно этим объясняется заинтересованность власть имущих в том, чтобы подчинить своей воле его соблазнительную и просвещающую мощь.

Яусс отмечает и другую важную особенность эстетического опыта – его строптивость, особенно с точки зрения религиозного авторитета: как только искусство используют с целью конкретно-зримого воплощения сверхчувственного начала или понятия, эстетический опыт тут же именно чувственному явлению придает очарование и прелесть, доставляющее наслаждение видом воплощенной реальности.

Яусс выделяет и такую разновидность эстетического опыта, которая отделена непереходимой гранью от действительности и осознается исключительно негативно, как опыт исторического упадка. Его можно обнаружить и там, где он, опережая конкретно-жизненный, непосредственный опыт, приносит свои нормы и содержание в жизненную практику.

Следующая способность эстетического опыта: раскрывать человеку глаза на действительность, открывать мир, как присущее этому опыту свойство утопического предвидения. Он называет эту способность «прорывом силы воображения», опережением действительности с помощью фантазии. В качестве примеров Яусс приводит «Валуца» К. Brentano и «Последнего короля Орплида» Э. Мёрике, где изображаются поэтические ландшафты, о которых мечтают еще в детстве, уносясь в мечтах прочь от обыденного мира, и которые несут в себе всю реальность предвидения возможной действительности, пробуждая в сердцах читателей надежду на лучшее будущее [2, с. 215].

С помощью средств литературы эстетический опыт разворачивает свое «как будто» так широко, что самые высокие

ожидания совпадают с реальностью лишь в крайних проявлениях, в остальном же они должны неминуемо привести к разочарованию при встрече с действительностью. Любовь Дон Кихота к Дульсинея остается возвышенной, поскольку герой так и не встречает свою возлюбленную. В романе Пруста «В поисках утраченного времени» любовь героя всякий раз умирает, как только желаемое осуществляется, и вновь оживает, когда терзаемый ревностью герой представляет свою возлюбленную принадлежащей другому. В этом произведении ожидания, порождаемые эстетическим опытом, меняют свою направленность на противоположную: опережающий действительность прыжок воображения, неизлечимо страдающего отсутствием чувства реальности, может быть совершен только назад, в прошлое, когда сила воображения восстанавливает во всем эстетическом совершенстве жизнь, прожитую неполно, не до конца.

Эстетический опыт проявляется в равной степени и в утопическом предвидении, и узнавании прошлого.

Яусс предпринимает реабилитацию принципа наслаждения, опираясь на исторический опыт эстетики и философии: он напоминает о высоком метафизическом смысле, который имела идея наслаждения в ряде духовных традиций. Так св. Августин рассматривает (fruitio) наслаждение людей любовью и дружбой как проявление блаженной жизни; в немецкой духовной поэзии 17 века слово geniessen (наслаждаться) означало «быть причастным богу». Таким же метафизическим характером обладали понятия «мыслящего наслаждения» у Ф. Клопштока и «духовного наслаждения» как владением миром и собой у И. Гердера. С конца 18 века эстетика все реже признает за наслаждением право быть моментом эстетического опыта. Эстетическое наслаждение все чаще рассматривается как некое утопическое, нереальное состояние, которое связывается либо с опытом будущего (марксистская эстетика), либо с опытом прошлого (фрейдистская эстетика, для которой эстетическое наслаждение – лишь вытесненное в подсознание воспоминание о когда-то испытанном удовольствии). «Эстетика негативности» Т. Адорно превращает эстетическое наслаждение в атрибут китча – обывательского искусства.

Реабилитацию эстетического наслаждения Яусс связывает с выходом собственной работы «Малая апология эстетического опыта», а также работы Р. Барта «Удовольствие от текста». По мнению Яусса эстетическое наслаждение – необходимый конститутивный момент эстетического опыта, связанный с переживанием субъектом собственного свободного участия во всестороннем раскрытии объекта эстетического восприятия: субъект в той мере в какой он выбирает свободную позицию в отношении ирреального эстетического объекта, оберегает способность наслаждаться и самим предметом, который все больше и больше открывается ему как удовольствие, и самим собой, поскольку в этой своей деятельности субъект ощущает себя свободным

от своей повседневной жизни. Яусс категорически возражает против кантовского понимания эстетического наслаждения как незаинтересованного удовольствия: эстетический опыт не является также и пассивным созерцанием, он не противопоставлен ни познанию, ни действию. Горацианская формула *delectare et prodesse* (услаждать и приносить пользу), или формула риторического учения *docere – delectare – movere* (обучать – услаждать – волновать) гораздо точнее описывают подлинный характер эстетического опыта. Эстетическое наслаждение – форма проявления заинтересованности в предмете. Это наслаждение собой через наслаждение чужим, переживание самого себя через возможность стать другим [1, с. 101].

Яусс стремится вернуть слову «наслаждение» изначально присутствовавшие в немецком слове «Genuß» смысловые моменты «соучастия и овладения». Субъект эстетического процесса не дистанцируется от объекта восприятия, но входит в него и участвует в нем, дистанцируясь при этом от самого себя, как бы отстраняя себя. Эстетическое наслаждение, таким образом, возникает «из внутренней дистанции к своему Я, ставшему чужим».

Эстетическое наслаждение по Яуссу [2, с. 124], может реализоваться в трех моментах эстетического процесса. Первый из них, «пойесис», соотносится с «продуцирующим сознанием». Эстетическое наслаждение здесь реализуется как удовольствие от сотворения мира как собственного произведения. Художник, вторя все новые эстетические объекты, постепенно превращает чужой мир в дом человека. Вторым моментом, «эстетисис», связан с воспринимающим сознанием. Здесь эстетическое наслаждение – это удовольствие познающего зрения и зрительного узнавания. На этом уровне человеческое восприятие достигает все новых высот сублимированности и интенсивности. Третий момент, «катарсис», представляет собой интерсубъективную фазу эстетического процесса. Здесь реципиент непосредственно входит в область чужого и находит эстетическое наслаждение в том, что свободно соотносит себя с чужим поступком, суждением или чувством, а это в свою очередь приводит к освобождению души.

Три вышеназванные момента (или функции) эстетического опыта, каждая из которых по-своему воплощает идею эстетического наслаждения, не расположены иерархически и не предполагают определенной последовательности, но сложно и непредсказуемо переплетаются в общем эстетическом процессе. Так писатель может иногда воспринять свое произведение как читатель, а читатель может отнестись к чужому тексту пойетически, как потенциальный автор. Однако литературная коммуникация сохраняет во всех своих функциональных связях характер эстетического опыта лишь постольку, поскольку пойетическая, эстетическая или катартическая деятельность не теряют характера наслаждения [4, с. 215].

Эстетическая дистанция определяет степень неожиданности произведения для читателя и его поэтическую ценность. Недоумение или разочарование, постигающее реципиента при встрече с произведением, обманывающим его ожидания, являются критерием определения эстетической ценности произведения. Дистанция между горизонтом ожидания читателя и горизонтом ожидания произведения – т. е. между уже известным, знакомым, принадлежащим к прошлому эстетическому опыту и необходимостью изменения горизонта, которого требует восприятие нового произведения, - определяет художественный характер литературного произведения. В том случае, если эстетическая дистанция сокращается, и от воспринимающего сознания не требуется обращения к горизонту нового, еще неизвестного эстетического опыта, произведение приближается к категории кулинарного или развлекательного искусства. Такое искусство с позиций рецептивной эстетики характеризуется тем, что не требует смены горизонта ожиданий от реципиента, а наоборот, целиком оправдывает его ожидания, продиктованные сложившимися критериями художественного вкуса, тем самым удовлетворяя потребности реципиентов в воспроизведении привычных образцов прекрасного.

В тех случаях, когда эстетическая дистанция отделяет произведение от ожиданий его первых читателей или зрителей, происходит процесс ее постепенной исторической трансформации. Эта дистанция, воспринимаемая сначала – с восторгом или осуждением – как новый способ видения, для последующих читателей исчезает по мере того, как первоначальное негативное отношение, вызываемое текстом в реципиенте, заменяется на доверительное, не вызывающее возражений. И то, что казалось прежде невыносимым, начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся и само, в свою очередь, будет включено в горизонт будущего эстетического опыта как давно и хорошо знакомое. С этим вторым изменением горизонта (первое происходит при усвоении новаторского произведения рутинным сознанием реципиента) связана проблема «классичности» так называемых «шедевров». Как утверждает Яусс, прекрасная форма классических произведений (переставшая вызывать недоумение или возражения, так как эстетическая дистанция между ними и читателем практически свелась к нулю) и наполняющий их «вечный смысл» (который по общему согласию не принято подвергать ни малейшему сомнению), с точки зрения рецептивной эстетики, сближает эти произведения с воспринимаемым «без сопротивления» развлекательным, «кулинарным» искусством [2, с. 47–49]. Это традиционно сглаженное (вследствие критического сокращения эстетической дистанции между произведением и реципиентом) восприятие классики требует особых усилий от реципиента, стремящегося прочесть ее вопреки привычному эстетическому опыту, чтобы вновь раскрыть ее художественную природу и выявить ее эстетическую ценность.

Литература

1. **Rush O.** The reception of doctrine: An appropriation of Hans Robert Jauss' reception, aesthetics and literary hermeneutics / O. Rush. – Roma, 1997.
2. **Jauss H. R.** Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. / H. R. Jauss. – München, 1977.
3. **Abrams M.** Glossary of literary terms / M. Abrams. – San Diego, 1999.
4. **A reader's** guide to contemporary theory / ed. by Brooker P., etc. – London, 1997.
5. **Jauss H. R.** Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics / H. R. Jauss. – Minneapolis: U of Minnesota P, 2002.

Произведен анализ метода интерпретации литературных текстов Ганса Роберта Яусса. Рассматриваются термины рецептивной эстетики и подход Яусса к рецепции и эстетике восприятия.

Ключевые термины: рецептивная эстетика, интерпретация горизонт ожидания, эстетический опыт.

Зроблено аналіз засобу інтерпретації літературних текстів Ганса Роберта Яусса. Розглядаються терміни рецептивної естетики та погляд Яусса на рецепцію та естетику сприйняття.

Ключові терміни: рецептивна естетика, інтерпретація, обрій чекання, естетичний досвіт.

An analysis of Hans Robert Jauss' approach to the literary texts interpretation has been made. The terms of receptive hermeneutic has been considered and Jauss' appropriation of reception and aesthetics has been studied.

Keywords: receptive esthetics, interpretation, horizon of the expectation, aesthetic experience.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Алексєєва Ніна Симонівна, доцент кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди, кандидат філологічних наук (Харків, Україна)

Бабенко Ольга Олександрівна, аспірантка кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Басєва Ірина Василівна, викладач кафедри практики іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Бахмач Віктор Іванович, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Блинова Ірина Анатоліївна, аспірантка кафедри мовознавства та російської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Блюмина Ольга Валентинівна, аспірантка кафедри мовознавства та російської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Власік Наталія Вікторівна, викладач кафедри практики мовлення та інформаційних технологій Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Дмитрієв Ярослав Федорович, викладач кафедри граматики й практики англійської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Дьячок Наталія Василівна, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов, кандидат філологічних наук (Горлівка, Україна)

Зайцева Ірина Павлівна, проректор з наукової роботи Луганського державного інституту культури і мистецтв, доктор філологічних наук (РФ), доцент (Луганськ, Україна)

Звєздова Галина Василівна, завідувача кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету, доктор філологічних наук, професор (Липецьк, Російська Федерація)

Землякова Світлана Миколаївна, старший викладач кафедри українознавчих, соціально-гуманітарних та економічних дисциплін Луганського державного медичного університету (Луганськ, Україна)

Зубенко Тетяна Володимирівна, старший викладач кафедри філологічних дисциплін Інституту педагогічної освіти Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського; аспірантка кафедри освітніх технологій Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського; директор Миколаївської міської громадської організації «Центр міжкультурних комунікацій»

Ісакова Алла Анатоліївна, доцент кафедри іноземних мов Тюменського державного нафтогазового університету, кандидат філологічних наук (Тюмень, Російська Федерація)

Ковальов Валерій Іванович, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат педагогічних наук (Луганськ, Україна)

Коломінова Ольга Олегівна, докторант Київського національного лінгвістичного університету, кандидат педагогічних наук, доцент (Київ, Україна)

Кравчук Ольга Миколаївна, доцент кафедри теорії та практики перекладу Луганського державного інституту культури і мистецтв (Луганськ, Україна)

Ланська Ольга Володимирівна, викладач кафедри сучасної російської мови та методики її викладання Липецького державного педагогічного університету (Липецьк, Російська Федерація)

Лойська Людмила Володимирівна, аспірантка Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Мартем'янова Ганна Михайлівна, викладач кафедри теорії та практики перекладу Луганського державного інституту культури і мистецтв, магістр філології (Луганськ, Україна)

Мухина Мар'яна Мар'янівна, викладач кафедри англійської мови Донбаського державного технічного університету, аспірантка Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Нестерук Вікторія Володимирівна, аспірантка кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Низькодуб Юлія Вікторівна, студентка IV курсу факультету іноземних мов Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Павленко Олександр Євгенович, завідувач кафедри іноземних мов Таганрозького інституту управління та економіки, доктор філологічних наук, доцент (Таганрог, Російська Федерація)

Панасенко Наталія Іванівна, професор кафедри американістики та англійстики Університету св. Кирила і Мефодія в Трнаві, доктор філологічних наук (Трнава, Словацька Республіка)

Паніщев Олексій Леонідович, доцент кафедри філософії та соціології Курського інституту соціальної освіти (філіал) Російського державного соціального університету, кандидат філософських наук (Курськ, Російська Федерація)

Петров В. М., член Спілки письменників Росії, академік, журналіст (Липецьк, Російська Федерація)

Понікаровська Світлана Володимирівна, старший викладач кафедри іноземних мов № 2 Харківського національного автомобільно-дорожнього університету (Харків, Україна)

Попкова Юлія Володимирівна, аспірантка кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Рачинская Т. В., викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Рудницька Наталія Миколаївна, завідувач кафедри теорії та практики перекладу Луганського державного інституту культури і мистецтв, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Семенова Олена Валентинівна, завідувач кафедри практики французької мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов, Doctor of Philosophy, кандидат філологічних наук, доцент (Горлівка, Україна)

Слізкова Марина Володимирівна, кандидат філологічних наук, доцент, Південно-Російський державний університет (Миколаїв, Україна)

Спічак Олена Ернестівна, викладач кафедри інженерії та загальноосвітніх дисциплін Антрацитівського філіалу гірничої справи та транспорту Східноукраїнського національного університету імені Володимирів Даля, пошукувач кафедри філософії СНУ імені Володимира Даля (Антрацит, Україна)

Тарлева Альвіна Вільямівна, доцент кафедри мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки, кандидат філологічних наук (Харків, Україна)

Теркулов В'ячеслав Ісаєвич, проректор з наукової роботи Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов, кандидат філологічних наук, доцент (Горлівка, Україна)

Фирсова Ірина Володимирівна, викладач кафедри практики французької мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Чевичалова Світлана Вікторівна, старший викладач кафедри теорії та практики перекладу Луганського державного інституту культури і мистецтв (Луганськ, Україна)

Червонецький Володимир В'ячеславович, завідувач кафедри практики іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля, доктор педагогічних наук, професор (Луганськ, Україна)

Черненко Ганна Анатоліївна, науковий співробітник Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філологічних наук (Київ, Україна)

Чернієнко Лариса Владимировна, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Чубенко Катерина Володимирівна, аспірантка Миколаївського державного гуманітарного університету імені Петра Могили (Миколаїв, Україна)

Шаповалова Ірина Володимирівна, учений секретар Луганського державного інституту культури і мистецтв, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Шевченко Кристина Миколаївна, аспіранка Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Шевчук О. Д., викладач кафедри іноземних мов Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля (Луганськ, Україна)

Шерстюк Олеся Геннадіївна, викладач німецької мови та літератури кафедри теорії та практики перекладу Луганського державного інституту культури і мистецтв, магістр філології (Луганськ, Україна)

Щепкіна Олена Олександрівна, магістрантка кафедри іноземних мов Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Шлапак Ірина М'ячеславівна, асистент кафедри теорії та практики перекладу Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу; аспірантка кафедри загального мовознавства Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов (Горлівка, Україна)

Юган Наталія Леонідівна, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Янченко Владислав Дмитрович, доцент кафедри методики викладання російської мови Московського педагогічного державного університету, кандидат педагогічних наук (Москва, Російська Федерація)

ВІСНИК
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Коректори: Вернік О. О.,
Хабарова І. В.

Відповідальний за випуск:
доц. Ільїн С. О.

Підп. до друку 03.10.2008 р. Формат 60x84 1/8. Папір офсет.
Гарнітура Times New Roman. Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 38,01.
Наклад 100 прим. Зам. № 122.

**Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»**
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20